АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВОПРОСЫ СОСТАВЛЕНИЯ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГРАММАТИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ СОСТАВЛЕНИЯ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГРАММАТИК

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1961

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:

С. Г. Бархударов,

Н. А. Баскаков

А. А. Реформатский

ОТ РЕДАКЦИИ

1

Сборник «Вопросы составления описательных грамматик» — одно из мероприятий учрежденной при Институте языкознания АН СССР Координационной комиссии по описательным грамматикам. Авторский коллектив и редакционную коллегию сборника составили 14 научных сотрудников Института языкознания АН СССР и 9 сотрудников других, главным образом периферийных, институтов национальных республик.

Сборник построен на материале преимущественно языков народов Советского Союза и посвящен разнообразным (общим и частным) вопросам описательной грамматики. Необходимость подобного труда диктовалась прежде всего пожеланиями языковедов национальных республик, высказанными на координационных совещаниях в 1954—1955 гг.

Перед составителями грамматик отдельных языков до сих пор возникают значительные трудности в определении тех или иных грамматических категорий. Эти трудности связаны с отсутствием общепринятой точки зрения по таким, например, вопросам, как принципы выделения частей речи, теория падежей именного склонения, определение глагольных категорий, вопрос о разграничении простого и сложного предложений и ряд других.

Конечно, данный подбор статей не может обеспечить всей полноты картины, связанной с описательными грамматиками всех языков народов СССР и всех грамматических категорий. Однако эти статьи могут представить общий интерес для специалистов в области разных языков, в частности дать дополнительный материал для характеристики той давно осужденной в лингвистике ошибки, в какую все же и до сих пор впадают еще некоторые составители грамматик малоизученных языков, когда они факты отличного по грамматическому строю языка подгоняют под схему русской грамматики.

По охвату языков, материалы которых представлены в сборнике, статьи распределяются следующим образом: индоевропейские языки (русский, белорусский, литовский, молдавский, осетинский, а также английский, испанский и немецкий); алтайские языки, финно-угорские и иберийско-кавказские.

2

Сборник открывается общетеоретической статьей А. А. Белецкого (Киев) «Описательное языкознание как отрасль общего языкознания», выясняющей лингвистические аспекты подхода к описанию языковых материалов и место описательной грамматики в системе лингвистических дисциплин.

Проблемам описательной грамматики в пределах одного языка посвящена статья М. Г. Булахова «Некоторые вопросы описательной грамматики белорусского языка».

Затем следуют статьи К. Е. Майтинской «Принципы составления описательных грамматик финно-угорских языков» и Н. А. Баскакова «Предложение и словосочетание в тюркских языках», в которых рассматриваются отдельные вопросы грамматического строя семьи или группы языков.

В статьях Т. А. Бертагаева, Б. Х. Балкарова и О. П. Суника исследуется вопрос о частях речи на материале языков разных семей и различного строя.

Две статьи — К. А. Левковской и Н. Д. Арутюновой — на материале германских и романских языков освещают общие спорные вопросы морфологии.

Синтаксические вопросы в сборнике сконцентрированы вокруг разграничения придаточных предложений и так называемых оборотов как элементов простого предложения. Их освещают работы М. Ш. Ширалиева, М. А. Аскаровой и А. В. Суперанской. Статья Б. И. Ваксмана посвящена грамматической роли порядка слов.

Глагольным категориям (вида, наклонения, залога) посвящены статьи Т. И. Бухене, Н. З. Гаджиевой, М. С. Михайлова и А. А. Юлдашева. Именным формам — статьи Н. Х. Кулаева, Т. В. Булыгиной и П. Н. Перевощикова.

Несмотря на традицию включения фонетики в описательную грамматику того или иного языка, традицию, поддержанную авторитетными теоретическими доказательствами Л. В. Щербы, настаивавшего на включении фонетики в грамматику [1], все же в данный сборник фонетические статьи помещены не были, так как редакция рассматривает фонетику как особую лингвистическую дисциплину с особыми, ей присущими методами. Что касается бесспорной связи фонетики и грамматики, то этот вопрос был достаточно освещен в сборнике «Вопросы грамматического строя» (М., 1955), куда и отсылаем читателя.

Редакция отмечает, что статьи, помещенные в настоящем сборнике как высказывания о возможных аспектах разрешения поставленных проблем, относятся к вопросам, которые обсуждались на координационных совещаниях 1956—1958 гг.

Все замечания и пожелания по данному сборнику просьба направлять в Институт языкознания АН СССР, Москва, Китайский проезд, 7.

---

1 «Грамматика русского языка», т. I—II. М., Изд-во АН СССР, 1952—1954, стр. 14 и др.

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СОСТАВЛЕНИЯ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГРАММАТИК

А. А. БЕЛЕЦКИЙ

ОПИСАТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ КАК ОТРАСЛЬ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Уже в античной филологии (приблизительно от V в. до н. э. до V в. н. э.) наметились два направления в области исследования языков: эмпирическое (прикладное, практическое, описательное) и философское (умозрительное, теоретическое), хотя они были тесно связаны друг с другом. Оба они легли в основу той традиции изучения языкового материала, без которой немыслимо было бы наше современное языкознание.

Только в XIX в. языкознание (тогда возникло и само название: Sprachwissenschaft, the science of language, linguistics, linguistique, językoznawstwo, языковедение или языкознание) отделилось от филологии как более или менее самостоятельная наука. До этого времени в пределах филологии шла работа, с одной стороны, над составлением грамматик отдельных языков (попытка создания всеобщей грамматики, как известно, не дала существенных результатов) и, с другой стороны, над составлением словарей отдельных языков.

Одним из пропагандистов новых методов исследования языков на рубеже XVII и XVIII вв. оказался немецкий философ Готфрид-Вильгельм Лейбниц (1646—1717), который указывал на необходимость изучения неизвестных языков, снаряжения для этого специальных экспедиций, составления карт распространения языков, изобретения единого для всех языков алфавита. Насколько в этом отношении он опередил развитие науки, можно судить хотя бы по тому, что только во второй половине XIX в. находит применение универсальная фонетическая транскрипция (одна из первых систем фонетической транскрипции принадлежит немецкому египтологу Рихарду Лепсиусу, 1810—1884) [1].

Прежде чем начались сравнительно-исторические исследования, которые заложили основы современного нам сравнительно-исторического языкознания, философское направление возродилось и нашло яркого выразителя в лице Вильгельма Гумбольдта (1767—1835). Это направление в значительной мере помогло определить тот круг вопросов, ответы на которые должно было бы дать с течением времени общее языкознание.

Философско-лингвистические взгляды В. Гумбольдта изложены в его «Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts» (напечатанном в качестве введения к «Über die Kawisprache. . .», 1836—1840) [2], они оказали

[1] R. Lepsius. Standard alphabet for reducing unwritten languages... to an uniform orthography. Leipzig, 1855.

[2] О развитии этого направления исследований в области языкознания см. в кн.: Gertrud Pätsch. Grundfragen der Sprachtheorie. Halle (Saale), 1955, в разделах о В. Гумбольдте, Г. Штейнтале, Г. Пауле, В. Вундте, Э. Кассирере, К. Бюлере.

в разной мере влияние на первых представителей исторического и сравнительно-исторического языкознания — Якоба Гримма (1785—1863), Расмуса-Кристиана Раска (1787—1832), Франца Боппа (1791—1867), А.Х. Востокова (1781—1864) и др.

Однако не это возрожденное В. Гумбольдтом философское направление исследований, а сами сравнительно исторические исследования привели к окончательному выделению языкознания из пределов филологии.

Что же касается упомянутого нами эмпирического (или описательного) направления исследований, то оно продолжало существовать под сенью античной филологической традиции, но тесно переплеталось как с гумбольдтовским, так и с бопповским направлениями. О его самостоятельности стало возможным говорить только тогда, когда при необходимости изучать языки, по своему строю значительно отличающиеся от древнегреческого, латинского, санскрита, литовского, готского, старославянского и т. п., универсальная применимость античной грамматической традиции была поставлена под сомнение.

Даже если бы мы не располагали фактами из истории языкознания, мы могли бы предположить, что именно описательное языкознание должно быть древнейшей отраслью науки о языке. Здесь мы можем говорить только о последнем и хронологически наиболее близком к нам периоде развития этой отрасли языкознания. Само собой разумеется, что стимулом ее развития явилось изучение таких языков, история которых была неизвестна, которые не имели своей письменности и родство которых с известными языками не было установлено.

Как на образец описания одного из таких языков, можно сослаться на опыт известного санскритолога Отто Бётлингка «О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языковедения» [3].

Большое значение для усовершенствования приемов обработки языкового материала имели труды американо-индианиста Франца Боаса (F. Boas) и его учеников (Майкельсона, Сепира, Блумфилда и др.). Соображения Франца Боаса относительно сущности описательного языкознания изложены в его «Введении» к первой части обобщающего труда «Handbook of American Indian Languages» [4].

Отметим, что описание луороветланского или чукотского языка для этого издания составил известный русский этнограф и писатель В. Г. Богораз-Тан (1865—1936) [5].

Автор статьи «Изменение основного направления в языкознании особенно в период от Пауля до Блумфилда» Джордж С. Лейн [6] (не без некоторой тенденциозности) настаивает на том, что значение исследований американо-индейских языков для описательного языкознания можно сравнить со значением открытия и изучения санскрита для сравнительно-исторического языкознания в начале XIX в.

Для автора упомянутой здесь статьи, который противопоставляет сравнительно-историческому языкознанию прошлого века описательное (или дескриптивное) языкознание нашего века, кодексом первого является

---

[3] «Ученые записки АН по 1 и 3 отд.», т. 1, вып. 4. СПб., 1853, стр. 377—446; ср.: O. Böhtlingk. Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. СПб., 1848—1851.

[4] Handbook of American Indian Languages, Bulletin 40 of American Ethnology. Smithsonian Institute, Part I. Washington, 1911.

[5] Там же, Part II (Chukchee). Washington, 1922.

[6] George S. Lane. Changes of Emphasis in Linguistics with Particular Reference to Paul and Bloomfield. «Studies in Philology» (University of North Carolina Press), v. XLII, № 3, 1945, стр. 465—483.

широко известная книга Германна Пауля «Prinzipien der Sprachgeschichte» [7], а кодексом второго — менее известная у нас книга Леонарда Блумфилда «Language» [8].

Едва ли много надо говорить о том, что развитие сравнительно-исторического языкознания не остановилось на несомненно выдающейся для своего времени и в настоящее время остающейся весьма поучительной книге Германна Пауля «Основы истории языка». Такие книги, как «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» Антуана Мейе [9] и его же «Сравнительный метод в историческом языкознании» [10] или «Индоевропейские исследования» Ю. Куриловича [11], знаменуют дальнейшие шаги в развитии не только сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, но и сравнительно-исторического языкознания вообще.

Трудно было бы также согласиться с тем, что для решения основной задачи описательного языкознания — создания общедоступной описательной грамматики отдельного языка — книга Л. Блумфилда «Язык» дает значительно больше, чем другие очерки общего языкознания [12].

У нас нет сомнения в том, что для занимающихся описанием отдельных языков весьма полезным должно оказаться знакомство с таким изданием, как «Les langues du monde par un groupe de linguistes sous la direction de A. Meillet et Marcel Cohen» (Paris, 1952).

Устрашающими для начинающих могут показаться ее размеры (1294 стр.), и поэтому мы позволим себе сослаться на самое скромное в смысле размеров пособие такого рода — книжечку Франца Н. Финка «Die Haupttypen des Sprachbaus» (Leipzig, 1910), в которой всего 156 страниц.

Несмотря на значительные достижения в области описания языков различного строя, у нас до сих пор еще наблюдается отставание теории от практики.

Наряду с изданием учебников и грамматических очерков наиболее распространенных языков мира (китайского, английского, хинди и урду, испанского, немецкого, японского, тамильского, французского, арабского, персидского, хауса, итальянского, турецкого и других), одним из крупных достижений описательного языкознания было издание кратких обзоров грамматического строя различных языков. Мы имеем в виду серию «Строй языков» (выпуски 1—12, 1935—1939), которая, к сожалению, не имела продолжения после Великой Отечественной войны и не включала описания языков Советского Союза [13]. Для устранения (по мере сил и возможностей) упомянутого отставания составителям грамматик отдельных языков необходимо постоянно обмениваться опытом и всячески избегать узких рамок профессионального традиционализма.

Широкий обмен опытом в деле изучения разнотипных языков должен привести к определению основ общей теории. Отношения общего, истори-

---

[7] Первое издание вышло в 1880 г., пятое — в 1920 г.

[8] L. Bloomfield. Language. New York, 1933; ср. L. Bloomfield. Introduction to the Study of Language. New York, 1914.

[9] A. Meillet. L'introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes. Paris, 1903.

[10] A. Meillet. La méthode comparative en linguistique historique. Oslo.

[11] J. Kuryłowicz. Etudes indoeuropéennes. Kraków, 1935.

[12] Ближе к решению этой задачи подходят книги: B. Blooch and G. L. Trager. Outline of Linguistic Analysis. Baltimore, 1942; L. Bloomfield. Outline Guide for the Practical Study of Foreign Languages. Baltimore, 1943.

[13] В 1960 г. начала выходить новая, иного типа, но также весьма полезная серия монографий языков мира, публикуемая Издательством восточной литературы.

ческого, сравнительно-исторического, сопоставительного и описательного языкознания в настоящее время нам представляется в следующем виде:

<table>
<tr><td rowspan="5">Общее языкознание</td><td rowspan="5">Установление законов развития языков</td><td>Описательное языкознание</td><td rowspan="5">Методика исследования языков</td><td rowspan="5">Описание строя языков и их словарного состава</td></tr>
<tr><td>[Сопоставительное языкознание]</td></tr>
<tr><td>Сравнительно-историческое языкознание</td></tr>
<tr><td>[Историческое языкознание]</td></tr>
<tr><td>Географическое языкознание (глоттография)</td></tr>
</table>

Наша задача здесь сводится к следующему:

1) указать на то, что наряду со сравнительно-историческим языкознанием, пользующимся сравнительно-историческим методом (и соответственными приемами исследования), может и должно существовать описательное языкознание со всеми приемами точного описания фактов (инструментально-экспериментальный метод, статический метод, сопоставительный метод и др.);

2) указать на то, что описательное языкознание, которое должно являться теоретической основой обычных описательных грамматик различных языков мира, до сих пор еще в значительной мере опирается на традицию античной филологии — обстоятельство, которое для описания строя отдельных индоевропейских языков так называемого синтетического типа имело положительное значение, но при переходе к описаниям строя языков, типологически существенно отличающихся от этих индоевропейских, приобрело отрицательное значение;

3) указать на то, что описательное языкознание может и должно быть отраслью общего языкознания, имеющей неоспоримо большое значение для практического изучения языков, но вовсе не может и не должно отделяться непроходимой пропастью от прочих отраслей общего языкознания (от сопоставительного, исторического и сравнительно-исторического языкознания), не являясь наукой, в методологическом отношении не зависимой от прочих общественных наук.

Вполне естественно, что в данном очерке не представляется возможным изложить отдельные вопросы, связанные с общей проблемой последовательного, обстоятельного и практически целесообразного описания языкового строя. Значительное число вопросов, связанных с теоретическими основами описательных грамматик рассматривается в сборнике Института языкознания АН СССР «Вопросы грамматического строя» (М., 1955), к которому мы и отсылаем наших читателей.

* * *

К числу терминов, или, вернее, терминологических выражений, этимологическая структура которых находится в явном противоречии с современным их пониманием, относится уже укоренившееся в языковедческой литературе нашего века выражение — «описательная грамматика» (grammaire descriptive, descriptive grammar, beschreibende Grammatik, gramatyka opisowa).

Если бы не существовало исторических, сравнительно-исторических, сопоставительных и тому подобных грамматик, выражение «описательная грамматика» было бы тавтологическим. С первых шагов развития той

отрасли знаний, которая теперь повсеместно называется грамматикой, она понималась как описание языка.

У древних греков — это было описание письменной речи (разновидности языка): «Грамматика — это знание того, о чем преимущественно говорится у поэтов и писателей» (Дионисий Фракиец, 170—90 до н. э.).

Греческой γραμματική (τέχνη) у древних индусов соответствовало vyâkaraṇaṁ (разделение, разбор, анализ), т. е. филологический (следовательно, и грамматический) анализ священных текстов.

Следует отметить, что другие названия этой отрасли знаний возникли в отдаленные времена и независимо друг от друга. У арабов греческому названию наиболее соответствовало слово *ан-наḫв* (направление) [14], которым обозначается грамматика вообще и, в частности, синтаксис. Оно обычно дополняется словом *аṣ-ṣарф* (мена, изменение; флексия) и, таким образом, получается сочетание *аṣ-ṣарф-ва'н-наḫв* (учение о флексии и синтаксис-грамматика).

Само собой разумеется, что учение о флексии заняло важное место в арабской грамматике в связи с той особенностью строя семитических языков, которая сближает их с индоевропейскими языками.

Напротив, в китайском языке греческой «грамматике» соответствует *юйфа* 'учение о словах или о языке' (*юй* 'язык, речь, слово', *фа* 'закон, правило, учение'), а в японском — *бумпō* 'учение о письменных памятниках' (*бун* 'литература, письменность, текст, сочинение, предложение' и *хō* 'закон, правило, учение', ср. китайское *фа*).

Хотя задача всякой грамматики — именно описание того или иного языка, эти последние по своей природе оказываются настолько разнообразными, что мы не найдем где-либо удовлетворительного общего определения нашего термина «грамматика».

Когда у нас речь идет о терминологическом выражении «описательная грамматика», мы должны понимать здесь определение (эпитет) в смысле «ограничивающаяся только описанием», но, разумеется, не как «содержащая описание» [15]. Однако для установления содержания этого выражения необходимо иметь в виду противопоставление различных типов описания (с исторической перспективой и без исторической перспективы, с учетом других языков и без учета их и т. п.).

Кроме того, следует принять во внимание, что описания бывают различными в зависимости от учитываемой нами стороны языка. Таких сторон может быть не меньше пяти:

1) звуковая (описательная фонетика),

2) морфологическая (при наличии в языке словоизменения — описательная морфология),

3) синтаксическая (при наличии в языке самостоятельных морфем и их сочетаний — описательный синтаксис),

4) лексическая (описательная лексикология).

5) стилистическая (при наличии в языке морфологической, синтаксической, фразеологической и лексической синонимики — стилистика).

Едва ли надо доказывать, что смысловая сторона языка не может быть отделена от названных здесь. Видимо, исключение представляет фонетика, которая на этом основании противопоставляется всем прочим аспектам языка. Однако при включении фонологии в пределы фонетики смысловая сторона в известной мере распространяется и на этот аспект.

---

[14] В словаре В. Гиргаса (Словарь к арабской хрестоматии и Корану. Казань, 1881): «стремление, направление, путь, сторона, край, количество, число, образец, пример».

[15] См. слово *описательный* у С. И. Ожегова (Словарь русского языка. М., 1953.).

Можно указывать на отсутствие последовательности в распределении форм слов по частям речи, но само это распределение с небольшими поправками остается незыблемой основой морфологии. Нам достаточно сравнить восемь частей речи из учебника Дионисия Фракийца (ὄνομα, ἀντωνυμία, ἄρθρον, πρόθεσις, σύνδεσμος, ῥῆμα, ἐπίρρημα, μετοχή) с десятью частями речи, например, академической «Грамматики русского языка», т. I, 1952 (1 — имя существительное, 2 — имя прилагательное, 3 — имя числительное, 4 — местоимение, 5 — глагол с причастием и деепричастием, 6 — наречие, 7 — частицы, 8 — предлог, 9 — союз, 10 — междометие)[16], — чтобы убедиться в прочности этой основы.

Однако ее прочность обусловлена строем индоевропейских языков, в которых оказывается таким наглядным противопоставление, с одной стороны, изменяемых и неизменяемых, а с другой — именных (существительные, прилагательные, местоимения, числительные) и глагольных (глаголы, причастия, деепричастия) частей речи.

Подобно тому как члены предложения группируются вокруг двух его центров (подлежащего и сказуемого), так и части речи сосредоточиваются вокруг имени и глаголов. Это было известно еще античным грамматикам, ср., например, «Partes igitur orationis sunt secundum dialecticos duae, nomen et verbum, quia hae solae etiam per se coniunctae plenam faciunt orationem, alias autem partes syncategoremata, hoc est consignificantia, appellabant» (Следовательно, согласно диалектикам, частей речи две — имя и глагол, потому что только эти части, будучи соединенными друг с другом, уже сами по себе составляют предложение, а прочие части они называли συγκατηγορήματα, т. е. сообозначающими).

Много места в традиционной морфологии занимает описание способов так называемого «внешнего» словообразования (аффиксации и композиции, или основосложения), хотя в этой части словесный материал должен был бы принадлежать лексикологии.

Если мы раскроем ту же морфологию русского языка (в первом томе «Грамматики русского языка»), то сразу же заметим, что многие ее элементы, хотя они по смыслу должны принадлежать фонетике или синтаксису, ради удобства изложения помещены в этот отдел (например, вопросы, связанные с ударением, должны были бы рассматриваться в фонетике, а вопросы, относящиеся к порядку слов, и другие подобные — в синтаксисе).

Особенно наглядной оказывается зависимость так называемых грамматических категорий (τὰ παρεπόμενα) каждой части речи от языкового строя при сопоставлении неродственных языков. Так, например, даже в индоевропейских языках оказались непостоянными категории грамматического рода, двойственного числа, среднего залога, сослагательного и желательного наклонений, исходного, творительного, местного и других падежей и т. д.

Хотя, отвлеченно рассуждая, и синтаксис в не меньшей мере, чем морфология, зависит от характера языкового строя, но на практике описательный синтаксис также оказывается традиционно обусловленным, особенно в той его части, которая относится к учению о членах предложения. Это учение, как известно, развилось из двойственного противопоставления подлежащего и сказуемого (ὑποκείμενον — κατηγορούμενον, subiectum — praedicatum), сочетание которых затем обросло «второстепенными» членами (συγκατηγορήματα).

Несмотря на всю сложность учитываемого в описательном синтаксисе языкового материала и на существенные различия в понимании его категорий, составные части современного нам синтаксиса установились

[16] Второе издание — 1959 г.

довольно прочно. Кроме традиционного учения о членах предложения, мы находим здесь учение о видах предложений (изложение основ их классификации), учение о видах связи слов (вернее — форм слов) в предложениях (иначе — учение о словосочетаниях), описание порядка слов, или так называемый позиционный синтаксис. К этому можно прибавить еще учение о сочетании предложений (о периодах или о «надфразовых единствах»), а также о видах речи (прямая, косвенная, несобственно-прямая).

У авторов описательных синтаксисов до сих пор остается неопределенным отношение к синтагматике или учению о членении речевого потока на синтагмы [17]. Так, академическая «Грамматика русского языка» (т. II, ч. 1—2) вовсе обошлась без главы или раздела, посвященных синтагматике.

Если речь идет о так называемых полисинтетических языках северо-восточной Азии и Америки, то ясно, что характер их строя не оставляет исследователям возможности отделить синтаксис от морфологии.

Итак, наши представления о грамматике основаны на изучении грамматики (описания языкового строя) родного языка. А поскольку грамматика родного языка (здесь можно было бы уточнить — русского языка) в теперешнем ее состоянии зиждется на античной грамматической традиции (надо отдать справедливость Дионисию Фракийцу и Аполлонию Дисколу, Элию Донату и Присциану из Кесареи Мавританской!), это представление в лучшем случае отображает факты некоторых древних (древнегреческого и латыни) и современных нам индоевропейских языков (ряда славянских, романских и германских языков).

Для людей, воспитанных на грамматике латинского языка, четко очерченным представляется членение грамматики на фонетику (она и до сих пор еще на практике преподавания совершенно незаслуженно остается в пренебрежении), морфологию (со словообразованием, которое может занять место и в лексикологии), синтаксис (содержание которого может оказаться весьма различным) и даже стилистику (возможно также с основами стихосложения).

Легко представить себе, что при переходе от латинской грамматики к грамматике, например, малайского языка границы привычных для нас отраслей грамматики окажутся во многом нарушенными. На месте морфологии останется только аффиксальное (внешнее) словообразование. Распределение слов по привычным для нас «частям речи» сразу же утратит свою четкость, так как у них сохранится лишь «смысловая» основа.

Приступающему к описанию языка часто нет необходимости задумываться над делением языковых фактов на лексические и грамматические. И те и другие должны быть извлечены путем предварительного анализа фонетического материала или же возможной графической передачи этого материала. Только после извлечения языковых фактов из «речевого потока» или соответственного текста может начаться их классификация.

Если признать, что никаких принципиальных границ между лексическими и грамматическими фактами в языках не существует, что распределение фактов между лексикой и грамматикой зависит от типов языкового строя и регулируется традициями, нам придется также признать более точным (как в области теории, так и в области практики) название «описательное языкознание», а не «описательная грамматика».

Методы описания, на которых основано современное нам описательное языкознание, должны быть разделены на: 1) методы собирания материала и 2) методы обработки материала.

---

[17] См. В. В. Виноградов. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка, Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 183—256.

Несомненно, что успехи современного нам описательного языкознания (механизация звукозаписи и звуковоспроизводства, возможность при помощи рентгеновских лучей и кинофотографии наблюдать естественное действие голосового аппарата и т. п.) привели к установлению диспропорции между обоими рядами методов описания языков. Методы собирания материала далеко опередили в своем развитии и совершенствовании методы анализа, классификации и интерпретации собранных фактов.

Теперь, когда все традиции описания языков в той или иной мере сочетались в трудах языковедов за последние полтора-два века развития языкознания как самостоятельной науки, едва ли можно было бы установить, на какой основе возникло современное описательное языкознание, не пересказав для этого историю общего языкознания.

Гораздо проще установить возникновение сравнительно-исторического языкознания, отделив его от сопоставительного. Некоторые элементы сопоставительного языкознания сложились еще в глубокой древности в недрах филологии и примитивного описания языков, в античном мире при спорадическом сопоставлении греческого и латинского или позже в трудах еврейских ученых из мавританской Андалусии (Ибн Курайш, 800; Иуда Хаюг, 1000; Ибн Эзра, 1100), разработавших сопоставительную грамматику семитических языков (древнееврейского, арабского, арамейского) [18].

Следует отметить, что долгое время (до конца XVIII в. и начала XIX в.) сопоставления в европейской науке ограничивались областью лексики и оставляли в стороне грамматику. Таково, например, направление «Рассуждения о языках европейцев» («Diatriba de Europaeörum linguis») Иосифа-Юста Скалигера (1540—1609).

Первые европейские грамматики восточных языков (арабская грамматика Педро де Алькала, 1505; еврейская грамматика Рейхлина, 1506), естественно, были основаны на туземных грамматических традициях.

* * *

Итак, все описательные грамматики можно прежде всего разделить на: 1) просто описательные и 2) сопоставительные. В задачу первых входит последовательное описание грамматического строя: а) одного языка (например, современного русского) или даже б) разновидности языка (например, современного русского литературного языка). Напротив, в задачу сопоставления грамматик входит описание путем сопоставления грамматического строя двух (или же нескольких) языков либо а) одного из этих языков (в таком случае другой язык используется только как материал для сравнений или сопоставлений), либо б) обоих (соответственно — нескольких) сопоставляемых языков.

Часто у нас простые описательные грамматики делятся в зависимости от характера изложения материала на: а) школьные (начальные или элементарные) и б) научные. Такое противопоставление может привести к недооценке значения школьных грамматик в деле изучения языков. К школьным грамматикам, несомненно, надо предъявлять требования простоты, последовательности и точности изложения материала. Если же школьная грамматика удовлетворяет этим требованиям, то нет оснований считать ее менее научной, чем так называемую научную грамматику.

Для правильной ориентации в типах описательных грамматик мы предлагаем противопоставлять: а) элементарные (или начальные) грамматики, в которых материал излагается в виде констатации отдельных образцов (парадигм), формулировки коротких правил и поправок к ним

---

[18] Ср. J. R. Firth. The Tongues of Men. London, 1937, стр. 160.

(исключений),— т. е. с одной определенной точки зрения, и б) контроверзные грамматики, в которых учитываются различные взгляды и мнения при описании фактов языка,— грамматики, к которым нельзя предъявлять требования простоты изложения. Эти последние также используются как учебные пособия, но только на высших ступенях обучения.

В зависимости от назначения описательных грамматик можно различать еще: а) констативные и б) нормативные. В первых учитываются все факты и явления данного языка без всякой рекомендации их (без нормативной оценки), например то, что в русском литературном языке существуют два оборота; *отзыв на сочинение* и *отзыв о сочинении* в таких грамматиках лишь констатируется.

В нормативных грамматиках, напротив, не просто устанавливается существование тех или иных фактов, но производятся отбор, стилистическая оценка и рекомендация, например: *характеристика на студента такого-то* — неправильно, нехорошо, не рекомендуется, а *характеристика студента такого-то* — правильно, и т. д., хотя в подобном случае не выражено различие между родительным объективным (g. obiectivus) и субъективным (g. subiectivus).

Наконец следует учесть, что могут существовать такие описательные грамматики, в которых описывается только одна разновидность данного языка (на данной ступени ее развития), и такие, в которых описывается параллельно несколько разновидностей данного языка (например, разговорный язык наряду с литературным, общенародный язык наряду с территориальными диалектами, две различные ступени развития одного и того же языка и т. п.).

Так как оба эти вида описательных грамматик желательно было бы обозначать специальными терминами, мы предложили бы для первого (описывающего только одну разновидность) название «монофазной» грамматики, а для второго — «полифазной» (используя слово *фазис* или *фаза*, как синоним «разновидности» языка). Ясно, что «полифазные» грамматики составляют переходный тип от просто описательных к сопоставительным грамматикам.

В качестве еще одного признака для деления на виды как просто описательных, так и сопоставительных грамматик можно упомянуть наличие или отсутствие своего письма для данного языка. В зависимости от этого признака можно различать грамматики «письменных» (имеющих свое традиционное письмо) и «бесписьменных» языков. При отсутствии традиционнного письма в констативных грамматиках используются различные системы фонетических транскрипций. Однако нередко и при наличии для данного языка своего письма в описательных грамматиках применяются транскрипции и транслитерации [19].

Так как сопоставительные грамматики противопоставлены нами просто описательным и рассматриваются как особый тип описательных грамматик вообще, усложненный вследствие необходимости охвата более широкого языкового материала, то мы остановимся и на их приблизительной классификации.

Так же как среди просто описательных грамматик мы различали элементарные и контроверзные, констативные и нормативные, монофазные и полифазные, мы и среди сопоставительных находим аналогии названным типам. Однако к этим типам мы должны прибавить в области сопоставительных грамматик еще следующие, установленные в зависимости от отношений сопоставляемых языков и от способов сопоставления:

---

[19] См., например: А. М. Мерварт. Грамматика тамильского разговорного языка. Л., 1929 — Транслитерация; О. В. Плетнер и Е. Д. Поливанов. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930, транскрипция.

а) сопоставительная грамматика [20] родственных языков и б) с. г. неродственных языков, в) с. г. родного и неродственного языков и г) с. г. двух (нескольких) неродных языков, д) с. г. параллельная (с перечислением как сходств, так и различий, иными словами — схождений и расхождений) и е) с. г. дифференциальная (с указанием только различий или расхождений сопоставляемых языков).

Следует еще обратить внимание на то, что полифазная сопоставительная грамматика по существу своему перерастает уже в сравнительно-историческую. Это также может служить доказательством, что между описательным и сравнительно-историческим языкознанием нет и не должно быть пропасти.

Основные типы описательных грамматик

.	А. Описательные		Б. Сопоставительные
1	Элементарная Контроверзная	1	Элементарная Контроверзная
2	Констативная Нормативная	2	Констативная Нормативная
3	Письменного языка Бесписьменного языка	3	Письменного языка Бесписьменного языка
4	Монофазная Полифазная	4	Монофазная Полифазная
5	—	5	Родственных языков Неродственных языков
6	—	6	Родного и неродственного языков Неродных языков
7	—	7	Параллельная Дифференциальная

* * *

Если в настоящее время есть все основания называть сравнительно-историческое языкознание самостоятельной отраслью языкознания вообще или общего языкознания [21], то с неменьшей уверенностью можно говорить о независимом существовании описательного языкознания.

Чем же описательное или дескриптивное языкознание отличается от сравнительно-исторического? Ведь едва ли можно сомневаться

---

20 Дальше — с. г.

21 Ср. статью пишущего эти строки: «О дальнейших задачах сравнительно-исторического изучения языков» («Вопросы языкознания». М., 1955, № 2).

в том, что сравнительно-историческое языкознание не может обойтись без описания фактов и явлений, сопоставляемых на разных ступенях развития родственных языков.

Как ясно уже из самого названия, описательное языкознание должно быть теоретической основой научного описания грамматического строя или лексического состава языков. Можно утверждать, что описательное языкознание (следовательно, основа описания всех живых и мертвых языков мира, независимо от их родства и грамматического типа) является в настоящее время не сводом правил исчерпывающего описания языковых фактов, а лишь рассеянными в отдельных исследованиях, в грамматиках и учебниках обобщениями.

Конечно, здесь речь может идти об обобщениях опыта составления описательных грамматик отдельных языков. В такой же мере и сравнительно-историческое языкознание (не сравнительно-исторические грамматики отдельных семейств или групп родственных языков!) остается программой исследований, не получившей еще своего завершения в каком-либо капитальном труде вроде «Введения в сравнительное изучение индоевропейских языков» А. Мейе.

Таким образом, сравнительно-историческое языкознание и языкознание описательное существуют в настоящее время как две программы исследования языков, две линии развития науки, задачей которой является изучение исключительно сложного языкового материала.

Мы полагаем, однако, что их различие нельзя отожествить с намеченным Ф. де Соссюром противопоставлением диахронической, динамической, внешней лингвистики и лингвистики синхронической, статической, внутренней [22]. Эти две программы исследований представлялись Ф. де Соссюру параллельными, и вероятно, в значительной мере независимыми друг от друга.

Его прямые и косвенные последователи приложили усилия к тому чтобы сделать «внутреннюю лингвистику» вполне самостоятельной и самодовлеющей.

Наконец, между двумя мировыми войнами окончательно созрела в Западной Европе и Америке идея о том, что только «внутренняя лингвистика» может претендовать на звание самостоятельной науки о языке, разорвав связь с прочими общественными науками, в то время как «внешняя лингвистика» может стать одной из отраслей общей истории.

Место «внутренней лингвистики», или ýже — «структурно-функциональной лингвистики», определяется в кругу наук, изучающих знаки; она признается отраслью общей науки о знаках («семиотики» Л. Ельмслева и других).

В отличие от такого понимания нам представляется вполне обоснованным считать описательное языкознание началом той линии исследований, завершением которой в настоящее время является сравнительно-историческое языкознание. Совершенно очевидно, что без той предварительной подготовки материала, которую должно обеспечить описательное языкознание, сравнительно-историческое языкознание не могло бы существовать.

Едва ли также можно недооценивать возможность хотя бы частичного решения такой задачи, как изучение последовательных изменений языков и восстановление фактов пройденных ступеней их развития.

Так как у нас иногда нечетко различают сравнительно-историческое языкознание (основанное на применении сравнительно-исторического метода) и сопоставительное (основанное на применении простого сопо-

---

[22] Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, ч. I, гл. III, стр. 87—103; ч. II, гл. I. стр. 104 и след.

ставления языков независимо от их родства), нам придется остановиться на этом различии.

Сопоставление (или сравнение без учета изменений, развития, истории) — это один из самых распространенных приемов (соответственно — методов) изучения языкового материала, который может широко применяться в области описательного языкознания. Оно заключается в установлении сходств и различий двух или нескольких языков (соответственно — разновидностей языков) на определенных ступенях их развития. Мы можем сопоставлять, например, русский и украинский языки или русский и китайский. Наша задача при этом — описать факты сопоставляемых языков, способствовать делу их изучения, облегчить обучение и изучение.

Сравнительно-историческое изучение языков, основанное на сравнительно-историческом методе, существенно отличается от такого подхода к языкам.

Напомним о важнейших чертах сравнительно-исторического метода (соответственно — приемов исследования). По нашему мнению, они таковы:

1) сравнение языков, диалектов, разновидностей общенародного языка, различных ступеней развития одного и того же языка или разных языков с учетом их изменений, истории, совершенствования;

2) сравнение с учетом неравноценности (для восстановления фактов) сравнительного материала, с обязательным отделением главного от второстепенного, пережиточного и новообразованного в этом материале;

3) сравнение не отдельных фактов без учета их связи с прочими, но фактов, рассматриваемых как составные части некоторой системы (в грамматике — парадигмы, в лексике — лексической сферы или тематической группы элементов);

4) установление системы соответствий между сравниваемыми языками в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике, фразеологии;

5) установление относительной хронологии (наряду с безотносительной и для обоюдной проверки) фактов и явлений (языков, диалектов, разновидностей общенародного языка и т. д.);

6) установление родства языков, диалектов и т. п. на основании соответствий (доказательство родства языков — так называемая ретроспективная конвергенция: чем дальше от данного состояния и ближе к доисторическому состоянию, тем больше общего между сопоставляемыми языками);

7) восстановление фактов на основании системы соответствий между родственными языками, диалектами и т. п. и относительной хронологии (ср. пункт 5), устранение пробелов документальной истории языков;

8) использование при восстановлении фактов данного языка, диалекта и других аналогий из истории другого языка, диалекта и т. п. (как родственного, так и неродственного) в области фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики и т. д.;

9) учет результатов взаимодействия составных частей языка (явлений индукции: в грамматике — грамматической аналогии, в лексике — лексической контаминации);

10) учет результатов взаимодействия отдельных языков, диалектов и т. п. (прямые и косвенные заимствования, одностороннее и взаимное влияние; восстановление языкового субстрата и т. д.).

Вопреки существующему мнению относительно того, что сравнительно-историческое языкознание только отмечает изменения и восстанавливает факты, но не объясняет их, мы полагаем, что объяснение фактов и изменений также входит в задачи этой отрасли языкознания.

Еще Ф. де Соссюр говорил, что о б ъ я с н и т ь какое-либо явление в языкознании значит сослаться на то, что ему предшествовало, со-

слаться на факт, предшествующий данному. К этому надо добавить, что объяснить в области языкознания значит установить или восстановить связи фактов или явлений. В этом смысле сравнительно-историческое языкознание может пока что сделать больше, чем описательное языкознание.

Конечно, изучение языкового материала должно начинаться с точного и последовательного описания фактов данного языка (в данной его разновидности и на данной ступени развития).

Для того чтобы описание сделать более кратким, более сжатым и наглядным, можно прибегнуть к сопоставлению, которое по существу своему обозначает использование не менее двух языков.

Сопоставление языков может давать как положительные результаты (тождество фактов, их сходство), так и отрицательные (присутствие ряда фактов в одном языке и отсутствие их в другом, несходство фактов и т. д.).

Толкование этих результатов возможно только на основании их сравнительно-исторического изучения. Так, наличие одних и тех же или сходных фактов в двух языках может объясняться либо родством этих языков, либо возможностью их взаимодействия.

Если же мы будем рассматривать факты данных языков независимо от их взаимосвязи внутри каждого языка, то окажется возможным еще случайное совпадение в их развитии.

Разумеется, что для упомянутого здесь толкования необходимо использование материала не только каждого из сравниваемых языков на разных ступенях развития, но и других близко или отдаленно родственных языков. Таким образом, можно утверждать, что различие между описательным и сравнительно-историческим языкознанием заключается прежде всего в приемах (или методах) исследования.

Приемы, на которых основано в настоящее время описание языков (непосредственное наблюдение, самонаблюдение, инструментальная фиксация, сопоставление, подсчеты или статистика, картографирование и т. п.) могут называться описательными (или дескриптивными).

Совокупность этих приемов исследования противопоставляется другой совокупности приемов, на которых основывается сравнительно-историческое языкознание и которые можно назвать восстановительными (или реконструктивными).

Само собой разумеется, что название «описательные методы» не может не быть условным. Все эти приемы используются для предварительной обработки фактов, после которой и начинается их описание, т. е. характеристика, схематизация, классификация. Нет сомнения в том, что из всех приемов, долженствующих подготовить описание языкового материала, так называемые экспериментальные или, точнее, инструментальные методы следует рассматривать как наиболее совершенные.

Можно думать, что тесные связи фонетики с синтаксисом, с одной стороны, и с морфологией, с другой, со временем позволят использовать результаты инструментальных исследований и в этих областях грамматического строя языков.

Даже в оптимальных условиях (в хорошо оборудованной фонетической лаборатории) при описании прежде не исследованного языка мы можем оказаться в затруднительном положении на пути к достижению своей цели. В том случае, если бы даже обширная запись или серия записей устной речи до некоторой степени могли обеспечить нам точную фиксацию ряда явлений грамматического строя,— что могло бы для нас являться гарантией полноты?

Однократное использование надежного информатора, конечно, не приведет к желаемым результатам. Такое использование может пригодиться только для проверки уже полученных результатов. Следовательно, для

наиболее полного описания языка необходима систематическая работа с информаторами (лучше не с одним, а с несколькими).

Разработать программу опроса информаторов по существу возможно только тогда, когда у исследователей уже имеются основательные сведения о данном языке. Так чаще всего бывает при диалектологических или диалектографических исследованиях.

Однако и в настоящее время, когда мы располагаем такими пособиями, как упомянутое «Les langues du monde», не исключается возможность описания языка или диалекта, предварительные сведения о котором окажутся ограниченными названием и положением на географической карте. Можно указать, как на одну из задач описательного языкознания, на необходимость разработки общей программы систематического опроса информаторов, которая помогала бы при наименьшей затрате времени получать от них наиболее полные сведения. Едва ли надо здесь подробно останавливаться на том, что самые тщательные опросы информаторов и наблюдения над их речью в кабинетных или лабораторных условиях не дадут тех результатов, которые можно получить при работе в «естественной среде», т. е. в коллективе носителей данного языка. О необходимости «вжиться» в данную языковую среду для правильного понимания фактов и явлений соответственного языка неоднократно говорил академик Л. В. Щерба [23].

Общая программа, о которой здесь идет речь, конечно, будет разрабатываться постепенно, в результате накопления опыта опроса информаторов в области языков различного грамматического строя.

Едва ли надо говорить о том, что при изучении устной речи мы всегда можем произвести «транспозицию» материала из одной разновидности в другую. Напротив, сравнительно-историческое изучение, например, древнеегипетского языка дает возможность на основе системы соответствий восстановить его гласные только в виде условной схемы без дальнейших фонетических уточнений.

Так, на основании отмеченного перехода [o] > [u] после [n] в открытом слоге (ср. коптское noyfe [nufe] 'хороший, добрый', но nofre 'польза, выгода') для древнеегипетского nfr предполагается вокализм *nofer. Этого достаточно для реконструкции, но, конечно, инструментальный метод здесь не может быть использован.

Приемы описания письменной разновидности языка [24] пока почти не отличаются от непосредственных наблюдений, которые в свое время легли в основу четырех наиболее выдающихся грамматических (правильнее было бы сказать — филологических) традиций (древний Китай, древняя Индия, Ближний Восток — арабы и евреи, античная Греция — особенно Александрия, впоследствии — Рим).

Наиболее существенным отличием современных нам описаний письменной разновидности языка от древних описаний является лишь возможность в настоящее время широкого применения сопоставлений в дополнение к непосредственным наблюдениям.

Если можно считать основательным мнение о том, что в Европе античная грамматическая традиция долгое время (может быть, от начала средних веков и до конца XVIII в.) тормозила развитие описательного языкознания, этого нельзя сказать о сопоставлении древних языков (сперва — латинского и греческого, с начала XVI в. — арабского и еврейского, с конца XVIII в. — санскрита с новыми языками).

---

[23] См: Л. В. Щерба. Очередные проблемы языковедения. — «Известия АН СССР. ОЛЯ», т. IV, вып. 5, 1945, стр. 173—186.

[24] Если мы называем разговорную разновидность языка «устной речью», то нам представляется вполне приемлемым для письменной разновидности языка название «письменная речь».

Сопоставления давали возможность особенно хорошо подметить и выделить те черты грамматического строя, которые значительно отличались друг от друга в сопоставляемых языках.

Надо сказать, что в настоящее время большинство учебных грамматик иностранных языков носит именно сопоставительный характер: грамматические факты иностранного языка так или иначе сопоставляются с фактами родного языка.

Если речь идет о двух родственных и особенно близкородственных языках, то вполне уместным в изложении материала могут оказаться элементы сравнительно-исторической грамматики описываемых языков.

Однако следует отметить, что, например, превосходный в своем роде «Очерк сравнительной грамматики классических языков» А. Мейе и Ж. Вандриеса [25], во-первых, может называться сопоставительным, но не сравнительно-историческим очерком, а во-вторых, является, собственно говоря, параллельным изложением основ сравнительно-исторической грамматики каждого из классических языков в отдельности.

Во всяком случае можно утверждать, что между описанием языков, основанным на непосредственных наблюдениях (в том числе и на инструментальной обработке материала!), и сравнительно-историческими исследованиями связующим звеном оказывается сопоставительное изучение языков.

Если рассматривать описательное языкознание как отрасль общего языкознания, то нам представляется целесообразным различать в этой отрасли по крайней мере три основные части: методическую, географическую и, так сказать, общетеоретическую, переходящую в область сопоставительного языкознания.

1. В методической части должны рассматриваться такие вопросы, как определение описательного языкознания, основанного на «описательных» методах; применение различных приемов исследования, цель которых — обеспечение точности описания языкового материала; установление приемов изучения устной и письменной речи; изучение в каждой разновидности языка ее грамматического строя и лексического состава.

2. В географической части должны рассматриваться вопросы, связанные с разграничением языков, диалектов (наречий), говоров, со статистикой языков, с их географическим распространением (ср. виды распространения; сплошной ареал, прерывистый или разорванный ареал, диаспора). В этой части описательное языкознание неизбежно переходит в историческое и сравнительно-историческое (ср. виды развития языков; конвергенция и дивергенция; изменения ареалов и т. д.).

3. В общетеоретической части должны быть подведены итоги описательного изучения языков и произведено обобщение опытов описания. Здесь могут быть затронуты такие вопросы, как установление грамматических и лексических категорий (ср. фонетические категории: звук, фонема, слог, ударение; синтаксические категории: синтагма, предложение, период, члены предложения; морфологические категории: грамматическая форма слова, флексия, агглютинация, инкорпорация и полисинтез; общеграмматические категории: число, лицо, время, вид, залог, наклонение, падеж, род и т. п.; проблема частей речи; классификация грамматических категорий; лексические категории: морфема, слово, словосочетание или фразеологизм) и, наконец, установление типов грамматического строя языков (так называемая морфологическая классификация). Ясно, что в этой части от описания языков мы переходим к сопоставлению их друг с другом, а если сопоставление производится с учетом

---

[25] A. Meillet et J. Vendryes. Traité de grammaire comparée des langues classiques. Paris, — Ср. аналогичные работы В. Генри, Риман и Гельцер, Бука.;

исторической перспективы, с учетом изменений, происходящих в сопоставляемых языках, то отсюда уже недалеко до сравнительно-исторического изучения языков.

Как видно из вышеизложенного, мы рассматриваем описательное языкознание как отрасль общего языкознания, задачей которой является теоретическая подготовка непременно последовательного, по возможности полного и точного описания фактов.

Однако некоторые из современных языковедов склонны рассматривать описательное языкознание как особое течение, направление или даже школу и более того — последнее слово науки. Такое понимание описательного языкознания коренится, как было сказано, в установленном Ф. де Соссюром разделении науки о языке на внешнюю (динамическую, диахроническую) и внутреннюю (статическую, синхроническую) лингвистику.

Для того чтобы показать, каким обидным недоразумением является признание описательного языкознания особым направлением в науке о языке, а не отраслью, т. е. составной частью этой науки, мы позволим себе прибегнуть к сравнению.

Известно, например, что систематика растений и палеоботаника могут рассматриваться как части науки, изучающей растительный мир. Едва ли встретил бы сочувствие у ботаников тот, кто объявил бы каждую из этих частей особым направлением в ботанике.

Тем не менее, нам приходится читать декларации, в которых «внутренняя лингвистика» смешивается с описательным языкознанием и провозглашается самостоятельным и к тому же новым направлением в языкознании.

Таким образом, в настоящее время «описательное языкознание» не только понимается как направление исследований, отличное от исторического и особенно сравнительно-исторического, но и присваивается некоторым школам языковедов в пределах функционально-структурного направления (или так называемых функционализма и структурализма).

С точки зрения американской школы «дескриптивистов», т. е. сторонников «дескриптивного метода» изучения языков, рассматривает историю языкознания конца прошлого и начала нашего века Джордж С. Лейн в упомянутой выше статье «Изменение основного направления в языкознании особенно в период от Пауля до Блумфилда» [26].

О том, что такой взгляд, согласно которому описательное языкознание становится универсальной теорией, заменяющей общее языкознание и вытесняющей будто бы устаревшее сравнительно-историческое языкознание, является широко распространенным в зарубежной науке, свидетельствует, например, книга Тадеуша Милевского «Zarys jezykoznawstwa ogólnego» [27], во многих отношениях полезная и поучительная.

По мнению Т. Милевского, из двух основных направлений одно носит функциональный, телеологический, социологический и феноменологический характер, а другое — эволюционистический, каузальный, индивидуалистический и психологический характер (см. стр. 202).

Для простоты первое можно называть дескриптивизмом, а второе — компаративизмом. В развитии языкознания до XIX в. будто бы безраздельно господствовал дескриптивизм, с начала этого века и до 70-х годов оба направления сосуществовали, а с 70-х годов как реакция на труды младо-

---

[26] Об этой статье см. мой отзыв: «Описательная грамматика как особая лингвистическая дисциплина» (на укр. языке). «Наукові записки КДУ», т. VI, в. I, 1947, стр. 71—88.

[27] T. Milewski. Zarys językoznawstwa ogólnego, cz. I, Teoria językoznawstwa. Lublin — Kraków, 1947.

грамматиков начинает возрождаться чистый дескриптивизм, который оказывается преобладающим в XX в. (см. стр. 203).

Как мы уже говорили, сравнительно-исторические исследования вовсе не являются несовместимыми с так называемыми сопоставительными. Само собой разумеется, что предлагаемое нами использование терминов «сравнение» (comparatio) и «сопоставление» (collatio) не вошло еще в научный обиход. Однако мы полагаем, что эти термины своей простотой выгодно отличаются от употребленных Т. Милевским: «сравнительные эволюционистические исследования (comparative evolutionist studies)» и «сравнительные функциональные исследования (comparative functional studies)» языков.

Бесполезно доказывать, что «сравнение» и «сопоставление» должны быть совершенно независимыми друг от дурга, тем более, что одно из них обладает несомненными преимуществами перед другим.

Наиболее загадочным у Т. Милевского при противопоставлении «сравнительных» и «функциональных исследований» языка является утверждение о «принципиально одинаковом строении всех языков мира» («all the languages of the world have in principle a similar construction», стр. 202). Доказательство этого утверждения (на стр. 203) таково, что нельзя не подумать об опечатке: может быть, вместо construction надо читать function?

Не подлежит сомнению, что общей у всех языков мира является их коммуникативная функция, которая позволяет самыми различными средствами выразить примерно одно и то же смысловое содержание. Тем не менее наличие общих идей у представителей самых различных языков, сближая этих представителей, не делает еще их языки похожими друг на друга по строю.

По мере включения в круг исследований все большего и большего количества языков различного строя должны усовершенствоваться приемы описания. Это является верным залогом дальнейших успехов описательного языкознания.

Однако это не дает никаких оснований полагать, что в своем развитии наша наука уже прошла эпоху расцвета сравнительно-исторического языкознания и вступает в эпоху расцвета описательного языкознания, основанного на функционально-структурном подходе к языку. Напротив, можно утверждать, что дальнейшее развитие описательного языкознания во всех возможных его пониманиях вовсе не может и не должно привести к упадку сравнительно-историческое языкознание. Кроме того, описательное языкознание не может стать на место общего языкознания, будучи лишь его составной частью так же, как и сравнительно-историческое языкознание. Между описательным и сравнительно-историческим языкознанием могла бы существовать область, которую мы называем сопоставительным языкознанием, хотя должны признать, что в настоящее время ее еще нельзя считать настолько же самостоятельной, насколько являются самостоятельными две первые области.

М. Г. БУЛАХОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПИСАТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

1

В настоящее время институт языкознания им. Якуба Коласа АН БССР ведет работу по созданию описательной грамматики белорусского литературного языка. Эта грамматика по своим целям, характеру и структуре будет значительно отличаться от иных типов существующих грамматик белорусского языка. Впервые в ней будут наиболее полно проанализированы фонетическая система, словоизменение, словообразование и синтаксические явления белорусского литературного языка на современном этапе его развития. Осуществление этой большой задачи даст возможность установить и закрепить общенациональные нормы речи, определить живые и активные процессы в грамматическом строе и, следовательно, поможет показать основное направление в развитии литературного языка.

Ясно, что на пути к успешному осуществлению поставленной цели возникнут многочисленные трудности практического и научно-теоретического порядка. А преодолеть эти трудности можно будет лишь в том случае, если наиболее важные проблемы описательной грамматики будут заранее всесторонне обсуждены как членами авторского коллектива, так и вообще специалистами в этой области.

Ниже будут затронуты лишь некоторые вопросы описательной грамматики в том плане, в каком они представляются автору настоящей статьи.

2

Благодаря общности происхождения и длительному пути совместного развития восточнославянские языки очень близки по своей фонетической системе и грамматическому строю. Если к тому же учесть, что грамматический строй исторически устойчив, то в описательных грамматиках русского, белорусского и украинского языков будут представлены явления, сходные в своих основных чертах.

Однако даже в этих близкородственных языках, вследствие своеобразия исторических путей их развития после XIII—XIV вв., имеется много отличительных черт, которые составляют их национальную специфику. Эти специфические черты не могут быть механически перенесены из описательной грамматики одного, скажем, русского языка в грамматику другого, в данном случае — белорусского языка. Например, при описании звукового строя современного белорусского языка важно дать исчерпывающую характеристику твердых звуков *р* (*ра́бы*, *рэжа*), *ч* (*час*,

чаму < *чему*), твердой аффрикаты *дж* на месте доисторического **dj* (*дождж*, *хаджу*), мягких свистящих аффрикат *дз'*, *ц'* на месте старых общерусских *д'*, *т'* (*дзецi*, *цяпер*), неслогового звука *ў* на месте старых *в* и *л* в определенных фонетических условиях (*гнеў*, *воўк*, *стаў*) и некоторых иных явлений фонетического порядка.

При описании грамматического строя обнаруживается более значительное число явлений, составляющих национальное своеобразие белорусского языка. Например, в главе об именах существительных следует обратить особое внимание на случаи несовпадения грамматического рода некоторых существительных белорусского языка в сравнении с русским. Если в русском языке имена существительные *боль*, *медаль*, *запись*, *подпись*, *мозоль*, *тень*, *пыль*, *степь*, *дробь*, *насыпь*, *россыпь*, *шинель*, *тяжесть*, *собака* относятся к женскому роду, то соответствующие существительные белорусского языка — *боль*, *мядаль*, *запiс*, *подпiс*, *мазоль*, *цень*, *пыл*, *стэп*, *дроб*, *насып*, *россып*, *шынель*, *цяжар*, *сабака* — относятся к мужскому роду и в связи с этим имеют ряд особенностей в склонении (ср. в твор. пад. *пылью—пылам*, *болью—болем*, *шинелью—шынялём*, *степью—стэпам*, *медалью—мядалем*, *собакой—сабакам*). Существительные русского языка *гусь*, *пар* являются именами мужского рода, а соответствующие слова белорусского языка — *гусь*, *пáра* — женского рода и т. д.

Среди характерных для белорусского языка падежных форм существительных выделяется форма именительного падежа множественного числа на *-ы*, *-i* имен мужского и среднего рода (*гарады*, *дамы*, *спаборнiцтвы*), форма на *-i* предложного падежа в существительных мужского и женского рода (*на зямлi*, *на канi*), форма творительного падежа на *-ам*, *-ом* существительных мужского рода на *-а* (*старастам*, *суддзём*) и др.

Яркая особенность белорусского языка — употребление наряду с дательным местного падежа множественного числа с предлогом *па* (в русском здесь только дательный падеж). Например: *Я буду рад па цэлых днях кружыць з камбайнам па палях* (П. Броўка); *Разыйшлiся брыгаадзiры i праўленцы па дамах* (К. Кiрэенка); . . . *Дык адразу ж усе па месцах . . .* (М. Лынькоў); *Ён злiчыць кветкi па садах i краскi па лугах* (П. Броўка).

При описании грамматических форм прилагательных, а также некоторых групп местоимений следует детально рассмотреть вопрос о формах предложного (местного) падежа единственного числа мужского и среднего рода, которые в современном белорусском языке в результате определенных исторических изменений полностью совпали с формой творительного падежа: *Вышай сосен у хуткiм часе закрасуе пабудова* (П. Броўка); *I песня ў нястрымным разгоне, як мора, гудзела кругом* (П. Броўка); *Шэрыя ў вячэрнiм змроку замiтусiлiся... постацi людзей* (М. Лынькоў).

Важной особенностью белорусского литературного языка является широкое употребление притяжательных прилагательных в атрибутивной функции (в косвенных падежах, кроме винительного, все они имеют полные формы): *Таня употайкi пачала назiраць за адценнямi бацькавага твару* (I. Шамякiн); *З пушчы гэтай з леснiковага дома, ёсць дарогi ў паселiшчы тыя, дарогi лясныя* (А. Куляшоў); *Рагавая абышла ўвесь участак Лiдзiнага звяна* (М. Паслядовiч). В стихотворной речи притяжательные прилагательные образуются нередко также от имен существительных, обозначающих неодушевленные предметы (*сонцавы праменнi*, *зорчын смех*). Указанная черта грамматического строя белорусского языка должна быть всесторонне освещена как в разделе морфологии, так и в разделе синтаксиса.

В главе о глаголе необходимо подробно рассмотреть вопрос о классификации глаголов по типам спряжения, так как в белорусском языке

наличествует иное соотношение форм с прежними темами *-е-*, *-и-*, чем, скажем, в русском языке. Кроме того, важным является и факт отсутствия в глаголах I спряжения окончания *-ць* (<*ть*) и двоякий способ оформления основы настоящего времени этих глаголов — при помощи *-е-* (после мягких согласных) и *-а-* (после отвердевших согласных): *нясе*, *рунее*, *кажа*.

Отмеченная черта белорусского языка в известной мере присуща также украинскому языку, однако там есть и свои специфические особенности в личных формах глаголов первого спряжения.

В белорусском языке наблюдаются яркие особенности в спряжении глаголов, принадлежавших ранее к нетематическому классу спряжения. Так, в частности, глаголы *есці* и *даць* во втором лице единственного числа сохраняют свою древнюю форму (с ударением на окончании) — *ясі*, *дасі*, в то время как в русском языке здесь произошли определенные изменения формы (*ешь*, *дашь*). Ср. также во втором лице множественного числа русск.: *едите*, *дадите*, белор.: *ясцё*, *дасцё*.

Детального описания потребуют формы повелительного наклонения глагола. В образовании этих форм в белорусском языке очень много одинакового с русским и другими славянскими языками. Вместе с тем, в белорусском языке есть также и ряд своеобразных форм повелительного наклонения, которые могут легко «ускользнуть» из поля зрения исследователя или останутся слабо освещенными среди общей массы форм. А между тем, их-то и следует особенно тщательно проанализировать. Очень важно, например, указать все особенности форм второго лица единственного числа, первого лица множественного числа повелительного наклонения.

В образовании залоговых форм глагола между русским и белорусским языками, на первый взгляд, не имеется различий, однако при более внимательном изучении оказывается, что и здесь есть определенные особенности. Так, в русском языке глагол *сердиться* употребляется только в возвратной форме, этот же глагол в белорусском языке не употребляется с залоговой частицей *-ся* (*сердаваць*). Другие глаголы белорусского языка употребляются с частицей *-ся*, в то время как в русском языке такое употребление соответствующих глаголов невозможно: *Тут забыліся вы пра асцярожнасць* (М. Лынькоў); *Спас святы мінуўся, і лес у чырвань апрануўся* (Я. Колас); *Хвароба яго мінулася* (К. Чорны); *Прыпомніць яму калгасны статут, калі забыўся!* (М. Паслядовіч); *Не спяшайся хапаць зоры з неба* (П. Пестрак); *Дзед Талаш адышоўся яшчэ далей, спыніўся* (Я. Колас).

При рассмотрении указанных глаголов важно учесть также глаголы, встречающиеся с залоговой частицей *-ся* спорадически, под влиянием народных говоров (*стацца* в значении *стаць*, *зрабіцца*, *мсціцца*, *блукацца*, *дайсціся* в значении *дайсці*, *зайсціся* в значении *зайсці*).

Существуют особенности в оформлении непродуктивных классов глаголов белорусского языка. Здесь важно описать по возможности все глаголы, входящие в эти классы, а именно: глаголы, оканчивающиеся в неопределенной форме на *-ць* (<*-ть*), и глаголы, оканчивающиеся на *-ці* (<*-ти*) с ударением на последнем слоге (*брысці*, *гусці*, *гнясці*, *дзяўбці*, *знайсці*, *забасці*, *расці*, *паўзці*, *цвісці*) или на основе (*грызці*, *весці*, *везці*, *дзерці*, *гнісці*, *верзці*, *грэбці*, *прасцерці*, *есці*, *жэрці*, *лезці*, *мерці*, *месці*, *несці*, *красці*, *клясці*, *класці*, *плесці*, *перці*, *скубці*, *трэсці*, *церці*) и др.

Сюда же примыкает группа глаголов, оканчивающихся в инфинитиве на *-чы* (*-чыся*): *берагчы*, *бегчы*, *дапячы*, *сцерагчы*, *таўчы*, *уцячы*, *магчы*, *зрачыся*, *ссячы*, *узвалачы*, *легчы*, *запрэгчы*, *выпечы*, *высечы*, *выстрыгчы* и некоторые др.

В пособиях для студентов вузов обычно мало говорится об этих глаголах, между тем они составляют такую особенность белорусского языка, которая определенным образом выделяет его среди других близкородственных славянских языков.

Едва ли не самую обширную область, где наиболее ярко проявляется специфика языка, представляет собой словообразование. Белорусскому языку присущи те же способы образования слов, которые известны и другим славянским языкам (морфологический, фонетико-морфологический, синтаксический и др.), но эти способы реализуются в соответствии с общими особенностями грамматической системы белорусского языка и, следовательно, находятся в своеобразных взаимоотношениях друг с другом.

Одной из труднейших задач, которые стоят перед авторами грамматики, является определение общих принципов выделения словообразовательных типов частей речи, поскольку в основе классификации этих типов могут лежать разные исходные данные, например: семантика слова, словообразовательное средство, часть речи, от которой образуется слово, степень продуктивности самого типа и т. д. Так, суффиксальное словообразование имен существительных обычно рассматривают в зависимости от того, что́ обозначает слово — лицо, живое существо, предмет или же отвлеченное понятие; суффиксальное словообразование имен прилагательных анализируется главным образом в зависимости от суффиксов, образующих слово; решающим же при анализе словообразования глаголов и наречий считается производящая основа той или иной части речи.

Таким образом, отсутствие единства в принципах анализа словообразования частей речи может серьезно нарушить стройность описательной грамматики и не позволит прийти к общим выводам о закономерностях процесса словообразования.

Специфические особенности того или иного языка проявляются также в характере и широте использования разных средств словообразования. Так, на месте русского суффикса имен существительных *-тель* белорусский язык чаще всего пользуется синонимичными по значению суффиксами *-нік*, *-льнік* (*выключальнік*, *канавакапальнік*, *збіральнік*), хотя ему известен и первый суффикс (*выхавацель*, *вадзіцель*, *капніцель*); более многочисленной, чем в русском языке, является группа имен прилагательных, образуемых суффиксом *-авіт-*<*-овит-* (*працавіты*, *сакавіты*, *дамавіты*, *басавіты*, *станавіты*, *прагавіты*, *хваравіты*, *самавіты*, *цягавіты* и др.).

Весьма продуктивной является в белорусском языке группа причастий и прилагательных, образуемых посредством суффикса *-л-*, соотносительного с тем же суффиксом древних причастий прошедшего времени (*збялелы*, *пасінелы*, *загарэлы*, *засохлы*, *апусцелы*, *зразумелы*, *звыклы*, *пахілы*). При описании причастий этого типа важно установить не только степень их употребительности, но и их синонимичность с суффиксальными образованиями на *-ш-*, *-ўш-*, а также возможную в определенных случаях взаимозаменяемость тех и других причастий.

При рассмотрении способов образования глаголов очень важно установить соотношение в употреблении форм с суффиксами *-іраваць* и *-аваць*. Характерной особенностью белорусского языка является преобладание в нем глаголов на *-аваць* (*-яваць*), так как иноязычный суффикс *-ір-* здесь не усвоен в такой мере, как в русском. Ср.: *газіфікаваць*, *дыскрэдытаваць*, *дэманстраваць*, *жэстыкуляваць*, *балансаваць*, *ізаляваць*, *салютаваць*, *паэтызаваць*, *кваліфікаваць* и т. д. Однако наряду с этими образованиями белорусский язык под влиянием русского использует также глаголы на *-іраваць*. Это наблюдается в тех случаях, когда глаголы, образуемые суффиксом *-ава-* (на месте *-ірава-*) утрачивают прозрачность своей морфологической структуры. Например: *каменціроваць*, *канваіраваць*, *лакіраваць*, *лагіраваць*, *трэціраваць*, *функцыяніраваць* и др. Следует при этом

учитывать, что между образованиями на *-аваць-* и *-іраваць-* в отдельных случаях существует смысловая разница. Ср. например: *візаваць* и *візіраваць*, *фармаваць* и *фарміраваць*.

Таким образом, перед авторами описательной грамматики белорусского языка стоит ответственная задача — путем тщательного и всестороннего анализа всех явлений, всей грамматической системы показать национальное своеобразие белорусского языка. Но в связи с этим возникает довольно сложный вопрос: как осуществить данную задачу? Безусловно, наиболее простой путь — это пользование приемом сопоставления явлений белорусского языка с соответствующими явлениями других славянских языков. Однако такой прием в описательной грамматике не может быть использован даже в незначительной мере, ибо, если последовательно придерживаться его, то придется очень часто прибегать к фактам другого языка, в результате чего описательная грамматика, по существу, превратится в сопоставительную грамматику определенной группы родственных языков. Все сводится, следовательно, к тому, чтобы, не пользуясь приемом сопоставления, описать современную грамматическую систему в ее характерных, типических чертах, утвердившихся в процессе формирования белорусского национального языка, дать объективное представление о соотношении в современной грамматической системе непродуктивных и живых, продуктивных категорий.

3

Главная задача описательной грамматики состоит в том, чтобы дать описание грамматического строя современного белорусского языка. Однако само собой разумеется, что статическое описание языка вовсе не исключает исторического подхода к изучаемой системе в целом и к отдельным ее явлениям. Это положение вытекает из общей методологии марксизма-ленинизма, который любое явление рассматривает в его развитии и как продукт исторического развития.

Прежде всего следует отметить, что понятие «современный белорусский язык» по своему содержанию довольно широко. Под современным белорусским языком понимается белорусский язык не только на данном этапе его развития, но и язык дооктябрьского периода — примерно с первой четверти XIX в. Последние полтора столетия были насыщены наиболее крупными событиями в истории белорусского народа, и, естественно, это внесло большие изменения в его язык. В течение указанного времени проходил интенсивный процесс формирования белорусского национального языка и, следовательно, процесс унификации и становления грамматических форм, процесс «искания» писателями общих литературных норм выражения. В качестве иллюстраций к сказанному могут служить хотя бы следующие факты.

В наши дни в белорусском литературном языке существует четкое разграничение между глаголами первого и второго спряжения в зависимости от окончания 3-го лица единственного числа (*нясе*, *любіць*). Однако в начале XX в. и даже в 30 — 40-е годы, вследствие отсутствия строго релагментированных норм, в художественной литературе (даже в авторской речи) допустимыми являлись диалектные формы типа *нясець*, с одной стороны, и *бача* — с другой. Первая из этих форм восходит еще к общерусскому периоду, а вторая возникла в некоторых диалектах в результате влияния первоначальных форм на *-е* (*нясе*, *цячэ*). Ср. даже у такого выдающегося поэта, как Я. Купала: *Скубець скаціна, а пастыр пасе, пільнуе ад ваўка* («Пры скаціне»); *Бача падарожны, бача гэта ўсё* («Подарожны»); *Сэрца плача*,

рвецца, душу муча жаль (там же); *Шоўку, золата, атласу, брацi, колькi хваце* («Бандароўна»); *Унуку дзед свайму гавора* («Май»); *А песня аб шчасцi гавора* («Дзень добры, Масква»); *Час як надыйдзе i гром бiтвы ўдара* («Нашаму дэпутату»).

В наши дни форма повелительного наклонения на *-еце* ощущается уже как архаическая, но недавно она считалась еще нормой в литературном языке. Ср.: *Ляцеце, промені, туды...* (Я. Колас); *Не дайце згінуць песняру... З г а н е ц е сум з яго душы* (Я. Купала).

Не так давно в белорусском литературном языке целый ряд глаголов несовершенного вида мог иметь полный суффикс *-ыва-*, *-iва-*, сейчас же эти глаголы по общей норме образуются с суффиксом *-ва-*. К числу первых относятся, например, следующие: *падточывае* (Я. Купала); *вышукiвай* (его же), *расказываць* (его же), *звязывае* (его же), *складывай* (его же), *зведываць* (его же), *пагулiваю* (его же), *размахiвала* (П. Панчанка), *зацягiваю* (его же), *выцягiвалi* (его же) и т. д.

Точно так же нормой считалась форма на *-ох* имен существительных множественного числа предложного падежа. Ср.: *песня об званох* (Я. Колас); *на вуснох* (его же); *у глыбiнох* (его же); *на палёх i на лугох* (его же); *i ў крынiчных б е р а г о х* (его же); *Эх, дарога! Як прыемна на арлох тваiх ляцець* (его же); *да болю ў вачох* (М. Лынькоў). В настоящее же время в предложном падеже множественного числа эти и подобные им существительные имеют окончание *-ах*.

Ясно, таким образом, что не учитывать изменение и становление литературных норм — значит отказаться от подлинно научного описания системы языка в ее развитии. В конечном итоге это привело бы к голой фиксации хронологически разрозненных явлений, к неправильному пониманию современных норм и соотношения продуктивных и непродуктивных категорий. Отсюда — прямой путь к грубым антиисторическим ошибкам. Составители описательной грамматики не должны игнорировать приемов исторического исследования, однако несомненно, что эти приемы необходимо подчинить основному, статическому принципу изучения материала.

В связи с этим возникает довольно трудный для составителей грамматики вопрос: каковы могут быть формы и методы введения элементов истории языка в описательную грамматику?

Как уже неоднократно отмечалось, исторический аспект рассмотрения явлений языка не может быть самоцелью в описательной грамматике, он полностью подчинен статическому изучению и является только вспомогательным. При этом, безусловно, нельзя согласиться с теми языковедами, которые считают, что исторические объяснения могут быть введены в описательную грамматику в «массовом» порядке, т. е. при объяснении многих явлений. В соответствии же с отмеченным исторические комментарии не могут быть даны ни в виде большого приложения ко всей грамматике, ни в виде сравнительно небольших приложений к отдельным главам и частям грамматики. В данном случае, если принцип историзма будет частично применен с целью объяснения фактов, которые не могут быть вполне понятными с точки зрения современных языковых норм, то наиболее рациональными формами осуществления этого принципа должны быть признаны: а) расположение определенных форм и явлений в хронологическом порядке, который позволяет установить историческую перспективу в развитии языка; б) краткие исторические замечания (а может быть даже справки) в ходе изложения материала. Первый из этих приемов может быть применен, например, при рассмотрении флексий *-а*, *-у* имен существительных в родительном падеже единственного числа и *-ей*,

-аў (*-яў*) множественного числа, флексий имен прилагательных женского рода в родительном падеже единственного числа *-ай* (*-ой*), *-ае* (*-ое*) и т. д.

Помимо отмеченных форм, кратких исторических объяснений требуют также отдельные формы глаголов, числительных, местоимений, наречий и т. д. Приведем несколько характерных случаев. Прошедшее время глагола выражается в белорусском языке, как и в русском, единой формой на *-л*, вернее: на *-ў*, *-ла*, *-лі* (*пісаў*, *пісала*, *пісалі*). Однако наряду с этим в белорусском литературном языке под влиянием местных говоров еще довольно прочно удерживается старая форма плюсквамперфекта на *-ў*, *-ла*, *-лі* со связкой *быў*, *была*, *былі* и отчасти *было*. Например: *Ён маю хату быў раскідаў* (К. Чорны): *Каб не выклікаць лішне падазрэння, яна тады была ўладзілася на працу* (І. Мележ); *Яна хацела яшчэ было зайсці на суседні ўчастак, што належаў звяну Аксені Плясковай* (Т. Хадкевіч).

Сам по себе факт наличия этих форм в современном языке, пожалуй, и не нуждается в историческом комментарии, однако дело в том, что к настоящему времени формы эти в большинстве случаев переосмыслились, или, по выражению А. А. Потебни, стали обозначать действие, не дошедшее до надлежащего исполнения, и только отчасти сохраняют свое первоначальное грамматическое значение, т. е. указывают на действие, совершившееся до наступления другого действия. Различия в значениях указанных форм можно видеть хотя бы из следующих примеров.

а) *Яшчэ перад гэтым Пніцкі чуў быў адну гаворку...* (К. Чорны); *Маці раз прыслала была яму пасылку* (его же); *З якою радасцю ён ад'язджаў тады быў дадому!* (его же); *Э-э, ды тут свае, а я быў спужаўся* (І. Шамякін).

б) *Астап расклаў невялічкае цяпельца на камінку, каб абсмаліць курыцу, і толькі ўзяўся быў за гэтую справу, як у сенцах пачуўся тупат шматлікіх ног* (М. Лынькоў); *Аляксей паспрабаваў быў загаварыць з ім, але той маўчаў* (Т. Хадкевіч); *Ён пасядзеў з паўгадзіны, ледзь было не задрамаў, але схамянуўся...* (І. Мележ).

В виде редкого «исключения» в белорусской литературной речи встречается пережиточно старая форма будущего сложного совершенного: *А калі я сама астануся тут яшчэ дзве гадзіны — усё будзе прапала* (К. Чорны). Учитывая, что подобная форма может оказаться непонятной для некоторых читателей, необходимо прибегнуть и в данном случае к историческому объяснению.

Точно так же нуждаются в объяснении со ссылкой на древнюю систему глагола восточных славян формы 1-го лица множественного числа на *-мо*, *-ма*, употребляющиеся в языке художественной литературы под влиянием живых народных говоров центральной части и юга Белоруссии. Ср. в следующих примерах: *Будзьма цвёрдымі* (Я. Колас); *Як-то мы аддамо яму сваю ссыпку, калі ў нас ёсць свой настаўнік!* (его же); *Па дарозе едуць коннікі... Цякайма* (П. Пестрак); *Свае людзі — злічымося* (І. Шамякін).

Совершенно невозможно удовлетворительно объяснить встречающуюся до сих пор в белорусском языке форму будущего времени с древним вспомогательным глаголом *имати*, который ныне в качестве специфической морфемы *-ьм-* (*-ім*) сливается с препозитивным по отношению к нему инфинитивом в одно слово: *Што ўмецьмеш, дык за плячыма не насіцьмеш* (К. Чорны); *А пакуль яна будзе ў бацькі, дык колькі магчыма, дык памагацьме ёй* (его же).

Исторические комментарии потребуются также при описании некоторых синтаксических конструкций и вообще синтаксических явле-

ний. Например, в белорусском языке наряду с обычными инфинитивными предложениями имеются личные и безличные предложения, сказуемое которых выражено неопределенной формой глаголов *чуваць*, *відаць* (без связки или с ней): *Лабановіч стаіўся ў сукромным куточку, адкуль яго не відаць было* (Я. Колас); *Мікола паглядзеў — зводдаля ўжо відаць была вузенькая сіняя істужка Прыпяці* (У. Краўчанка); *Чуваць было, як забіваюць цвікамі скрынкі* (М. Лынькоу); *Пераклікі чуваць былі ў хвалях паміж Нёманам, Дняпром і Бугам* (Я. Купала).

В русском языке в данном случае в качестве сказуемого употребляются главным образом наречные образования *слышно*, *видно*, причем предложение имеет только безличное значение. Под влиянием русского языка иногда и в белорусском находим аналогичные образования от указанных глаголов. Ср.: *Не відаць таксама і Івана Пракопавіча і голасу яго не чутно* (Я. Колас); *А ёй [Волзе] і канца не відно* (П. Панчанка).

Отмеченные выше конструкции с глаголами *чуваць*, *відаць* современного белорусского языка могут быть правильно истолкованы лишь при учете того, что они представляют собой остаток древних восточнославянских конструкций типа: *Видѣти есть манастырь, славьнъ сущь на мѣстѣ томъ* (Житие Ф. Печерского); *...и пущати нача трубами огнь на лодье Руския и бысть видети всемъ людемъ...* (Сузд. летопись); *...а дотоле не слышати было до нее лихого* (Смоленская грамота 1229 г.).

4

Большую работу предстоит провести авторам описательной грамматики по определению общелитературных норм в области грамматического строя. Как известно, литературные нормы белорусского национального языка начали складываться гораздо позже, чем нормы русского языка. Для русского языка наиболее важным периодом в смысле утверждения общих литературных норм был конец XVIII — первая половина XIX в. Уже тогда все основные формы и категории грамматического строя русского языка нашли свое закрепление в разнообразных стилях и жанрах литературы. Решающим в этом отношении явилось творчество гениального Пушкина, который, по выражению Чернышевского, возвел русскую литературу в степень национального достоинства.

Иначе обстояло дело в истории белорусского литературного языка. Особые исторические условия, в которых находился белорусский народ в XVIII и XIX вв., сильно затормозили процесс складывания белорусской нации и ее языка. Достаточно сказать, что в сравнении с русской литературой XIX в. белорусская литература этого же периода была представлена ограниченным числом жанров, направлений и стилей. Совершенно не существовало печатных органов на белорусском языке. Сильно отставала и теоретическая разработка вопросов белорусской литературной речи. Вследствие этого процесс выработки общих норм белорусского литературного языка наиболее интенсивно начинает протекать лишь в конце XIX—начале XX в. С этого времени на общественную и литературную арену выдвигаются такие крупные писатели, как Ф. Богушевич, М. Богданович, Цётка (Э. Пашкевич), а затем Янка Купала и Якуб Колас, положившие начало новой белорусской литературе и, следовательно, закрепившие народную речь в разных стилях и жанрах творчества. Однако процесс выработки общих литературных норм протекал в сложных общественных условиях и, разумеется, не мог завершиться на протяжении указанного периода. Он активно продолжается еще и в наши дни.

В результате отдельные грамматические формы не унифицированы до настоящего времени и употребляются как параллельные наряду с другими конкурирующими формами. Так, например, существительное *двор* в предложном (местном) падеже единственного числа до сих пор употребляют то с окончанием *-э*, то с окончанием *-ы*, без заметных смысловых различий. Ср.: *У раскладзе гаспадарскіх будынін на дварэ таксама не было пэўнага парадку і сістэмы* (Я. Колас); *Мікола не адчуваў себе стомленым і, пакінуўшы ў дварэ гасцініцы матацыкл, вырашыў прайсціся па гораду* (У. Краўчанка); *І калі заўважыла на дварэ постаць нямецкага салдата, яна крыкнула не сваім голасам* (М. Лынькоў); *На двары няйначай бралася на пагоду* (его же); *Потым чую — на дварах заціхла* (М. Ткачоў).

В данном случае закрепить в качестве общей нормы можно было бы форму на *-ы*, которую имеют и все другие подобные существительные (ср.: *у прасторы*, *аб трактары*, *на планеры*, *на зборы*, *аб рэгулятары*, *аб папары*, *на экскаватары*, *у світары*). Форма на *-ы* поддерживается в этом же падеже и существительными женского и среднего рода (ср.: *на паперы*, *у атмасферы*, *на моры*, *на возеры*). Однако следует при этом учитывать и другое — многие имена существительные мужского рода в предложном падеже могут иметь также окончание *-е* (*на сталé*, *у лéсе*). Поэтому всегда нужно иметь в виду степень распространенности параллельных форм.

Нет еще единой нормы в употреблении существительных *плечы*, *вочы* и *дзверы* в творительном падеже множественного числа, которые встречаются со старым окончанием двойственного числа *-ыма* и с более новым окончанием *-амі*:

а) *за плячыма* (К. Чорны); *Бразнуўшы дзвярыма яна села на лаве* (М. Лынькоў); *Я шукаю вачыма, дзе, чароўная, дзе ты?* (П. Броўка); *маршчыністы твар з добрымі шэрымі вачыма* (Т. Хадкевіч); *За дзвярыма пачуўся шум* (У. Краўчанка).

б) *Садоўнік абходзіць вялізарны сад, ён ягады ў гронках трымае ў руцэ, глядзяць яны ў вочы вачамі дзяцей* (П. Броўка); *Пілíпка стаяў расчырванелы, узрушаны, сарамліва лыпаючы вачамі* (М. Лынькоў); *Прачытаць уласнымі вачамі* (М. Ткачоў); *Зябка паціснуўшы плячамі, Сілівон накінуў на сябе стары кажушок* (М. Лынькоў); *Над дзвярамі шарэла аблезлая шыльдачка* (его же). Ср. еще случаи употребления этих существительных с третьим окончанием: *Ён сутуліўся, зябка паціскаў плячмі* (М. Лынькоў); *з вачмі* (П. Панчанка).

Учитывая, что формы двойственного числа даже в диалектах являются отмирающими, вполне естественным было бы решение о закреплении формы на *-амі* в качестве единой нормы творительного падежа множественного числа от названных существительных. Остальные формы следует считать допустимыми в качестве стилистического средства, скажем, для индивидуализации речи персонажей и т. д.

На пути к определению грамматической нормы возникают значительные затруднения в связи с тем, что полностью не выяснено отношение литературной речи к отдельным диалектам и степень влияния диалектов на литературную речь. Так, при рассмотрении падежных форм имён существительных женского и среднего рода мы сталкиваемся, например, с фактом довольно широкого распространения в художественной литературе последних лет (особенно в поэзии) явно диалектных форм родительного падежа множественного числа *-аў*, *-яў*. Например: *некалькі жменяў лазы* (У. Краўчанка); *было шумна ад песняў* (его же); *між струяў фантанаў* (П. Броўка); *каб кожны нават не прысніў ні бомбаў, ні гармат* (его же); *з руінаў узносіцца ў спеве зары наша краіна* (П. Пестрак).

Приведенные формы вносятся в литературные стили писателями, уроженцами центральных и западных белорусских областей. Но этими формами пользуются далеко не все владеющие литературной речью, и в связи с этим возникает вопрос: следует ли данные формы считать уже вполне «олитературенными» и допустимыми наравне с формами типа *кніг*, *машын*, *бяроз*, *ніў*, *дрэў*, *азёр*? Некоторые писатели и языковеды вообще склонны к тому, чтобы первые формы (*-аў*, *-яў*) были узаконены как норма наряду со вторыми формами (с чистой основой). Однако нам кажется, что достаточных оснований для этого еще не имеется, ибо подавляющая масса существительных женского рода отчетливо сохраняет особенности своего склонения как в литературном языке, так и в большинстве народных говоров, т. е. они не приобретают, как правило, окончания *-аў* (*-яў*), характерного для родительного падежа множественного числа существительных мужского склонения (типа *таварышаў*, *трактараў*, *ботаў*, *запісаў* и т. д.). Вообще трудно себе представить, чтобы в ближайший период развития белорусского национального языка имена существительные женского рода целиком перешли в склонение имен мужского рода. Если же такая тенденция и получит силу, то процесс этот будет, очевидно, длиться очень долгое время — до тех пор, пока данное явление не станет общенародным. Но, по всей видимости, следует ожидать как раз обратного изменения или сильного нормализующего влияния на указанные диалектные формы литературных форм.

В этой связи уместно напомнить, что крупнейшие писатели, основоположники современной белорусской литературы, Янка Купала и Якуб Колас, как уроженцы центральных районов Белоруссии, очень строго относились к выбору той или иной формы. В их произведениях, в особенности в произведениях Я. Коласа, чрезвычайно ограничены формы существительных женского рода родительного падежа множественного числа на *-аў* (*-яў*), т. е. эти формы представлены здесь как редкие исключения из общего правила.

Таким образом, все факты говорят в пользу того, чтобы формы существительных женского рода с чистой основой считать литературной нормой, а формы *-аў*, *-яў*, — допустимыми в литературном языке только в отдельных случаях — при наличии в конце основы труднопроизносимого стечения согласных (например, *коўдраў*, *мётлаў*).

Подобно тому, как и в других падежах, в предложном (местном) падеже наблюдается параллельное употребление двух форм некоторых существительных первого склонения — *-і*, *-ю*: *Па ўсім шырокім полі густа ўзнімаліся ўгару струмені дыму* (К. Чорны); *Мы крочым па полю, па дымнай расе* (П. Панчанка). Учитывая, что первая форма (на *і*) является более распространенной (ср. с другими предлогами: *на полі*, *аб полі*, *пры полі*), в грамматике следует рекомендовать ее в качестве общей нормы.

Нет еще достаточной ясности в принципах разграничения флексий *-а* и *-у* существительных мужского рода в родительном падеже единственного числа. В результате этого одни и те же имена можно встретить в литературе и с флексией *-а* и с флексией *-у*: *ільда — ільду*, *грома — грому*, *хмызняка — хмызняку*, *аналіза — аналізу*, *бэза — бэзу*, *склона — склону*, *гука — гуку* и т. д.

Все еще не установлены нормы в отношении употребления притяжательных и вообще неличных местоимений женского рода в родительном падеже. Так, в литературной речи в одних случаях находим форму на *-е*, а в других на *-ей* (*-ёй*): *свае — сваей — сваёй*, *твае — тваей — тваёй*. В литературном языке точно так же сосуществуют две формы притяжательного местоимения мужского и среднего рода: *яго*

и *ягоны*. Вторая форма, образованная по типу членных прилагательных с суффиксом *-н-*, диалектная, но она довольно часто фигурирует не только в более ранних произведениях, но и в произведениях последнего времени. Например: *з ягонае дубровы* (А Куляшоў); *нават не адказалі на ягонае прывітанне* (М. Ткачоў); *не бачылі ягонай постаці* (его же). Нередкими в поэзии, да и в прозе являются, наряду с обычными, полные формы местоимений *наш, гэты: нашая, нашае, нашыя, гэтая, гэтае*.

Во всех этих случаях определенные формы местоимений также должны быть регламентированы описательной грамматикой как единая норма литературной речи.

Без учета отношения литературной речи к местным диалектам не могут быть с достаточной глубиной определены некоторые нормы и в области глагольной системы. Приведем только некоторые примеры. В центральных белорусских говорах при необходимости обозначить так называемое «насыщенное» многократное совершенное действие соответствующий глагол образуется с помощью двух одинаковых префиксов *папа-*: *папагуляў, папаездзіў* и т. д. Эта яркая диалектная черта отражена и в произведениях некоторых писателей, например, в произведениях К. Крапивы и, особенно, К. Черного. Ср.: *І ты тут гліны папакідаў* (К. Чорны); *Папацягалі за гэту зямлю* (К. Крапіва); *Гэтулькі яна тут адных камянёў папацягала, гэтулькі дзірвану гэтага пападрыла* (К. Чорны); *Яна папакруціла іх [жорны] аж цераз поўдзень* (его же); *Маладзюсенькая Тэкля папаплакала* (его же); *Яны за кіламетраў гэтых дзесяць ці мала папавазілі з гарадского рынку гною* (его же).

В новом белорусско-русском словаре подобные образования квалифицируются как «разговорные» и, следовательно, как присущие определенному стилю литературной речи. Однако для этого вряд ли есть основания, потому что они локализировались на сравнительно небольшой территории народных говоров южнее Минска и не характерны для разговорного стиля литературного языка в целом. Наличие же в отдельных случаях этих образований в литературно-художественных произведениях объясняется или чисто стилистическими причинами, или влиянием определенных говоров на речь автора.

Употребление параллельных форм глаголов повелительного наклонения 2-го лица единственного числа целиком обусловлено наличием соответствующих параллельных форм в живых говорах современного белорусского языка. Ср. в художественной литературе: *Будзе горача бясконца, Хоць садзіся, адпачынь!* (Я. Колас); *Калі стаміўся, то вылязай, адпачні!* (Э. Самуйлёнак); *Людзей пасаромся* (М. Лынькоў); *Нічога, Саламон, не саромейся* (Я. Брыль).

Сделанное замечание касается в такой же мере и форм 2-го и 1-го лица множественного числа глаголов повелительного наклонения, что видно хотя бы из следующих примеров: *Ідзіце унь туды...* (К. Чорны); *Ідзеце, займайце і жывеце* (его же); *Дзень стаяць будзьма гатовы* (Я. Колас); *Будзем стаяць адзін за аднаго* (его же); *Спяшаймася, таварыш Захар!* (М. Лынькоў); *Паспяшаемся, пакуль не позна!* (І. Мележ).

В литературном языке замечается параллелизм в употреблении причастий действительного залога прошедшего времени, обусловленный влиянием территориальных говоров. Это явление может быть проиллюстрировано такими характерными случаями: *Вароты на дварэ былі замкнёны* (Я. Колас); *Сцяжыны замкнуты туды...* (Я. Купала); *Вока яго адно было зацягнена бельмаю* (К. Чорны); *Так правадзіць работу, каб кожны савецкі чалавек быў уцягнены ў яе* (М. Лынь-

коў); *І граната дужай кінута рукой* (П. Панчанка); *Усе здагадкі былі адкінены* (К. Чорны); *Жанчына была ў белым адзенні, толькі паверх апранена ў кароткую чорную світку* (его же); *Перад палацам на снезе трапятаўся, праколаны штыком, белавусы пан* (его же); *Любы бацька і брат і сястрычка штыкамі заколаты* (П. Панчанка).

В ряде случаев ощущается отсутствие регламентированных норм также в области словообразования, вследствие чего одно и то же значение или близкие оттенки значения в разных словах нередко передаются при помощи разных морфологических средств. Один характерный пример. В недавно опубликованном «Русско-белорусском словаре» к русским именам прилагательным *кольчатый*, *брусчатый* приведены белорусские соответствия с теми же суффиксами — *кольчаты*, *брусчаты*. Однако при других однотипных образованиях русского языка находятся белорусские прилагательные уже с иными суффиксами. Ср.: *клетчатый — клятчасты*, *крупчатый — крупчасты*, *трубчатый — трубчасты* и *трубкаваты*, *губчатый — губкаваты* (наряду с *губчаты*), *зубчатый — зубчасты*, *створчатый — створкавы*, *сетчатый — сеткаваты*, *блинчатый — блінчасты*, *нитчатый — ніткаваты* и т. д.

Все приведенные выше факты свидетельствуют о том, что современный белорусский литературный язык нуждается в дальнейшей нормализации, в дальнейшем упорядочении грамматических правил. Самым авторитетным руководством в этом отношении должна явиться академическая грамматика белорусского языка, в которой авторы обязаны вывести общие закономерности в развитии всех языковых явлений в их системе и взаимообусловленности.

5

В тесной связи с рассмотренными теоретическими проблемами описательной грамматики находится и вопрос о ее структуре, т. е. о порядке размещения ее частей и разделов, о содержании этих частей, о том, где должны рассматриваться явления, относящиеся одновременно к разным сторонам языка (скажем, к морфологии и синтаксису, к морфологии и лексике) и т. д.

Грамматика будет состоять из двух частей. Первая часть будет содержать введение, в котором будут освещены общие проблемы развития современного белорусского литературного языка и основные вопросы фонетики и морфологии, и десять разделов, соответствующих системе частей речи: имя существительное (назоўнік), имя прилагательное (прыметнік), имя числительное (лічэбнік), местоимение (займеннік), наречие (прыслоўе), глагол (дзеяслоў), предлог, (прыназоўнік), союз (злучнік), частицы (часціцы) и междометия (выклічнікі). Кроме того, в книге будут рассмотрены слова, не составляющие самостоятельных частей речи, т. е. «категория состояния» и модальные слова.

Вторая часть Грамматики — синтаксис белорусского языка. Она будет состоять из введения, в котором освещаются общие вопросы синтаксиса, и следующих больших разделов: словосочетание, типы простых предложений, члены предложения, порядок слов в простом предложении, однородные члены предложения, обособленные члены предложения, вводные слова и предложения, типы сложных предложений, прямая речь.

Определяя основные очертания описательной Грамматики белорусского языка, необходимо остановиться бегло на некоторых нерешенных вопросах размещения изучаемого материала.

Остановимся прежде всего на вопросе об отношении фонетики к грамматике вообще и на том, следует ли включать фонетику в опи-

сательную грамматику, в частности. В нашем языкознании данная проблема, как известно, не нашла еще окончательного решения и время от времени дискутируется в научных кругах, хотя, например, составители «Грамматики русского языка» (Изд-во АН СССР, 1952 г.) выразили вполне определенную точку зрения на затронутый вопрос: они с некоторыми оговорками включили фонетику в том I, посвященный морфологии.

Звуковой строй, в целом являясь материальной оболочкой языка, разными своими элементами далеко не одинаково относится к другим сторонам речи, в частности к морфологической структуре слова. Одни звуковые изменения в современной системе закономерно сопровождают те или иные изменения форм и категорий слова и, следовательно, приобретают функции морфологических средств (ср., например, различные чередования звуков при образовании падежных форм существительных, личных форм глаголов, классов и видов глаголов). Другие же фонетические явления или совсем не связаны или в малой степени связаны с категориями грамматики, т. е. существенным образом не влияют на их формальные видоизменения и остаются преимущественно в пределах самого звукового строя.

Таким образом, место фонетики в описательной грамматике должен определить в конечном счете самый характер взаимоотношений звукового и грамматического строя. Поскольку предметом изучения в данном случае является именно грамматический строй белорусского языка, а фонетика составляет вполне самостоятельную отрасль языкознания, то включение фонетики в качестве самостоятельного раздела описательной грамматики является в определенной мере условным.

В связи с изучением морфологии подлежит решению вопрос о месте рассмотрения словообразования имен существительных, прилагательных, глаголов и наречий. По установившейся традиции школьные и вузовские пособия обычно включают словообразование в раздел, посвященный частям речи. Основанием для этого является то, что каждая часть речи обладает своими особыми способами и морфологическими средствами словопроизводства. Но при этом не учитывается, что не все словоообразовательные типы базируются только на морфологических средствах (префиксах, суффиксах). Есть, как известно, синтактико-морфологические способы образования слов, особенно в именах существительных и прилагательных. А это уже выводит словообразование за пределы собственно морфологии. Более того, каждое вновь образованное тем или иным способом слово становится и определенной лексической единицей с присущим ей вещественным значением. Если же учесть еще, что в ряде случаев при помощи словообразовательных средств выражаются также экспрессивно-оценочные и стилистические категории, то станет ясным, насколько область словообразования является многосторонней и разноплановой. При таком положении вполне закономерно возникает вопрос о месте словообразования среди других разделов языкознания и о возможности выделения словообразования в самостоятельный раздел описательной грамматики белорусского языка.

Далее, не безразличным при установлении структуры грамматики является и вопрос о порядке размещения материала внутри каждого раздела (или каждой части речи, типов предложений, словосочетаний и т. д.). Так, например, глагольные категории могут рассматриваться в следующем порядке: залог, вид, время, наклонение, лицо; или: время, вид, наклонение, лицо, залог и т. д. В данном случае целесообразность принятия того или иного порядка описания указанных

категорий должна определяться общим «весом» категорий в системе глагола, историческими закономерностями их развития, взаимодействием их между собой и рядом других соображений.

Структура грамматики будет зависеть также оттого, насколько точно будут разграничены предмет морфологии и предмет синтаксиса. Существует ряд явлений, которые имеют отношение как к области морфологии, так и к области синтаксиса, но какие стороны этих явлений должны рассматриваться в морфологии и какие в синтаксисе — не всегда ясно. Подлежат, например, обсуждению случаи перехода одной части речи в другую (субстантивация прилагательных и причастий-прилагательных, употребление предлогов в роли союзов, падежных форм существительных в роли союзов и др.). Особенно трудным является вопрос о классификации и функциональных значениях предлогов и союзов. При рассмотрении этих частей речи наряду с выяснением их происхождения и состава (т. е. собственно морфологической стороны) изучаются также синтаксические типы их и их функции в словосочетаниях и предложениях. Но об этом должна идти речь также в синтаксисе. В результате подобного неразличения предмета морфологии и синтаксиса происходит дублирование грамматического материала, что, безусловно, сказывается на стройности грамматики.

При выработке структуры грамматики большие затруднения вызывают разного рода «переходные» случаи в области синтаксических явлений. Возьмем несколько примеров из области синтаксиса сложного предложения. В языке художественной литературы, да и в других стилях современного белорусского литературного языка, очень распространены сложные предложения с присоединительными отношениями, выражаемыми разными сочинительными союзами (*а*, *и*, *ды*, *але*), а в ряде случаев и другими средствами. Основная функция этих присоединительных предложений — передавать разные дополнительные замечания и сообщения к тому, что уже высказано в предыдущем предложении. Например: *Мне сам казаў Пятрусь Грыхінін, і лгаць жа ён не быў павінен: Дадому ехаў ён з Княжога, Вакол няма нідзе нікога, і ціха ўсё, як-бы зацята...* (Я. Колас); *Такіх было тут жартаў, смехаў, Што ўсіх трасло і калаціла, І дзядзьку смехам захваціла* (его же). Однако поскольку дополнительные сообщения, выражаемые присоединительными предложениями, возникают в связи с содержанием предыдущих предложений, чисто присоединительные значения могут осложняться такими смысловыми оттенками, которые нередко сближают сложносочиненные конструкции с сложноподчиненными, и, таким образом, создают какой-то промежуточный тип синтаксических построений, тип реально существующий, но обычно не учитываемый ни в школьных учебниках, ни в вузовских пособиях. Так, в частности, предложения, присоединяемые союзом *и*, могут приобретать оттенки причинных, причинно-следственных, результативных, условно-временных и других отношений, хотя с формальной стороны они считаются сложносочиненными. См. в следующих примерах из произведений Я. Коласа: *Аб плаце мы дамовімся лёгка, і крыўды мець ты не будзеш; Міхал абураны глыбока, І гнеў мяняе яго вочы; Ён [Талаш] знайшоў свайго зняволенага сына, і сын яго з ім на волі.*

С другой стороны, в отдельных синтаксических конструкциях, называющихся сложноподчиненными, наличествуют такие черты, которые не позволяют видеть в данных конструкциях только зависимые синтаксические связи. Например, в предложениях с уступительным союзом *хоць*(*хаця*) могут употребляться еще союзы *але*, *аднак*, *ды*, выполняющие, как известно, сочинительные функции (противитель-

ности и др.). Ср.: *Хоць складанае пастаўлена пытанне, Але прост на яго адказ* (П. Глебка).

Сложноподчиненные предложения с условным союзом *калі* могут выражать не только отношения условные, но и сопоставительно-сравнительные, находящиеся уже в другой области — области сочинения. Например: *Калі супрацоўніцтва паміж СССР і ЗША было магчыма ў перыяд вайны, то тым больш яно магчыма ў мірны час* (Из газет).

Как и в русском языке, в белорусском среди сложных предложений с структурными частями, соединяемыми при помощи относительных местоимений, есть предложения, в которых так называемая «зависимая» часть выполняет роль не определительного придаточного предложения, а роль предложения с распространительно-повествовательной функцией. Это наблюдается главным образом в тех случаях, когда при союзных словах *які*, *каторы*, *чый* отсутствует соотносительное местоимение *той*, указывающее на конкретный, определенный предмет. Ср.: *Пачынаючы ад Брэста і канчаючы Пяцігорскам, бяздушны і механізаваны немец спатыкаўся з чалавекам, душу з якога механізацыя не вырывае і не падначальвае сабе* (К. Чорны).

Таким образом, и в данном случае задача авторов грамматики состоит в том, чтобы дать исчерпывающую характеристику всему разнообразию видов сложных предложений на основе анализа конструктивных и смысловых отношений, существующих между частями этих предложений, чтобы различного рода переходные типы конструкций, заключающие в себе одновременно и подчинительные и сочинительные отношения, были представлены не как исключения и отклонения, а как исторически закономерные явления постоянно развивающейся синтаксической системы. Только в результате детального, исчерпывающего описания подобных случаев можно будет внести существенные изменения и поправки в существующую классификацию сложных предложений.

К. Е. МАЙТИНСКАЯ

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГРАММАТИК ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

Вопрос о принципах составления описательных грамматик включает в себя целый ряд общих вопросов, охватить которые полностью в рамках одной статьи едва ли представляется возможным. Остается ограничиться лишь несколькими группами вопросов, которые наиболее выпукло отражают специфику проблематики описательных грамматик данной семьи языков. Эти группы вопросов относятся: а) к типам существующих описательных грамматик финно-угорских языков; б) к унификации терминологии в описательных грамматиках финно-угорских языков и в) к освещению грамматического строя в описательных грамматиках финно-угорских языков.

Естественно, что ни одна из этих групп вопросов не будет даже приблизительно исчерпана в рамках одной небольшой статьи.

ТИПЫ СУЩЕСТВУЮЩИХ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГРАММАТИК ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

Составление подробных научных описательных грамматик многих литературных индоевропейских языков имеет традиции, выработанные в течение десятилетий или даже столетий. Русская грамматическая наука, например, создала целый ряд фундаментальных трудов, посвященных описанию системы литературного русского языка. Таковы: «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, «Русская грамматика» А. Х. Востокова, «Общий курс русской грамматики» В. А. Богородицкого, «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова и др.[1] Появление последней в этом ряду трехтомной академической «Грамматики русского языка», вышедшей в 1952—1954 гг., представляет собою выдающееся событие в истории русского языкознания.

Следует отметить, что ни один из современных финно-угорских языков не получил еще такого тонкого, подробного и всестороннего освещения, какое получил русский язык в указанных выше грамматиках. Долголетние традиции венгерского языкознания связаны с созданием первоклассных исторических и сравнительно-исторических грамматик. Таковы: «Сравнительная морфология угорских языков» Й. Буденца [2], «Венгерский язык» Ж. Шимони [3], «Финно-угорское языкознание» Й. Синнеи и его же «Срав-

[1] См. предисловие к т. I «Грамматики русского языка» (М., Изд-во АН СССР, 1952).

[2] Budenz J. Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana. Budapest, 1881.

[3] Simonyi Zs. A magyar nyelv. Budapest, 1889.

нительная грамматика венгерского языка»[4], «Исторический синтаксис венгерского языка» А. Клемма[5] и др.

Описанию системы современного венгерского языка в Венгрии посвящались большей частью учебники, краткие грамматики, популярные очерки, содержащие лишь скудные сведения, при помощи которых школьник, иностранец или просто интересующийся читатель имел возможность получить некоторое понятие о строе венгерского языка. Особое место занимает ценная (хотя теперь уже несколько устаревшая) грамматика венгерского языка Ж. Шимони и Й. Балашша — нечто среднее между описательной и исторической грамматикой[6]. В некоторых книгах, изданных вне Венгрии, строй венгерского языка был освещен более или менее полно, но в совершенно ином плане, чем это делалось в венгерских изданиях[7].

Приблизительно так же обстояло с изучением финского языка и сравнительно-историческими исследованиями финно-угорских языков в Финляндии и в дореволюционной России. Наряду с такими ценными работами по исторической грамматике и сравнительно-историческому финно-угорскому языкознанию, как «Строй финского языка» А. Альквиста[8], «Историческая фонетика общефинского языка» Э. Сетэлэ[9], «Строй и развитие финского языка» Л. Хакулинена[10] и другими, до самого последнего времени издавались такие скромные по объему или задачам описательные грамматики, как «Учебник финского языка» Э. Сетэлэ[11], «Учебник финского языка» Кеттунена[12]. Только недавно вышла большая грамматика А. Пенттилэ[13].

Подобное положение вещей можно, по-видимому, объяснить тем, что венгерские и финские языковеды не считали составление описательных грамматик настоящей научной работой, так как не отдавали себе отчета в том, что при работе над описательной грамматикой литературного языка автор сталкивается с такими проблемами, которые при составлении исторических грамматик даже не возникают. Кроме того, и научная описательная грамматика не лишена историзма, если она показывает грамматические явления в их развитии, выделяя отмирающие и возникающие.

В других условиях развивается грамматическая наука по финно-угорским языкам в Советском Союзе. Эти языки, распространенные на территории СССР, имеют (кроме финского и эстонского) очень молодую письменность. Подробные описательные грамматики новых литературных языков создаются впервые. Из уже появившихся работ можно отметить, в частности, описание пермских[14] и мордовских[15] языков. Составляются описательные грамматики и по остальным финно-угорским языкам.

---

[4] Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Berlin—Leipzig, 1910 (1922²); Szinnyei J. Magyar nyelvhasonlítás. Budapest, 1927.

[5] Klemm A. Magyar történeti mondattan. Budapest, 1928—1942.

[6] Simonyi Zs., Balassa J. Tüzetes magyar nyelvtan. Budapest, 1895.

[7] См. J. Lotz. Das ungarische Sprachsystem. Stockholm, 1939; К. Е. Майтинская. Венгерский язык, т. I. М., 1955; т. II, 1959; т. III, 1960.

[8] A. Ahlquist. Suomenkielen rakennus. Helsinki, 1877.

[9] E. N. Setälä. Yhteissuomalainen äännehistoria, I—II. Helsinki, 1890—1891.

[10] L. Hakulinen. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1941—1946.

[11] E. N. Setälä. Suomen kielen lauseoppi. Helsinki, 1880; E. N. Setälä. Suomen kielioppi, Äänne-ja sanaoppi. Helsinki, 1898.

[12] L. Kettunen. Suomen kielioppi. Helsinki, 1934.

[13] A. Penttilä. Suomen kielioppi. Porvoo—Helsinki, 1957.

[14] Например: Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949; Современный коми язык. Под ред. В. И. Лыткина и при его соавторстве. Сыктывкар, 1955.

[15] М. Н. Коляденков. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков, ч. II — Синтаксис. Саранск, 1954.

Существующие описательные грамматики финно-угорских языков можно классифицировать по двум принципам: а) по распределению материала между отдельными разделами грамматики и б) по привлечению дополнительных материалов из области теории и истории языка, а также общего языкознания.

По распределению материала между отдельными разделами описательные грамматики финно-угорских языков довольно разнообразны. В венгерских грамматиках, изданных в Венгрии, морфология (в ее обычном понимании), как правило, отсутствует: вместо нее имеется часть, называемая «Учением о слове» (szótan), куда входит (кроме классификации и определения категорий слов) прежде всего словообразование, а также сведения лексического порядка: о словарном составе, об изменении значений слов, о стилистическом использовании слов и т. д. Сюда обычно относят довольно большой раздел о правильности употребления слов. Парадигмы же изменения имен, местоимений и глаголов и правила употребления грамматических форм вместе с учением о предложении приводятся в синтаксисе. По такому принципу построена книга Й. Балашша «Венгерский язык»[16], а также ряд венгерских школьных грамматик [17]. Подобным образом будет составлена и описательная грамматика венгерского языка, проектируемая Венгерской академией наук [18]. Особое место среди грамматик финно-угорских языков занимает указанная выше «Грамматика литературного коми языка» Д. В. Бубриха, в которой автор синтаксис поставил на первое место. Однако хотя он и намеревался морфологию рассмотреть в связи с синтаксисом, это ему не удалось: в грамматике морфология так и осталась по существу самостоятельным разделом, не подчиненным синтаксису.

Уместно будет еще сказать несколько слов и о других грамматиках, где на первом месте стоит синтаксис, за которым следуют лексика и морфология; если имеется фонетика, то она дается после морфологии. Так построены «Краткий очерк грамматики удмуртского языка»[19] и некоторые учебники венгерского языка [20].

Гораздо больше распространены такие описательные грамматики финно-угорских языков, в которых подробно разработаны лишь фонетика и морфология, а синтаксиса совсем нет или же он очень краток. В этих грамматиках довольно часто даже сведения о способах синтаксических связей приводятся в морфологии. Само собой разумеется, что функции грамматических форм (падежей, времен, наклонений и т. д.) освещаются также в морфологии. К такому типу относятся «Грамматика коми языка» И. И. Майшева[21], «Эрзя-мордовская грамматика-минимум» Д. В. Бубриха[22], «Краткий грамматический справочник венгерского языка»[23]. Из грамматик, изданных в России до Великой Октябрьской социалистической революции, можно отметить «Опыт мокша-мордовской грамматики» А. Альквиста [24], где, собственно, описывается диалект мордовского языка, существовавший до создания литературного языка. В таких грамматиках обычно ничего или почти ничего не говорится о сложных предложениях.

---

16 См. русский перевод (М., 1951).

17 Benkő L., Kálmán B., Magyar nyelvtan az ált. gimnáziumok, I—IV, oszt. számára. Budapest (без указания года изд.).

18 См. статью Й. Томпа в журнале «Magyar nyelv» (XLIX, 3—4 sz. Budapest, 1953).

19 См. Приложение к «Удмуртско-русскому словарю» (М., 1948).

20 См. Magyar nyelvtan az ált. iskola V—VIII oszt. számára. Budapest, 1950.

21 Сыктывкар, 1940.

22 Саранск, 1947.

23 См. Приложение к «Венгерско-русскому словарю» (М., 1951).

24 A. Ahlquist. Versuch einer Mokscha-mordwinischen Grammatik. St.-Petersburg, 1861.

В кратких описательных грамматиках преобладание морфологии над синтаксисом или, наоборот, синтаксиса над морфологией вполне оправдано. Естественно, что при небольшом объеме автор вынужден ограничить себя и берет за основу изложения грамматических явлений лишь один из ведущих аспектов, тот, который ему кажется более подходящим. Этот аспект иногда подсказывается спецификой самого описываемого языка. Так, для аналитического английского языка более подходящим является аспект синтаксиса. Спорным представляется вопрос о кратких описательных грамматиках синтетических языков. Многие, в том числе и мы, более целесообразным считают изложить все, что только возможно, в морфологическом плане.

Что же касается подробных научных описательных грамматик, то в них тщательное детальное рассмотрение грамматических явлений в обоих ведущих аспектах является не только полезным, но и необходимым. Едва ли целесообразно отказываться от богатых возможностей такого комбинированного метода только из страха перед повторениями. При умелом сочетании этих двух разделов грамматики о механических повторениях не может быть и речи, поскольку грамматические явления таким образом освещаются с разных сторон, в системе разных связей, в разных по своему существу рядах грамматических фактов.

Приведем несколько примеров. В некоторых венгерских грамматиках, где морфологические факты объясняются на основе синтаксиса, парадигмы падежного склонения отсутствуют. Падежные форманты в них рассматриваются лишь как выразители каких-либо значений, например местных, временны́х, причинных, образа действия и т. д., или как выразители отдельных членов предложений: подлежащего, сказуемого, прямого дополнения, разных обстоятельств и определений. Однако в таких случаях падежные форманты никак не отграничены от словообразовательных суффиксов. Так, выразителями обстоятельства образа действия у Балашша оказываются и *-lag*, *-leg* и *-képp*, *-ként*[25], хотя первые два являются словообразующими суффиксами наречий (ср. egyhangúlag 'единогласно') и никогда не выступают падежными оформителями, вторые же часто употребляются в такой функции. Например: Egy rész, Lakatcs-Peterd, külön *birtokként* egészen az újabb időkig fentmaradt (Szabó P. Új föld, 2 fej.). 'Одна часть, Лакатош-Петерд, в качестве отдельного имения сохранилась вплоть до настоящего времени'.

В той же грамматике суффиксы *-szor*, *-szer*, *-ször*, наряду с другими оформителями, как, например, *-val*, *-vel* или *-ért*, рассматриваются как оформители обстоятельств[26]. Однако известно, что *-szor*, *-szer*, *-ször* никогда не могли выступать падежными прилепами, а *-val*, *-vel* или *-ért* почти всегда оформляют падеж (ср. a magyar katonákkal 'с венгерскими солдатами', az igaz ügyért 'за правое дело' и т. д.). Совсем к другим результатам приходит исследователь, если падежные оформители им рассматриваются не только как выразители разных членов предложения, но так же как элементы системы форм изменения имен. В таком случае форманты *-lag*, *-leg* и *-szor*, *-szer*, *-ször* никак не могут оказаться в парадигме изменения существительных, а найдут свое место лишь в ряду словообразовательных суффиксов наречий.

В эрзя-мордовском языке обстоятельство образа действия может быть выражено наречиями на *-сто*, *-стэ*, например, *парсте неемс* 'хорошо видеть', *мазыйстэ морамс* 'красиво петь' и т. д. Однако при ис-

---

[25] См. Й. Балашша. Венгерский язык (русский перевод) § 254.
[26] Там же.

следовании функции падежа на *-сто*, *-стэ* (т. е. при исследовании в морфологическом аспекте) обнаруживается, что оформители *-сто*, *-стэ*, присоединяясь к существительному и образуя элатив, выражают несколько значений: место, время, материал (из которого сделан предмет) и т. д.. но образа действия не обозначают [27].

Можно указать еще на другое преимущество рассмотрения форм и значений падежей в разных аспектах. В венгерском языке обстоятельство времени, отвечающее на вопрос «когда?» может быть выражено многими падежами: падежом на *-kor*: minden karácsonykor 'в каждое рождество'; на *-n*: egész télen 'всю зиму'; на *-val*, *-vel*: kora tavasszal 'ранней весной'; на *-ban*, *-ben*: minden évben 'каждый год'; на *-nál*, *-nél*: nyári napnak alkonyulatánál 'летним вечером'; основной формой: késő este 'поздно вечером'. Однако, отправляясь не от членов предложения, а от функций форм (т. е. беря за основу морфологический аспект), исследователь получает другие результаты. Тогда выясняется, что формант *-kor*, кроме вышеуказанного временного значения, другого значения не имеет, но форманты *-val*, *-vel* обозначают также (и даже в первую очередь) совместного исполнителя действия: beszélgetni a fiatal leánnyal 'разговаривать с молодой девушкой'; орудие действия: éles késsel szelni 'резать острым ножом'; исполнителя действия при каузативных глаголах: más emberrel iratni a levelet 'заставить другого человека написать письмо'; меру количества: ket évvel idősebb 'старше на два года'; образ действия: nyugodt lelki-is merettel felelni a kérdésre 'ответить на вопрос со спокойной душой'.

Возьмем другой пример. В разделе морфологии можно не только изложить способы образования инфинитива от глагольной основы, но также и описать употребление инфинитива и его сочетаемость с финитными формами глаголов. В синтаксисе инфинитив не может получить такого цельного освещения. Там он уже выступает или как член словосочетания определенного типа или как один из выразителей того или иного члена предложения; в последней функции он окажется в одном ряду с другими категориями слов. Так, в венгерском обороте elment csónakázni 'он пошел кататься на лодке' инфинитив csónakázni 'кататься на лодке' является таким же выразителем цели действия, как и существительное kenyérért 'за хлебом' в обороте elment kenyérért 'он пошел за хлебом'.

Можно привести в качестве примера еще вопрос о формах времен и наклонений. Форманты и значения этих грамматических категорий должны рассматриваться и в разделе морфологии, и в синтаксисе; во втором случае они встречаются как формы сказуемого различных типов предложений. Однако повторение и здесь не грозит, в чем мы можем убедиться на следующем примере: известно, что в венгерском языке форма повелительного наклонения может выражать желание, побуждение, призыв, совет, допущение, сомнение и т. д. Однако побудительность предложения может обозначаться не только формой повелительного наклонения сказуемого, но также и формой изъявительного наклонения: most pedig velem *jössz!* 'а теперь ты *пойдешь* со мной'; формой инфинитива, далее послеложным личным местоимением: Lápyok *maradni*! A többiek *utánam*! 'Девушки — *остаться*! Остальные *за мной*', глагольной приставкой: *Ki* innen! '*вон* отсюда!' и даже междометиями: rajta! 'давай!', 'начинай!' no! 'давай!'.

---

[27] См. А. И. Бочкаева. Семантика внутренно-местных падежей в эрзя-мордовском языке. «Зап. Мордовского НИИ», серия «Язык и литература», № 14. Саранск, 1953, стр. 85—90.

Описательные грамматики финно-угорских языков различаются также по численности и объему разделов. Так, в традиционных грамматиках венгерского языка раздел «учение о слове» содержит лексическую часть вместе со словообразованием [28]. В некоторых других грамматиках венгерского языка и вообще финно-угорских языков словообразование выделено в особый раздел [29]. В третьих случаях словообразование включено в морфологию [30]. Подобные расхождения, на наш взгляд, являются менее существенными, чем расхождения в понимании соотношения морфологии и синтаксиса.

Описательные грамматики финно-угорских языков значительно разнятся и по привлечению дополнительного материала. Так, например, в некоторых кратких грамматиках почти или полностью отсутствует анализ теоретических вопросов, нет ссылок на использованную литературу, не приводятся справки из истории языка или диалектов. Таковы «Эрзя-мордовская грамматика-минимум» Д. В. Бубриха, «Краткий грамматический очерк финского языка» Ю. С. Елисеева [31] и многие другие. Подобные грамматики преследуют только практическую цель: дать минимум необходимых сведений о рассматриваемом языке.

Было бы ошибочно думать, что привлечение «дополнительных» материалов противоречит понятию об описательных грамматиках. Так, сведения из диалектов, а также справки из истории исследуемого языка (когда они подчинены общей задаче грамматики) могут объяснять кажущиеся непоследовательности в строе современного языка и, таким образом, способствовать лучшему и более сознательному усвоению материала. Постановка и разрешение различных проблем, освещение разных мнений относительно трактовки отдельных грамматических явлений (с указанием на предшествующую литературу по этим вопросам) делают изложение материала разнообразным, интересным и весьма расширяют кругозор читателя. По такому принципу построены, например, коллективная работа «Современный коми язык» и «Венгерский язык» К. Е. Майтинской. Довольно удачно сочетаются справки из истории языка с материалами современного языка в приведенной грамматике Й. Балашша.

В грамматиках родного языка обычно содержатся и такие разделы, которые собственно не являются специфичными для данного языка. Таковы вопросы, относящиеся к общему языкознанию, например, определение языка вообще, теории о происхождении и путях развития языков, об отношении литературного языка и диалектов к общенародному языку, описание речевого аппарата, понятие о фонетической транскрипции и т. д. Включение подобных разделов совершенно оправдано, например, в грамматике венгерского языка Й. Балашша, написанной для венгров, и в упомянутой грамматике современного коми языка (предназначенной для вузов Коми АССР), так как читатель, изучающий грамматику родного языка, на самом доступном ему материале как бы попутно получает минимум знаний о языке, о языковых явлениях вообще. Естественно, что такие сведения не являются необходимыми в грамматиках, рассчитанных на иноязычного читателя, так как он с этими общими понятиями уже познакомился при изучении грамматики своего родного языка.

---

[28] См. Й. Балашша. Венгерский язык. Русский перевод; см. также проект краткой описательной грамматики венгерского языка в журнале «Magyar nyelv» (XLIX, 3—4 sz. Budapest, 1953).

[29] См. К. Е. Майтинская. Венгерский язык. М., 1959; Д. В. Бубрих. Эрзя-мордовская грамматика-минимум.

[30] См. М. Е. Евсевьев. Основы мордовской грамматики. Эрзянь грамматика. М., 1928.

[31] См. Приложение к «Финско-русскому словарю» (М., 1955).

ВОПРОС ОБ УНИФИКАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ В ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГРАММАТИКАХ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

Авторы описательных и исторических грамматик отдельных финно-угорских языков основную грамматическую терминологию заимствовали из грамматик индоевропейских языков, в первую очередь из грамматик латинского языка, которые долгое время служили образцом для подобных работ. При этом использовались только термины либо полностью приемлемые, либо такие, которые обозначали грамматические явления индоевропейских языков, хотя бы приблизительно совпадающие с грамматическими явлениями в данном финно-угорском языке. Во втором случае, естественно, во внимание принимался лишь минимум основных черт, характеризующих обозначаемые грамматические явления, другие же черты могли и не совпадать. По такому принципу был использован термин «имя существительное» для обозначения группы слов, характеризующихся способностью изменяться и имеющих предметное значение в широком смысле слова. При этом не принималось во внимание то, что в латинском языке имя существительное имеет род, а в финно-угорских языках категория грамматического рода вообще отсутствует, что в латинском языке существительное изменяется только по числам и падежам, а в финно-угорских и по лицам, что в латинском имя существительное в склонении принимает флексии, а в большинстве финно-угорских языков — ясно различимые признаки и прилепы.

Использование общепринятых терминов на основании сходства минимума наиболее существенных черт соответствующих грамматических явлений и категорий следует приветствовать. Оно дает возможность быстро ориентироваться в любом изучаемом языке; дополнительные же объяснения о специфике того или иного понятия в данном языке, обозначаемого традиционным термином, полностью устраняют всякое недоразумение. Следовательно, составители грамматик финно-угорских языков поступали и поступают правильно, пользуясь сходными терминами для обозначения в основном сходных понятий.

Правда, в применении некоторых терминов не обошлось без ошибок и затруднений. Так, в финском языкознании термином «инфинитив» обозначены очень разнообразные по своим функциям формы глагола, хотя некоторые из них по употреблению не подходят под понятие, обозначаемое в латинском языке инфинитивом. Таковы инструктивная и инессивная формы так называемого II инфинитива: sanoen ʻговоря', sanoessa ʻво время разговора'; абессивная и адессивная формы так называемого III или *m*-ового инфинитива: sanomatta ʻбез разговора', sanomalla ʻразговором'. Все эти формы передают дополнительное действие, сопутствующее основному действию, что не свойственно инфинитиву. Однако в грамматике латинского языка нет подобной категории, и поэтому заранее была исключена возможность заимствовать готовый термин. С другой стороны, очень соблазнительным оказалось использовать термин infinitivus в широком смысле слова для обозначения всякого рода неопределенных форм [32]. Тем не менее и в настоящее время было бы не поздно создать новый термин для некоторых категорий, ошибочно называемых инфинитивами.

В процессе составления грамматик финно-угорских языков появилась необходимость создать и новые термины для обозначения грамматических

---

[32] Большинство авторов грамматик финского языка, впрочем, термином infinitivus в таком расширенном значении пользуется лишь под влиянием грамматики Сетэлэ, завоевавшей себе заслуженный авторитет не только в Финляндии, но и за ее пределами. См. E. N. S e t ä l ä. Suomen kielioppi. Neljästoista painos, 1948, стр. 111, 118 и др.

особенностей, специфических для этих языков и отсутствующих в латинском языке или в таких языках, как немецкий, французский. Некоторые из этих терминов были введены давно: например, очень удачно был применен термин postpositio 'послелог', как соответствие старому термину латинского языкознания praepositio 'предлог', термины «безобъектное» (или субъектное) и «объектное спряжение», «лично-притяжательные формы» «гармония гласных» и другие. Во многих случаях, естественно, использованы термины, обозначающие сходные явления нефинно-угорских и неиндоевропейских языков (в основном, тюркских или семитских). Однако многие явления не названы до сих пор или называются в отдельных грамматиках по-разному.

Не подлежит сомнению, что унификация грамматической терминологии — очень важная задача, стоящая перед составителями описательных грамматик. В связи с унификацией терминологии перед авторами описательных грамматик финно-угорских языков возникают два вопроса: а) замена неудачных терминов другими, более удачными и принятыми, и б) введение новых терминов.

Для иллюстрации первого можно привести следующий пример. Исследователи мордовского языка в последнее время почему-то отказались от принятого в финно-угорском языкознании термина «сингармонизм»[33], как якобы не подходящего для обозначения известного взаимодействия звуков, имеющего место в мордовском языке. Они ввели новый термин «перезвуковка», желая этим подчеркнуть, что данное фонетическое явление отличается от гармонии гласных, характерной для финского или венгерского языков. Однако указанное мордовское фонетическое явление не противоречит основному понятию, обозначаемому общим лингвистическим термином «сингармонизм». Это понятие заключается в своеобразной организации звукового состава отдельного слова (большей частью только простого), согласно которой одни звуки определяют качество других, в связи с чем создается специфическое чередование звуков в суффиксах.

Само собой разумеется, что общность термина вполне допускает некоторые отклонения и особенности данного явления в каждом отдельном языке. В одних языках сингармонизм охватывает только гласные и поэтому может быть назван еще точнее «гармонией гласных» [34] (специфика языка и здесь допускает значительные расхождения; так, как известно, в финском чередование звуков происходит только между переднерядными и заднерядными гласными, а в венгерском, — кроме того, еще между огубленными и неогубленными). В других языках, например в мордовском, сингармонизм распространяется и на согласные. Однако суть явления от этого не меняется.

Нередко неудачный термин объясняется привычкой определять явления исходя не из системы современного языка, а из происхождения данного явления, причем сохранение исторического принципа в употреблении терминов часто не только является нецелесообразным, но иногда даже искажает положение, существующее в современном языке. Так, едва ли стоит настаивать в описательных грамматиках венгерского языка на термине szóvégi magánhangzó 'конечный гласный слова', как элемент «более полной основы» (teljesebb tő), вместо вполне удачного термина kötőhangzó

---

[33] См. грамматическое приложение к «Эрзянско-русскому словарю» (М., 1949, стр. 271, 272).

[34] Настаивая на употреблении термина «сингармонизм» (ввиду его общепринятости) вместо термина «перезвуковка», предлагаемого Д. В. Бубрихом (Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953, стр. 36), мы согласны с Бубрихом в том, что закономерное взаимодействие звуков в мордовском языке не следует называть «гармонией гласных».

'соединительный гласный', применяемого уже в некоторых грамматиках [35]. Известно, что многие слова венгерского языка, оканчивающиеся в настоящее время на согласный, в древности оканчивались на гласный звук (остатки этого у некоторых слов еще обнаруживаются в первых письменных памятниках); ср., например, венг. hal 'рыба', финск. kala; венг. tél 'зима' финск. talve-, морд. *теле*. Естественно, что с исторической точки зрения в таких словах добавочный звук, появляющийся во многих формах изменения (ср. hal-a-t 'рыбу, tel-e-k- 'зимы' — мн. ч.), правильно рассматривается как восстановленный (часто в измененной форме) конечный гласный древнего слова. Но с точки зрения современного языка даже в этих словах они являются лишь «соединительными гласными», связывающими два согласных. А во многие другие, особенно в заимствованные слова, они собственно никогда не входили и возникали там лишь по аналогии или для устранения трудностей в произношении двух рядом стоящих согласных; ср. венг. ostrom 'осада' из нововерхненем. Sturm [36] и его вин. пад. ostrom-o-t; halom 'возвышение' (из древнерусского [37], ср. совр. русское слово *холм*) и его вин. пад. halm-o-t. Ясно, что в таких случаях термин «конечный гласный слова» даже в историческом плане не соответствовал бы существу называемого явления [38].

Термин «соединительный гласный» вполне применим также в некоторых других финно-угорских языках, например в мордовском, для обозначения добавочных гласных в случае типа *мастор* 'земля', *мастор-о-сь* 'земля та', *мастор-о-м* 'земля моя' и т. д. Замена выражения «распространительный гласный», введенного Д. В. Бубрихом [39], термином «соединительный гласный», уже принятым в венгерском языкознании, способствовало бы унификации терминологии в грамматике этих языков.

Описательные грамматики финно-угорских языков нуждаются в введении ряда терминов, которые не могут быть заимствованы в готовом виде, так как должны обозначать явления, характерные именно для этих языков. Некоторые шаги в этом направлении в трудах финно-угроведов уже сделаны, однако их результаты не всегда используются.

Следовало бы прийти к согласию в отношении введения единого термина для слов, построенных на основе послелогов путем присоединения к ним личных окончаний. Речь идет о словах типа морд.: *алон*, *алот*, *алонзо*, финск.: allani, allasi, allansa 'подо мной', 'под тобой', 'под ним (ней)' и т. д. Большинство грамматистов продолжает называть эти слова послелогами, не обращая внимания на то, что они лишены даже минимума особенностей, характеризующих послелоги. Послелогом, по нашему мнению, может называться только служебное слово, предназначенное для выражения отношения имени к другим словам в предложении. Слова, приведенные выше (и другие, подобные им), являются не служебными, а знаменательными словами, поскольку в предложении они выступают как полноценные члены; ср. венг. Ki ült melletted?; финск. Kuka istui lähelläsi?; мокш. *Кие ащесь ваксcот?* 'Кто сидел около тебя? Кто сидел рядом с тобой?' Они не могут быть связаны с именем и поэтому не приспособлены выражать отношение имени к другим словам. Следовательно, не подлежит сомнению, что указанные слова ближе к личным местоимениям, чем к пос-

---

35 Balassa J. A magyar nyelv könyve. Budapest, 1943, стр. 192, 193.

36 См Bárczi G. Magyar szófejtő szótár. Budapest, 1941, стр. 226.

37 См. так же, стр. 60.

38 Выступая по поводу проекта новой описательной грамматики венгерского языка, И. Томпа, по-видимому, тоже поддерживает термин kötőhangzó 'соединительный гласный', ссылаясь при этом на соображения Ж. Шимони. — См. A. Magyar Tudományos Akadémia Nyelv- és Irodalomtudományi osztályának közleményei, IV köt., 1—2 sz. Budapest, 1953, стр. 40, 41.

39 См. «Эрзя-мордовская грамматика-минимум», стр. 19.

лелогам, и можно было бы назвать их скорее послеложными местоимениями или послеложными личными местоимениями [40].

Унификация существующих и новых терминов не является (как это, может быть, многим кажется) второстепенным делом в финно-угорском языкознании. Она облегчает труд составителей описательных грамматик, и пользующимся этими грамматиками дает возможность быстрее ориентироваться в изучаемом языке.

ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСОВ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ В ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГРАММАТИКАХ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

Имеются вопросы грамматического строя финно-угорских языков, которые при составлении исторических грамматик не представляют особого интереса, но в описательных грамматиках их анализ необходим. Укажем лишь на некоторые из них.

Исследователь истории падежей интересуется в первую очередь происхождением падежных формантов и их основной (исторически выявляемой) семантикой. Эти вопросы рассматривал Й. Синнеи в своих работах по сравнительно-исторической грамматике финно-угорских языков [41]; в таком плане разрабатывались *s*-овые падежи в работах Д. В. Бубриха [42] и П. А. Аристе [43]; так исследовал историю падежей и Ж. Шимони в исторической грамматике венгерского языка [44]. Никто из них не интересовался, естественно, значимостью исследуемых падежей для отдельных языков (или для данного языка, если речь шла об исторической грамматике одного языка). Так, в сравнительно-исторической грамматике Синнеи ничего не говорится о том, что для мордовского языка *n*-овый локативный суффикс не является, собственно, падежным суффиксом, и не отмечается, что слова, приведенные в качестве примеров, скажем, по мордовскому, венгерскому и пермским языкам, свидетельствуют о разной значимости в данных языках этого оформителя. А между тем известно, что в эрзя-мордовском языке этот суффикс не образует полноценного падежа, так как слова, оформленные им, замыкаются в рамки основного склонения и не могут различаться по числам, например: *те шкане* 'в это время', *истямо пиземне* 'в такой дождь' и т. д. [45] Совсем другую значимость имеет этот формант для пермских языков, в которых он образует полноценный падеж: *кар* 'город', *ыджыд карын* 'в большом городе', *ыджыд каръясын* 'в больших городах', *ыджыд караным* 'в нашем большом городе' (притяжательный формант слился с падежным); *Аски . . . чукӧртчам мойдны Кузьма ордӧ тайӧ жӧ кадын* 'Завтра . . . соберемся к Кузьме рассказывать *в то же время*' [46].

---

[40] Последний термин введен в указанной выше книге «Современный коми язык» (стр. 269).

[41] См. J. Szinnyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Berlin—Leipzig, 1922, стр. 55—71; Szinnyei. J. Magyar nyelvhasonlitás. Budapest, 1927, стр. 129—137.

[42] См. Д. В. Бубрих. Происхождение *с*-овых внутренне-местных падежей в западных группировках финно-угорских языков. «Уч. зап. Карело-финского университета». Петрозаводск, 1946; Д. В. Бубрих. Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР. «Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук». Л., 1947, стр. 52—53.

[43] См. П. А. Аристе. *S*-овый иллатив в прибалтийско-финских языках. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», вып. 7. М., 1955.

[44] Simonyi Zs. A magyar nyelv, стр. 255—283.

[45] См. Д. В. Бубрих. Эрзя-мордовская грамматика-минимум, стр. 19, 20.

[46] См. Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка, стр. 46.

Такую же роль играет показатель местного падежа *-n* в удмуртском языке, например: *кар* 'город', *бадӟым карын* 'в большом городе', *бадӟым каръёсын* 'в больших городах', *бадӟым карамы* 'в нашем большом городе' (притяжательный формант слился с падежным). В венгерском оформитель *-n* образует тоже полноценный падеж (суперессив), ср. ház 'дом', nagy házon 'на большом доме', nagy házakon 'на больших домах', nagy házunkon 'на нашем большом доме', ezen a télen 'в эту зиму' и т. д.

В исторической грамматике венгерского языка Ж. Шимони не разграничиваются такие «падежные оформители», как *-stul*, *-stül*, с одной стороны, и *-hoz*, *-hez*, *-höz* — с другой[47]. А разница между ними весьма существенная: окончания *-hoz*, *-hez*, *-höz* оформляют полноценный падеж (ср. az igazgató asztalához 'к столу директора', a nagy házakhoz 'к большим домам', a mi házunkhoz 'к нашему дому' и т. д.), чего никак нельзя сказать об окончаниях *-stul*, *-stül*.

Прежде всего перед словами, оканчивающимися на *-stul*, *-stül*, не могут стоять определения; кроме того, они не принимают лично-притяжательных окончаний и не различаются по числам. Не принимают в венгерском языке числовых и лично-притяжательных формантов также и слова, оканчивающиеся на *-nként*. Поэтому падежи, оформленные *-stul*, *-stül*, *-nként*, можно было бы назвать падежеподобными формами. Падежи, оформленные *-t*, *-tt* (локатив: Pécsett 'в Пече', Kaposvárt 'в Капошваре') и *-ul*, *-ül* (эссив: tiszteletem jeléül 'в знак моего уважения') можно было бы определить как отмирающие падежи, потому что они (в особенности *t*-овый локатив) все больше заменяются другими падежами (локатив суперессивом на *-n* или инессивом на *-ban*, *-ben*; эссив — транслативом на *-vá*, *-vé* дативом на *-nak*, *-nek* и модалисом на *-ként*, *-képp*). Из числа неполноценных падежей можно было бы выделить еще темпоралис. Его суффикс не уподобляется по закону гармонии гласных (ср. венг. szüretkor 'при сборе винограда', aratáskor 'во время уборки хлебов') и, присоединяясь к основе, не вызывает в ней обычных изменений (речь идет о переходе конечного *a* или *e* в *á* и *é*).

Классификация падежей по их значимости имеет первостепенное значение для описания многопадежных финно-угорских языков. В некоторых грамматиках уже проводились соответствующие исследования[48].

В исторических грамматиках финно-угорских языков видовая суффиксация обычно рассматривается в разделе словообразования, что вполне правомерно, так как само обилие суффиксов повторного и мгновенного действия в финно-угорском языке-основе уже наталкивает на мысль о том, что ни один из них не был обобщен и, следовательно, не поднялся до значимости оформителя грамматической категории. Отражение такой пестроты суффиксов мы находим и в современных финно-угорских языках[49], где эти суффиксы получили дальнейшее развитие: они преобразовывались, осложнялись, соединялись с другими суффиксами и принимали на себя еще и другие функции (в первую очередь, функцию выразителей залоговых значений, ср. финск. *-l*, венг. *-kod*, *-ked*, *-köd*; *-hoz*, *-hez*, *-höz* и т. д.). Наряду с ними в современных языках встречаются суффиксы видового значения, поднявшиеся до обобщенности оформителей грамматических

---

[47] См. Simonyi. Zs. A magyar nyelv, стр. 260—275.

[48] См. Д. В. Бубрих. Эрзя-мордовская грамматика-минимум, стр. 19—21; К. Е. Майтинская. Венгерский язык, § 118, 121.

[49] См., например: J Szinnyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, стр. 106—110.

категорий. Так, в эрзя-мордовском языке полностью обобщились суффиксы *-кино*, *-кине*, которые присоединяются к любому производному и непроизводному глаголу, в том числе и к глаголам, уже имеющим суффикс *-кшно* или *-кшне*, например: *са-мс* 'прийти', *сакшномс* 'приходить', *сакшнокшномс* 'особенно многократно приходить'[50]; в коми языке почти полностью обобщился, например, суффикс *-ышт*, выражающий действие малой меры, ср. *вердыштны* 'немножко покормить' от *вердны* 'кормить'[51]. На наш взгляд, в подобных случаях следовало бы отделять такие образования от образований с необобщенными суффиксами и рассматривать их особо среди грамматических глагольных категорий.

Между тем в отношении суффиксов, выражающих видовые значения, в описательных грамматиках проводится своего рода «уравниловка»: одни грамматисты продолжают их рассматривать в традиционном плане исторических грамматик, т. е. в разделе словообразования[52]; другие, наоборот, хотя и с некоторой оговоркой, целиком переносят их в раздел грамматических категорий глагола[53]. Для последних, по-видимому, примером послужили грамматики русского языка, в которых многочисленные разнообразные суффиксальные, префиксальные и фонетические выразители видовых значений тоже рассматриваются в плане грамматической категории, хотя ни одно из этих средств в отдельности не обобщалось. Однако в русском языке обобщенность данного явления заключается не в самих средствах выражения того или иного видового значения, а в том, что огромное большинство русских глаголов, имея тот или иной внешний признак совершенного вида, образует систему форм времен, причастий и деепричастий иначе, чем соответствующие им глаголы несовершенного вида.

Это означает, что вид в русском языке парадигматически (за исключением отдельных случаев) обобщен, т. е. образует грамматическую категорию. Такого положения нет в коми языке, где глагольные пары, соотнесенные по видовому значению, парадигматически различаются только по наличию или отсутствию суффикса с видовым значением.

Очень спорным является также вопрос о том, куда следует относить в отдельных современных финно-угорских языках залоговую суффиксацию: к словообразованию или к формообразованию. В сравнительно-исторических грамматиках суффиксы залогового значения рассматриваются как словообразующие[54]. Но, как нам кажется, для этого здесь имеется гораздо меньше оснований, чем при рассмотрении суффиксов видового значения. Во всяком случае, суффиксы, выражающие отношение субъекта и объекта к действию, были малочисленны (Синнеи для финно-угорских языков указал только каузативный суффикс -**t* и рефлексивно-пассивный -*β[55]), и поэтому вполне возможно, что они были грамматически обобщены. В описательных грамматиках финно-угорских языков вопрос о залогах получил приблизительно такое же освещение, как вопрос о видах. В большинстве из них залоговое оформление рассматривается без всякой оговорки в разделе

---

50 См. Д. В. Бубрих. Эрзя-мордовская грамматика-минимум, стр. 49.
51 См. Современный коми язык, ч. 1, стр. 222.
52 См. Д. В. Бубрих. Указ. соч., стр. 48—49.
53 Современный коми язык, ч. I, стр. 221—229.
54 См. J. Szinnyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, стр. 110—113; T. Lehtisalo. Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe. Helsinki, 1936,
55 См. J. Szinnyei. Указ. соч., 111—113.

словообразования[56], в других говорится о залоге[57]. В действительности же вопрос гораздо сложнее. В отдельных финно-угорских языках одни залоговые суффиксы могли обобщаться и регулярно образовывать глагольные пары, выступая, следовательно, как средство выделения категории залога. Другие же оформители даже сходного значения в тех же языках относятся к сфере словообразования.

Последние два вопроса о виде и о залоге глаголов имеют непосредственное отношение к вопросу о переходных явлениях грамматики. Несомненно, что во многих финно-угорских языках некоторые оформители, выражающие видовые или залоговые значения, занимают как раз промежуточное место между сферой соответствующих грамматических категорий и сферой словообразования. Подобное положение может создаться в области выражения модальных значений. Так, суффиксы *-hat*, *-het*, выражающие в венгерском языке возможность действия (потенциальная суффиксация), представляют именно такие промежуточные явления, и их отнесение к формообразованию или словообразованию вызывает серьезное затруднение. В таких случаях можно было бы придерживаться традиционной трактовки (в венгерских грамматиках, например, потенциальные глаголы рассматриваются в разделе отглагольного словообразования), давая, однако, объяснение переходного характера данного явления. Тогда в разделе глагольного формообразования (наклонения глагола) можно ограничиваться ссылкой на соответствующую часть словообразования[58].

Вопрос о переходных грамматических явлениях касается не только глагольного формо- или словообразования, он имеет непосредственное отношение ко всем разделам грамматической науки. В финно-угорских языках исключительно остро стоит вопрос о категориальных переходах между частями речи, особенно между существительными и прилагательными (вследствие отсутствия в большинстве финно-угорских языков согласования определения с определяемым). Нелегко определить, чем является первое слово (существительным или прилагательным) в сочетаниях: венг. rongy ember 'дрянной человек' (rongy 'тряпка'), морд. *пандо пря* 'горная вершина' (*пандо* 'гора'), удм. *из корка* 'каменный дом' (*из* 'камень'), чем являются (существительным или прилагательным) в следующих венгерских примерах выделенные слова, сопровождаемые определенным артиклем: Küzd a *gazdag*, de nem hazáér, védi az a maga gazdaságát . . . csak a *szegêny* szereti hazáját (Petőfi) 'Борется *богач* (букв. 'богатый'), но не за родину, защищает он свое хозяйство . . . , только *бедняк* (букв. 'бедный') любит свою родину'. Говорить ли в таких случаях о неполном или о полном переходе одной категории слов в другую, либо отрицать вообще наличие такого перехода, — это должно зависеть прежде всего не от вкуса автора, а от результатов тщательного лексико-грамматического исследования подобных слов в разных сочетаниях, в разных функциях. Так, в предложении — a fiúk ismerősek 'мальчики знакомые' — слово ismerős никак не может рассматриваться как субстантивированное прилагательное (т. е. как существительное), потому

---

[56] Такая традиция установилась в грамматиках венгерского языка. — См. Szinnyei. J. Ungarische Sprachlehre. Berlin—Leipzig, 1912, стр. 110—111; Balassa. A J. magyar nyelv könyve, стр. 180—183.

[57] См. «Современный коми язык», стр. 229—239. — Положительным в этой грамматике является то, что в ней залог признается только при наличии специального форманта (в противоположность грамматике коми языка И. Майшева (стр. 75), где об этом необходимом условии ничего не говорится). Однако в книге не обошлось без противоречий, так, суффикс *-ög* рассматривается то как оформитель залога (стр. 234—235), то как словообразующий суффикс (стр. 248).

[58] См., например, К. Е. Майтинская. Венгерский язык, ч. 1, стр. 208.

что тогда оно оканчивалось бы на *-ök*, ср.: a fiúk ismerősök 'мальчики знакомые'.

В мордовском языке относительные прилагательные на *-нь* по форме совпадают с родительным падежом соответствующего существительного. Однако об обособлении этой формы, как формы именительного падежа прилагательного от родительного падежа соответствующего существительного, свидетельствует то, что она, являясь формой прилагательного и выступая в роли определения, не может изменяться ни по числам, ни по рядам склонения (не может иметь указательной или притяжательной формы); ср. эрз. *эйкакшень вайеель* 'детский голос' и *эйкакштнень вайгелест* 'голоса детей'[59]. Инфинитив на *-ма* в мокша-мордовском языке от имени действия на *-ма* отличается по ударению; если у таких слов в первом слоге имеется *у*, *и* (*ы*) или возникший из них редуцированный гласный при условии, что за этими гласными в дальнейших слогах не следует *а* (гласный *а* в аффиксе *-ма* в счет не идет). Ср. *урондома́* 'старание' и *у́рондома* 'стараться', *удома́* 'сон, спанье' и *у́дома* 'спать', *симома́* 'питье' и *си́мома* 'пить', *къзмолдома́* 'извивание' и *къзмолдома* 'извиваться'[60].

В отдельных случаях не исключена возможность наличия и категориально недифференцированных слов[61]. Однако этот термин следует применять с исключительной осторожностью. Так, трудно представить себе, что венгерское слово sötét 'темный' в такой же мере является существительным, в какой прилагательным, несмотря на его использование в предложениях типа: Nem volt gyufájuk, ezért *sötétben* maradtak 'У них не было спичек, поэтому они остались *в темноте*'.

Трудности дифференциации отдельных категорий не ограничиваются сферой категории слов, они возникают и в сферах членов предложения. Так, едва ли можно согласиться с тем, что слово dolgozni в предложении Itt mindenkinek kell dolgozni 'здесь всем нужно работать' является таким же подлежащим, как и слово dohányozni в предложении dohányozni tilos 'курить запрещено'. По нашему мнению, в первом предложении мы имеем сложное сказуемое, состоящее из безлично употребляемого kell и инфинитива dolgozni.

Для венгерских грамматистов характерно, на наш взгляд, слишком узкое понимание сказуемого[62]. Однако данный вопрос является очень спорным, так как различение подлежащего и сказуемого представляется нередко затруднительным, встречается немало переходных случаев, особенно в венгерском языке. Об этом свидетельствует подробное высказывание Й. Томпа по поводу проекта академической описательной грамматики венгерского языка. Отмечая исключительные трудности, связанные с разбором главных членов в предложениях с именным сказуемым типа: Magyarország legnagyobb tava a Balaton 'Самое большое озеро Венгрии — Балатон' или Az élmunkás a mintaképümk Наш идеал — передовик', Й. Томпа приходит к выводу, что для венгерского языка до сих пор не найдено ни одного удовлетворительного грамматического критерия, который положил бы конец возможным

---

[59] См. Р. А. Заводова. Производные прилагательные в мордовских языках. «Зап. Мордовского НИИ». Серия «Язык и литература», № 14. Саранск, 1953, стр. 42.

[60] См. О. И. Чудаева. Выражение глагольности *м*-овыми именами действия в мокша-мордовском языке. — Там же, стр. 59, 60.

[61] Этот термин используется в кн. Современный коми язык, стр. 128.

[62] Ср. пример: Tudni kell, ki ölte meg 'Надо знать, кто его убил' — в историческом синтаксисе Клемма (A. Klemm. Magyar történeti mondattan. Budapest, 1928, стр. 139), в котором tudni 'знать' квалифицируется как подлежащее.

разногласиям в таких случаях[63]. Подобные затруднения могут встречаться и в других финно-угорских языках (в таких, где неглагольное сказуемое остается без оформления). В ряде языков, например в мордовском, они исключены, поскольку там возможность употребления сказуемостных окончаний устраняет спорные случаи (это относится даже к тем примерам, в которых именное сказуемое не имеет сказуемостного оформления; достаточно отнести предложение к первому или ко второму лицу, и сказуемостное оформление вступает в свои права[64].

Тщательная разработка разрядов слов помогает разобраться не только в переходных категориях между ними, но прежде всего способствует выделению основных разрядов слов, как знаменательных, так и служебных. Достаточно заглянуть в некоторые известные описательные грамматики финно-угорских языков, чтобы убедиться в том, как много в них расхождений именно в этой области, причем эти расхождения объясняются вовсе не различиями грамматического строя в данных языках (например, наличием или отсутствием в них артикля), а только подходом составителей грамматик к выделению категорий слов в рассматриваемом языке. Так, во многих грамматиках вообще не выделяется категория частиц (в собственном смысле слова)[65] или же частицы объединяются с междометиями[66].

Невыделение в особый разряд всякого рода усилительных вопросительных, указательных и т. п. служебных слов (т. е. частиц) объясняется традициями, установившимися в исторических грамматиках. Для исторического анализа частицы особого интереса не представляют, потому что по своему происхождению они связаны с другими разрядами слов (ср. венг. lám 'вот' от глагольной формы látom 'я вижу'; természetesen 'конечно' от наречия természetesen 'естественно' и т. д.).

В некоторых новых советских описательных грамматиках финно-угорских языков в более или менее подробной разработке частиц чувствуется влияние русских описательных грамматик, в первую очередь академической «Грамматики русского языка» (ч. 1, 1952 г.)[67].

Инфинитивы, причастия и деепричастия в отдельных грамматиках рассматриваются не как формы глагола, а как самостоятельные категории слов[68], и даже глагольные приставки выделяются в особый разряд слов[69]. По вопросу об инфинитивах, причастиях и деепричастиях можно было бы взять за образец академическую «Грамматику русского языка», в которой эти образования рассматриваются как формы глагола. В большинстве финно-угорских языков инфинитивы, причастия и деепричастия так же регулярно образуются от глагольных основ и в такой же мере сохраняют глагольность, как и в русском языке[70]. Выделение глагольных приставок в особую категорию

---

63 См. его статью «Anyanyelvünk leíró nyelvtana». В сб. «A Magyar Tudományos Akadémia Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei», IV köt., 1—2 sz. Budapest, 1953, стр. 51—55.

64 См. М. Н. Коляденков. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков, ч. II, стр. 92—174.

65 См. «Грамматику венгерского языка» Балашша.

66 См. «Новую школьную грамматику венгерского языка» Л. Бенке и В. Кальтана стр. 132.

67 См. «Современный коми язык», стр. 276—288; К. Е. Майтинская. Венгерский язык, ч. 1, стр. 288—296.

68 См. J. Balassa. Указ. соч., стр. 163.

69 См. Benkö M., Kálmán B. Указ. соч., стр. 120, 121.

70 Инфинитив, причастие и деепричастие во многих грамматиках финно-угорских языков отнесены к формам глагола. — См. И. И. Майшев. Грамматика

знаменательных слов венгерского языка, на наш взгляд, еще меньше обосновано, чем обособление инфинитивов, причастий и деепричастий от форм глагола.

В некоторых грамматиках нет четкого отграничения служебных слов от знаменательных. Показательна в этом отношении грамматика финского языка Э. Сетэлэ, в которой в разделе, называемом partikkelit, объединены такие разные группы слов, как наречия, послелоги, предлоги, союзы и междометия, т. е. все слова, которые, по мнению автора, стоят вне обычных парадигм и по значению, а также по применению относятся к этой группе [71]. Схема Сетэлэ сохраняется также в учебнике финского языка Кеттунена и Ваулы, хотя там уже дается другое определение этой группы: к ней относятся слова, которые не являются ни именами, ни глаголами и применяются как вспомогательные (apina) при других словах. Для них сохраняется старый термин (partikkelit), но дается также и новый: «служебные слова» [72]. Основной недостаток этого разграничения заключается в том, что к служебным словам причисляются как наречия (причем не только количественные, выражающие степень качества и интенсивность действия, типа русских *очень*, *весьма*, *мало*, но и такие «полноценные», качественные наречия, как kauniisti 'красиво', kaukana 'далеко'), так и междометия, которые, как известно, не обслуживают других слов, а большей частью сами заменяют предложения.

В распределении категорий слов по основным группам целесообразно принять во внимание соображения, приведенные в академической «Грамматике русского языка», и разбить эти слова на три большие группы: 1) знаменательные разряды слов, 2) служебные слова и 3) междометия [73]. Само собой разумеется, что внутри этих групп уже выявляется специфика отдельных финно-угорских языков (так, в венгерском языке к группе служебных слов относятся и артикли, которых нет в русском литературном языке).

Нет согласованности в описательных грамматиках финно-угорских языков также и по вопросам словообразования. Кроме приведенных выше проблем (например, рассмотрение словообразования разрозненно по отдельным разрядам слов — или выделение его в особый раздел, см. стр. 42 данной работы; переходные случаи между словообразованием и формообразованием, см. стр. 49), исследователя прежде всего должен интересовать вопрос о том, чтó именно следует относить к данному разделу. Известно, что словообразование может рассматриваться как в узком, так и в широком плане. В первом случае описываются только собственно-грамматические способы создания слов: фонетические, морфологические (в финно-угорских языках в основном суффиксация), синтаксические (в финно-угорских языках в основном словосложение) и их комбинации. К словообразованию в более широком смысле слова относятся, кроме того, и лексические способы: развитие синонимов, расщепление значения слова.

Основными разделами грамматики считаются морфология и синтаксис, непременно в грамматику входят также фонетика и грамматическое словообразование, хотя последнее не всегда выделено в особый раздел. Что же касается лексических способов словообра-

---

коми языка; И. И. Майшев. Грамматика коми-пермяцкого языка. М.—Л., 1940; Szinnyei. J. Ungarische Sprachlehre, стр. 86—89.

[71] E. N. Satälä. Suomen Kielioppi. Äänne- ja sanaoppi, Neljästoista painos. Helsinki, 1948, стр. 130, 133.

[72] L. Kettunen, M. Vaula. Suomen kielioppi seke tyyli ja runo-opin alkeet. Seitsemäs painos. Helsinki, 1950, стр. 36.

[73] См. «Грамматика русского языка», ч. 1, стр. 20.

зования, то их целосообразнее отнести к лексикологии (если такой раздел имеется в составе данной описательной грамматики).

К основным типам грамматического словообразования в отдельных финно-угорских языках относятся: суффиксация, словосложение и категориальный переход одного разряда слов в другой (однако в некоторых языках развились еще отдельные «индивидуальные» способы, таково в венгерском языке образование глаголов при помощи префиксов). В большинстве финно-угорских языков до сих пор в значительном количестве сохранились и даже продолжают вновь образовываться парные слова изобразительного характера, так называемые «слова-близнецы», ср. венг. limlom 'барахло', коми *чуж-чаж косявны* 'изорвать с треском'[74], удм. *чук-бек мыныны* 'идти переваливаясь с боку на бок', морд. *ежов-важов* 'ласковый', *калт-култ* 'стук', мар. *кылт-колт* 'стук' и т. д.

В некоторых языках образование слов-близнецов проходит по всем знаменательным категориям слов, ср. венг. irka-firka 'писанина', incifinci 'щупленький', immel-ámmal 'неохотно', izegni-mozogni 'ерзать, шевелиться'. В таких языках образование слов-близнецов относится к основным способам словосложения и должно исследоваться как со стороны закономерностей звуковых соответствий между компонентами, так и со стороны закономерностей смысловых соответствий между ними.

Одним из важнейших вопросов словообразования следует признать вопрос о продуктивности или непродуктивности средств создания новых слов. Выше (см. стр. 46) уже указывалось на то, почему составители исторических или сравнительно-исторических грамматик не интересовались значимостью падежных оформителей для отдельных исследуемых или сравниваемых языков. По той же причине они не занимались и вопросом выявления продуктивности или непродуктивности словообразовательных суффиксов (в этом отношении очень показательна сравнительно-историческая грамматика венгерского языка Синнеи[75] или работы Бубриха[76]).

Методы исследования словообразования в описательных грамматиках финно-угорских языков иные, чем в исторических грамматиках, но и в них обычно в лучшем случае лишь отмечается продуктивность или непродуктивность словообразующих средств.

В отношении непродуктивных средств этого вполне достаточно, потому что таковыми признаются только такие суффиксы, префиксы, словосложительные способы, которые уже не дают новых словарных единиц в современном языке. Совсем иной подход требуется в изучении продуктивных средств языка, поскольку почти ни одно из них не является безгранично продуктивным. Так, венгерские суффиксы *-ás*, *-és*, о которых обычно говорится, что они могут образовать существительные от любого глагола, почти не присоединяются к глаголам на *-hat*, *-het*. Подобные примеры говорят о том, что изучение функционирования словообразовательных средств следует довести до исследования словообразовательных типов. Последние прежде всего зависят от значения основ, от которых образуются новые слова, но также и от морфологических и фонетических свойств основ.

Изучение словообразовательных типов в зависимости от их функций имеет непосредственное отношение к выяснению взаимосвязанности

---

[74] Пример взят из книги «Современный коми язык», стр. 262; см. там же и другие примеры.

[75] См. Szinnyei J. Magyar nyelvhasonlítás. Budapest, 1927.

[76] См. Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка. М.—Л., 1955.

одних средств с другими. Так, очень часто регулярное противопоставление одного суффикса или префикса другому осуществимо только на базе их продуктивных функций. Например, венгерские глагольные приставки *ki-* и *be-* регулярно противопоставляются лишь в своих основных продуктивных функциях, т. е. когда они выражают направление действия, ср. beengedni 'впустить' и kiengedni 'выпустить', bemenni 'зайти, войти' и kimenni 'выйти' и т. д. Однако они не сопоставляются в функциях, придающих глаголу оттенок совершенного вида: имеется глагол bebizonyítani 'доказать', но нет kibizonyítani, имеется глагол kiszélesíteni 'расширить', но нет beszélesíteni и т. д.

* * *

Затронутые нами вопросы в большинстве своем спорны, и это обстоятельство определило их рассмотрение. В одних случаях мы ограничивались лишь постановкой проблем, в других — стремились разрешить их так, как это нам представлялось возможным на основании личного опыта и опыта других составителей описательных грамматик по финно-угорским языкам. Несомненно, что многие вопросы еще ждут своего анализа и разрешения.

Н. А. БАСКАКОВ

ПРЕДЛОЖЕНИЕ И СЛОВОСОЧЕТАНИЕ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

ВВЕДЕНИЕ

Проблема предложения и словосочетания — двух особых синтаксических единств, имеющих различную структуру и различный характер грамматического оформления, — является одной из актуальнейших проблем описательной грамматики тюркских языков[1].

Вопросы синтаксиса вообще и вопросы грамматической структуры предложения и словосочетания, в частности, непосредственно связаны с проблемой соотношения языковых и логических категорий, с проблемой соотношения языка и мышления, т. е. с вопросами, которые до сих пор не получили достаточного освещения в специальной философской и лингвистической литературе.

Поэтому все исследования, относящиеся к проблеме структуры предложения и словосочетания, без удовлетворительного разрешения основной и кардинальной проблемы соотношения категорий языка и мышления, а также проблемы соотношения формы и содержания в языке остаются в значительной мере дискуссионными и требуют всестороннего обсуждения на материале различных и в генеалогическом и в типологическом планах языков.

---

[1] Наиболее крупные специальные исследования о специфике предложений и словосочетаний как особых синтаксических единств на материале русского языка представлены в трудах академика В. В. Виноградова. См. его статьи: «Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка)», («Вопросы языкознания», № 1. М., 1954) и «Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка)» («Вопросы языкознания», № 3. М., 1954), а также его теоретическое введение в синтаксис русского языка («Грамматика русского языка», т. II, ч. 1. М.—Л.. Изд-во АН СССР. 1954).

Некоторые теоретические сведения о специфике предложений и словосочетаний в тюркских языках изложены в следующих работах: П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. II — Синтаксис. СПб., 1897; Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса, часть I Казань, 1903; часть 2. Симбирск, 1923; его же. К вопросу о расположении частей предложения в татарском языке. «Вестник научного общества татароведения», № 7. Казань, 1927; В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928; Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1950; М. Б. Балакаев. Типы именных словосочетаний в казахском языке. «Вопросы языкознания», № 2, 1956; J. Schinkewitsch. Robγūzī's Syntax. Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen, Bd. XXIX, Ab. II; Bd XXX, Ab. II; Berlin, 1926; J. Deny. Grammaire de la langue turque. Paris, 1920; C. Lang. Die Wortfolge im Türkischen. «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd. XI. Wien, 1897; K. Grönbech. Der türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936; см. также сведения по синтаксису в других грамматиках конкретных тюркских языков.

Весьма спорной и до сих пор не разрешенной является эта проблема также и в отношении языков тюркской группы, агглютинативный строй которых и своеобразная структура предложений и словосочетаний позволяют рассмотреть эту проблему с учетом специфики этих языков.

Анализ всех типов словосочетаний как синтаксических единств в тюркских языках устанавливает наличие двух, противоположных по своей сущности, структуре и форме типов словосочетаний, которые базируются на двух различных формах или типах человеческого мышления, поскольку категории языка и мышления являются едиными и неразрывными. К этим двум антонимическим по своему характеру типам словосочетаний, а следовательно, и формам человеческого мышления относятся, во-первых, словосочетания, основанные на предикации или на предикативных отношениях, и, во-вторых, словосочетания, основанные на атрибуции или на атрибутивных отношениях.

Предикативные словосочетания, или предложения (суждения), представляют собой такие сопоставления слов (понятий), которые выражают интеграцию, абстрагирование, обобщение одного слова (понятия) или группы слов посредством другого слова (понятия) или группы слов. Атрибутивные же словосочетания представляют собой сопоставления противоположного значения, которые выражают дифференциацию, конкретизацию, детерминирование одного слова (понятия) или группы слов посредством другого слова (понятия) или группы слов.

В предикативных словосочетаниях сопоставляются два слова (понятия): а) подлежащее (субъект) — слово в субстантивной форме какой-либо части речи, выражающее единичное, конкретное понятие, и б) сказуемое (предикат) — слово также в субстантивной форме какой-либо части речи, но выражающее о б щ е е, а б с т р а к т н о е понятие с универсальным признаком, обязательно содержащим грамматические категории времени и модальности. В результате сопоставления этих слов (понятий) первое из них обобщается или абстрагируется, ср. например: *къатыны — семиз киси* [< *семиз турур киси* || *ол*], *ӧзи — арыкъ киси* [< *арыкъ турур киси* || *ол*] 'его жена — полная, а сам он худощавый'[2], где подлежащее *къатыны* 'его жена' и *ӧзи* 'он сам' — слова (понятия) конкретные обобщаются более общими абстрактными словами (понятиями) *семиз киси* 'полный человек' и *арыкъ киси* 'худощавый человек', или *ол кӧлдинъ сувы къурупты* 'вода того озера — высохла', где конкретное понятие *ол кӧлдинъ сувы* 'вода того озера' обобщается более общим абстрактным словом (понятием) *къурупты* [< *къуруп турур ол*] 'высохла' (букв.: 'то, что является высохшим').

Посредством такого сочетания или соотношения слов — отдельного, конкретного слова (понятия) в подлежащем и общего, абстрактного слова (понятия) в сказуемом — первое слово (понятие) обобщается, абстрагируется вторым.

В атрибутивных словосочетаниях сопоставляются также два слова (понятия): а) определение — слово в атрибутивной форме какой-либо части речи, выражающее о б щ е е понятие признака, и б) определяемое — слово в субстантивной или атрибутивной форме какой-либо части речи, выражающее также о б щ е е понятие субстанции или атрибута. При сопоставлении этих двух слов, имеющих значение

---

[2] Примеры, приведенные в статье без указания на язык, даны по книге Н. А. Б а с к а к о в. Каракалпакский язык, т. I. Материалы по диалектологии. М.—Л., 1951.

общих, абстрактных понятий, например: *джакъсы ат* 'хорошая лошадь', *къызыл алма* 'румяное яблоко' или *енъ джакъсы* 'очень хороший', — вторые, определяемые слова в данных словосочетаниях приобретают более конкретное значение.

Итак, предикация (акт интеграции, абстрагирования) и предикативные словосочетания (предложения), с одной стороны, и атрибуция (акт дифференциации конкретизации) и атрибутивные словосочетания, с другой стороны, представляют собой две противоположные по своей сущности формы человеческого мышления, реализованные в различных языках по специфическим грамматическим законам в особые синтаксические единства, выражающие в первом случае процессы абстрагирования, обобщения, а во втором — процессы конкретизации и детерминирования в обозначении явлений реальной действительности.

С этой точки зрения предикативные словосочетания или предложения могут быть определены как синтаксические единства, реализующие в языке мыслительный акт абстрагирования, обобщения понятий, а атрибутивные или определительные словосочетания — как синтаксические единства, реализующие в языке мыслительный акт конкретизации и детерминирования понятий.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Предикативные словосочетания или предложения представляют собой такое синтаксическое единство, которое реализует и выражает в языке законченное суждение — мыслительный акт обобщения, абстрагирования одного понятия другим — и характеризуется в соответствии с логической структурой суждения особой, отличной от атрибутивных словосочетаний структурой, состоящей из двух сопоставляемых слов (понятий)[3]: подлежащего (субъекта) и сказуемого (предиката).

Исторически предикативные словосочетания или предложения (суждения) представляли собой сопоставления двух слов (понятий), двух предметов (субстанций), из которых первое в функции подлежащего (субъекта) имело характер конкретного, единичного, отдельного слова (понятия) с атрибутом или без него, а второе в функции сказуемого (предиката) имело характер абстрактного, общего слова (понятия) с обязательным универсальным признаком, определяющим это выраженное в сказуемом (предикате) абстрактное, общее слово (понятие) в пространстве и времени, т. е. признаком всегда динамическим (глагольным).

Следы такой древней структуры предложения сохранились в древнеуйгурском языке, в литературном языке караханидов, а также в ряде тюркских языков и до настоящего времени, ср., например: уйгурск.-караханидск.: *киши кӧрки йӱз ол, бу йӱз кӧрки кӧз ол* 'красота человека то, что является лицом, красота лица — то, что является глазами'; тувинск.: *мал — хавуда чор ол* 'скот пасется на пастбище', где подлежащее *мал* 'скот' и группа сказуемого *хавуда чор ол* букв.: 'на пастбище пасущийся он || тот' = 'то, что пасется на пастбище'; тувинск.: *минде ат чогъыл* (< *чогъ ол*) 'у меня нет лошади', где подлежащее *ат* 'лошадь' и сказуемое *минде чогъыл* букв.: 'у меня отсутствующий он || тот' = 'то, что у меня отсутствует'; тувинск.: *кым — турул* (< *турур ол*) 'кто?', где подлежащее *кым* 'кто' и сказуемое *турур ол* букв.: 'стоящий он || тот' = 'тот который стоит'; тат.: *Фазыл —*

---

[3] Или групп слов, образующих соответственно зону подлежащего и зону сказуемого.

тимерше ул 'Фазыл — кузнец', где подлежащее *Фазыл* и сказуемое *тимерше ул* (< *тимерше турур ул*) букв.: 'кузнецом являющийся он || тот' = 'тот, кто является кузнецом'; ср. каракалпакск.: *къатыны — семиз киси* 'его жена — полный человек'; тат.: *Хәсән — язучы икән ул* 'Хасан — оказывается, писатель', где подлежащее *Хәсән* и сказуемое *язучы икән ул* букв.: 'писателем являющийся оказывается он || тот' = 'тот, кто, оказывается, является писателем'; тат.: *Ысхак авылга барды ул* 'Исхак поехал в аул', где подлежащее *Ысхак* и группа сказуемого *авылга барды ул* букв.: 'в аул поехавший он || тот' = 'тот, кто поехал в аул'.

Во всех перечисленных предложениях оба субстантивных элемента в предложении (суждении), т. е. субстантивный элемент, выражающий основу подлежащего (субъекта), и субстантивный элемент, выражающий основу сказуемого (предиката), формально выражены.

В качестве одного из доказательств того, что в предложении (суждении) и подлежащее и сказуемое исторически были выражены словами (понятиями), обозначающими предмет (субстанцию), является последовательное согласование в лице подлежащего и сказуемого каждого предложения. Категория лица в тюркских языках служит средством предикативной связи слов в предложении и выражается в виде двух типов аффиксов:

а) полных

Единственное число

1-е лицо: *-ман* || *-мен*
-мын || *-мин* и прочие варианты для разных тюркских языков
2-е лицо: *-санъ* || *-сенъ*
-сынъ || *-синъ*
-сын || *-син* и прочие варианты для разных тюркских языков
3-е лицо: *-ол* — для тувинского, в некоторых случаях для татарского, башкирского, турецкого и других, в большинстве же языков не обозначается.

Множественное число

1-е лицо: *-мыз* || *-миз* и другие варианты
2-е лицо: *-сыз* || *-сиз* и другие варианты
3-е лицо: отсутствует в большинстве языков или замещается аффиксом *-лар* || *-лер*

б) усеченных

Единственное число

1-е лицо: *-ым* || *-им* — для большинства языков
-ын || *-ин* — для туркменского
-йым || *-йим* — для гагаузского
-ăп || *-ĕп* — для чувашского
2-е лицо: *-ынъ* || *-инъ* — для большинства языков
-ăн || *-ĕн* — для чувашского
3-е лицо — отсутствует.

Множественное число

1-е лицо: *-ымыз* || *-имиз*
-ыкъ || *-ик*
-йыз || *-йиз*, *-ыз* || *-из*, *-ыс* || *-ис*
-ăпăр || *-ĕпĕр* и другие варианты

2-е лицо: *-нъыз* || *-нъиз*
-нълар || *-нълер*
-сыныз || *-синиз*
-сыгъыз || *-сигиз*
-йр || *-ёр* и другие варианты

3-е лицо — отсутствует.

Во всех тюркских языках все парадигмы спряжения глагола, представляющие по существу кратчайшие предложения, характеризуются обязательным и последовательным согласованием в лице. Структура их для всех глагольных форм единообразна и состоит из: а) личного местоимения = подлежащему (субъекту), б) атрибутивной (причастной) формы глагола или формы, исторически восходящей к той же причастной форме, = универсальному атрибуту, как обязательной части сказуемого (предиката), и в) личного аффикса = субстантивному элементу сказуемого (предиката), исторически, в силу ослабления логического значения, превратившегося в грамматическом плане в аффикс.

Логическое ослабление в сказуемом (предикате) субстантивного элемента, выраженного в современных тюркских языках в 1-м и 2-м лице единственного и множественного числа соответствующими личными аффиксами, в 3-м лице дошло для большинства языков до нуля, вследствие чего всю полноту логического значения сказуемого в личных предложениях третьего лица получил обязательный при сказуемом (предикате) атрибут, который благодаря этому субстантивировался.

В качестве примера приведем ряд кратчайших предложений из казахского языка:
1-е лицо: *мен — ала мын* 'я возьму' [< *мен — ала(турур)мын*]
3-е лицо: *ол — ала ды* 'он возьмет' [< *ол — ала ту(рур)ол*]

Генезис формы глагола 1-го лица *аламын* вскрывается, во-первых, в форме 3-го лица, где элемент *-ды* происходит из *турур*, а, во-вторых, в той же форме глагола 1-го лица с модальной частицей *екен*: *аладыкенмен* [< *ала ту(рур е)кен мен*], где элемент *-ды* < *турур* как бы восстанавливается. Структура предложения *мен ала мын* 'я возьму' состоит в 1-м лице из: а) личного местоимения *мен* — подлежащее (субъект); б) атрибутивной причастной формы глагола *ала* (*турур*) > *ала*, обязательного атрибута, входящего в состав сказуемого (предиката); в) аффикса лица *мын*, исторически представлявшего собой субстантивный элемент сказуемого. Что касается формы 3-го лица *ол алады* 'он возьмет' [*ол ала ту*(*рур ол*)], то здесь структура предложения упростилась тем, что субстантивный элемент сказуемого выпал, а обязательный атрибут при сказуемом (предикате) — *алады* (< *ала турур*) — субстантивировался и получил всю полноту логического значения. Только в некоторых языках парадигма настоящего времени сохранила субстантивный элемент также и в 3-ем лице, ср., например, в тувинском языке: *мен тур мен* 'я стою', *сен тур сен* 'ты стоишь', *ол тур ол* 'он стоит' и т. д. или: *мен бижип тур мен* 'я пишу', *сен бижип тур сен* 'ты пишешь', *ол бижип тур ол* 'он пишет'.

Тот же генезис мы видим и в следующих формах: а) будущего неопределенного времени: 1-е лицо: *мен аларман* 'я, может быть, возьму', 3-е лицо: *ол алар* 'он, может быть, возьмет'; б) прошедшего определенного времени: 1-е лицо: *мен алдым* 'я взял', 3-е лицо: *ол алды* 'он взял', где категория лица оформлена усеченными аффиксами; в) прошедшего результативного времени: 1-е лицо: *мен — алгъанман* 'я брал, взял', 3-е лицо: *ол алгъан* 'он взял' и прочее.

Ту же структуру мы наблюдаем и в конструкциях, где сказуемое выражено именем со связкой, так как сама связка представляет собой сильно редуцированную в фонетическом отношении бывшую причастную форму вспомогательного глагола, например связка *-ды* || *-ди*, *-ты* || *-ти*, *-дыр* || *-дир*, *-тыр* || *-тир* (< *турур*), либо полную атрибутивную форму глагола, потерявшую реальное значение, например *еди* (< *е* ~ *ир* + *ди*), *емес* (< *е* ~ *ир* + *мес*), *екен* (< *е* ~ *ир* + *кен*) и т. д.

Сочетание же связки с именем исторически представляло собой словообразовательную форму, напоминавшую современные составные глаголы типа новоуйгурск. *давам кил-* 'продолжаться' *муэллим бол-* 'стать учителем' 'учительствовать', ср., например, туркменское предложение *мен ишчидирин* (< *мен ишчи турур ман*) или каракалпакское: *сен къаракъалпакъ емес сенъ* 'ты не каракалпак' и т. п., где структура подобных предложений, например, первого из них, состоит из: а) подлежащего (субъекта), выраженного личным местоимением *мен* 'я', и б) сказуемого (предиката), состоящего из того же личного местоимения *мен* 'я' (грамматически трансформировавшегося в аффиксе лица и фонетически видоизменившегося в *-ин*), снабженного обязательным для сказуемого (предиката) атрибутом *ишчи дурур* 'есть рабочий, являющийся рабочим' (грамматически трансформировавшимся в имя со связкой и фонетически видоизменившимся в *ишчи дир*).

Для иллюстрации приведем еще несколько примеров предложений со связкой: *ат джакъсысы — джавмыт ты* (< *джавмыт турур ол*) 'лучшая из лошадей — йомудская' (= 'лучшая из лошадей та (лошадь), которая является йомудской'); *Ерназар бийдинъ бир къушы — бар ды* (< *бар турур ол*) 'у Ерназар бия есть одна ловчая птица' (= 'одна ловчая птица, Ерназар бия — то, что имеется'); *джасым — ўлкен еди* (< *ўлкен еди ол*) 'возраст мой был уже преклонным' (= 'мой возраст — был тем, что велико'); *Тезек деп жўргеним — бӧдене екен* (< *бӧдене екен ол*) 'То, что я считал кизяком — оказалось перепелом' (= 'то, что я считал кизяком — то, что является перепелом'); *байлыкъ — мырат емес* (< *мырат емес ол*) 'богатство — не цель' (= 'богатство — то, что не является целью') и проч.

Иначе говоря, имя со связкой, как спрягаемое имя, генетически восходит к своего рода словообразовательной форме составного глагола, а последний, как известно, может иметь все грамматические категории, характерные для динамического признака, т. е. глагола, а именно: наклонения, времени, вида и залога, т. е. те же категории, что и атрибутивные формы (причастия) простого глагола, выступающего в качестве сказуемого.

Таким образом, связка в предложении (суждении) в тюркских языках — формальный элемент, указывающий на то, что слово, к которому она относится, является тем обязательным для сказуемого (предиката) атрибутом, который вместе с наличным или исчезнувшим в процессе исторического развития конструкции предложения субстантивным элементом сказуемого служит средством обобщения сопоставляемого в подлежащем (субъекте) слова (понятия).

Иначе говоря, связка в современных предложениях (суждениях) во всех тюркских языках — это весьма абстрактный показатель динамического признака, обладающего всеми категориями глагола: наклонением, временем, залогом и видом, выраженный всегда формой, генетически восходящей к причастию. В современных тюркских языках связка, сохраняя все свои особенности динамического признака, превратилась в своеобразный формант, указывающий на функцию данного имени, выступающего в предложении в качестве сказуемого, но не совпадающий с показателем лица, представляющим собой осо-

бую грамматическую категорию словоизменения, выражающую предикативную связь подлежащего и сказуемого.

В процессе развития структуры предложения (суждения) части предложения, логически наиболее слабые, выпадают из состава конструкции, и предложение (суждение) в полном своем виде сохраняется в тюркских языках только в тех случаях, когда подлежащее выражено личным местоимением первого и второго лица единственного и множественного числа, причем и в данных случаях субстантивный элемент сказуемого (предиката) фонетически деформируется, превращаясь в так называемые аффиксы лица либо полной (например: *мен алгъанман* 'я взял'), либо усеченной формы (например: *мен алдым* 'я взял').

К логически слабым элементам, выпадающим из структуры предложения, в разных типах предложений относятся разные их части. Так, в предложениях типа *бу ат — джакъсы ды*(< *бу ат джакъсы турур ол*) 'эта лошадь хороша' (букв.: 'эта лошадь то, что является хорошим') выпадает повторяющийся в сказуемом (предикате) элемент подлежащего (субъекта), и предложение получает форму с более новой структурой: *бу ат — джакъсы дыр* и *бу ат — джакъсы* с соответствующими модификациями в значении. Последняя форма этого предложения *бу ат — джакъсы* 'эта лошадь — хороша' является наиболее новой и в современном языке наиболее распространенной.

Ср. предложения этого типа, сказуемые которых выражены различными частями речи со стершимися уже элементами полной структуры предложения *угъыл — девлеттинъ басы* (< *басы турур ол*) 'сын — начало богатства'; *сокъырдынъ тилегени — еки кӧзи* (< *кӧзы турур ол*) 'то, чего (больше всего) желает слепой, два глаза'; *айт атлыники*, (< *атлыники турур ол*), *той — тонлыники* (< *тонлыники турур ол*) 'праздник — принадлежит тому, кто имеет (хорошую) лошадь, а пир — принадлежит тому, кто имеет (хорошую) шубу'; *хӓр гӱлдинъ бир ийиси—бар* (< *бар турур ол*) 'у каждого цветка имеется свой запах'.

Наиболее часто встречающимся типом структуры современного предложения являются такие предложения, в которых подлежащее выражено субстантивной формой любой части речи с конкретизирующим атрибутом или без него, а сказуемым является обязательный универсальный атрибут, выраженный атрибутивной формой любой части речи, которая в первых двух лицах единственного и множественного числа имеет аффиксы лица, исторически представляющие собой субстантивный элемент сказуемого (предиката), а в третьем лице сказуемое выражено только обязательным для сказуемого (предиката) атрибутом. Последний, благодаря утрате показателя лица, субстантивируется и служит в предложении одновременно и обязательным обобщающим признаком сказуемого (предиката) и тем абстрактным субстантивным элементом, который лежит в его основе. Этот субстантивированный признак, являясь основой сказуемого (предиката), в современных предложениях всегда признак динамический, т. е., иначе говоря, выражен всегда атрибутивной формой глагола, которая обычно реализуется в виде той или иной причастной формы глагола (*мен китап алгъан ман* 'я взял книгу', *ол китап алгъан* 'он взял книгу'), либо именем со связкой, которая генетически восходит к той же причастной форме (*мен къаракъалпакъ пан* < *мен къаракъалпакъ турурман* 'я каракалпак'; *ол къаракъалпакъ* [*тыр*] < *ол къаракъалпакъ* [*турур*] 'он [есть, является] каракалпак'). В данных примерах связка *тыр* < *турур* исторически восходит к причастной форме от составного глагола *къаракъалпакъ тур-*, который в современном языке граммати-

чески переосмыслен как сочетание имени со связкой (ср., например: *балыкъшы бол-* 'быть, стать рыбаком').

Исторически же имена со связкой, как уже было указано выше, являются не чем иным, как синтаксической формой словообразования категории процессного (динамического) признака действия или состояния, т. е. категории глагола. В современных языках в качестве словарных единиц составные глаголы с глагольной частью, выраженной глаголом *тур-*, ограничены, а глаголом *е* ~ *ир-* — вообще отсутствуют. Чаще всего в качестве отглагольной части в составных глаголах выступают глаголы *бол-* 'быть, стать, становиться' и *ет-* и *къыл-* 'делать'. Вообще следует отметить, что чем абстрактнее действие или состояние выражено в глагольной части составного глагола, тем скорее знаменательный глагол превращается в вспомогательный глагол и вспомогательный глагол — в связку.

Итак структура предложения (суждения) исторически соответствовала следующей схеме:

Подлежащее — Сказуемое

A_1 C_1 — A_2 C_2,

где A_1 = конкретизирующему атрибуту при подлежащем; C_1 = субстанции (предмету) — конкретному отдельному слову (понятию), которым выражено подлежащее; A_2 = обязательному атрибуту сказуемого; C_2 = субстанции (предмету) — абстрактному общему слову (понятию) в составе сказуемого.

Однако в процессе развития структуры предложения схема его и в части подлежащего и в части сказуемого изменяется. Наряду с полной структурой предложения A_1 C_1 — A_2 C_2 появились варианты, характеризующиеся утратой некоторых компонентов из состава подлежащего или сказуемого. Впрочем, изменения эти касались чаще элемента A_1 в подлежащем и элемента C_2 в сказуемом, элементы же C_1 — A_2 являются, как правило, обязательными для каждого современного предложения (суждения).

I. Так, к структуре типа A_1 C_1 — A_2 C_2, т. е. наиболее полной и исторически древней, относятся такие типы предложений:

1) *Бу ат* — *джакъсы (турур) ат (|| ол)*
A_1 C_1 — A_2 C_2
'Эта лошадь — хорошая лошадь';

2) *Онынъ къатыны* — *семиз (турур) киси (|| ол)*
A_1 C_1 — A_2 C_2
'Его жена — полная женщина'.

II. К структуре типа (A_1) C_1 — A_2 C_2, т. е. к структуре предложения с отсутствующим конкретизирующим атрибутом при подлежащем, относятся:

1) тувинск. (—) *Мал* — *ховуда чор, ол*
(A_1) C_1 — A_2 C_2
(—) 'Скот — пасется (он)';

2) (—) *Мен* — *алгъан (|| турур) ман*
(A_1) C_1 — A_2 C_2
(—) 'Я — взял (я)';

3) (—) *Сен* — *къаракъалпакъ (турур) санъ*
(A_1) C_1 — A_2 C_2
(—) 'Ты — каракалпак (ты)';

4) тат. (—) *Ысхак* — *авылга барды ул*
(A_1) C_1 — A_2 C_2
(—) 'Исхак — поехал в аул (он)'.

III. К конструкции типа A_1 C_1 — A_2 (C_2), т. е. к структуре предложения, в котором выпал субстантивный элемент в сказуемом, относятся:

1) *бир бала* — *келди* (—)
A_1 C_1 — A_2 (C_2)
'Некий мальчик — пришел' (—);

2) *ат джакъсысы* — *йомут ты* (—)
A_1 C_1 — A_2 (C_2)
'Из лошадей лучшая — йомудская' (—);

3) *Ерназар бийдынъ бир къушы* — *бар ды* (—)
A_1 C_1 — A_2 (C_2)
'У Ерназар бия одна (ловчая) птица — имеется' (—).

IV. К конструкциям типа (A_1) C_1 — A_2 (C_2) относятся:

1) (—) *Ол* — *алды* (—)
(A_1) C_1 — A_2 (C_2)
(—) 'Он — взял' (—);

2) (—) *Джасым* — *ўлкен еди* (—)
(A_1) C_1 — A_2 (C_2)
(—) 'Мои годы — преклонными были' (—);

3) (—) *Байлык* — *мырат емес* (—)
(A_1) C_1 — A_2 (C_2)
(—) 'Богатство — не цель' и т. п.

V. К конструкциям типа A_1 (C_1) — A_2 (C_2) относятся:

джоргъа минген (киси) — *джолдасынан айырылар (киси)*
кöп джасагъан (киси) — *къурдасынан айырылар (киси)*
A_1 (C_1) A_2 (C_2)
'На иноходца севший (человек)' — 'со спутниками разлучающийся (человек)'
'много лет проживший (человек)' — 'со сверстниками разлучающийся (человек)'
'Тот, кто садится на иноходца, разлучается со своими спутниками, тот, кто живет много лет, разлучается со своими сверстниками'.

В современных языках наиболее часто встречаются конструкции III A_1 C_1 — A_2 (C_2) и IV (A_1) C_1 — A_2 (C_2); остальные, и особенно I, уже в значительной степени пережиточные.

Структура предложения, выражающего суждение, естественно, вполне соотнесена со структурой самого суждения, но предложение по своему составу не совпадает с суждением и является более сложным. Так, суждение состоит из двух основных элементов — субъекта и предиката (в состав которого входит также и связка), предложение же, сохраняя эту структуру в виде двух основных зон — зоны подлежащего и зоны сказуемого, в процессе своего развития осложнилось системой атрибутивных членов предложения — определениями, дополнениями и обстоятельствами. Все эти атрибутивные члены являются второстепенными членами предложения, которое сохраняет свою двухэлементную структуру. Второстепенные же члены в составе предложения тяготеют либо к зоне подлежащего, либо к зоне сказуемого, причем зона сказуемого не обязательно компактна.

Зона подлежащего, как правило, состоит из одной, а зона сказуемого, как более сложная, отягощенная несколькими атрибутивными элементами,— из одной или нескольких синтагм, представляющих собой разные типы атрибутивных словосочетаний, грамматически различно связанных между собой. Синтагмы составляют так называемые конструктивные члены предложения, к которым, кроме главных — подлежащего и сказуемого, относятся дополнения и обстоятельства. Дополнения и обстоятельства являются всегда составной частью зоны сказуемого и относятся к нему как определяющие элементы. Определения же не являются конструктив-

ными членами предложения, они входят в состав любой синтагмы как главных, так и второстепенных членов предложения.

Синтагмы, относящиеся к зоне сказуемого, подвижны в предложении, они могут перемещаться в зависимости от логической структуры предложения. Изменяя при инверсии свое место в составе предложения, они сохраняют свою внутреннюю структуру. Позиция их при инверсии является связанной в отношении сказуемого (в тюркских языках они, как правило, находятся перед синтагмой сказуемого) и независимой в отношении синтагмы, выражающей подлежащее.

Таким образом, синтагмы, относящиеся к сказуемому, могут быть в предложении разделены синтагмой, относящейся к подлежащему. Каждая синтагма состоит из определяемого и одного или нескольких определений. Сложные синтагмы, или так называемые развернутые члены предложения, имеют более сложную структуру. Что касается определений, то они не составляют самостоятельных синтагм, находятся в тесной зависимости от своих определяемых и являются прежде всего структурной частью синтагмы и только как составной элемент синтагмы входят в структуру предложения.

Итак, каждое предложение, выражающее акт суждения, т. е. обобщения, абстрагирования путем сопоставления отдельного и конкретного с общим и абстрактным, состоит из двух зон: а) зоны подлежащего и б) зоны сказуемого, которые соответствуют основным элементам суждения: субъекту и предикату. В основе этих зон лежат главные члены предложения — подлежащее и сказуемое. Зона подлежащего, как правило, состоит из одной синтагмы. Зона же сказуемого может состоять из одной или нескольких синтагм: синтагмы собственно сказуемого и синтагм второстепенных членов предложения — дополнений и обстоятельств, подчиненных сказуемому.

Подлежащее и сказуемое, как главные члены предложения, и дополнения и обстоятельства, как второстепенные члены предложения, подчиненные сказуемому, являются конструктивными членами предложения, так как образуют самостоятельные, подвижные (в смысле инверсии) синтагмы в составе предложения. Определение же — неконструктивный член предложения, так как оно входит в качестве структурной части в каждую синтагму и находится в тесной зависимости от того конструктивного члена предложения, к которому оно относится. Инверсия определений в том случае, если при определяемом имеется несколько определений, возможна только внутри синтагмы.

Так, предложение — *къырыкъ дäв хäр къайсысы öз къолына джарым батпанлыкъ шокъпар-тайакъты алды* 'каждый из сорока великанов взял в свои руки по дубине весом в полбатмана' — прежде всего может быть разделено на две зоны. В зону подлежащаго входит синтагма: *къырыкъ дäв хäр къайсысы*, состоящая из определяемого компонента *хäр къайсысы* 'каждый', выраженного определительным местоимением, и определения *къырыкъ дäв(-динъ)* 'из сорока великанов', выраженного определительным словосочетанием, которое в свою очередь состоит из количественного определения *къырыкъ* 'сорок', выраженного количественным числительным, и определяемого *дав(-динъ)* 'дивов', выраженного именем существительным в неоформленном родительном падеже.

В зону сказуемого, кроме синтагмы собственно сказуемого, выраженного здесь глаголом прошедшего времени третьего лица, входят еще две синтагмы: синтагма косвенного дополнения *öз къолына* 'в свои руки', состоящая из определительного сочетания: определения *öз*, выраженного возвратно-определительным местоимением, и определяемого *къолына*, выраженного именем существительным с аффиксом принадлежности третьего лица *-ы* и аффиксом направительного падежа *-на*, и синтагмы прямого дополнения

джарым батпанлыкъ шокъпар-тайакъты 'дубинку в полбатмана весом', состоящей из определения *джарым батпанлыкъ* 'в полбатмана (весом)', выраженного производной формой имени существивтельного *батпан* 'батман (мера веса)' с аффиксом *-лыкъ* и именем *джарым* со значением дробного, количественного числительного 'половина', и определяемого, выраженного сложным именем существительным *шокъпар-тайакъ* букв.: 'дубина-палка' с аффиксом винительного падежа *-ты*.

Каждая из перечисленных синтагм неразложима. Внутри каждой синтагмы нельзя нарушить порядок слов или включать между компонентами синтагмы составные части другой синтагмы. Вместе с тем все синтагмы, кроме синтагмы сказуемого, подвижны, т. е. возможна, например, перестановка (без разрушения их структуры) синтагм косвенного дополнения (*öз къолына* 'в свои руки'), прямого дополнения (*джарым батпанлыкъ шокъпар-тайакъты* 'дубинки в полбатмана весом'), а также синтагмы подлежащего (*къырыкъ дäв хäр къайсысы* 'каждый из сорока дивов'), но при обязательном условии оставления в постпозиции сказуемого. Таким образом, указанное предложение, кроме приведенного выше варианта, может быть представлено, с соответствующим изменением логической значимости каждого компонента, в виде: *öз къолына къырыкъ дäв хäр къайсысы джарым батпанлыкъ шокъпар-тайакъты алды* ' в свои же руки каждый из сорока великанов взял по дубинке в полбатмана весом' и: *джарым батпанлыкъ шокъпар-тайакъты къырыкъ дäв хäр къайсысы öз къолына алды* 'что касается дубинок в полбатмана весом, то их взял каждый из сорока великанов'.

Как видно из переводов каждого варианта фразы, изменяется только логическое выделение тех или иных членов предложения в каждом варианте предложения. Основное же содержание высказывания остается без изменения. Из этого следует, что члены предложения имеют определенный фиксированный порядок в предложении, а их инверсия влечет за собой изменение только логической структуры предложения.

При стандартном порядке членов предложения сказуемое всегда находится в конце предложения, подлежащее в позиции перед сказуемым, дополнение перед дополняемым и определение перед определяемым.

Обстоятельства, главным образом места и времени, в современной структуре предложения тюркских языков находятся, как правило, в позиции перед главными членами предложения, т. е. перед подлежащим и сказуемым. Таким образом, если мы условно обозначим подлежащее через П, сказуемое через С, дополнение через Д, обстоятельство через О и определение через °, то стандартная структура может быть представлена в виде следующей схемы: °О °П °Д °С. При изменении стандартного порядка членов предложения изменяется место логического ударения, которое обычно падает на член предложения, находящийся непосредственно в позиции перед сказуемым.

Каждый конструктивный член предложения может быть выражен любой частью речи ,но подлежащее и дополнение — только субстантивными (или субстантивированными) формами частей речи, сказуемое и определение — атрибутивно-определительными формами, причем атрибутивные формы выражения сказуемого исторически служили атрибутом заключенного в сказуемом субстантивного элемента, сохраняющегося в современных структурах предложения как редкое исключение.

В современных конструкциях предложения сказуемое оформляется различными формами частей речи, так как последние, если они не являются атрибутивными формами, всегда имеют в постпозиции формально выраженную или опущенную атрибутивно-определительную форму. Она может быть либо полной -- в виде причастной формы глагола или связки, которая исторически представляла собой, вместе с относящимися к ней другими

определяющими словами, выраженный в сказуемом атрибут, подразумевающий в свою очередь наличие в сказуемом субстантивного элемента, абстрактного по своему лексическому значению, либо — усеченной.

Ср., например: *джоргъа минген джолдасынан, кöп джасагъан къурдасынан* (*≪джоргъа минген киси джолдасынан айырылар киси кöп джасагъан киси къурдасынан айырылар киси* 'едущий на иноходце разлучается со спутниками, долго живущий разлучается со сверстниками'), где сказуемые выражены именами существительными в исходном падеже (*джолдасынан* и *къурдасынан*). Однако последние подразумевают наличие в постпозиции атрибутивную форму глагола — причастие *айырылар*, которое в свою очередь исторически завершалось субстантивированным элементом *киси*.

Наконец, обстоятельство в предложении выражается атрибутивно-обстоятельственными формами любой части речи.

Таким образом, каждый член предложения может быть выражен любой частью речи, но не каждой формой части речи. Так, подлежащее и дополнение могут быть выражены только субстантивными формами имени (существительного, прилагательного, числительного, местоимения) и глагола (субстантивными его формами, т. е. именем действия или субстантивированным причастием). Например, в предложении: *бала гилемнинъ ÿстÿне дигирменди къойды* 'мальчик поставил мельницу на ковер', или: *джолды къар кöмип кетипти* 'дорогу замело снегом', где подлежащие *бала* и *къар* и прямые дополнения *дигирменди* и *джолды* выражены субстантивными формами, в данном случае именами существительными; в предложении: *мен ислейтугъунымды билемен* 'я знаю то, что делаю' подлежащее *мен* 'я' выражено субстантивной формой личного местоимения, а дополнение *ислейтугъунымды* — субстантивированным причастием [4]. В предложениях же типа *келгенинъиз джакъсы болды* 'хорошо, что вы пришли' подлежащее выражено субстантивированной формой причастия. В предложениях: *къойанды ахъсакъ дегенинъ — къувайын дегенинъ* 'если тебе показалось, что заяц хромой, то значит, что ты хочешь его поймать' (букв.: 'погнаться за ним)' и: *емен агъаштынъ ийилгени — сынгъаны, къызыл джÿзли джигиттинъ къызаргъаны — öлгени* 'дубу согнуться — значит сломаться, красному молодцу покраснеть — значит умереть' подлежащие выражены сложной синтагмой — развернутым членом предложения, однако и последние грамматически оформлены в виде субстантивированных определительных словосочетаний: *къойанды ахъсакъ дегенинъ* букв.: 'зайца хромым твое называние', *емен агъаштынъ ийилгени* букв.: 'дуба дерева сгибание'; *къызыл джÿзли джигиттинъ къызаргъаны* букв: 'с красным лицом молодца покраснение'.

Сказуемое всегда восходит к более полным сочетаниям атрибутивно-определительной формы той или иной части речи с исторически присущим сказуемому субстантивным элементом, выражающим абстрактное лексическое значение.

Определение выражается атрибутивно-определительными формами всех частей речи и в том числе глагола (причастные формы). См., например, сочетания: *къол пышкъы* 'ручная пила', *мÿйиз таракъ* 'роговой гребень' и прочие, где определение выражено атрибутивированными именами существительными; *къара ат* 'вороная лошадь', *къызыл алма* 'румяное яблоко' — определения выражены прилагательными; *ÿч тас* 'три камня', *бириниши тÿйе* 'первый верблюд' — определения выражены числительными; *сол авыл* 'этот самый аул', *ол киси* 'тот человек' — определения выражены местоимениями; *алгъан китап* 'взятая книга', *берген адам* 'давший

---

[4] Здесь причастие субстантивировано аффиксами принадлежности 1-го лица и винительного падежа, так как последние независимо от того, к какой форме слова они присоединяются, выражают всегда субстантивную форму.

человек' — определения выражены причастиями; *су ӧтпейтугъун кийим* 'водонепроницаемая одежда', *асылы къыйсыкъ агъаш* 'дерево с кривым основанием' — определения выражены развернутыми членами предложения.

Наконец, обстоятельства в предложении выражаются также любой частью речи, но в атрибутивно-обстоятельственных их формах, т. е. в таких формах словообразования и словоизменения всех частей речи, которые обозначают признак признака. К последним относятся атрибувно-обстоятельственные формы имен существительных, местоимений, числительных, а также все наречия и атрибутивно-обстоятельственные формы глагола — деепричастия; например: *сӧйтип къайтып патшанынъ багъына джасырын тӳседи* 'итак, он вернулся и тайно проник в сад падишаха'; *бала азанда туруп баскъа дастурхъанны алып ӳйӳне къайтады* 'мальчик встал утром, взял другую скатерть и возвратился домой'; *ол къыз бенен бирге авкъатланды* 'он питался вместе с девушкой'. Обстоятельства в этих примерах выражены наречиями: *джасырын* 'тайно', *азанда* 'утром', *бирге* 'вместе'. В следующих примерах: *бир къызыл алма ӳшӳн кирдим багъына* 'я вошел в его сад за румяным яблоком'; *тойгъа барсанъ бурун бар* 'если ты идешь на пир, то иди раньше' — обстоятельства выражены специальными формами существительного *алма ӳшӳн* 'за яблоком', *тойгъа* 'на пир'; *ӧлӳмнен мен къалай къутуламын* 'как я избавлюсь от смерти' — обстоятельство выражено местоимением; *дигирменди дир-дир айландырады* 'он стал с шумом крутить мельницу' — обстоятельство выражено звукоподражательным словом; *ебин тапкъан еки асайды* 'ловкий ест дважды' — обстоятельство выражено именем числительным; *муз тас болуп къатып къалгъан екен* 'лед застыл, оказывается, как камень' — обстоятельство выражено деепричастием от глагола *тас бол-*, которое превратилось уже в сочетание имени с послелогом; *ол шабагъын алып кийаткъанда бир тӳлки шыгъады* 'когда он вез рыбу (чабаков), ему повстречалась лиса' и: *бала бир джерде кӳн баткъанша джатты* 'мальчик пролежал где-то до захода солнца' — обстоятельства выражены развернутыми членами предложения.

Все многообразие форм выражения членов предложения различными частями речи может быть, однако, сведено к двум основным типам функционально-грамматических форм частей речи: 1) субстантивным формам и 2) атрибутивным формам. Последние в зависимости от позиции имеют два подтипа — атрибутивно-определительных, если находятся в позиции перед субстантивной формой, и атрибутивно-обстоятельственных, если находятся в позиции перед атрибутивной формой.

Наличием этих форм, а также характером синтаксических отношений, возникающих в предложении, определяются и способы грамматической связи слов внутри предложения.

Основным признаком предложения и наиболее характерными для предложения являются предикативные отношения — отношения подлежащего и сказуемого. Средством выражения этих отношений служит согласование в лице и числе. Категория лица, одновременно выражающая и категорию числа, как уже отмечалось выше, представлена полными и сокращенными, или усеченными, аффиксами. Для большинства тюркских языков эти аффиксы формально выражены только в сказуемом 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа. Оформление же сказуемого аффиксами 3-го лица единственного и множественного числа сохранилось только в некоторых языках (турецком, тувинском, башкирском и др.), да и то в остаточных формах.

Аффиксы лица, оформляющие сказуемое, генетически восходящие к субстантивным формам личных местоимений, служат субстантивирующим элементом выраженного в сказуемом обобщающего признака, вместе с

которым они являются вторым компонентом, второй составной частью двусоставного по своей природе предложения. Ту же функцию субстантивирующего элемента в сказуемом несет другая категория — категория числа, формальное выражение которой, кроме общего выражения ее в каждом лице посредством аффиксов 1-го, 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа, встречается в большинстве тюркских языков в виде специального аффикса *-лар/-лер* только в 3-м лице множественного числа.

Таким образом, субъектно-предикатные (или предикативные) отношения подлежащего и сказуемого грамматически оформляются двумя категориями: категорией лица, являющейся обязательной для предложения формой согласования главных членов предложения, и категорией числа — специальной формой, которая характерна только для 3-го лица множественного числа[5].

Все другие синтаксические отношения, возникающие в предложении, в одинаковой степени характерны также и для словосочетаний, в которых они и возникают, и в значительной степени определяют их характер и типы. Эти синтаксические отношения, возникающие в словосочетаниях, входят вместе с словосочетаниями в состав предложения, усложняя его структуру и способствуя тем самым более точному выражению и оформлению реализующегося в предложении суждения.

К этим общим и для словосочетаний и для предложений синтаксическим отношениям могут быть отнесены, во-первых, объектные отношения, основное средство выражения которых — управление. Падежи и тесно связанные с ними по своей функции послелоги служат формой выражения многообразных объектных, определительных и обстоятельственных отношений, возникающих в предложении и словосочетании.

Так, основной (неоформленный) падеж в тюркских языках, кроме главного своего значения — выражать подлежащее в предложении, — может быть также формой прямого и косвенного объекта, формой различных типов обстоятельств и, наконец, формой определения в притяжательных и непритяжательных определительных сочетаниях. Винительный падеж является специальной формой выражения прямого объекта; родительный — специальной формой выражения определения в том случае, если определение выражено субстантивной формой какой-либо части речи. Остальные падежи: направительно-дательный, местный и исходный являются специальными формами выражения косвенного дополнения и различного типа обстоятельств. Те же примерно функции несут и послелоги как средство выражения главным образом объектных и обстоятельственных отношений в предложении и словосочетании.

Наконец, последним типом синтаксических отношений, возникающих в предложении и словосочетании, являются определительные отношения, которые выражаются примыканием или согласованием в лице принадлежности. Категория принадлежности, генетически близкая к категории лица, принципиально отлична от последней. Если категория лица — грамматическая категория, выражающая предикативные отношения в предикативных словосочетаниях или предложениях, то категория принадлежности — грамматическая категория, выражающая противоположные по своей сущности атрибутивные отношения в определительных словосочетаниях. Формы субъектно-предикативного согласования в лице или личные аффиксы присоединяются к атрибутивным формам частей речи и служат показателями, критериями, определяющими атрибутивное значение данной формы слова, в то время как формы согласования в лице принадлеж-

---

[5] В большинстве тюркских языков специальная форма лица для 3-го лица множественного числа возможна, но не обязательна.

ности, или аффиксы принадлежности, присоединяются к субстантивным формам частей речи и служат показателями, критериями, определяющими субстантивное значение данной формы. В тех же случаях, когда аффиксы лица присоединяются к субстантивным формам (например, *сен баласанъ* 'ты — ребенок'), они либо атрибутивируют эту форму, либо указывают на то, что генетически данная форма восходит к атрибутивным формам (<*сен бала турур санъ*). Что же касается аффиксов принадлежности, то в тех случаях, когда они присоединяются к атрибутивным формам (например, *онынъ авылгъа кеткени* 'его отъезд в аул'), они либо субстантивируют эту форму, либо указывают на то, что генетически данная форма восходит к субстантивным формам (<*онынъ авылгъа кеткенлиги*).

Таким образом, основные синтаксические отношения в предложении — предикативные отношения, которые выражаются в тюркских языках согласованием в лице и числе. Основными же отношениями в словосочетаниях являются атрибутивные отношения, которые выражаются в тюркских языках либо примыканием (в детерминативных, или непритяжательных, определительных словосочетаниях), либо согласованием в принадлежности лицу (в притяжательных определительных словосочетаниях), либо управлением падежными и послеложными формами имени (в объектных и обстоятельственных словосочетаниях).

Одной из основных проблем описательного синтаксиса предложений является проблема классификации предложений и определения критериев этой классификации, а также описания структуры всех типов простого и сложного предложений.

Все предложения в тюркских языках разделяются на два основных типа: I — простые и II — сложные.

Простые предложения в свою очередь подразделяются на две группы. Первую группу составляют простые предложения без развернутых членов предложения с подгруппами: 1) нераспространенных предложений, т. е. предложений, состоящих а) либо только из одного сказуемого (с опущенным подлежащим), куда могут быть отнесены все типы предложения, в которых подлежащее выражено только в личной форме сказуемого [6], б) либо только из подлежащего и сказуемого и 2) распространенных предложений, состоящих из подлежащего, сказуемого, а также второстепенных членов предложения: дополнений, обстоятельств и определений, к которым могут быть отнесены а) обычные распространенные предложения, б) предложения с однородными членами предложения, в) предложения с обособленными членами предложения; и, с некоторыми оговорками, г) предложения с обращением и д) предложения с вводными словами. Последние два типа предложений генетически представляют собой частные типы сложносочиненных предложений.

Вторую группу простых предложений составляют простые предложения с развернутыми членами. Специфика этих предложений заключается в том, что один или несколько членов этого предложения выражены не одним словом и не обычным словосочетанием, а оборотом, представляющим собой своего рода субстантивированное или атрибутивированное предложение. Субстантивация таких предложений выражена всегда грамматическими средствами: либо посредством полной трансформации предложения в притяжательное определительное сочетание, в котором подлежащее оформлено родительным или основным падежом, а сказуемое — аффиксом принадлежности (например, предложение типа: *ол авылгъа кеткен* 'он уехал в аул' может выступать в качестве развернутого члена предложения в виде: *онынъ авылгъа кеткени* 'его отъезд в аул'), либо субстантива-

---

[6] Поскольку сказуемое в тюркских языках не может быть неличным, безличные предложения в них отсутствуют.

цией предложения посредством падежного аффикса (например, *ол авылгъа кеткенде* 'когда он уехал в аул' и др.)[7].

Атрибутивация же предложения достигается главным образом позицией, местом данного развернутого члена предложения в предложении. Ср., например: *джолы бузукъ адамнынъ иси болмас сöзиндей* 'у человека, сбившегося (с правильного) пути, слово не совпадает с делом', где *джолы бузукъ* представляет собой развернутое определение к слову *адам* 'человек'; или: *тавыкъ шакъыргъан вахътта ÿйине къайтып келди* '(он) вернулся домой в тот момент, когда закричали петухи' (букв.: 'курица'), где *тавыкъ шакъыргъан* — развернутое определение к слову *вахът* 'момент', 'время'.

Атрибутивация предложений может быть двух типов: а) когда атрибутивированное предложение, как уже отмечалось выше, служит развернутым определением, а сказуемое этого атрибутивированного предложения выражено атрибутивно-определительной формой имени (*джолы бузукъ адам* 'человек, сбившийся с правильного пути') или атрибутивно-определительной формой глагола (*мен авылгъа кеткен вахътта* 'в тот момент, когда я уехал в аул') и б) когда атрибутивированное предложение служит развернутым обстоятельством, а сказуемое этого атрибутивированного предложения выражено атрибутивно-обстоятельственной формой имени или глагола (*äкенъ мирап болгъанша джеринъ ой болсын* 'пока твой отец станет мирабом (распределителем воды для орошения), пусть уж лучше земля твоя будет низкой' или *ол кöп узамай кемпирдинъ айткъанын истейди* 'он, не медля, сделал то, что сказала ему старуха') и т. п.

Итак, к этой подгруппе простых предложений с развернутыми членами относятся предложения: а) с развернутым подлежащим, б) с развернутым сказуемым, в) с развернутым дополнением, г) с развернутым обстоятельством и д) с развернутым определением.

Сложные предложения также имеют две группы принципиально различных по своей структуре предложений. Первую группу составляют сложносочиненные предложения с подгруппами: 1) сложносочиненных бессоюзных, т. е. состоящих из двух или нескольких предложений, соединенных а) либо путем простого примыкания, т. е. позицией следования одного предложения за другим без какого-либо грамматического оформления, например: *балалы ÿй базар, баласыз ÿй мазар* 'дом с детьми — базар, а без детей — могила', б) либо путем соединения сочиненных предложений посредством оформления сказуемого предшествующего предложения деепричастной формой, например: *джигит сол вакътта-акъ джувырувы менен къарсы алувгъа шыгъып, къызды хÿрметлеп арбадан тÿсирип, öзининъ ÿйине алып келди* 'джигит в тот же момент выбежал встречать (ее), почтительно помог девушке сойти с телеги и повел ее в своей дом'; и 2) сложносочиненных предложений союзных, т. е. предложений, состоящих из двух или нескольких предложений, соединенных сочинительными союзами.

Вторую группу составляют сложноподчиненные предложения с подгруппами: 1) сложноподчиненных бессоюзных, т. е. состоящих из двух или нескольких соподчиненных предложений, связанных между собой специальными грамматическими формами сказуемых предшествующего и последующих предложений; 2) сложноподчиненных союзных, связанных между собой не только грамматическими формами сказуемого, но и спе-

[7] Субстантивированные предложения этого типа следует отличать от лексикализованных предложений, т. е. таких предложений, которые нераздельно в целом выражают уже не предикативное словосочетание, а одно лексическое целое, одно слово (понятие). Ср., например, предложения типа *джол болсын* 'добрый путь' в таких сочетаниях, как *хäр öткен кеткенге джол болсынды айтпа* 'не высказывай пожелания доброго пути каждому проходящему'.

циальными подчинительными союзами, и 3) сложноподчиненных предложений с прямой речью, связанных между собой посредством специальных форм глаголов речи.

Каждое из перечисленных типов предложений может быть повествовательным или вопросительным, а каждое из повествовательных и вопросительных — восклицательным.

Вся совокупность проблем и вопросов, перечисленных выше, входит в состав и задачи изучения синтаксиса предложения, который, таким образом, имеет свои строго очерченные задачи, отличные от задач синтаксиса словосочетаний, как синтаксических единств, отличных от предложений.

СЛОВОСОЧЕТАНИЕ

Словосочетания в широком значении этого термина охватывают в тюркских языках все многообразие сочетаний слов, к которым могут быть отнесены и предложения, и определительные сочетания, и сложные слова, и устойчивые фразеологические единства, и идиомы. Однако специфика каждой группы из перечисленных выше словосочетаний позволяет разделить их прежде всего на два принципиально различных раздела.

Первый раздел составляют словосочетания, являющиеся синтаксическими единствами, представляющими собой подвижные, неустойчивые соединения самостоятельных по значению знаменательных слов. К ним относятся: а) предикативные словосочетания, или предложения, и б) атрибутивные словосочетания.

Второй раздел составляют словосочетания, являющиеся лексическими единствами, возникшими в результате лексикализации соответствующих синтаксических единиц (предикативных словосочетаний, или предложений, и атрибутивных словосочетаний), и выражающие не соединение слов, а отдельные сложные слова.

Для точной дифференциации всех языковых категорий, скрывающихся под общим названием словосочетаний, в современном языкознании, в том числе и в тюркологии, для первого раздела словосочетаний принято название — свободные словосочетания, как синтаксические конструкции, к которым относятся предикативные словосочетания, или предложения, и атрибутивные словосочетания [8], а для второго — сложные слова и идиомы. Первый раздел словосочетаний относится к области синтаксиса и морфологии (словоизменения), а второй — к области лексики и морфологии (словообразования).

Вместе с тем между свободными словосочетаниями и сложными словами, несмотря на их принципиальное различие, имеется и много общих черт. Так, свободные атрибутивные словосочетания могут, как и отдельные слова, выступать в качестве любого конструктивного члена предложения, впрочем, при этом они имеют не одно лексическое значение (выражают не одно понятие), а сочетание нескольких значений (выражают несколько понятий); члены этих словосочетаний соединены по определенным для данного языка грамматическим правилам. Предикативные словосочетания, или предложения, могут посредством соответствующего грамматического переоформления переходить в атрибутивные словосочетания (к такому типу атрибутивных словосочетаний могут быть отнесены, например, все типы развернутых членов предложения) и также выступать в качестве любого члена предложения. Наконец, свободные словосочетания, и атрибутивные и предикативные, могут лексикализоваться и перейти в сложные слова.

---

[8] Под атрибутивными словосочетаниями здесь подразумеваются все словосочетания, кроме предикативных (т. е. кроме предложений).

Итак, свободные словосочетания как синтаксические единства разделяются на две также принципиально различные группы. Первую группу составляют предикативные словосочетания, или предложения, имеющие особую, характерную для них грамматическую структуру и особое значение. Вторую группу составляют атрибутивные словосочетания, имеющие отличную от предикативных словосочетаний грамматическую структуру и особое, отличное от предложений, значение.

Предикативные словосочетания, или предложения, представляют собой синтаксические единства, которые реализуют и выражают в языке законченное суждение — мыслительный акт обобщения, абстрагирования одного отдельного, конкретного понятия (слова) посредством другого, общего и абстрактного понятия (слова).

Атрибутивные словосочетания являются по отношению к предикативным словосочетаниям противопоставленными по внутреннему значению синтаксическими единствами, которые реализуют и выражают в языке мыслительный акт детерминации, конкретизации одного понятия посредством другого, и характеризуются особой специфической для них структурой, состоящей из двух сопоставляемых слов (понятий) или двух групп слов: определения в широком значении этого слова, выражающего признак предмета или признак признака и находящегося в тюркских языках всегда в препозиции, и определяемого, выражающего самый предмет или признак предмета — в постпозиции.

Соответственно своему значению атрибутивные словосочетания разделяются на два основных разряда.

Первый разряд составляют атрибутивно-субстантивные словосочетания, которые состоят из определения, выражающего признак предмета, и определяемого, выражающего самый предмет, и представляют собой в результате сочетания этих двух слов (понятий) новое субстантивное по своему значению сложное понятие. Такие определительные словосочетания, представляя собой синтаксические единства, выражающие значение предмета, характеризующегося определенным конкретным признаком, соотнесены с сочетанием логических категорий А—С (А=атрибуту, С=субстанции), например: *къызыл алма* ‘румяное яблоко’, *окъыгъан бала* ‘учившийся ребенок’.

Второй разряд составляют два типа определительных словосочетаний.

1. Атрибутивно-определительные словосочетания, которые состоят из определения, выражающего признак признака, и определяемого, выражающего самый признак предмета, и представляют собой в результате сочетания этих двух слов (понятий) новое атрибутивно-определительное по своему значению сложное понятие. Такие определительные словосочетания, в которых признак предмета характеризуется дополнительным признаком признака, соотнесены с сочетанием логических категорий: аА (а = атрибуту атрибута, А = атрибуту субстанции). Сочетания этого типа могут функционировать и самостоятельно (аА), например: *енъ джаман* ‘очень плохой’, *джакъсы окъыгъан* ‘хорошо учившийся’, и в более полных атрибутивно-субстантивных определительных словосочетаниях (аА—С), например: *енъ джаман адам* ‘очень плохой человек’, *джакъсы окъыгъан бала* ‘хорошо учившийся ребенок’.

2. Атрибутивно-обстоятельственные словосочетания, состоящие из определяющего и определяемого компонента и выражающие признак признака, представляют собой в результате сочетания этих двух компонентов новое атрибутивно-обстоятельственное по своему значению сложное понятие. Такие словосочетания, в которых и определение и определяемое выражают дополнительные признаки признака предмета, соотнесены с сочетанием логических категорий a_1a_2 (где a_1 и a_2=атрибуту атрибута). Сочетания этого типа могут функционировать

самостоятельно (a_1, a_2), например: *енъ бурун* 'очень рано', *джакъсы джазып* 'хорошо написав'; в конструкциях атрибутивно-определительных словосочетаний (типа a_1a_2A), например: *енъ бурун келген* 'пришедший очень рано', *енъ джакъсы окъугъан* 'очень хорошо учившийся' и в атрибутивно-субстантивных словосочетаниях [типа a_1a_2A—С], например: *енъ джакъсы окъыгъан бала* 'очень хорошо учившийся ребенок' и т. п.

Таким образом, к атрибутивным словосочетаниям в тюркских языках относятся два основных разряда: 1) атрибутивно-субстантивно-определительные словосочетания, состоящие из определения—атрибута и определяемого — субстанции, т. е. сочетания, в результате которых образуется новое, субстантивное по своему значению сложное понятие предмета, и 2) атрибутивно-определительные словосочетания, состоящие из определения—атрибута и определяемого, тоже атрибута, т. е. сочетания, в результате которых образуются новые, атрибутивные по своему значению, сложные понятия, выражающие либо признак предмета, либо признак признака. От типа этих словосочетаний, т. е. в зависимости от того, являются ли они атрибутивно-субстантивными или атрибутивно-определительными, зависят и способы грамматической их связи. Для атрибутивно-субстантивных сочетаний основными способами грамматической связи являются: а) примыкание — для простых сочетаний и б) согласование в лице принадлежности — для притяжательных сочетаний. Для атрибутивно-определительных словосочетаний: а) примыкание — для простых сочетаний и б) управление — для объектных сочетаний.

Основными средствами выражения атрибутивных отношений будут таким образом: а) примыкание, б) согласование в лице принадлежности и в) управление. Общее средство грамматической связи для всех типов атрибутивных словосочетаний — примыкание, т. е. расположение членов слов осочетания в определенном порядке без какого-либо грамматического их оформления; согласование в лице принадлежности характерно для притяжательных словосочетаний, а управление, которое реализуется в языке посредством системы падежей и послелогов, характерно для объектных словосочетаний.

Каждый из двух основных типов атрибутивных словосочетаний, в зависимости от выражения их членов различными частями речи, а также в зависимости от средств выражения их грамматической связи, содержит несколько видов словосочетаний, характеризующихся своими специфическими особенностями. Так, атрибутивно-субстантивные словосочетания имеют три основных вида: а) простые словосочетания, в которых и определение и определяемое либо грамматически не оформлены, и синтаксической связью в этих словосочетаниях являются примыкание и позиция определения перед определяемым, либо те словосочетания, в которых определяемое выражено субстантивной формой глагола, а в качестве определения в них выступает объект, — они связаны управлением, падежными и послеложными формами управляемого члена словосочетания; б) притяжательные словосочетания, в которых, кроме фиксированного порядка, определение и определяемое согласованы между собой в лице принадлежности, причем определение стоит в основном или родительном падеже, а определяемое оформлено аффиксом принадлежности, и в) смешанные или сложные словосочетания, в которых несколько определений при одном определяемом грамматически связаны и примыканием, и согласованием, и управлением.

Атрибутивно-определительные и обстоятельственные словосочетания имеют также три вида: а) простые безобъектные, б) простые объектные и в) сложные, смешанные словосочетания, связанные либо только примыканием, либо управлением, либо и примыканием, и управлением.

Каждый из перечисленных видов в свою очередь имеет несколько подвидов, которые определяются в зависимости от того, какой формой, именной или глагольной, выражены определение и определяемое.

Таким образом, грамматическая классификация всех типов атрибутивных словосочетаний может быть представлена в следующей схеме.

Атрибутивно-субстантивные словосочетания

А. Простые детерминативные определительные сочетания

I. Словосочетания, в которых определяемое выражено субстантивной формой имени

1) словосочетания с именным определением;
2) словосочетания с глагольным определением.

II. Словосочетания, в которых определяемое выражено субстантивной формой глагола

а) Без объекта

1) словосочетания с именным определением;
2) словосочетания с глагольным определением.

б) С объектом

1) словосочетания с именным определением (-дополнением)
2) словосочетания с глагольным определением (-дополнением)

Б. Притяжательные определительные сочетания

I. Словосочетания, в которых определяемое выражено субстантивной формой имени

1) словосочетания с именным определением;
2) словосочетания с глагольным определением.

II. Словосочетания, в которых определяемое выражено субстантивной формой глагола

1) словосочетания с именным определением;
2) словосочетания с глагольным определением.

В. Смешанные определительные сочетания

I. Словосочетания, в которых определяемое выражено субстантивной формой имени, с различными определениями.

II. Словосочетания, в которых определяемое выражено субстантивной формой глагола, с различными определениями (с объектом и без объекта).

Атрибутивно-определительные и атрибутивно-обстоятельственные словосочетания

А. Простые

а) Без объекта

I. Словосочетания, в которых определяемое выражено атрибутивной формой имени

1) словосочетания с именным определением;
2) словосочетания с глагольным определением.

II. Словосочетания, в которых определяемое выражено атрибутивной формой глагола

1) словосочетания с именным определением;
2) словосочетания с глагольным определением.

б) С объектом

I. Словосочетания, в которых определяемое выражено атрибутивной формой **имени**

1) словосочетания с именным определением (-дополнением);

2) словосочетания с глагольным определением (-дополнением).

II. Словосочетания, в которых определяемое выражено атрибутивной формой **глагола**

1) словосочетания с именным определением (-дополнением);

2) словосочетания с глагольным определением (-дополнением).

Б. Смешанные

I. Словосочетания, в которых определяемое выражено атрибутивной формой имени, с различными определениями.

II. Словосочетания, в которых определяемое выражено атрибутивной формой глагола, с различными определениями.

Атрибутивно-субстантивные словосочетания

Атрибутивно-субстантивными словосочетаниями являются такие словосочетания, в которых определение выражено атрибутивными или атрибутивированными формами различных частей речи, а определяемое — субстантивными формами различных частей речи. В результате сочетания первый из компонентов — определение — конкретизирует и детерминирует определяемое — понятие общее и абстрактное, вследствие чего образуется конкретизированная субстантивная форма той части речи, какой выражено определяемое в данном словосочетании. Таким образом, словосочетания этого типа соотнесены по своему значению с субстантивными формами различных частей речи: имен (существительных, прилагательных, числительных, местоимений) и глаголов. К атрибутивно-субстантивным словосочетаниям относятся простые детерминативные определительные словосочетания, притяжательные определительные словосочетания и смешанные, или сложные, определительные словосочетания.

А. Простые детерминативные определительные словосочетания

Простые детерминативные определительные словосочетания наиболее разнообразны по своему характеру и грамматическому оформлению, которые зависят от того, какой частью речи и какой грамматической формой выражено в словосочетании определяемое. В зависимости от этого к основным и наиболее резко отличающимся друг от друга типам детерминативных сочетаний следует отнести сочетание определений с определяемыми, с одной стороны, и дополнений и обстоятельств с дополняемыми — с другой. Первые, т. е. сочетания определения и определяемого, относятся к словосочетаниям безобъектным, вторые же — к словосочетаниям с объектом.

Как определения, так и дополнения с обстоятельствами являются признаками конкретизирующими, но не обобщающими, поэтому сочетания дополнений и обстоятельств с дополняемыми относятся также к атрибутивным словосочетаниям.

I. Словосочетания, в которых определяемое выражено субстантивной формой имен.

1) Определение выражено атрибутивной или атрибутивированной формой имени существительного, прилагательного, числительного, местоимения и прочих.

Предметные определительные словосочетания, в которых и определение и определяемое выражены именами существительными. В таких словосочетаниях определяется главным образом либо пол животного или человека, либо возраст, либо видовая группа животных или растений, либо имя, национальность, положение, профессия человека, либо форма или материал, из которого сделан предмет, например: *къыз бала* 'девочка' (букв.: 'девушка-ребенок'); *къарагъай агаш* 'сосна' (букв.: 'сосна-дерево'); *Асан агъа* 'старший брат Асан'; *ай балта* 'лунообразный топор'; *джипек шапан* 'шелковый халат'.

Качественные определительные словосочетания, в которых определение выражено прилагательным, указательным местоимением или порядковым числительным, например: *къара кöз* 'черные глаза'; *къыйсыкъ джийде* 'кривая джида' (дерево); *джаман ат* 'плохая лошадь'; *ол авыл* 'тот аул'; *сендей бала* 'сын, подобный тебе'; *балалы ўй* 'дом с детьми'; *къулынлы бийе* 'жеребая кобыла'; *белгисиз джол* 'неизвестный путь'; *авылдагъы мектеп* 'аульная школа'; *къыскъы тўн* 'зимняя ночь'; *тöртинши топар* 'четвертая группа'.

Количественные определительные словосочетания с определением, выраженным количественным числительным, например: *бес китап* 'пять книг'; *мынъ къой* 'тысяча овец'; *джарым алма* 'половина яблока'.

2) Определение выражено атрибутивной или атрибутивированной формой глагола (причастием).

Причастные определения могут быть неразвернутыми, когда определение состоит только из одной причастной формы, например: *джаныл тургъан шыракъ* 'горящий светильник'; *айырылмас дос* 'неразлучный друг'; *кўлген нäрсе* 'смешная вещь'; *тувгъан джер* 'место, где (он) родился'.

Развернутые причастные определения представляют собой атрибутивированные полные или неполные предложения, в которых логическое подлежащее (если оно выражено) оформлено основным падежом, а логическое сказуемое — причастной формой, которая управляет находящимися впереди второстепенными управляемыми членами словосочетания. Вся эта конструкция развернутого определения непосредственно примыкает к определяемому, например: *Къолунъ кöтере алмагъан шокъпар(ды белинъе байлама)* '(не затыкай за пояс) дубину, которую не могут поднять твои руки'; *Шакъыргъан джер(ге бар), шакъырмагъан джер(де ненъ бар)* '(иди в) то место, куда тебя зовут, (что для тебя имеется) там, куда тебя не зовут'; *Сен öмиринше кöрмегендей той (беремен)* '(я задам такой) пир, которого ты не видел в жизни'.

II. Словосочетания, в которых определяемое выражено субстантивной формой глагола (имя действия или субстантивированное причастие).

В словосочетаниях этой группы определяемые слова, выраженные производными формами глагола, могут быть связаны с определяемым: а) примыканием и б) управлением. В первом случае между определением и определяемым возникают простые обстоятельственные связи, а во втором — объектно-обстоятельственные связи, вследствие чего словосочетания соответственно разделяются на безобъектные и объектные.

а) Безобъектные словосочетания

1) Определение выражено атрибутивной или атрибутивированной формой имени прилагательного или наречия, например: *джакъсы окъув* 'хорошее чтение'; *джылдам джӱрӱв* 'быстрое движение'; *былайынша джавап берӱв* 'такой ответ'; *джыллы сӧйлесӱв* 'ласковая речь' (букв.: 'разговор, говорение'); *къатты сӧйлесӱв* 'грубая речь' (букв.: 'разговор, говорение'); *затлай тӧлев* 'плата натурой'; *акъшалай тӧлев* 'плата наличными'; *сӧз-бе соз авдарув* 'буквальный перевод', 'перевод слово в слово' (букв.: 'слово за слово перевод').

2) Определение выражено атрибутивной деепричастной формой глагола, например: *авыртып урув* 'больно ударить' (букв.: 'причинив боль битье'); *тепкилеп кӧмӱв* 'утрамбовав, закопать' (букв.: 'утрамбовав закапывание'); *къырынлап кирӱв* 'боком протиснувшись, войти' (букв.: 'боком протиснувшись вхождение').

б) Объектные словосочетания

1) Определение выражено падежными формами субстантивных форм имени существительного, числительного местоимения и проч., а определяемое — субстантивными формами глагола (именем действия), например: *аврывдынъ алдын алув* 'предупреждение болезни' (букв.: 'болезни начала взятие'); *кӧпирден ӧтӱв* 'проход через мост' (букв.: 'через мост прохождение'); *колхоз планын орунлав* 'выполнение колхозного плана' (букв.: 'колхоза плана выполнение').

2) Определение и определяемое выражены субстантивными или субстантивированными формами глагола, например: *тергеу джӱргизӱв* 'учинение следствия', 'учинение проверки', *ойынларына къатнавдан айырув* 'лишения участия в играх'; *билгенин окъув* 'чтение того, что он знает'.

Как уже отмечалось выше, словосочетания, в которых определяемое выражено производными формами глагола (в данном случае именами действия), могут выступать в качестве развернутых членов сложных словосочетаний и предложений, но в таких случаях они чаще оформляются как притяжательные словосочетания.

Б. Притяжательные определительные словосочетания

Выше, в первой группе атрибутивно-субстантивных словосочетаний, рассматривались случаи, в которых определение выражено атрибутивно-определительной формой, а определяемое—субстантивной. Такие словосочетания основаны на детерминации, т. е. сопоставлении двух отвлеченных, абстрактных слов (понятий) — признака и предмета, при котором образуется новое более конкретное слово (понятие).

Вторую группу атрибутивно-субстантивных словосочетаний составляют такие словосочетания, когда в роли определения выступают не атрибутивные, а субстантивные формы частей речи. В этих случаях образуются особые отношения между определением и определяемым: определение выступает здесь как общее слово (понятие), включающее определяемое как часть определения. Такие словосочетания, основанные не на детерминации, как первые, а на принадлежности, имеют и особое, отличное от первых, грамматическое оформление (родительный или основной падеж при определении и аффикс принадлежности при определяемом).

Так, в простом детерминативном словосочетании *тас джол* 'мощеная дорога' и определение и определяемое представляют собой не

зависящие друг от друга общие абстрактные понятия: *тас* 'камень' и *джол* 'дорога', которые в данном атрибутивно-субстантивном словосочетании, синтаксически соединяясь посредством простого примыкания, образуют новое более конкретное понятие *тас джол* 'мощеная дорога'. В притяжательном же словосочетании — например, *аттынъ басы* 'голова лошади' — определение и определяемое грамматически и семантически зависят друг от друга. Определение *аттынъ* 'лошади' является более общим словом (понятием), в содержание которого включается и определяемое *басы* 'его головы'. В данном атрибутивно-субстантивном словосочетании определение и определямое, соединяясь посредством сложного грамматического оформления — управления и согласования в лице принадлежности, — образуют также новое и также более конкретное понятие *аттынъ басы* 'голова лошади'.

Независимо от того, какими частями речи будут выражены определение и определяемое, всегда в притяжателных словосочетяниях оба компонента являются субстантивными или субстантивированными формами. Так, в словосочетаниях *колхоздынъ джакъсысы* 'лучший из колхозов' или *балалардынъ бири* 'один из детей' и других, несмотря на то, что определяемые в них выражены прилагательным и числительным, последние в притяжательных словосочетаниях всегда субстантивируются.

Притяжательные словосочетания, состоящие грамматически из четырех составных частей — основы определения, аффикса родительного падежа и основы определяемого и аффикса принадлежности, — исторически представляют собой результат длительного развития сложного синтаксического единства, состоящего из сочетания двух компонентов: простого детерминативного определительного словосочетания соответствующего современному определению, и из слова, соответствующего современному определяемому, находившихся в предикативных отношениях друг к другу.

Первый из компонентов, выступающий в притяжательных конструкциях в качестве определения, состоял из атрибутива, соответствующего основе современного определения, и субстантива, соответствующего аффиксу родительного падежа, второй же компонент представлял собой субстантивное по своему значению слово (понятие) с соответствующим аффиксом принадлежности, например, в притяжательном словосочетании *къолхъоздынъ тракъторы* 'трактор колхоза' первый компонент — определение — состоит из сочетания *къолхъоз + ненъ* 'нечто колхозное', второй же — определяемое — из *тракътор + ы* 'трактор его'. В процессе дальнейшего развития сочетания такого типа приобрели значение притяжательных определительных словосочетаний атрибутивно-субстантивного характера, т. е. имеющих в результате соединения новое, субстантивное по своей значимости слово (понятие).

Итак, в притяжательных определительных словосочетаниях выражается принадлежность или отношение одного предмета к другому, в соответствии с чем и определение и определяемое в таких словосочетаниях выражаются всегда субстантивными формами частей речи, что в свою очередь находит отражение в специальном грамматическом оформлении обоих компонентов словосочетания. Исторически более древними, сохранившими полное грамматическое оформление, являются притяжательные словосочетания, подчеркивающие принадлежность одного предмета другому и определение которых оформлено аффиксом родительного падежа, а определяемое — аффиксом принадлежности. Такое оформление наиболее характерно и обязательно для словосочетаний, в которых определение выражено местоимением или именем

собственным, например: *менинъ кӧзим* 'мои глаза' или *Асаннынъ къызы* 'дочь Асана' и другие. В тех же случаях, когда в притяжательном словосочетании не подчеркивается принадлежность одного предмета к другому, форма родительного падежа не является обязательной, и определение выступает в таких словосочетаниях обычно в основном падеже, определяемое же во всех притяжательных определительных словосочетаниях всегда сохраняет свое оформление аффиксом принадлежности, например: *кӧз джасы* 'слезы глаз', *ат басы* 'лошадиная голова' и т. п.

Впрочем, в тех случаях, когда в словосочетании имеется несколько определений, притяжательное определение чаще оформляется родительным падежом, например: *бир авылдынъ бир неше къулуклы бийеси* 'несколько жеребых кобыл некоего аула' и т. п.

В зависимости от выражения определяемого и определения той или иной частью речи притяжательные определительные словосочетания разделяются на две группы, каждая из которых в свою очередь имеет два вида сочетаний.

I. Словосочетания, в которых определяемое выражено субстантивной формой имени (существительного, прилагательного, числительного, местоимения).

1) Определение выражено теми же субстантивными формами имен в родительном или основном падеже, например: *менинъ синълилерим* 'мои младшие сестры' (*ах, менинъ синълилерим магъан кӱлесиз — деди* 'он сказал: — ах, мои сестрицы, смеетесь вы надо мной'), определение — местоимение, определяемое — имя существительное; *къара къустынъ аркъасы* 'спина орла' (*бала къара къустынъ аркъасына минеди* 'мальчик садится на спину орла'), определение и определяемое — имена существительные; *адамлардынъ барлыгъы* 'все люди' (*адамлардынъ барлыгъы къол джайып балагъа патыйа берди* 'все люди протянули руки и благословили мальчика'), определение — имя существительное, определяемое — местоимение; *тамакътынъ алтавы* 'шесть из блюд' (*сӧйтип тамактынъ алтавын да апкеледи* 'итак они приносят [ему все] шесть из [приготовленных] блюд'), определение — имя существительное, определяемое — имя числительное; *тӧменгининъ кӧзи* 'глаза нижнего из них' (*тӧменгининъ кӧзинен джас агъып отур екен* 'из глаз нижнего из них текли, оказывается, слезы') определение — имя прилагательное, определяемое — имя существительное; *бизлердынъ къайсымыз* 'которые из нас' (*мына даракъты къайсымыз къопарсакъ сонымыз кӱшлӱ болгъанымыз* 'который из нас вырвет с корнем это дерево, тот и будет сильнейшим из нас'), определение и определяемое — местоимения и т. п.

2) Определение выражено субстантивными или субстантивированными формами глагола, например: *тартув кӱши* 'тягловая сила' (букв.: 'сила тяги'); *къурылыс агъашлары* 'строевой лес' (букв.: 'бревна [для] строительства'). В этих двух примерах определения выражены субстантивными формами глагола, определяемые — именами существительными. *къарамагъаннынъ къатыны кетер, бакъмагъаннынъ малы кетер* 'у того, кто не ухаживает [за женой], жена уходит, у того, кто не присматривает [за скотом], скот уходит'; *илгери бараткъаннынъ ийти отлайды, кейин бараткъаннынъ келини урлыкъ къылады* 'у того, кто [при летней кочевке] идет впереди, и собака пасется, а у того, кто идет сзади, — невестка ворует [из-за отсутствия пищи]'. Здесь определения выражены субстантивированными причастиями, а определяемые — именами существительными. *Байагъы айткъанынынъ барлыгъы тайын болуп тура берди* 'все то, что он тогда сказал, было

исполнено'. Здесь в сочетании *айткъанынынъ барлыгъы* 'все то, что он сказал' определение выражено субстантивированным причастием, а определяемое — местоимением.

II. Словосочетания, в которых определяемое выражено субстантивной или субстантивированной формой глагола.

1) Определение выражено субстантивными формами именных частей речи в родительном или основном падеже, например: *шоккиштинъ урылувы* 'удар молотка'; *агъаштынъ ийилгени* 'сгибание дерева' (*емен агъаштынъ ийилгени — сынгъаны* 'дубу согнуться значит сломаться', букв.: 'дуба сгибание — его слом'); *джигиттинъ къызаргъаны* 'покраснение молодца' (*кызыл джўзли джагиттинъ къызаргъаны — ӧлгени* 'покраснеть доброму молодцу значит умереть'); *тўйенинъ къашып кеткенлиги* 'побег верблюда' (*огъа хем тўлки тўйенинъ тӧвўп къашып кеткенлигин айтты* 'а ему лиса сказала, что верблюд лягнул и убежал'); *кемпирдинъ айткъаны* 'то, что сказала старуха', 'сказанное старухой' (*патша кӧп узамай кемпирдинъ айткъанын истейди* 'падишах, не откладывая, сделал все так, как сказала старуха').

2) Определение выражено субстантивными или субстантивированными формами глагола в родительном или основном падеже, например: *токъув ӧндириси* 'ткацкое производство'. Такие сочетания встречаются в современных тюркских языках редко и главным образом характерны для изолированных форм имен действия, перешедших из системы данного глагола в разряд имен существительных и сохранивших только внешнюю форму имен действия.

В. Смешанные, или сложные, определительные словосочетания

К смешанным, или сложным, атрибутивно-субстантивным словосочетаниям относятся словосочетания, в которых при одном определяемом, выраженном субстантивной формой какой-либо части речи, имеется несколько разнородных именных и глагольных, простых и притяжательных определений. Смешанные, или сложные, атрибутивно-субстантивные словосочетания имеют в отношении определяемого те же типы словосочетаний, что и простые; что же касается определений, то их бывает различное количество и они имеют известный порядок своего расположения перед определяемым.

Простые определения (предметные, качественные, количественные), как правило, находятся непосредственно перед определяемым; дальше, вторую позицию от них занимают причастные определения вместе с управляемыми словами, если такое определение является развернутым, и, наконец, третью позицию, за простыми и причастными определениями, занимают притяжательные определения, которые также могут иметь свою систему определений.

Простые определения — предметные, качественные и количественные, занимающие позицию перед причастными и притяжательными определениями, также имеют известную последовательность. Ближе к определяемому находятся предметные определения, составляющие с определяемым как бы нераздельное целое, затем идут определения качественные, затем количественные, за которыми уже следуют причастные развернутые и притяжательные определения; например: *бир къаннынъ ўш джакъсы сулув къызы бар екен* 'у одного хана были три добрые красивые дочери', где определяемое *къыз* 'дочь' имеет два качественных определения *сулув* 'красивый' и *джакъсы* 'добрый, хороший', одно количественное *ўш* 'три' и одно притяжательное *бир къан-*

нынъ 'одного хана'; *къанаты джокъ къызыл къыл къуйрыкълы къыргъавыл* 'фазан без крыльев с красным волосяным хвостом', где определяемое *къыргъавыл* 'фазан' имеет определение обладания *къызыл къыл къуйрыкълы* 'с красным волосяным хвостом' и развернутое определение *къанаты джокъ* 'без крыльев'; *зыйапаткъа перизаттай сулув белгисиз бир къыз келди* 'на бал пришла одна красивая неизвестная девушка, подобная ангелу (пери)', где определяемое *къыз* 'девушка' имеет количественное определение *бир* 'одна', непосредственно в позиции перед определяемым два качественных определения *белгисиз* 'неизвестная' и *сулув* 'красивая' и одно определение сравнения *перизаттай* 'как ангел'; *байагъы къыздынъ айагъынан тӳсип къалгъан зер кевиш* 'золотая туфелька, которая снялась с ноги той самой девушки', где при определяемом *кевиш* 'туфелька' имеется качественное определение *зер* 'золотая' и причастное развернутое определение *байагъы къыздынъ айагъынан тӳсип къалгъан* 'снявшаяся с ноги той самой девушки' и др.

Сложные атрибутивно-субстантивные словосочетания имеют такое же многообразие типов и видов, как и словосочетания простые. Все атрибутивно-субстантивные словосочетания, в которых определяемое выражено субстантивными или субстантивированными формами глагола (именем действия, или субстантивированным причастием), могут, потенциально или реально, быть развернутыми членами сложного словосочетания или предложения, т. е. иметь развернутую систему определяющих членов, составляющих вместе с определяемым своеобразное субстантивированное предложение, в котором главные члены предложения соединены не субъектно-предикативными отношениями и, соответственно, оформлены грамматически не согласованием в лице, а атрибутивными отношениями, и, следовательно, оформлены согласованием посредством грамматической категории принадлежности, т. е. аффиксами родительного падежа при определении и аффиксами принадлежности при определяемом.

В современных тюркских языках развернутые члены словосочетаний и предложений, как правило, имеют в качестве определяемого чаще субстантивированное причастие или вторичное имя действия, производное от соответствующего причастия, чем первичное имя действия. Это объясняется тем, что причастия и вторичные имена действия являются более полными производными глагольными формами, содержащими, кроме общих для всех глагольных форм категорий залога и вида, также категории наклонения и времени, отсутствующие в первичных именах действия.

Функционирование же этих сочетаний с определяемым, выраженным атрибутивной формой глагола — причастием в качестве субстантивных форм, объясняется тем, что они субстантивируются в словосочетаниях и предложениях либо своей позицией, либо аффиксами принадлежности и аффиксами падежей, которые, как известно, характерны только для форм субстантивных по своему грамматическому значению.

Ср., например, следующие примеры предложений, отдельные члены которых выражены такими развернутыми атрибутивно-субстантивными словосочетаниями: *ăни менинъ айткъаным келди* 'вот и сбылось то, что я сказал', где сочетание *менинъ айткъаным* 'мое сказанное' выступает в данном предложении в качестве развернутого подлежащего; *бедев аттынъ джоргъалагъаны — айып, тазы ийттинъ ӳргени — айып* 'порок — когда арабский скакун идет иноходью, порок — когда борзая собака лает', где сочетания *бедев аттынъ джоргъалагъаны* 'арабского скакуна хождение иноходью', *тазы ийттинъ ӳргени* 'борзой собаки

лаяние' выступают в качестве развернутых подлежащих; *джарлынынъ бир тойгъаны — шала байыгъаны* 'сытно один раз поесть [было раньше] для бедняка все равно, что наполовину разбогатеть', где сочетание [*онынъ*] *шала байыгъаны* 'наполовину разбогатеть' выступает в качестве развернутого сказуемого; *сол устанынъ пышагъын алып къойгъанын байдынъ баласы биледи* 'сын бая узнает, что [она] взяла нож у того самого мастера', где сочетание [*онынъ*] *сол устанынъ пышагъын алып къойгъанын* 'ее у того самого мастера ножа взятие' выступает в качестве развернутого прямого дополнения, представляющего собой сложное атрибутивно-субстантивное притяжательное словосочетание, в котором притяжательное определение (*онынъ*) к основному определяемому формально не выражено, объектное определение-дополнение (*пышагъын*) связано с определяемым формой винительного падежа, притяжательное определение к слову *пышагъын* 'ножа' оформлено родительным падежом (*сол устанынъ* 'того самого мастера') и согласовано с определяемым посредством аффикса принадлежности 3-го лица; *байагъын джолда кийатырса, еки баланынъ бир кўшўкти сабай джўргенин кўреди* 'когда они шли по той дороге, они увидели, как два мальчика били какого-то щенка', где сочетание *еки баланынъ бир кўшўкти сабай джўргенин* 'двух детей одного щенка битье' представляет собой развернутое прямое дополнение; *сенинъ сöзлерининъ хакъыйкъат екенлигине мен къуванып исенемен* 'я с радостью поверил в истинность твоих слов', где сочетание *сенинъ созлерининъ хакъыйкъат екенлигине* 'в истинность твоих слов' выражает развернутое косвенное дополнение; *шопан айтты: бул сиздинъ алып баргъанларынъыздан гўналы баласыз — гъой* 'вы ведь будете виноваты в том, что унесете это — сказал пастух', где сочетание *сиздинъ алып баргъанларынъыздан* 'из-за вашего унесения' выступает в качестве развернутого косвенного дополнения или развернутого обстоятельства причины.

Атрибутивно-определительные и атрибутивно-обстоятельственные словосочетания

К атрибутивно-определительным и атрибутивно-обстоятельственным словосочетаниям относятся словосочетания, в которых определяемое выражает не субстантивное, а атрибутивное понятие, т. е. либо признак предмета, либо признак признака. В таких словосочетаниях определение, выражающееся всегда атрибутивно-обстоятельственной формой той или иной части речи, конкретизирует и детерминирует понятие общего и абстрактного признака, заключенного в определяемом.

В результате такого словосочетания образуется конкретизированная атрибутивно-определительная или атрибутивно-обстоятельственная форма той части речи, какой выражено определяемое в данном словосочетании.

К атрибутивно-определительным и атрибутивно-обстоятельственным словосочетаниям, определяемое в которых выражает признак предмета или признак признака, относятся только непритяжательные простые или смешанные словосочетания, компоненты которых соединены либо только примыканием, если определяемое не управляет определяющим объектом, либо примыканием и управлением, если определяемое имеет объект. В соответствии с этим все словосочетания этого типа разделяются на словосочетания безобъектные и словосочетания с объектом.

А. Простые атрибутивно-определительные и атрибутивно-обстоятельственные словосочетания

а) Безобъектные словосочетания

I. Словосочетания, в которых определяемое выражено атрибутивной формой имени.

1) Определение выражено также атрибутивной формой имени, в данных случаях чаще всего наречием, например, *енъ джакъсы* 'очень хороший, очень хорош'; (*бул*) — *сонщелли керек* '(это) настолько нужно, так нужно'; *енъ бурун* 'очень рано, или *енъ бурунгъы* 'очень ранний'; *сондай джаман* 'такой плохой, так плохо'.

Сочетания этого типа, довольно редкие в языке, выражают главным образом подчеркивание или усиление признака, заключенного в слове-определяемом.

2) Определение выражено атрибутивными формами глагола, главным образом причастиями, например: *келген жердеги* (*тав*) '(гора) находящаяся в том месте, куда он пришел'; *тувгъан авылдагы* (*ўйим*) '(мой дом), находящийся в том ауле, где я родился'.

II. Словосочетания, в которых определяемое выражено атрибутивной формой глагола.

1) Определение выражено атрибутивной формой имени, например: *ӧмиринше кӧрмегендей* [*той*] '[пир], которого он не видел в жизни'; *кӧп джасагъан* [*киси*] '[человек] много проживший'; *бурун ушкъан* [*ўйрек*] '[утка] улетевшая раньше'; ср. *шабан ўйрек бурун ушады* 'шустрая утка улетает раньше других'; *усулай джўре берген* [*джигит*] '[джигит], продолжающий так идти'; ср. *усулай джўре берсенъ бир къус бар* 'если так пойдешь, [там] есть некая птица'; *артыкъ шыкъкъан* [*сокъур*] '[слепец] оказавшийся лишним'; *бунщелли алдагъан* [*киси*] '[человек] столько раз обманувший'; ср. *хав, сиз мени бунщелли алдай бердинъиз гъой-дейди* 'эх, вы меня уже столько раз обманывали — сказал он'; *астакъырын устагъан* 'потихоньку схвативший'; ср. *къасына джакъынлап барып астакъырын къуйрыгъынан устады* 'он подошел к нему и тихонько схватил за хвост'; [*патшанынъ багъына*] *джасырын тўскен* [*бала*] 'тайно проникший [в сад падишаха мальчик]'; [*къыз бенен*] *бирге авкъатлангъан* [*джигит*] '[джигит] питавшийся вместе [с девушкой]'.

К этой группе словосочетаний относятся не только сочетания с определяемым, выраженным причастием, но также и с определяемым, выраженным личными формами глагола (verbum finitum), поскольку последние все исторически относятся к атрибутивно-определительным (причастным) формам глагола.

2) Определение выражено атрибутивно-обстоятельственной формой глагола, например: *бўйтип къалгъан* 'так оставшийся'; ср.: *сен неге бўйтип къалдынъ?* 'ты почему так остался?' *талтайтып тургъан* [*киси*] 'раскорячившись стоявший [человек]'; *ўрип ишкен* [*киси*] 'человек, который пьет дуя', букв. 'дуя пьющий', ср. *авызы кўйген ўрип ишеди* 'тот, кто раз ожег губы, пьет дуя'; *анъламай сӧйлеген* [*киси*] '[человек], который говорит не думая', букв. 'не сознавая, говорящий [человек]'; ср. *анъламай сӧйлеген авырмай ӧлер* 'тот, кто говорит, не думая, тот и умрет, не болея'; *тавуп айткъан* [*киси*] '[человек] находчиво говорящий'; ср. *билген тавуп айтады* 'знающий говорит находчиво'.

б) Атрибутивно-определительные словосочетания с объектом

I. Словосочетания, в которых определяемое выражено атрибутивной формой имени.

1) Определение-объект выражен именем в косвенных падежах, например: *алтыннан джакъсы* 'лучше золота'; *баскъалардан бурун* 'раньше других'; *полаттан къатты* 'тверже стали'; ср. *полаттан къатты бол* 'будь тверже стали'; *къазаннан къара* 'чернее котла'; *къардан аппакъ* 'белее снега'; ср. *къазаннан къара нерсе джокъ, ассанъ къарнынъ тойдырар; къардан аппакъ нерсе джокъ, усласанъ къолынъ тонъдырар* 'нет ничего чернее котла, но если ты поешь, то он насытит твою утробу, нет ничего белее снега, но если ты его схватишь, то он отморозит твою руку'; *къойдан джуваз* 'смирнее овцы'; ср. *къонакъ къойдан джуваз* 'гость скромнее овцы'; *джамамагъа джакъсы* 'хорош для починки'; ср. *джагъалы кийим джамамагъа джакъсы* 'одежда, обшитая тесьмой, хороша для починки'.

2) Определение-объект выражен субстантивной глагольной формой в косвенных падежах, например: *барувгъа мўмкин* 'возможный для поездки'; ср. *барувгъа мумкин джол* 'дорога, по которой можно поехать'; *джазувгъа керек* 'необходимый для письма, необходимо писать'.

II. Словосочетания, в которых определяемое выражено атрибутивной формой глагола.

1) Определение-объект выражен именем в косвенных падежах, например: *тўлкини джеген* || *джеп* 'съевший лису || съев лису'; ср. *тўлкини джеген ийтлер* 'собаки, съевшие лису'; *йадына тўскен* || *тўсип* 'возникший || возникнув в памяти'; *барлыгъын еситкен* || *еситип* 'услышавший || услышав все'; ср. *бала барлыгъын еситип алып дäвлерге барады* 'мальчик, услышав все это, пошел к дивам'; *сувды акелген* || *акелип* 'принесший || принеся воду'; ср. *къара къус гöш хäм сувды акелип балагъа береди* 'орел приносит мясо и воду и отдает их мальчику'.

2) Определение-объект выражен производной глагольной формой в косвенных падежах, например: *тувгъанынъды кöрген* || *кöрип* 'видевший || увидев твое рождение'; ср. *тувгъанынъды кöргеним джокъ öлгенинъе джыламайман* 'я не видел как ты родился, не заплачу и по твоей смерти'; *öткенге öкимбеген* 'не жалеющий о прошлом'; *айткъаным къылмагъан* 'не сделавший того, что было ему сказано' (букв.: 'сказанное не сделавший'); ср. *ол бала айткъанын къылмагъан* 'тот парень не сделал так, как ему сказали'; *айтувды таппагъан* 'он не нашел, что сказать' (букв.: 'то, что сказать, не нашел'); *дäв екенин билмеген* 'не знавший того, что он был дивом'; ср. *ол еки бала онынъ дäв екенин билмеген* 'те два парня не знали, что он был дивом'; *къоркъпагъандыгъына танъ къалыскъан* 'удивившиеся тому, что она не испугалась'; ср. *айелдинъ ерлигине öлтўрем дегеннен къоркъпагъандыгъына танъ къалыскъан* 'они удивились храбрости женщины и тому, что она не испугалась угрозы убить ее'.

Б. Смешанные атрибутивно-определительные и атрибутивно-обстоятельственные словосочетания

К смешанным, или сложным, атрибутивно-определительным и атрибутивно-обстоятельственным словосочетаниям относятся словосочетания, состоящие из нескольких разнородных определений, связанных между собой различными средствами синтаксической связи, но представляющие вместе с тем единое атрибутивное по своему значению синтаксическое целое.

Порядок следования различных определений в атрибутивно-определительных словосочетаниях тот же, что и в атрибутивно-субстантивных словосочетаниях.

Сложные атрибутивно-определительные и атрибутивно-обстоятельственные словосочетания весьма различны и многообразны по своему составу. Они так же, как и атрибутивно-субстантивные словосочетания, могут состоять либо из нескольких, рядом стоящих простых определяющих слов, либо представлять собой развернутый член предложения — определение или обстоятельство.

В качестве примера сложных атрибутивно-определительных словосочетаний могут быть приведены следующие: *къашувы менен авылгъа баргъан* [*еки ат*] 'бежавшие бегом в аул [две лошади]', где определяемое в атрибутивном словосочетании — причастие *баргъан* 'бежавший' определяется объектом *авылгъа* 'в аул' и обстоятельством *кашувы менен* 'бегом'. Такое словосочетание может функционировать как самостоятельное и как составной элемент в сочетании с определяемым субстантивом *еки ат* 'две лошади' точно так же, как атрибутивно-субстантивные словосочетания, соответственно, могут функционировать либо самостоятельно, либо как составные элементы в предикативном словосочетании; *къырыкъ ат сув ишкендей* 'такой, что в нем могут напиться сорок лошадей', ср. *къырыкъ ат сув ишкендей къакъ* 'лужа, где могут напиться сорок лошадей'; *ат басындай* 'с голову лошади'; ср. *ат басындай алтын* 'кусок золота с лошадиную голову' и т. п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общий схематический обзор различных типов словосочетаний и их грамматическая классификация устанавливают, таким образом, наличие двух основных групп словосочетаний, которые в результате превращения в синтаксические единства выражают либо понятия с субстантивным предметным значением — атрибутивно-субстантивные словосочетания, либо понятия с атрибутивным значением признака предмета или признака признака — атрибутивно-определительные и атрибутивно-обстоятельственные словосочетания.

Каждая из этих основных групп разделяется на более дробные классификационные подгруппы, определяющиеся либо характером атрибутивных отношений — детерминативные, притяжательные и смешанные словосочетания, либо типом детерминации — словосочетания безобъектные и словосочетания с объектом, что в значительной степени определяется выражением определяемого той или иной частью речи и их грамматическими формами.

Вместе с тем все атрибутивные словосочетания имеют то общее их значение синтаксических единств, служащих средством конкретизации слов (понятий), которое отличает их от предикативных словосочетаний или предложений, имеющих противоположное антонимическое значение синтаксических единств — средств обобщения, абстрагирования слов (понятий). В этом противопоставлении обнаруживаются все специфические особенности тех и других словосочетаний и устанавливаются основные внутренние закономерности их развития, изучение которых и составляет основную задачу синтаксиса.

II. ЧАСТИ РЕЧИ

Т. А. БЕРТАГАЕВ

О СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ГРАММАТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ)

1

Крайне спорна и во многом не ясна роль различного рода грамматических показателей. Те противоположные взгляды, которые высказаны в трудах А. Д. Руднева[1], с одной стороны, и Г. Д. Санжеева[2], с другой, в значительной степени порождены разным пониманием функции грамматических показателей и невыясненностью их роли в грамматическом строе монгольских языков. Так, никто из исследователей монгольских языков не ставил задачу хотя бы дифференцировать эти форманты по различным разрядам слов.

Обычно в лингвистической литературе не принято различать морфологические и синтаксические показатели. Объясняется это, очевидно, тем, что во многих языках нет особых морфологических и синтаксических показателей. А между тем в некоторых языках, в частности в монгольских, можно провести вполне определенную грань между этими двумя группами отличных по своим грамматическим свойствам формантов и выделить из круга грамматических средств так называемые синтаксические показатели, которыми обладают главные члены предложения.

К синтаксическим показателям в монгольских языках относятся частицы типа *хадаа*, *болбол*, частицы, или суффиксы, типа *-ха* | *-хэ*; *-һан* | *-һэн* || *-сан* | *-сэн*; *-л*; *-бза*; бурят-монгольские *-б*, *-ш*, *-бди*, *-т*, или сочетания некоторых из них *-һэнхэ*, *-һэнби* и др.

Приведенные здесь показатели *-ха*, *-һэн* || *-сэн*, *-б*, *-ш* и другие (за исключением частиц *хадаа*, *болбол*)[3] могут в одно и то же время быть и морфологическими и синтаксическими показателями.

Определенными синтаксическими показателями характеризуются главные члены предложения. Например, подлежащее может сопровождаться такими частицами, как *хадаа*, *бол* и *болбол* (определить подлежащее в предложении нетрудно, подставив приведенные частицы). Правда, они факультативны и употребляются главным образом в тех случаях, когда говорящее лицо стремится придать слову, являющемуся подлежащим, известную полновесность с оттенком исключительности, ограничительности или, наоборот, всеобщности. Ср.: *Гарма хадаа оролсообда* 'То, конечно, Гарма вступил в единоборство, кто же больше'; *тэмээн болбол бүгсэгэр* 'всякий верблюд горбат'.

---

[1] См.: А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор, вып. 1. Пг., 1913—1914.

[2] См.: Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1941.

[3] А. Д. Руднев и многие другие монголисты считают их суффиксами или, как иногда их называет А. Д. Руднев, окончаниями. — А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. 38.

Иначе обстоит дело с теми частицами-суффиксами, которые являются синтаксическими показателями сказуемых. Во-первых, они обязательны, а не факультативны; во-вторых, при их помощи образуется сказуемое от имени, взятого изолированно от других слов: *боро* 'серый'; *борол, бороха, бороб* 'серый' — сказуемые; в-третьих, каждый из них придает словам особый оттенок значения, например: частица-суффикс *-л* — оттенок утверждения с нюансом, означающим возражение, *-ха* — оттенок вероятного утверждения, *-һан* || *-сан* — оттенок бытования признака или предмета в прошлом, личные показатели *-б, -ш* и др. — оттенок действующего лица и т. д.; в-четвертых, при сочетании с собственно глаголами функция этих частиц-суффиксов ограничивается привнесением в значение глаголов тех оттенков, какими они обладают, и при этом их предикативная роль сводится к нулю.

Например, глагол *дэбхэрнэ* 'прыгает' при сочетании с частицами-суффиксами *-л, -ха, -һан* | *-һэн* и другими не приобретает ничего другого, кроме дополнительных модально-видовременных оттенков значений: *дэбхэрнэл* 'смотрите-ка, прыгает', *дэбхэрнэхэ* 'кажется, еще прыгает', *дэбхэрнэһэн* 'прыгнул' (прошлое в настоящем с оттенком результативности) и т. п.

Следовательно, если при именах указанные частицы-суффиксы выполняют прежде всего предикативную функцию, переключая их в категорию сказуемого, то при собственно глаголах они функционируют только как словоизменительные форманты, т. е. как морфологические показатели[4].

В соответствии с этим в монгольских языках грамматические изменения также могут быть двух видов: синтаксические и морфологические. Под синтаксическим изменением слова следует подразумевать грамматическое изменение, связанное с изменением его как члена предложения. Под морфологическим — нужно понимать все остальные случаи грамматического изменения, вызванные его отношением к другому слову в данном сочетании. Отсюда следует, что, когда слово при помощи той или иной частицы-суффикса претерпевает синтаксические изменения, то все последствия такого изменения являются принадлежностью слова, как члена предложения, а не как части речи. Иначе говоря, слово в этом случае изменяется не как морфологическая, а как синтаксическая единица, как член предложения. Поэтому совершенно неправомерно утверждение А. Д. Руднева о наличии в бурятмонгольском языке спряжения имени («то, что мы называем именами, может и склоняться и спрягаться»[5]).

А. Д. Руднев не принял во внимание того, что он имеет здесь дело с синтаксическими, в частности предикативными, показателями в бурятмонгольском языке, что «спрягается» сказуемое, выраженное именем, а не имя, как часть речи: *хара* 'черный', *хара-б, хара-ш* 'черный' (сказуемые). Имя, взятое само по себе, т. е. как морфологическая единица, не спрягается, а склоняется.

Таким образом, то, что А. Д. Руднев называет «спряжением имени», является предикацией имени, т. е. таким изменением, которому имя подвергается, когда оно становится сказуемым.

---

[4] Большинство этих показателей по правилам существующей орфографии пишется раздельно с глаголами. По нашему мнению, их по аналогии с любыми другими морфологическими показателями следовало бы писать слитно с глаголами, что было бы более последовательно и логично. Такое написание проводится в данной статье, за исключением тех случаев, когда личные показатели должны быть выделены особо, через дефис. Другое дело при именах. В этом случае их надо писать раздельно, ибо они являются здесь синтаксическими показателями.

[5] А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. 38.

Иную картину наблюдаем в глаголах, которые при присоединении к ним частиц-суффиксов изменяются не синтаксически, а только морфологически, в отношении тех или иных своих грамматических значений. Например, когда присоединяются к глаголам личные показатели, то глаголы приобретают значение лица и числа и только: *сабшанаб* 'рублю', *сабшанаш* 'рубишь', *сабшанабди* 'рубим', *сабшанат* 'рубите' и т. д. Глагол, в противоположность имени, как бы адсорбирует в себе функцию частиц-суффиксов, не меняясь функционально, оставаясь сказуемым. И мы вслед за А. Д. Рудневым готовы также категорически заявить, что «если в бурятском не признавать спряжения, изменений глагола по временам, лицам и числам, то я не знаю, где же вообще еще искать спрягаемых глаголов»[6].

В функционировании глагола и сказуемого существует полное единство, поэтому что присуще глаголу, то присуще и сказуемому и наоборот. Грамматические показатели, о которых идет речь, в глаголах являются лишь морфологическими формантами лица и числа. А у имени и сказуемого этого единства нет, и поэтому имя становится сказуемым лишь при получении предикативных показателей (которые являются только синтаксическими). Отсюда видно, что функции грамматических показателей в разных группах слов различны.

Это же положение можно подтвердить еще и на примерах с причастиями. Немало причастий в монгольских языках имеет тенденцию переходить в собственно глаголы. В качестве примера можно привести причастия типа *явсан* в языке МНР и *ябаа* в бурят-монгольском. Оба причастия воспринимаются в современных языках как собственно глаголы, хотя в отдельных случаях они и сохраняют свои прежние причастные признаки, например *ябаа* может сочетаться с существительными, правда с весьма ограниченным числом их, как определение — *ябаа хүн* 'шедший человек'.

Большинство причастий становится собственно глаголом при помощи упомянутых выше частиц-суффиксов. На эту же особенность указывает, правда косвенным образом, и А. Д. Руднев, когда говорит, что «изъявительные формы бур. хор., развившиеся исторически из спряжения причастий, помещены (в книге. — *Т. Б.*) отдельно от соответствующих причастных форм»[7]. На самом деле, если возьмем причастие будущего времени типа *ерэхэ* 'должное прийти', то в сочетании с упомянутыми выше частицами-суффиксами оно употребляется и воспринимается явно как форма собственно глагола в будущем времени: *ерэхэ-б* 'приду', *ерэхэ-л* 'придет', *ерэхэ-ха* 'возможно, придет', *ерэхэ-бза* 'непременно придет', *ерэхэ-һэн* 'пришел бы' и т. д.; от причастия *ерэгшэ* образуется форма прошедше-настоящего времени: *ерэгшэ-б* 'хаживаю', *ерэгшэ-л* 'приходит', *ерэгшэ-һэн* 'обычно приходил' и т. д. То, что в этих формах выражено подлинное действие, выражаемое обычно собственно глаголом, не вызывает сомнения ни у кого говорящего на данном языке. Почти во всех случаях причастия с указанными показателями в монгольских языках утрачивают свои атрибутивные особенности, что видно хотя бы из того, что, во-первых, даже находясь (в положении инверсии) перед существительным, они воспринимаются не как определение, а как глагол-сказуемое[8]: *ерэхэха ахай* 'придет брат', *ерэхэһэн ахай* 'пришел бы брат' и т. д.; во-вторых, они не могут изменяться по падежам, к чему склонны все причастия, т. е. не могут приобретать функцию субстантивов; в-третьих, многие указанные формы приобретают не только те или иные дополнительные модально-видо-

[6] А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. 38.
[7] Там же, стр. 76.

временные оттенки, но иногда меняют характер этих значений; например, причастие будущего времени *ерэхэ* в форме *ерэхэһэн* становится уже сослагательно-предположительной формой и означает в переводе на русский язык 'пришел бы', а не 'придет'. Кроме того, необходимо отметить, что не все причастия одинаково реагируют на сочетание с частицами-суффиксами: причастия типа бур. *ерэһэн* и некоторые другие причастия, не имеющие тяготения к собственно глаголам, ведут себя весьма своеобразно. Тип причастия на *-һан | һэн* вообще не сочетается с личными показателями *-б*, *-ш* и т. п., а может сочетаться лишь с некоторыми притяжательными частицами: *ерэһэм* (*мни*) букв. 'прихождение мое', *ерэһэнш* 'прихождение твое'. В сочетании же с *-л* причастие на *-һэн* не теряет своей причастной функции: *ерэһэнлэ морин* 'каждый пришедший конь', а с *-бза*: *ерэһэнбза* выполняет функцию сказуемого со значением признака, т. е. это предицированное имя 'наверное прибывший' и т. д. Причастия типа *дуулааша* 'поющий', *ябааша* 'идущий' или *ургэмэл* 'принятый на воспитание', *сабшамал* 'рубленый' и некоторые другие при сочетании с указанными частицами-суффиксами не утрачивают присущее им значение признака или предметности: *дуулаашаб* 'певец (я)', *ябаашаб* 'тот, кто ходит', букв. 'ходящий (я)', *ургэмэлби* 'вскормленный, воспитанный (я)'.

Таким образом, причастия, тяготеющие к собственно глаголу, при оформлении частицами-суффиксами, в отличие от других причастий, утрачивают свойства и значения причастий и утверждаются окончательно в роли формы, обозначающей действие, передаваемое обычно собственно глаголами. Грамматические показатели частицы-суффиксы с данными группами слов ведут себя как словообразовательные суффиксы[9]. По существу с их помощью из причастий образуются собственно глаголы, имеющие самые разнообразные грамматические значения и оттенки значений. А между тем большая часть монголистов относит их к причастиям и оставляет вне поля зрения значения этих форм.

Сочетаемость приведенных здесь показателей с причастиями и их роль в той или иной группе причастий требует тщательного изучения, что не проделано монголистами, пожертвовавшими в угоду своей классификационной схеме богатством и разнообразием значений глагольных форм подобного образования.

Итак, определенные грамматические показатели в монгольских языках в зависимости от сочетания с той или иной группой (разрядом) слов, в соответствии с особенностями этих слов функционируют поразному. Поэтому в одном случае (с собственно глаголами) они несут чисто морфологическую функцию и являются морфологическими показателями, в другом случае (с именами) они являются синтаксическими показателями, определяющими функцию слова как члена предложения (в суженном понимании — являются предикативными показателями), в третьем случае (с причастиями) они несут словообразовательную функцию и переключают причастия в собственно глаголы[10].

---

[8] Только форма с *-л* иногда может восприниматься как определение и то она требует при этом интонационного уточнения: в сочетании *ерэхэл морин* с повышением голоса и ударением на слове *ерэхэл* причастие представляет собой определение: 'конь, который придет непременно', а с небольшой паузой между компонентами сочетания это — глагол-сказуемое *ерэхэл морин* 'конь-то придет'.

[9] Вообще эти частицы-суффиксы в разговорной речи органически входят в состав слова. Ср. *ябахам* 'пойду', *ябахымаш* 'пойдешь', *ябагшаһан* 'ходил' и т. д. Но почему-то по правилам существующей орфографии они пишутся раздельно; очевидно, здесь сказалось влияние взглядов некоторых лингвистов.

[10] В последних двух случаях обращается внимание на основную функцию этих показателей, определяющую характер данной группы слов.

* * *

В известной связи с проблемой, упомянутой выше, находится и другая, вызывающая всякого рода расхождения среди монголистов, проблема о сочетаниях слов со вспомогательными, служебными словами-глаголами, например с такими, как *байха*, *болохо*, *гэхэ*[11], *бариха*, *хэбтэхэ*, *ябаха* и др. Одна часть монголистов относит подобные сочетания к сложным или комбинированным глаголам, другая — вообще умалчивает о них, третья — относит к глаголам только одну часть этих сочетаний, ничего не говоря о другой, а четвертая — причисляет их к чисто синтаксическим категориям, связывая их с составными именами или глагольным сказуемым. Вследствие столкновения столь различных взглядов, эти сочетания, сложные и богатые своим грамматическим значением, оказались недостаточно изученными.

По существу, только в трудах А. Д. Руднева находим некоторую попытку раскрыть содержание этих сочетаний. А. Д. Рудневу удается дать довольно основательное и точное определение значений тех сочетаний, которые явились предметом его внимания. К сожалению, он не выходит за пределы тех своих установок, согласно которым указанные сочетания, являясь сложными глаголами, должны входить в систему соотносительной связи с простыми глаголами. Это крайне сузило тему его исследования и принудило его оставить вне его исследовательских интересов ряд важных фактов и значений грамматических форм.

Изучение же этих сочетаний как составных сказуемых тоже не привело ни к каким должным результатам, так как они в предложении функционируют в роли не только сказуемых, но и всех других его членов[12].

Что же представляют собой такого рода сочетания и к какому грамматическому явлению нужно их отнести, чтобы изучить их более глубоко и детально? Широкую перспективу изучения этих явлений открывает теория так называемого «синтаксического формообразования»[13].

В состав упомянутых нами выше сочетаний входит прежде всего вспомогательное слово-глагол как формообразующая единица, и не более. Но кроме вспомогательного слова-глагола, несущего в основном грамматическую функцию, в сочетание входит слово или слова с лексико-семантической нагрузкой, т. е. те слова, которые определяют конкретное или вещественное содержание сочетания.

Такими словами могут быть различного рода причастия и деепричастия, а также имена. Простейшими видами такого сочетания могут быть следующие: *бэдэрһэн байна*, *бэдэрдэг байна*, *бэдэрэнхэй байна*, *бэдэрээд байна*, *бэдэржэ байна*, *бэдэрэн байна* и т. п., где в качестве вспомогательного слова выступает глагол *байха* 'быть' в форме настоящего времени *байна* 'есть', а в качестве лексических компонентов — различные формы причастий и деепричастий глагола *бэдэрхэ* 'искать'. Или же еще такого рода сочетания: *γнэн байна*, *хара байна* и др., в которых в качестве лексического компонента выступают имена *γнэн* 'истина', *хара* 'черный' и т. п.

---

11 Слово *гэхэ* занимает несколько особое положение, и ему будет посвящена специальная работа.

12 Остальные взгляды еще менее способствуют правильному изучению этого важного явления грамматики монгольских языков.

13 См. статью: В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков). Сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». М., 1952, стр. 112.

Но каждое из этих сочетаний может принять при помощи вспомогательного слова любую глагольную форму, в том числе причастную или деепричастную, и функционировать во всех тех формах собственно глагола, причастия и деепричастия, какие им присущи. Возьмем, к примеру, сочетание с деепричастием *бэдэрээд* от глагола *бэдэрхэ* 'искать': *бэдэрээд байжа* — форма соединительного деепричастия, *бэдэрээд байбал* — условная форма, *бэдэрээд баймсаар* — деепричастие сопроводительной формы, *бэдэрээд байһан* — причастие прошедшего времени, *бэдэрээд байдаг* — многократное причастие, *бэдэрээд байгааша* — причастие прошедше-настоящего времени и т. д., или с именем: *үнэн байжа*, *үнэн байгаад*, *үнэн байбал*, *үнэн байтара*, *үнэн байһан*, *үнэн байһаниие*, *үнэн байхада*, *үнэн байдаг* и т. п. Одним словом, каждое из этих сочетаний может принять столько форм, сколько имеет собственно глагол, причастие и деепричастие. А их в монгольских языках очень много. Каждая из подобных форм сочетаний имеет свои модально-видовременные оттенки значений, отличные от значений простых глагольных форм; причем некоторым из них присуще не то значение, которое должно было быть, если судить по форме вспомогательного слова, например: *бэдэрээд байна* 'искал'. Здесь прошедшее время с оттенком результативности, а вспомогательное слово *байна* — в форме настоящего времени. Кроме того, вспомогательное слово (уже в составе данного сочетания) может вступить в сочетание с другими формами того же вспомогательного слова или с формами других вспомогательных слов. Тем самым усложняется передача тех или иных грамматических значений и последние оттеняются до тончайших нюансов. Например: *бэдэрэжэ байһан байгаа* 'искал (и пребывал)' — в этом сочетании имеются две формы вспомогательного слова *байха* 'быть'; *бэдэрэжэ болохо байгаа* 'возможно, искал бы (и пребывал)' — здесь имеется сочетание двух форм двух вспомогательных слов: *болохо* 'мочь' и *байха* 'быть', *бэдэрэжэ болохо байһан байгаа* 'кажется, искал бы (и пребывал)' — в этом случае наблюдается сочетание двух форм вспомогательного слова *байха* 'быть' с формой вспомогательного слова *болохо* 'мочь'. Такого рода сочетания можно разнообразить, не только меняя формы и число вспомогательных глаголов, но и при помощи самых разнообразных частиц: *бэдэрэжэ байһаншье байжа болохол* 'возможно, что пребывал в поисках', *бэдэрэжэ байхаяа байһаншье байжа болохоха юм даа* 'вполне возможно, что хотел было искать' и т. д. В последнем, например, за исключением первого компонента, несущего значение 'искать', все остальные составляют вспомогательные слова (их четыре) и частицы.

Таким образом, подобного рода усложнения сочетаний бывают весьма разнообразны, и их значения иногда не поддаются учету и иногда непереводимы на другой язык, а между тем в практике разговорной речи они весьма распространены и употребительны. Если же к этому добавить, что вспомогательных глаголов в общей сложности можно набрать не менее десяти и каждый из них вносит в сочетание свои оттенки значений, то получается система довольно сложная. Каждое из этих сочетаний не только может явиться любым членом предложения, но и передаваться на русский язык во многих случаях при помощи придаточных предложений.

Из приведенных выше примеров мы видим, что вспомогательное слово в сочетании употребляется не столько в роли связки в составном сказуемом, сколько в роли формообразующей единицы. Вместе с тем на него падает в известной мере и роль словообразовательного средства, переключающего функцию одной части речи в функцию другой, например деепричастия в причастие и наоборот: сочетание при-

частное *бэдэрээд байһан* (хүн) '(человек) искавший' состоит из деепричастия от глагола *бэдэрхэ* 'искать' и вспомогательного слова в форме причастия прошедшего времени *байһан*, сочетание деепричастное *бэдэрһэн байжа* 'поискав' — из причастия от глагола 'искать' и вспомогательного слова в форме деепричастия *байжа*. В первом случае деепричастие употребляется в значении причастия, а во втором — причастие в значении деепричастия. Ту же самую картину наблюдаем и в отношении имен, правда, с несколько иными характерными особенностями: *үнэн байһан* (*хэрэг*) '(дело), бывшее правдой', *үнэн байгаад* 'бывший правдой' и т. д.[14]

Итак, можно полагать, что перед нами своеобразные формообразующие грамматические словосочетания слов, составляющие в этом отношении некие единства и функционирующие в языке в качестве этих единств. Но поскольку такие единства не образуют сочетаний, могущих быть эквивалентами слову, то эти единства не лексического, а грамматического порядка. Поэтому мы их назовем грамматикализованными или грамматическими единствами[15]. А так как каждое такое единство в соответствии с формой вспомогательного глагола функционирует в значении деепричастия, причастия и собственно глагола, то можно соответственно называть их деепричастным, причастным и собственно глагольными единствами[16]. Поскольку же они являются грамматическими, а не лексическими единствами, то ведущим словом в таких сочетаниях должно быть признано вспомогательное слово, которое и определяет их грамматическую форму и функцию.

Следовательно, если они морфологически, согласно форме вспомогательного слова, являются соответствующими причастными, деепричастными и собственно глагольными единствами, то синтаксически они представляют собой соответствующие составные члены предложения: составное подлежащее, дополнение, определение, обстоятельство, и, наконец, сказуемое[17]. Например: причастное единство может быть составным подлежащим — *бэдэрэжэ байһаниинь наашаа хараба* 'тот, который искал, оглянулся на нашу сторону'; составным дополнением — *бэдэрэжэ байһанииень дуудаба* 'окликнули того, который искал'; составным определением — *бэдэрэжэ байһан (хаүн)* '(человек), который искал': составным обстоятельством — *бэдэрэжэ байгаад (хараба)* 'во время по иска (оглянулся)'; составным сказуемым — *бэдэрэжэ байба* 'искал'.

Из всего сказанного видно, что эти единства могут быть изучены и в морфологическом и в синтаксическом плане — без смешения этих

---

[14] Особенность этих сочетаний в отличие от русских соответствующих сочетаний заключается в том, что имя, входящее в компонент, утрачивает все словоизменительные свойства, как бы становится окаменевшей формой, и причастная форма вспомогательного слова не согласуется с определяемым словом, а примыкает к нему.

[15] Они отличаются от словосочетаний тем, что, во-первых, в них сочетаются не полнозначные слова, а полнозначное слово с неполнозначным, вспомогательным, во-вторых, они сочетаются в целях образования тех или иных форм и их значений, а не для выражения единых, но в то же время расчлененных значений (см. «Грамматику русского языка», т. II, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 10).

[16] Если бы не существовало термина грамматическое сочетание», принятого в языковедческой литературе в определенном значении, то наиболее подходящим словом в этих случаях явилось бы слово «сочетание», но можно назвать их и группой.

[17] Так как каждый из этих составных членов может состоять из именных или глагольных слов, то нет нужды делить на именные и глагольные, тем более, что последний термин может внести путаницу в понимание термина «собственно глагольное единство».

двух планов, что наблюдается, как отмечает М. М. Гухман, в некоторых исследованиях индоевропейских языков[18].

Вся эта сложнейшая система грамматических единств ждет своих исследователей. Эта задача трудная, но крайне важная в изучении грамматического строя монгольских языков.

2

Одним из самых трудных и спорных вопросов в современном монголоведении, да и во всей алтаистике, является определение критерия для решения вопроса о переходе слова из одной части речи в другую. Некоторые исследователи выдвигают в качестве мерила так называемый переводческий принцип, когда то или иное слово характеризуется не по его формам, а по тому, какой эквивалент соответствует ему при переводе на другой язык. Несостоятельность такого принципа ясна каждому, кто хоть немного занимался сопоставлением фактов двух языков, тем более разносистемных.

Нам кажется, что слово должно рассматриваться в системе тех отношений, какие у него установились в данном языке, в соотносительной связи его с другими словами и в тех проявлениях их грамматических и смысловых признаков, какие обнаруживаются у него в том или ином сочетании слов. С этой точки зрения, например, качественные прилагательные типа *һайн* 'хороший', *түргэн* 'быстрый' и другие при своем сочетании с глаголами перестают быть таковыми и переходят в наречие, что отрицается многими исследователями[19].

Слово *һайн* в сочетании с *хүдэлнэ* 'работает' — это не то *һайн*, какое находим в сочетании с *морин* 'конь'. Во-вторых, оно выражает не признак предмета, а признак признака: 'хорошо работает'; во-вторых, оно является обстоятельством, а не определением; в-третьих, от изменения места его в сочетании не меняется его синтаксическая функция и оно не становится предикатом, находясь после определяемого слова, как это бывает с прилагательным, ср. *хүдэлнэ һайн* 'хорошо работает', *энэ морин һайн* 'эта лошадь хороша'; в-четвертых, от повторения основы его не образуется значение раздельного множества, а только подчеркивается и усиливается его значение, ср. *һайн һайн хүдэлнэд* то же, что и в русском 'хорошо, хорошо работают', а *һайн һайн морид* 'хорошие лошади'; в-пятых, оно является соотносительным с его омертвевшей орудной формой *һайнаар*, представляющим собой бесспорное наречие при глаголе. Ср. *һайнаар хүдэлнэ* 'хорошо работает'[20].

Достаточно указать на эти отличительные признаки, чтобы убедиться, что перед нами не то слово *һайн*, какое мы привыкли видеть в сочетании с существительным, а слово, отличное от него. С другой стороны, нет никаких оснований отнести деепричастия к наречиям. Например, Д. А. Алексеев деепричастия *угтан*, *шэртэжэ*, *гунгэнэн*, *тойрон* в следующих сочетаниях с глаголами: *угтан ошобо* 'шел навстречу', *шэртэжэ харана* 'пристально смотрел', *гунгэнэн дуулажа ябаха* 'шел, тихо распевая', *тойрон байха* 'стоять вокруг'[21] — без вся-

---

[18] См. статью: М. М. Гухман. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова (на материале истории немецкого языка). Сб. «Вопросы грамматического строя». М., 1955.

[19] О субстантивации прилагательных при помощи падежных форм см. статью: Т. А. Бертагаев. К проблеме классификации частей речи (на материале монгольских языков). «Записки Бурят-монгольского научно-исследовательского института культуры», вып. XXI. Улан-Удэ, 1956.

[20] Правда, такая соотносительность иногда нарушается, например: невозможно сказать *һайн бариба* вместо *һайнаар бариба* 'хорошо выстроил'.

ких обиняков причисляет к наречиям, потому только, что они переводятся на русский язык наречиями 'навстречу', 'пристально', 'тихо', 'вокруг'. А между тем у упомянутых деепричастий нет никаких особых отличительных признаков, как это обнаруживается в словах типа *һайн*, чтобы выделить их из разряда деепричастий и включить в состав наречий.

В этих сочетаниях деепричастия не претерпевают никаких изменений — ни смысловых, ни грамматических, ни каких-либо других, чтобы переродиться в наречия.

Таким же произвольным является отнесение Д. А. Алексеевым к послелогам существительных *орой* 'вершина'; *узуур* 'основание', 'конец'; *үзүүр* 'острый конец', 'кончик'; *заха* 'край' и др.[22], а также таких деепричастий, как *оротор* и *оруулжа* от глагола 'входить', *һажаалжа* от глагола 'подражать' (*эсэгэеэ һажаалжа* 'подражая отцу'), *туласа* от глагола 'дойти вплоть' и др.[23]

Для перехода знаменательных слов в категорию послелогов требуется изменение хотя бы одного из трех признаков, какими обладает то или иное слово. Так, например, наречие, перешедшее в послелог, в монгольских языках изменяет иногда свою фонетическую структуру: ср. бур.-монг. послелог *соо*, *зосоо* 'в', 'внутри' от *досоо* 'внутри'; нередко слово меняет свою синтаксическую связь, например: *ойро*, будучи наречием, утрачивает свою связь с глаголом и сочетается с существительным, составляя с ним единый член предложения: *хадын ойро бэлшэнэ* 'пасется около горы', что отражается прежде всего в их интонационном выражении: послелог *ойро* 'вблизи' произносится, отдаляясь от глагола, в едином звуковом потоке с существительным *хадын*; в большинстве случаев знаменательное слово, переходя в послелог, утрачивает свое вещественное значение и сочетается с такими словами, с которыми не может сочетаться в своем начальном значении, например: *нюрган* 'спина' — *үбэлэй нюрганда* 'в продолжение зимы', 'всю зиму', *хажуу* 'бок' — *гэрын хажууда* 'около дома' и т. д. Часто изменение сопровождается затвердением грамматической структуры подобных имен существительных в виде определенных форм: или в форме дательно-местного падежа — *нюрганда* или в форме орудного падежа — *хажуугаар*, или в форме исходного падежа *хажуу һаа* и невозможностью употребления этого слова в других формах в том же значении, например, нельзя сказать *гэрын хажууе*, *гэрын хажуугай*, *гэрын хажуутай* и т. д. в значении 'около дома', а также невозможностью сочетания таких слов с послелогами и частицами: нельзя, например, сохраняя предложное значение, сказать *гэрын хажуудамни*, *гэрым хажуугай тухай* и т. д. (закономерно только *гэрымни хажууда*)[24].

Приведенные выше слова *орой* 'вершина', *оротор* 'войдя' и др. не претерпели никаких изменений: ни структурно-грамматических, ни семантических, чтобы иметь основание быть причисленными к послелогам.

Не совсем ясным остается вопрос о так называемых звукоподражательных и образных словах типа *хаб гэхэ*, *хор гэхэ*, *һэлд гэхэ*, *ата-*

---

[21] Д. А. Алексеев. Наречие в бурят-монгольском языке. Л., 1940, стр. 19; см. также его рукопись «Наречие», находящуюся в Институте языкознания АН СССР и представленную в качестве главы к рукописи «Грамматика бурят-монгольского языка» (стр. 17, стр. 2).

[22] См. его рукопись: «Послелоги», стр. 38—39 (находится там же).

[23] Там же, стр. 45, 46, 47.

[24] Некоторые послелоги, измененные структурно, могут иметь при себе частицу: *гэр соомни* 'в (моем) доме'.

гад гэхэ, *харан гэхэ* и др. Одни исследователи относят их к междометиям, другие — к наречиям, а некоторые склонны видеть в них особый разряд слов, отличный от других частей речи. Мне представляется, что ни с одной из этих точек зрения нельзя согласиться. Во-первых, перед нами не слово, а сочетание слов, причем фразеологически сращенное, неразложимое, равное по своему значению слову. В нем слово *гэхэ* 'говорить', 'произносить' выполняет только служебную роль, является лишь носителем грамматической формы соответствующих неизменяемых слов. Во-вторых, такие неразложимые сочетания в отличие от междометий обладают номинативной функцией, именуют действие: *хал гэхэ* 'стукнуть (с треском)', *hэлд гэхэ* 'дунуть (о ветерке)', *харан гэхэ* 'глянуть' и т. д.; они выражают в отличие от обычных глагольных форм действие резкое, мгновенное и внезапное. В-третьих, они не характеризуются особыми, отличными от глаголов грамматическими признаками, чтобы быть выделенными в самостоятельный разряд слов. Так как эти сращенные сочетания обладают всеми признаками глаголов и ничем по существу от них не отличаются, кроме той смысловой окраски, о которой говорилось выше, то их следует рассматривать, как особую группу глагольных сочетаний и именовать их глагольными сращениями или глагольными идиомами.

Звукоподражательные слова могут выступать в роли междометий только в определенных синтаксических условиях, только в тех случаях, когда они произносятся с определенной интонацией прямой речи: *Нохой hам! hам! — гээд хусаба* 'собака залаяла: гав! гав!', *үүдэнэй хаб! — гээд хаагдаха дуулдаба* 'слышно было как стучала дверь' и т. д. Ср.: *үүдэн хаб гэбэ* 'был слышен стук двери', *нохой шамай hам гэхэ* 'собака тебя укусит', здесь они не имеют интонации прямой речи и слиты как интонационно, так и семантически со словом *гэхэ*.

Роль наречий они выполняют в соответствующей форме и с соответствующей интонацией, а также и в тех случаях, когда употребляются без участия служебного глагола *гэхэ*: *Ширүүн салхи сэр сэр үлээгээд*, *сэтгэл зүрх луг луг хөдлөөд*, *улвар туг намис намис мандаба* 'Свирепый ветер дует (*сэр сэр*), сердце стучит (*луг луг*), красное знамя колышется (*намис намис*)[25].

В роли наречия может выступать также и устойчивое, изолированное сочетание некоторых звукоподражательных и образных слов со служебным словом *байса*, представляющим по происхождению деепричастие степени от глагола *байха* 'быть': *хаб байса хааха* 'закрывать с резким стуком', 'хлопнуть', *шэрд байса хаяха* 'пускать воду стремительной струей', *ондогод байса hүрэхэ* 'прыгать, как ужаленный', *нахис байса хатарха* 'плясать в присядку' и т. д.

Большой интерес в связи с вопросом о классификации частей речи в монгольских языках представляют имена, оформленные частицей-суффиксом *-хи* с вариантом *-хин*: *манайхи* 'наше', *манайхин* 'наши' (букв.: 'нашенские'), *ахайнхи* 'братнин', *ахайнхин* 'из семьи брата' и т. д. Многие грамматисты слово с суффиксом *-хи* включают в разряд притяжательных прилагательных, не задумываясь над тем, как суффикс *-хи* ведет себя с различными словами и формами слов.

Прежде чем приступить к анализу этого явления, необходимо отметить, что *-хи* и *-хин* по значению все же не совсем одинаковы:

---

[25] Ц. Дамдинсурен. Хүүхэд — манай жаргал. «Пионерын лагерь». Улаан-Баатар, 1952, стр. 13. — Из этих примеров видно, что подобные сочетания иногда могут в формальном, грамматическом отношении распасться. Следовательно, перед нами не сложные слова, как склонны утверждать некоторые исследователи, а сращенные устойчивые сочетания, выполняющие функцию слова.

-хин явно показывает лиц, составляющих какую-нибудь единую группу, коллектив или социальную единицу, и употребляется в роли существительного в собирательном значении, а *-хи* означает определенный признак с оттенком принадлежности чего или кого-нибудь кому-нибудь или чему-нибудь: *ахайнхи* 'брата' (букв.: 'братнинское'), *манайхи* 'наш' (букв.: 'нашенское'), *газаахи* 'все, что находится вне чего-либо', 'относящееся ко двору' (букв. 'внешненское'), *досоохи* 'все, что находится внутри' (букв.: 'внутренское'). Невозможна форма *газаахин*, *досоохин* потому, что не имеет отношения к лицу, но вполне закономерно *газаагуурхин* 'люди, находящиеся во дворе, вне дома', *досоогуурхин* 'находящиеся, например, внутри круга или огороженного пространства', т. е. возможна форма с суффиксом пространственного распределения или размещения *-гуур* || *-гээр* || *-гаар* || *-аар* || *-ээр* и т. д. Ср. также *зуугээрхин* 'жители восточной стороны', *баруугаархин* 'жители запада или размещенные по западной стороне', *хойгуурхин* 'жители севера или северяне', *хадаархин* 'горцы', 'горные', *араархин* 'находящиеся сзади', *хээрээрхин* 'степные', 'степняки' и т. д.

Имена сочетаются с суффиксом *-хи* по-разному, но главным образом, в форме основы, в родительном и дательно-местном падеже. В форме основы суффикс *-хи* принимает очень ограниченная группа имен существительных, обозначающих время (и то не все), например: *үбэлхи* 'зимний', *үглөөхи* 'утренний', *үдэрхи* 'дневной', *нажархи* 'летний', и отдельные единичные существительные: *түрэл — түрэлхи* 'врожденный' (ср. невозможное образование *жэлхи* от *жэл* 'год').

Существительные в форме родительного и дательно-местного падежа сочетаются с суффиксом *-хи* чаще, чем в форме основы, например: *гэрэйнхи* 'имеющий отношение к дому', *гэртэхи* 'находящийся в доме' и т. п. Существительные в родительном падеже с суффиксом *-хи* представляют собой субстантивированные прилагательные, утратившие свою связь с последними, но сохранившие некоторые свои прошлые признаки. Так, например, будучи предикатом, они, как и прилагательные, сохраняют значение признака: *энэ ахайнхи* 'это братнино' и т. д. Кроме того, сочетание существительных в родительном падеже с суффиксом *-хи*, хотя и крайне редко и большей частью только в формах отживших, определяет, как и прилагательное, имя, например: диал. *ахайнхимэ* (< *ахайнхи юумэ*) 'братова вещь', диал. *ахайнхирак* 'из семьи брата' (< *ахайнхи ураг* 'братово свойство́').

Суффикс *-хи* может явиться признаком прилагательного и в своем сочетании с суффиксом дательно-местного падежа *-тэ* || *-дэ* и т. п. *гэртэхи*. Это происходит и в тех случаях, когда суффикс дательно-местного падежа омертвел и потерял свою связь с его живой формой, например: *эндэхи* 'здешний', *хоердохи* 'второй' и т. п.

Из наречий с суффиксом *-хи* сочетаются наречия с пространственными и временными значениями: *газаахи* 'наружное', *досоохи* 'внутреннее', *хэзээхи* (диал.) 'давнишнее'. Образования такого рода в большинстве случаев являются прилагательными.

Очень своеобразно ведет себя *-хи*, когда сочетается с послелогами: *газар дорохи* 'подземный', *газар дээрэхи* 'надземный', *гэр соохи* 'находящийся внутри избы' (букв.: 'внутриизбяной'). Все подобные сочетания эквивалентны прилагательным, обязательно притяжательным.

Наконец, несколько слов о союзах и союзных словах, о которых в монголоведении принято ничего не говорить или же ограничиваться замечанием о том, что их в монгольских языках мало. А между тем последнее замечание совершенно неверно, так как союзы и союзные слова в монгольских языках очень распространены и весьма развиты. Правда, некоторые из них промежуточно-переходного типа (т. е. та-

кие, которые одновременно выполняют роль других частей речи), но в том, что они союзы и союзные слова, сомневаться не приходится. Например, *тиибэшье* слово местоименно-глагольного происхождения в современном языке явно выступает в роли сочинительного союзного слова и соединяет два предложения: *Шимни намайгаа мэхэлжэрхибэш, тиибэшье би шамаяа муулнагүйб* (Н. Балдано) 'Ты меня надул, но тем не менее я не говорю о тебе плохо'. К числу сочинительных союзов и союзных слов относятся следующие: одиночные — *али, харин, зүгөөр, тиин, теэд, болоод, тиимэ, тиигээд*, диал. *баhа* и др.; сложные — *тиин гэhээ, ушар иимэhээ* и т. п.; соотносительные — *нэгэ hаа — угы hаа, нэгэ гэбэл — угы гэбэл* и т. д.; удвоенные — *тиигээд харин* и пр. К подчинительным относятся: дицендиальные, или слова говорения, — *гэhэн, гэжэ, гээд, гэбэл, гэхэдэ, гэhэндэл, гээ hаа* и др.; соотносительные или корреляты — *хэн — тэрэ, юун — тэрэ, хэнэй — тэрэнэй, хэды — тэды, хаана — тэндэ, ямар — тиимэ* и др.; союзы-частицы — *шье*, например: *бэеэ муу болобошье зурхэн hайн* 'хотя слаб телом, но сердце здоровое'; — *аад*, например: *Манайшни облигаци олон аад, хубуумни бухы номернуудыень саарhан дээрэ бэшэжэ абаа hэн* (Д. Батажабэ) 'У нас много облигаций, и сын все номера облигаций записал на бумагу'[26].

Нужно отметить, что изучение частей речи, установление их критериев и правильная их классификация зависят от глубокого исследования конкретного материала языка. Уверенно говорить о тех или иных частях речи можно только тогда, когда подробно изучена связь слова в его различных сочетаниях с другими словами, точно установлены грамматические признаки слова, смысловые соотношения и весь комплекс тех свойств, какими обладает то или иное слово в системе речи.

Между тем в монголоведении наметилась в результате невнимательного отношения ко всем этим явлениям тенденция смешивать смысловые, лексические категории с грамматическими, логическое — с грамматическим; при определении качественной сущности данного грамматического явления — обращаться к значению слова как к важнейшему мерилу. Поэтому исследователи нередко перестают различать грани между отдельными грамматическими явлениями и переносят одни грамматические факты в разряд других.

Например, по Д. А. Алексееву к категории притяжательных прилагательных в бурят-монгольском языке относятся имена существительные в родительном падеже типа *ахайн гэр* 'дом брата' в значении 'братнин дом'[27], являющиеся определением, и он выделяет особую категорию притяжательных прилагательных такого рода. Однако обнаружить какой-либо признак прилагательного в существительных, оформленных родительным падежом и являющихся определением в упомянутых выше сочетаниях, невозможно, если руководствоваться собственными грамматическими правилами монгольских языков.

Существительные в отличие от прилагательных принимают все частицы притяжания. Точно так же и в этих определительных сочетаниях существительное в родительном падеже во всех случаях, в том или ином контексте, даже иногда без контекста, свободно может употребляться с любой притяжательной частицей: *моринойнь*

---

[26] Все союзы и союзные слова и их отличительные признаки подробно освещены в моей работе «Сложные предложения в монгольских языках» (рукопись находится в Институте языкознания АН СССР).

[27] Д. А. Алексеев. Части речи в бурят-монгольском языке. «Записки Бурят-монгольского государственного научно-исследовательского института языка, литературы, истории», вып. V—VI. Улан-Удэ, 1941, стр. 176—179.

һүүл букв.: 'хвост коня (его)', *мориноймнай һүүл* букв.: 'хвост коня (нашего)', *моринойтнай һүүл* букв.: 'хвост коня (вашего)' и т. д.; *хурынь уһан (урмэтэбэ)* букв.: 'вода дождя (его заплесневела)', *хурынгаа уһа* букв.: 'вода дождя (оного)', *хурымни уһан (дууһаа)* букв.: 'вода дождя (моего кончилась)' и т. д.; *дэлхэймнай бүмбэрсэг* букв.: 'шар планеты (нашей)', *дэлхээ бүмбэрсэг* букв.: 'шар планеты (оной)'.

Следовательно, существительное в родительном падеже здесь ведет себя, как и всякое другое существительное, выражающее предмет или понятие о предметности, т. е. такой предмет, который может быть воспринят, как принадлежащий субъекту (индивидуальному или коллективному). В отличие от прилагательных определительные существительные в подобных сочетаниях лишены возможности сочетаться с оценочной частицей прилагательных типа *-шаг*, оформляться во множественном числе для согласования с определяемым словом или выражать раздельное множество путем повторения основы.

Кроме того, такое существительное в роли определения может поясняться каким-нибудь словом[28], за исключением усилительных наречий, самостоятельно от определяемого им существительного, а между тем известно, что прилагательное само по себе ничем не определяется, кроме уточнителей[29]. Определение же в тех случаях, когда в составе сочетания имеется прилагательное, должно относиться к целому сочетанию. А между тем в сочетаниях *үсгэдэрхи хурын уһан* 'вода от вчерашнего дождя' или *үсгэдэр ороһон хурын уһан* букв.: 'вода вчера шедшего дождя', *үргэн дэлхэйн бүмберсэг* 'шар обширной планеты', *аагтай зөөхэйн тоһон* 'масло кислой сметаны', *һайн орооһоной талхан* 'мука от хорошего зерна' (ср. *һайхан үндэр гэр* 'красивый, высокий дом', *томо залуу хүбүүн* 'высокий, молодой парень' и т. д.), всюду первое определение относится непосредственно ко второму определению, выраженному существительным в родительном падеже.

По этим морфологическим и синтаксическим признакам мы узнаем, что перед нами не притяжательное прилагательное, а существительное в родительном падеже со значением принадлежности, являющееся определением в сочетании. Отсюда ясно, что в монгольских языках никаких притяжательных прилагательных, выраженных именем существительным в родительном падеже, нет и быть не может.

Совсем иную картину наблюдаем в сочетаниях типа *хуртай нажар* 'дождливое лето', *нартай газар* 'солнечное место', в состав которых в качестве определения входят существительные в совместном падеже со значением принадлежности с суффиксом *-тай*. Существительные, оформленные таким образом, имеют большое тяготение к переходу в прилагательные. В этих сочетаниях многие существительные с *-тай* уже полностью адъективированы и перешли в категорию прилагательных[30].

Справедливости ради нужно отдать должное Д. А. Алексееву, который в известной мере чувствует, что нельзя все слова с суффиксом

---

[28] Иногда в виде исключения определение в таких сочетаниях может относиться и ко всему сочетанию в целом (например: *манай мориной һүүл* 'нашего коня хвост'), но прилагательные в отличие от таких существительных не знают исключения.

[29] См. Т. А. Бертагаев. Указ. выше статья, стр. 47—48.

[30] Нужно иметь в виду, что в монгольских языках в далеком прошлом суффикс *-тай* не относился к падежным формам. Он выражал идею принадлежности чего-нибудь предмету вообще, не только лицу. Однако в современных монгольских языках этот суффикс выступает уже в ином качестве — как суффикс совместного падежа имен существительных. А здесь в качестве исходной точки взято его современное состояние.

-тай рассматривать как прилагательные. И он делает правильное предположение, когда пишет: «Как видно, есть много слов с данным суффиксом, которые можно трактовать и как существительные и как прилагательные»[31]. Но он не находит критериев установления границ и качественных различий между словами, выступающими как прилагательное и как существительное.

Так, следуя своему переводческому принципу, Д. А. Алексеев пишет: «Если можно называть прилагательным «конный» во фразе: моритой хүн, то никак нельзя называть прилагательным «костюмтай» в выражении костюмтай хүн — не 'костюмный же человек'»[32]. В дальнейшем мы увидим, что, с точки зрения внутренних законов монгольских языков, между ними нет принципиальной разницы и что оба они — существительные.

Среди существительных с суффиксом *-тай* есть несколько типов, которые различаются по степени близости к категории прилагательных. Но есть существительные, окончательно перешедшие в прилагательные. К ним относятся: *уртай* 'сердитый', *хайратай* 'жалкий', *гайхалтай* 'удивительный', *хашартай* 'ленивый', *уйдхартай* 'печальный и др. Они обладают всеми признаками прилагательных. В отличие от существительных в родительном падеже они принимают оценочный суффикс *-шаг*: *уртайшаг хүн* 'довольно сердитый человек' и т. п. Более того, они могут принимать суффикс множественного числа имен существительных и согласоваться с определяемым словом в числе: *уртайнууд хүнүүд* 'сердитые люди'. При повторении эти слова имеют значение раздельного множества. Как и прилагательные, перечисленные выше слова с суффиксом *-тай* не определяются каким-нибудь словом, за исключением усилительных слов наречного характера. Например, в сочетании *томо шэнээтэй хүн* 'огромный, сильный человек' *томо* 'огромный' не определяет прилагательное *шэнээтээй* 'сильный', а является однородным с ним определением. В сочетании же *ехэ шэнээтэй хүн* при соответствующей интонации слово *ехэ* усиливает качественный признак слова *шэнээтэй* 'очень сильный человек', но это не исключает того, что слово *ехэ* также может выступать и на правах равного члена со словом *шэнээтэй* 'сильный', в этом случае будет уже другая интонация *ехэ, шэнээтэй хүн* 'огромный, сильный человек'.

Однако слова типа *ехэ* никогда не являются словом-усилителем, если сочетаются с существительным в собственном смысле слова, хотя бы и с суффиксом *-тай*, например: *ехэ нюдэтэй хүн* 'человек с большими глазами'. В этом случае не усиливается признак предмета, а показывается только величина предмета. Наконец, в предложении существительные с суффиксом *-тай*, перешедшие окончательно в категорию прилагательных, являются не только определением, но входят в состав сказуемого, не утрачивая своего значения признака: *энэ хүн шэнээтэй* (*байна*) 'это человек сильный (есть)'.

Наряду с такими существительными, перешедшими окончательно в категорию прилагательных, имеются существительные, также с суффиксом *-тай*, которые все же остаются в своей собственной роли, будучи не адъективированными или не принимая значение прилагательных. К ним относятся, например, определения в сочетаниях типа *бууүн* 'вооруженный человек', *моритой хүн* 'конный человек', *хостюмтай хүн* 'человек в костюме', *нохойтой ангуушан* 'охотник с собакой', *үнеэтэй колхозник* 'колхозник, имеющий корову' и т. п.

---

[31] Д. А. Алексеев. Указ. соч., стр. 163.
[32] Там же, стр. 163, см. примечание.

Для этого типа существительных с суффиксом *-тай* характерны следующие особенности.

1. Они никогда не принимают оценочный суффикс имен прилагательных *-шаг.* Так, нельзя сказать *буутайшаг хүн* и т. д. Они могут употребляться в сочетании с этим суффиксом лишь тогда, когда имеют перед собой прилагательное и определяются им безотносительно к определяемому слову, например: *муухан буутайшаг хүн* 'человек с плохоньким ружьишком'; *муухан моритойшог хүн* 'человек с плохонькой лошадкой' и т. д. В этом случае суффикс *-шаг* является показателем уменьшительности существительного.

2. В определенном контексте такое слово может принять частицу притяжательности, что свойственно существительным, например: *нохойтойгоо ангуушан ябадаг, хажууртайгаа таряашан ябадаг* 'обычно ходит с собакой охотник, а с косой крестьянин', *нохойтоймни ангуушан ябажа ябана* 'с собакой (моей) ходит охотник' и т. п.

3. Слова с *-тай* такого типа не сочетаются, как и существительные, с усилительными словами наречного характера, например, *ехэ, угаа, эгээн* и т. п. Нельзя говорить *угаа нохойтой хүн, угаа костюмтай хүн,* но *ехэ нохойтой хүн* 'человек с огромной собакой', т. е. *ехэ* в данном случае не усиливает, а показывает величину предмета, обозначенного словом, являющимся в данном сочетании определением.

4. Существительные с суффиксом *-тай* этого типа вполне могут определяться любыми прилагательными независимо от определяемого им слова, что невозможно для прилагательных, например: *һайн нохойтой ангуушан* 'охотник с хорошей собакой', *томо нохойтой ангуушан* 'охотник с большой собакой'.

5. Они, выступая в роли предиката, сохраняют свое предметное значение: *энэ хүн буутай* 'этот человек с ружьем'. Несомненно, здесь *буутай*, будучи предикатом, осознается говорящими по-монгольски как слово с предметным значением.

На основании всех этих признаков нужно считать, что слова с суффиксом *-тай* подобного типа представляют собой существительные. Вообще, слова с *-тай*, особенно второго типа, выступают как подлинные существительные, когда находятся за определяемым словом (*ангуушан нохойтой*) и относятся к глаголу (*ангуушан нохойтойгоо ябана* 'охотник собакой идет'). Слова же остальных типов, особенно первого типа, мало реагируют на подобные соотношения слов в предложении [33].

---

[33] О сочетаниях типа *түмэр зам* 'железо дорога' и о переходных частях речи см. статью: Т. А. Бертагаев. К проблеме классификации частей речи. «Записки Бурят-монгольского научно-исслед. ин-та», вып. XXI. Улан-Удэ, 1956.

О. П. СУНИК

О ЧАСТЯХ РЕЧИ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ *

Словарный состав тунгусо-маньчжурских языков, как и многих других, в том числе русского, делится на несколько структурно-семантических типов (групп, разрядов). Так называемые знаменательные слова противополагаются при этом словам незнаменательным, или служебным. Внутри двух этих основных типов могут быть выделены более дробные подтипы: в пределах знаменательных слов — собственно знаменательные (номинативные) слова и знаменательные в широком смысле (нономинативные, изобразительные) слова; в пределах служебных слов (в их состав могут включаться и отдельные знаменательные слова, выступающие в «служебной», т. е. грамматической, функции) выделяются собственно служебные (послелоги, союзы) и слова-частицы, к которым примыкают некоторые виды частиц-аффиксов (преимущественно модального значения).

Нетрудно заметить, что при таком широком понимании структурно-семантических типов (от собственно знаменательного слова до частицы-аффикса) качественные грани между словом и аффиксальным компонентом слова легко стираются. Понятие «слово» становится при этом достаточно неопределенным, тем более, если учесть, что и в тунгусо-маньчжурских языках, кроме простых типов слова, существуют различные виды сложных слов и аналитических форм слова.

Стремление схватить в с е перечисленные структурно-семантические типы и формы слов того или иного из тунгусо-маньчжурских языков е д и н о й грамматической классификацией (путем распределения их по частям речи) не дало и, по-видимому, не может дать удовлетворительных результатов. И хотя в некоторых грамматических работах все еще встречаются, с теми или иными оговорками, попытки включить в части речи все без исключения простые типы слов (от существительного до междометия включительно), теоретическая шаткость и логическая сбивчивость этих попыток оказывается очевидной. Так, например, в недавно изданной работе О. А. Константиновой и Е. П. Лебедевой по эвенкийскому языку части речи этого языка делятся на самостоятельные части речи, служебные части речи и междометия[1].

---

* Теоретические основания для предлагаемой здесь системы частей речи изложены автором в специальном докладе, тезисы которого опубликованы в кн.: «Тезисы докладов на расширенном заседании Ученого совета Ин-та языкознания АН СССР, посвященном дискуссии о проблеме частей речи в языках различных типов». М., 1954, стр. 25—28.

[1] О. А. Константинова и Е. П. Лебедева. Эвенкийский язык. Учебное пособие для педагогических училищ. М.—Л., 1953, стр. 45.

Самостоятельными частями речи авторы называют имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения, причастия, глаголы, деепричастия и наречия. К служебным частям речи они относят послелоги, союзы, а также частицы, придающие различные смысловые оттенки словам и предложениям. Междометия, по мнению авторов, «составляют особую группу слов, которая не относится ни к самостоятельным частям речи, ни к служебным»[2]. Но затем в главе «Служебные части речи»[3] рассматриваются послелоги, частицы, союзы и... междометия. Общее число частей речи эвенкийского языка доводится таким образом до двенадцати.

Такое же количество частей речи находим и в работе В. И. Цинциус, посвященной исследованию фонетики и морфологии эвенского языка[4].

В языке нанайском Т. И. Петрова в работе, изданной в 1941 г., находит восемь нижеследующих частей речи: существительное, прилагательное, местоимение, числительное, наречие, глагол, междометие, частицы[5].

С другой стороны, В. А. Аврорин, как в своих прежних, так и в новых работах считает возможным, исходя из понимания части речи как категории «лексико-грамматической», только в пределах знаменательных слов нанайского языка выделить десять — двенадцать частей речи. Междометия и служебные слова (послелоги, союзы, слова-частицы), а также частицы-суффиксы в состав частей речи названным автором не включаются[6].

Уже этого беглого обзора достаточно, чтобы убедиться в отсутствии или неразработанности в нашей тунгусо-маньчжуристике сколько-нибудь единых и достаточно определенных критериев выделения частей речи.

Не касаясь в дальнейшем вопроса о так называемых служебных частях речи, а также вопроса о месте междометий и частиц в системе описательных грамматик тунгусо-маньчжурских языков, следует все же отметить, что подавляющее большинство исследователей отдельных тунгусо-маньчжурских языков классифицирует знаменательные слова по следующим рубрикам: 1) существительное, 2) прилагательное, 3) числительные, 4) местоимения, 5) глагол (собственно-глагол, причастие, деепричастие), 6) наречие.

При этом основные формы глагола (собственно глагол, причастие, деепричастие) чаще всего рассматриваются как отдельные, самостоятельные части речи. Исключение составляют только «Грамматика маньчжурского языка» проф. И. Захарова (1879) и «Очерк грамматики нанайского языка» Т. И. Петровой (1941).

Для выделения указанных глагольных форм в самостоятельные части речи в тунгусо-маньчжурских языках, как будет показано ниже, серьезных оснований нет.

---

[2] О. А. Константинова и Е. П. Лебедева. Эвенкийский язык, стр. 45.

[3] Там же, стр. 223 и след. Ср., впрочем, трактовку этого вопроса в «Грамматике русского языка АН СССР» (т. I, 1952, стр. 20 и 674, § 28 и 1014).

[4] В. И. Цинциус. Очерки грамматики эвенского (ламутского) языка, ч. I. Л., 1947.

[5] Т. И. Петрова. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941. — В отличие от ряда других тунгусо-маньчжуристов Т. И. Петрова отнесла такие формы глагола, как собственно-глагол («наклонения»), причастие, деепричастие и некоторые другие, к одной части речи — глаголу, послелоги — к особому разряду существительных, а союзы не выделены ею вовсе.

[6] В. А. Аврорин. Очерки по синтаксису нанайского языка, стр. 23—55; его же. Об ошибках в освещении некоторых вопросов грамматического строя нанайского языка и его истории; его же. Грамматика нанайского языка, ч. I. Автореферат доктор. дис., Л., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 9.

Только традиция и методические соображения позволяют выделить в самостоятельные и равноправные части речи числительные и местоимения тунгусо-маньчжурских языков. По своим общеграмматическим значениям числительные и местоимения относятся к существительным, прилагательным, наречиям, глаголам, выделяясь в их составе лишь по особенностям своего лексического значения и по некоторым частно-грамматическим формам.

Прежде чем перейти к характеристике названных частей речи тунгусо-маньчжурских языков, следует отметить бо́льшую близость данных языков: то, что говорится об одном из них, в такой же мере относится и ко всем другим языкам группы. Различия касаются формы (звучания) и некоторых частных грамматических значений. Больше всего споров вызывают части речи нанайского языка. На них я и сосредоточу поэтому внимание.

Имя существительное образует многочисленная группа слов, обладающих грамматическим значением предметности: нанайск. *мо* 'дерево', *най* 'человек', *дёло* 'камень', *тугдэ* 'дождь', *ини* 'день', *боло* 'осень', *ихон* 'село', *ама* 'отец', *пиктэ* 'дитя', *алосимди* 'учитель (-ница)', *танго* 'сотня (сто)', *надалта* 'неделя' (семидневка, семь суток), *дёбон* 'работа', *тэнку* 'сиденье' (скамья) и многие другие.

Отсутствие грамматического рода и, соответственно, родовых окончаний — одна из существенных особенностей не только существительных, но и ряда других грамматических разрядов слов тунгусо-маньчжурских языков (прилагательных, числительных, местоимений, причастий). Особенность эта давно известна, и никто из современных грамматистов не пытается переносить категорию рода, свойственную русскому и некоторым другим языкам, на языки тунгусо-маньчжурские.

К существительным тунгусо-маньчжурских языков не применима грамматическая категория одушевленности-неодушевленности. В отличие от русского и некоторых других языков, здесь наличествует другое деление — на имена, обозначающие людей, и имена, обозначающие все другие предметы (в грамматическом смысле слова), что находит свое выражение в некоторых формальных и семантических особенностях тунгусо-маньчжурских существительных, особенно в формах их сочетания с вопросительными местоимениями.

Грамматическая категория числа требует специальной конкретизации при освещении грамматики тунгусо-маньчжурских языков. Не касаясь подробностей, следует подчеркнуть, что категории единственного и множественного числа здесь существенно отличны от одноименных категорий русского и некоторых других языков. Форма единственного числа не имеет специального аффикса, т. е. является нулевой. В отличие от аффиксальной формы множественного числа [7], она может выражать и единственное, и множественное (или «общее») число.

Специфической особенностью существительных подавляющего большинства тунгусо-маньчжурских языков (исключение — маньчжурский), отличающей их от русского и ряда других, является особая местоименная (личная и неличная, или возвратная) аффиксация. С ней в этих языках связаны такие грамматические категории, как категория притяжательности и в известной мере категория предикативности, а также особая категория отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности: ср. нанайск. *дили* 'голова', *дилии* 'моя (собственная) голова' (пережиточно 'я — голова'), *дилингои* 'мне принадлежащая голова' (уби-

---

[7] См.: В. И. Цинциус. Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках. «Уч. зап. ЛГУ», серия филол. наук, вып. 10, 1946.

того зверя, птицы, рыбы и т. п.). Ср. также *мапа* 'старик', *мапаи* 'я — старик' и 'мой старик', *мапангои* 'мой старик', 'мой муж' и т. п.[8]

Систему падежей существительного, их склонение, образуют многочисленные аффиксальные формы, в ряду которых достаточно четко выделяется безаффиксальная форма именительного, или основного, падежа. Недопустимое смещение этой последней формы — формы законченного слова — с основой слова (т. е. с частью слова, с незаконченным словом) было и остается одним из серьезных заблуждений, которое присуще многим грамматическим работам по этим языкам.

Других частнограмматических значений и форм существительного здесь можно не касаться. Все они подробно описаны в указанных выше специальных работах. (Разумеется, не без использования общеграмматических понятий и терминов, конкретизируемых и уточняемых соответственно фактам каждого отдельного тунгусо-маньчжурского языка.)

Не буду говорить о формах и способах образования производных существительных, а также об их синтаксических функциях. Отмечу лишь, что одна из характерных синтаксических функций существительных, а именно: функция определения, сближает имена существительные (также как и местоимения, числительные) с именами прилагательными. Это обстоятельство служило поводом для объединения их в одну общую («недифференцированную») часть речи — имя. Ср., например, нанайск. *чаоха най* 'воин' (букв.: 'война человек'), где существительное *чаоха* 'война, войско', выступает атрибутивным компонентом своего рода сложного слова, нередко переходящего в простое *чаохани* 'воин, боец'. В кур-урмийском диалекте: *мō дэрэ* 'деревянный стол', (букв.: 'дерево стол') и т. п. Но и в нанайском, и во многих других языках группы эти явления, как правило, имеют морфологическое разграничение: *мо* 'дерево', *мома* 'деревянный', ср. также *чаоха* 'война, войско', *чаохама* 'военный' (прилагательное относительное): *чаохама* 'шинель', 'военная шинель' и т. п. (Последний пример — из нанайской переводной литературы.)

Тем не менее, множество атрибутивно-притяжательных (изафетного типа) словосочетаний как бы сохраняют или воспроизводят тот этап в развитии грамматического строя тунгусо-маньчжурских языков, когда современные существительное и прилагательное не были еще выработаны и когда соответствующие им значения передавались разными синтаксическими функциями предметных имен (т. е. древних существительных). Ср., например, *сэлэ поктони* 'железо дорога' (железная дорога) и *сэлэмэ покто* 'железная дорога'.

В первом случае *сэлэ* 'железо' выступает в беспадежной форме по существу не как законченное, самостоятельное слово, а как основа слова, которая образует вместе с определяемым (вторым компонентом сложного слова) своего рода единый лексический комплекс. От фонетического слияния в одно цельное слово эти компоненты удерживает главным образом гармония гласных.

Если проводить четкое различие между основой, т. е. частью слова, и именительным падежом законченного слова, то придется признать в основе любого существительного, так же как и в основе любого прилагательного, не ту или иную определенную часть речи, а лишь потенциальную основу для нескольких существующих в данном языке

---

[8] Более подробно об этом см.: О. П. Суник. Из истории грамматического строя тунгусо-маньчжурских языков (К вопросу о притяжательной конструкции). «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», вып. IV, 1953.

грамматических разрядов слов или частей речи — существительного, прилагательного, глагола, наречия. От непроизводной именной основы *сэлэ-* можно образовать и существительное *сэлэ*, *сэлэди*, *сэлэду* 'железо, железом, железу', и прилагательное *сэлэмэ* 'железный'. От основы *мо-* образуются *мо* 'дерево', *мома* 'деревянный (-ая, -ое, -ые)', *мола-* — производная глагольная основа 'ходить за дровами', *моламди* — отглагольное существительное 'дровонос' и т. п.

В этом заключается одна из специфических черт грамматического строя и, особенно, — частей речи тунгусо-маньчжурских, а также некоторых других языков.

Вокруг этой важной особенности ряда алтайских языков идут споры — считать ли слова типа «железо», «дерево» и т. п. то существительными, то прилагательными, или ни тем и ни другим, а чем-то третьим — особой алтайской частью речи, скажем «именем предмета» или «предметным именем»[9]. Анализ материалов тунгусо-маньчжурских языков со всей убедительностью свидетельствует, что независимо от синтаксических функций и различий в русском переводе, взятые вне контекста *сэлэ*, *дёло*, *чаоха*, *боло* и т. п. ('железо', 'камень' 'война', 'осень') являются существительными и только. От того, что иногда некоторые нанайские существительные, например *боло* 'осень', могут переводиться на русский — 'осень', 'осенью', 'осенний', — они не перестают быть нанайскими существительными. Относить их к разным частям речи (существительное, наречие, прилагательное) нет оснований, так же, как нет оснований, выбрав несколько подобных слов (осень, зима, лето, весна, день, вечер), конструировать дополнительную, особую нанайскую часть речи — «имя времени». Такая часть речи в сущности ничего не обобщает и нисколько не содействует выявлению той специфики изучаемого языка, во имя которой эта и подобные ей «части речи» устанавливаются тем или иным исследователем[10].

Имена прилагательные выделены во всех грамматиках, потому что многие разряды прилагательных имеют специальные аффиксы или образуются, как это показали в своих упомянутых выше работах В. А. Аврорин и другие авторы, аналитическим путем — с помощью служебного отглагольного слова-частицы *би*, восходящего к причастию *би* 'являющийся, сущий': *тэрэк* 'правильно', *тэрэк би* 'правильный (-ая, -ое, -ие)' и мн. др.

Спорными оказались отдельные качественные прилагательные, образующие относительно небольшую группу слов типа нанайск. *улэн* 'хороший (-ая, -ее, -ие)', *оркин* 'плохой (-ая, -ое, -ие)', *маси* 'крепкий, сильный (-ая, -ое, -ие)', *тургэн* 'быстрый (-ая, -ое, -ые)' и некоторые другие.

Взятые в разных контекстах, а иногда и в разных формах, те же по звучанию нанайские слова можно перевести на русский наречиями 'хорошо', 'плохо', 'сильно', а также существительными 'добро', 'плохость' (плохое, отрицательное качество), 'сила' и т. п. Это и дает повод для двух внешне противоположных, а по существу сходных выводов: либо признавать в словах типа *маси* 'сильный' в зависимости от их функции в предложении то прилагательное, то наречие, то существительное, либо объединить все слова типа *маси* в особую нанайскую часть речи «имя качества». Толкование части речи как «лексико-грамматической» категории, устанавливаемой на основе совокупности внешних признаков (и по русскому переводу слова), вообще говоря, позво-

[9] См. Г. Д. Санжеев. К проблеме частей речи в алтайских языках. «Вопросы языкознания», № 6. М., 1952.

[10] Ср. особые нанайские части речи «имя действия», «имя качества», «имя времени», «имя отрицания» и «образные слова» в указанных работах В. А. Аврорина.

ляет сделать и тот и другой выводы. Но согласиться с этими выводами нельзя.

В том, что нанайские слова типа *улэн* 'хороший', *маси* 'сильный' и т. д., так же как *мома* 'деревянный', *болори*, *болонипчи* 'осенний', *тэрэк би* 'правильный', *чагдян* 'белый', *сэгден* 'красный', *даи* 'большой', *нучи* 'малый', *эгди* 'многий', *чирома* 'жаренный', *гудэкту* 'рваный', *бали* 'слепой', *хурми* 'короткий', *нгоними* 'длинный', *дюэрсу* 'двойной', *нгэлэпси* 'страшный', *боавой* 'наружный', *довои* 'внутренний', *харба* 'мелкий', *сонгта* 'глубокий', *балапчи* 'прежний', *сарби* 'острый', *тиас би* 'полный' и многие др., являются словами, обладающими общеграмматическим значением статического признака и входящими поэтому в общий разряд нанайских прилагательных, — едва ли можно сомневаться.

Специфические особенности нанайских и других тунгусо-маньчжурских прилагательных (частично уже отмеченные при характеристике существительных) заключаются в том, что имя прилагательное в данных языках является, по существу, неизменяемой частью речи. Это отделяет его от имен существительных и сближает в известной мере с наречиями.

Возможное употребление некоторых разрядов прилагательных в формах числа, падежа, а также в формах притяжательности (не смешивать с формами предикативности!) ведет к превращению их в существительные или, может быть, возвращает их к архаичным формам имен, не знавшим деления на существительные и прилагательные. Можно подобрать разные характеристики для этого явления, говорить, например, о субстантивном употреблении прилагательных, об их обособлении и т. п., но суть дела от этого не изменится.

Один поясняющий пример.

В типичной для них определительной функции прилагательные примыкают к существительному, образуя вместе с ним тесную (вплоть до слияния) синтаксическую группу: нанайск. *улэн най* (~ *улэни*) 'хороший человек'. Такие же сравнительно редко употребляемые формы, как *улэнсэл* 'хорошие' (мн. число), *улэмбэ* 'хорошего' (вин. пад.), *улэнду* 'хорошему' (дат. пад.), а также *улэнгуни* 'хороший его' (ему принадлежащее что-либо хорошее), а также *улэмбэни* 'о его хорошести' (но и 'о том что он хорош'), субстантивируют, опредмечивают нанайские прилагательные, и только методические соображения мешают, может быть, говорить прямо о переходе их в существительные, т. е. об образовании существительных (новых слов) от прилагательных путем субстантивизации последних.

Замечу попутно, что факты эти проливают свет на особенности нанайского склонения. Падежные аффиксы — в прошлом служебные имена — несут двоякую нагрузку: как правило, они сообщают п р е д м е т н о е грамматическое значение всякому непредметному слову и указывают на его синтаксическую связь с другим обычно глагольным словом, управляющим падежной формой. Анализ падежной формы вскрывает два компонента былого сочетания — именную основу и служебное имя, развившееся в предметную частицу (суффикс): ср. *най-ду* 'человеку', *улэн-ду* 'хорошему', где находим основы знаменательных слов *най-*, *улэн-* и падежный аффикс *-ду* | *-до*, восходящий к живому нанайскому слову с основой *до-* 'нутро, душа, внутренность'.

Следовательно, исторически **най-до*, **улэн-до* — беспадежная или неопределенно-падежная форма 'человека нутро', 'добра нутро' или 'человек-нутро', 'добро-нутро', а впоследствии — 'человеку', 'добру' (или 'хорошему') и т. д.

Некоторые качественные прилагательные типа *улэн*, *маси*, ввиду их «аморфности», т. е. аффиксальной неоформленности, сохраняют

в своих формах много архаического и этим отличаются от таких суффиксально оформленных прилагательных, как *мома* 'деревянный', *туэри* 'зимний', а также *тэрэк би* 'правильный' и т. п. Однако прилагательное как часть речи во всех тунгусо-маньчжурских языках давно сложилось, и выделять некоторые формы прилагательных в особую часть речи («имя качества») нет поэтому серьезных оснований. То же, что некоторые из прилагательных обнаруживают генетические связи с существительным, не может считаться чем-либо необычным и свойственным только тунгусо-маньчжурским языкам.

Тунгусо-маньчжурские прилагательные имеют также тесные связи с наречиями, во-первых, и глаголами, во-вторых. Их сближает известное сходство в их общеграмматических значениях — все они различного рода признаки предмета (в грамматическом смысле этих слов).

Тунгусо-маньчжурские прилагательные не обладают категорией степени сравнения. Выступая в роли сказуемого в предложении, выражающем сравнение двух или нескольких предметов, они, как правило, остаются без каких-либо изменений, а если и изменяются, то не по степеням сравнения (об этом — ниже). Как было уже сказано, тунгусо-маньчжурские прилагательные не изменяются по родам (ввиду отсутствия грамматического рода существительных). О согласовании (в обычном значении этого грамматического термина) прилагательного с существительным не должно быть поэтому речи. Во всяком случае здесь нужны особые пояснения и значительные оговорки.

Случаи «согласования» прилагательных в числе и падеже с существительным — не более, чем параллелизм форм двух или нескольких имен, находящихся в одинаковой синтаксической функции в предложении, где они выступают скорее как однородные или аппозитивные члены. Переосмысление этих явлений (возможно, под влиянием русского языка, русской грамматики) и трактовка их в качестве форм согласования определения-прилагательного в числе и падеже с определяемым-существительным имеет более методический, чем собственно лингвистический смысл. (Вопрос этот требует, впрочем, специального освещения.)

Как и существительные, прилагательные образуют формы так называемой субъективной оценки, что, впрочем, свойственно и некоторым наречиям, а также глагольным формам эвенкийского и некоторых других языков группы. Эти формы прилагательных выражают не степени сравнения, а степени проявления качественного признака, ими выражаемого: ср. нанайск. *нучи* 'малый', *нучикэн* 'маленький', *нучикунэн* 'малюсенький', *нучилэ би* 'маловатый' и т. п.

Итак, в тунгусо-маньчжурских языках есть многочисленная группа слов, обладающих, несмотря на все морфологические и смысловые различия, единым и общим грамматическим значением — статического (качественного) признака предмета. Они и составляют тунгусо-маньчжурские прилагательные. Что касается частнограмматических значений и форм, то таковые существенно отличаются от соответствующих значений и форм, свойственных прилагательным, например, русского языка. Характерно отсутствие такого разряда прилагательных, как прилагательные притяжательные, что связано, между прочим, с особенностями категории притяжательности в тунгусо-маньчжурских языках, о чем уже было кратко сказано выше.

Нередко притяжательными (или «самостоятельными притяжательными») прилагательными называют, с теми или иными оговорками, особые формы существительных (и, соответственно, местоимений), образуемые в нанайском языке посредством суффикса *-нги*: *инда* 'собака', *инданги* 'нечто принадлежащее собаке', *буэ* 'мы', *буэнги* 'наше,

что-либо принадлежащее нам', *колхозанги* 'что-либо принадлежащее, относящееся к колхозу' и т. п. Смысловыми русскими эквивалентами этих нанайских существительных чаще всего оказываются соответствующие притяжательные прилагательные или местоимения. Существенное различие между ними сказывается в том, что нанайские существительные на *-нги* не выступают в функции определения. Они могут выражать подлежащее, дополнение и сказуемое. Употребление их в роли приложения напоминает обособленное определение: (*ми*) *огдава, колхозангива, бахамби* 'я лодку колхозную нашел', ср. *ми колхоз огдавани бахамби* 'я колхоза (колхозную) лодку нашел', *ми колхозангива бахамби* 'я колхозное (нечто, что-либо принадлежащее колхозу) нашел', *эй огда колхозанги* 'эта лодка колхозная', *ми колхозангива, огдава, бахамби* 'я колхозное нечто, лодку (колхозную) нашел' и т. п.

В других языках тунгусо-маньчжурской группы отмечаются случаи постепенного перехода (развития) такого рода форм имен существительных в притяжательные прилагательные. В маньчжурском языке одной из функций суффикса *-нга* || *-нгэ* (∼ нанайск. *-нги*) является образование притяжательных прилагательных: *госин* 'милость', *госинга* 'милостивый', *морин* 'конь, лошадь', *моринга* 'конный' и т. п., хотя и маньчжурские притяжательные прилагательные легко субстантивируются и выступают как существительные: *моринга* 'конный', но и 'конник, всадник'. Ср. *моринга афамби* 'всадник сражается', *моринга чооха* 'конное войско, конница'; но *морин-и куваран* 'загон, пастбище коней', *маорин-и торон* 'тавро [у] коня' и т. п.[11]

Особенно выделяет прилагательные некоторых тунгусо-маньчжурских языков, например нанайского, способность их в функции сказуемого получать местоименные предикативные окончания: *улэмби* 'я хорош(ий)', *улэнси* 'ты хорош(ий)', *улэ(н)ни* 'он хорош(ий)', *улэмпу* 'мы хорош(ие)', *улэнсу* 'вы хорош(ие)', *улэнчи* 'они хорош(ие)', где *-би*, *-си*, *-ни*, *-пу*, *-су*, *-чи* суть местоименные предикативные окончания, омонимичные лично-притяжательным окончаниям имен существительных, тех же прилагательных, числительных и причастий. Такого же рода предикативные формы свойственны и нанайским причастиям, числительным, реже — существительным.

Наречия как отдельную часть речи выделяют все исследователи тунгусо-маньчжурских языков, устанавливая различные их частнограмматические разряды, в общем соответствующие одноименным разрядам русского языка: наречия качественные, количественные, степени, времени, места и т. п. Спорной оказывается группа качественных наречий типа русск. *хорошо, плохо, сильно, крепко*, а также некоторые наречия времени типа русск. *осенью, весной, летом, зимой, вечером, днем, ночью*.

Из предыдущего изложения известно, что роль этих русских наречий в тунгусо-маньчжурских языках часто могут играть либо качественные прилагательные *улэн* 'хороший', *оркин* 'плохой' и т. п., либо существительные типа нанайск. *боло* 'осень', *ненгне* 'весна', *дёа* 'лето', *туэ* 'зима', *долбо* 'ночь', *ини* 'день', *сиксэ* 'вечер', *чими* 'утро'.

О том, что слова эти, употребленные в различных синтаксических функциях, не могут считаться различными частями речи, уже говорилось. Говорилось также о том, что нет серьезных оснований выделять их и в особые нанайские части речи. Следует к этому приба-

---

[11] О. П. Суник. О поссессивных аффиксах в родительном падеже в тунгусо-маньчжурских языках. Сб. «Язык и мышление», XI, 1948. — Специальному рассмотрению этих форм посвящена статья: В. А. Аврорин. Предикативно-притяжательные формы в нанайском и других тунгусо-маньчжурских языках. «Вопросы языкознания», № 3. М., 1956.

вить, что прилагательные типа *улэн* 'хороший', а также существительные типа *боло* 'осень' все же, по-видимому, «переходят» в наречия, благодаря особой наречной форме, которая неточно именуется в грамматиках формой падежей творительного или дательного. Ср. *улэн* 'хороший', *улэнди* 'хорошо', *маси* 'сильный', *масиди* 'сильно, крепко', *боло*, *болони* 'осень', *болоду*, *болониду* 'осенью'; *дёа*, *дёани* 'лето', *дёаду*, *дёаниду* 'летом' и т. п.

Формы эти, несомненно падежные по своему происхождению, здесь оказываются изолированными и онаречивающимися. На широком фоне других, вполне сложившихся разрядов наречий, они преобразовались или во всяком случае преобразуются в настоящие наречия. Тем самым происходит дополнительное формальное разграничение прилагательных, существительных и наречий. Несомненно, что даже материально единые слова, такие, как *улэн*, *маси*, *боло* и т. п., в зависимости от формы их сочетания с другими словами раздваиваются, постепенно превращаясь в разные слова-омонимы. Нанайск. *улэн*, взятое изолированно, — несомненное прилагательное 'хороший(-ая, -ое, -ие)', а *боло* — существительное 'осень'. Но сочетаясь с глагольными словами и выступая в функции обстоятельств, они даже без особых формантов означают соответственно 'хорошо', 'осенью', т. е. являются иными словами-наречиями. Связано это не только с онаречиванием прилагательных, но, по-видимому, также и с оглаголиванием именных по своему происхождению предикативно-глагольных форм (причастий). Так образуются омонимы типа 1 — *улэн* 'хороший', 2 — *улэн*~*улэнди* 'хорошо, по-хорошему' и т. п.

Особую разновидность качественных наречий составляют так называемые образные слова типа нанайск. *сим*, *симчэк* 'тихо', *сар* 'врассыпную, вдребезги', *лукту* 'насквозь', *чарбар* 'белым-бело', *лао-лао* 'темным-темно' и мн. др. Некоторые из них, вступая в тесные (фразеологические) соединения с глаголами, теряют свою лексическую самостоятельность, превращаясь в своеобразные превербы: *сар энэхэни* букв.: 'вдребезги пошел' (т. е. рассыпался, размельчился, разлетелся), *лукту тахани* 'проткнул, проколол' (букв.: 'насквозь сделал') и т. п.[12]

Глагол как особую часть речи выделяют все исследователи тунгусо-маньчжурских языков. Расхождения во взглядах идут по линии квалификации основных глагольных форм или разрядов глагола: собственно-глагол, причастие и деепричастие. Категория инфинитива по существу не применима к тунгусо-маньчжурским языкам: весьма далекие аналоги инфинитива можно видеть в отдельных деепричастных или супинальных формах, которые иногда берутся условно как исходные («словарные») формы глаголов главным образом в учебно-методических целях.

Общность основы и ряда основообразующих формантов служит одним из отправных пунктов для объединения грамматических разрядов глагольного слова в одну общую часть речи — глагол в широком смысле слова. Но одна лишь эта общность не может служить достаточным основанием для решения указанного вопроса. От глагольных основ, как непроизводных, так и производных (образуемых, в частности, от именных основ), могут быть произведены с помощью определенных

---

[12] Описание так называемых образных слов нанайского и отчасти ульчского языков дано в следующих статьях: Т. И. Петрова. Образные слова в нанайском языке. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1948, т. VII, вып. 6; ее же. Образные слова в нанайском языке . . . «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена». Л., 1954, т. 101; см. также: В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, ч. I. Автореферат доктор. дис. Л., 1955, стр. 29.

морфологических средств (соответствующих окончаний) не только различные формы собственно-глагола, различные формы причастия, различные формы деепричастия, но также и отглагольные существительные (имена действия, деятеля, орудия, предмета, места действия), отглагольные прилагательные, некоторые разряды наречий. В отличие от русского языка, тунгусо-маньчжурские отглагольные имена и наречия не теряют способности управлять винительным и некоторыми другими падежами. Следовательно, широко известные из русской научной грамматики признаки, по которым собственно-глагол, причастие, деепричастие, а также инфинитив, объединяются в одну часть речи — глагол, а с другой стороны, отделяются от именных частей речи и наречий, для тунгусо-маньчжурских языков столь же эффективно использованы быть не могут.

Имеется, однако, немало других признаков, по которым каждая из основных глагольных форм, а также все они, взятые вместе, четко отделяются от имен и наречий, тем самым объединяясь в одну тесную группу основных форм глагола. В число этих признаков входят такие глагольные частнограмматические значения и формы, как формы, выражающие видо-временные и модальные значения всех разрядов глагольного слова — собственно-глагола, причастия, деепричастия. То, что эти значения и формы в разных разрядах глагола не идентичны и имеют в каждой из них свои специфические особенности, не может, конечно, служить основанием для отнесения основных форм (разрядов) глагола к отдельным, самостоятельным частям речи, как не может быть, однако, исчерпывающим доказательством и для объединения этих разрядов в одну общую часть речи (глагол).

Решающим здесь, как и во всех других подобных случаях, оказывается общеграмматическое значение слова, неразрывно связанное с его частнограмматическими значениями и формами.

Основные глагольные формы (собственно-глагол, причастие и деепричастие) объединены в одну часть речи и отделены от всех других (в том числе отглагольных существительных, прилагательных, наречий) тем, что они всегда обладают грамматическим значением динамического признака. Последнее отделяет глагол не только от существительного, но и от прилагательного и наречия.

Сколь архаическими, своеобразными и неповторимыми ни казались бы некоторым специалистам тунгусо-маньчжурские причастия и деепричастия, они тем не менее принадлежат к одной общей части речи — глаголу. Вопрос о собственно-глаголе, причастии, деепричастии, инфинитиве, как известно, был в свое время спорным среди специалистов русского и других языков. Современная научная грамматика русского и других языков имеет на этот счет совершенно определенное и вполне обоснованное решение. Думать, что для тунгусо-маньчжурских языков такое решение не годится, значит тянуть науку к старым, пройденным ею этапам.

Тунгусо-маньчжурские части речи безусловно имеют свои специфические особенности. Это относится и к глаголу. Раскрыть эти особенности можно и нужно путем изучения их в свете достижений современной общеграмматической теории, развиваемой на базе глубокого изучения конкретных фактов всех языков — родственных и неродственных, исследуемых на общей теоретической основе современного советского языкознания.

Здесь невозможно привести сколько-нибудь подробные иллюстрации глагольных форм ввиду их большого разнообразия и исключительной многоморфемности. Да в этом и нет особой необходимости, так как все они детально описаны и систематизированы в опублико-

ванных грамматических работах по всем основным языкам тунгусо-маньчжурской группы[13]. Ограничусь поэтому примером из нанайского языка. Непроизводная глагольная основа *хола-* имеет лексическое значение 'читать'. От нее посредством особых аффиксов образуются существительные *холан* 'чтение', 'читка', *холамди* 'чтец', прилагательное *холасо* (*холасон*) 'охотно, постоянно читающий'. С другой стороны, от той же основы *хола-* 'читать' образуются различные формы собственно глагола: *холару* 'читай', *холамби* 'я читаю', *холакаси* 'ты читал' и многие другие, формы причастия *холай* 'читающий', *холайни* 'читающий (он)' ∼ 'читает', *холахан* 'читавший', *холахани* 'читавший (он)' ∼ 'читал' и т. п.; формы деепричастия *холами*, *холамари* 'читая', *холара* 'прочитав', *холапи*, *холапари* 'когда, если прочитал (прочитает)' и т. п.

Числительные и местоимения выделены во всех грамматиках тунгусо-маньчжурских языков в отдельные самостоятельные части речи на основании их лексико-семантических значений и некоторых специфических форм, что коренным образом отличается от оснований, на которых строится выделение и классификация всех других так называемых знаменательных частей речи — существительного, прилагательного, наречия, глагола.

Известную трудность при грамматической классификации представляют количественные числительные: нанайск. *эмун* 'один', *дюэр* 'два', *илан* 'три', *дуин* 'четыре' и т. д. Что же касается образованных от основ числительных многих других разрядов (числительные порядковые, разделительные, повторительные, умножительные, собирательные, то все они, как это и отмечают отдельные специалисты, распределяются совершенно четко по таким частям речи, как существительное, прилагательное, наречие. От основ числительных образуются и многие глагольные формы (собственно-глагол, причастие, деепричастие).

Так называемые количественные числительные в тунгусо-маньчжурских языках ближе всего стоят к тунгусо-маньчжурским непроизводным прилагательным[14] (типа *эгди* 'многий', *ои* 'малый'), сохраняя так же, как и некоторые другие группы прилагательных, тесную генетическую связь с существительными.

Аналогичные замечания должны быть сделаны и в отношении различных разрядов местоимений. Большинство из них (прежде всего вопросительные и указательные) повторяет или воспроизводит в форме вопросительного или указательного слова каждую из реальных частей речи тунгусо-маньчжурских языков, входя тем самым в состав этой части речи. Небольшая группа так называемых предметно-личных местоимений общей картины не меняет. Поскольку их предметность не вызывает сомнений, все они входят в категорию имени существительного в качестве его особого разряда.

Выделение тунгусо-маньчжурских числительных и местоимений в самостоятельные части речи не имеет, следовательно, необходимых оснований. Рассмотрение их наряду с существительными, прилагательными, глаголом и наречием — определенная дань традиции, поддерживаемая методическими соображениями — «удобством» классификации.

---

[13] Основная литература по этим вопросам указана выше.

[14] См. указанные выше работы по грамматике нанайского языка В. А. Аврорина. Ср. также статью: А. П. Путинцев. Числительные в говоре гаринских нанай. «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», т. 101. Л., 1954, стр. 150—155, — где в общий разряд нанайских числительных отнесены не только счетные слова, но и названия мер длины, веса, объема (сажень, пуд, ведро, коробка, пачка, половина и т. п.).

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Итак, в основе частей речи, на которые расчленены собственно-знаменательные слова тунгусо-маньчжурских языков, лежат особые обобщенно-грамматические значения, образуемые сочетанием тех двух разновидностей грамматических значений слова, о которых говорилось выше (общих и частных).

Общеграмматические значения, лежащие в основе тунгусо-маньчжурских частей речи, несомненно присущи и многим другим языкам, в которых имеются соответствующие части речи. Значения эти развивались исторически и существуют не «в себе», а в определенных конкретных и своеобразных формах, особенных для каждого языка на соответствующем этапе его истории.

Следует, в заключение, подчеркнуть, что не только теоретически (предположительно), но и практически (реально) такие грамматические значения, как предметность, качество, действие, могут выражаться не только при помощи особых, для каждого из них в отдельности предназначенных грамматических средств — частей речи. В различных синтаксических функциях такая, например, полифункциональная часть речи, как существительное, может выражать и предмет, и качественный признак предмета, и даже его действенный признак, и признак этих двух признаков, оставаясь все тем же существительным.

Возникновение и развитие частей речи, безусловно, связано с этими окказиональными грамматическими значениями слова, выступающего в роли того или другого члена словосочетания или предложения. Но эти окказиональные грамматические значения какой-либо одной части речи коренным образом отличаются от ее обычного, узуального грамматического значения. Каждая отдельная часть речи возникает, поскольку существует несколько групп слов, каждая из которых как бы внутренне и постоянно обладает своим общеграмматическим значением, свойственным данной части речи и отличающим ее от других. Это и находит свое закономерное выражение в специальных формальных показателях (или внешних признаках), а также в целой серии специфических значений, которые выражаются особыми грамматическими средствами. Без этого нет и, по-видимому, не может быть частей речи.

Возникновение и развитие частей речи, а также всевозможные взаимопереходы и перегруппировки словарного состава по уже сложившимся частям речи происходят в каждом языке своими своеобразными путями в конкретных материальных формах данного языка, развивающегося по своим особенным внутренним законам.

На мой взгляд, разработка проблемы частей речи может иметь определенный успех и содействовать научному исследованию частей речи каждого языка, если будут правильно решены некоторые исходные теоретические положения общей научной грамматики. Важнейшим из них представляется вопрос о тактовке грамматической категории вообще, категории частей речи — в частности. Решая подобные вопросы на основе общих положений марксистской теории языка, на основе достижений современной научной грамматики, мы, безусловно, сможем добиться значительных результатов.

Б. Х. БАЛКАРОВ

О ЧАСТЯХ РЕЧИ В КАБАРДИНСКОМ ЯЗЫКЕ

1

Вопрос о составе частей речи в кабардинском языке до сих пор не решен. Исследователи по-разному подходили к его решению. Так, Л. Лопатинский находил в кабардинском языке только восемь частей речи: местоимение, глагол, имя существительное, числительное, наречие, союз, предлог, междометие[1]. Иная система частей речи дана в «Грамматике кабардинского языка» Г. Турчанинова и М. Цагова, где, кроме перечисленных выше, выделены в самостоятельные части речи частицы и вводные слова, однако междометие в этом обзоре частей речи отсутствует[2]. В «Грамматике литературного кабардино-черкесского языка» Н. Ф. Яковлева различаются две группы частей речи: группа изменяемых и группа неизменяемых частей речи. Группа изменяемых частей речи включает местоимение, глагол и имя числительное, представляющие собой части речи первичного образования, и отглагольное имя (склоняемый глагол), отыменный глагол или предикатив (спрягаемое имя), которые являются частями речи вторичного образования. Группу неизменяемых частей речи составляют наречие (кроме качественного), союзы и междометия[3].

Система эта была построена на примате синтаксиса, что объясняется влиянием «нового учения о языке». В результате смешения синтаксических и морфологических категорий в состав одной и той же части речи были включены и имена, выступающие в предложении в роли предиката, и глаголы, при этом синтаксические категории членов предложения рассматривались как морфологические категории частей речи. Но зато при объединении частей речи в определенные группы этот принцип уступал место морфологическому принципу. Объединение частей речи по принципу склоняемости без учета других признаков привело к разрушению лексико-семантического единства частей речи: слова, объединенные общностью семантики, отнесены к разным частям речи, в частности, качественные наречия, благодаря тому, что они принимают падежную форму, попали в состав имен. Такая участь постигла и многие глагольные формы.

Общим недостатком указанных выше и других классификаций является то, что все они недостаточно учитывают специфику языка и очень часто исходят из традиционного учения о частях речи в рус-

---

[1] Л. Лопатинский. Краткая кабардинская грамматика. Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 12. Тифлис, 1891.

[2] Г. Турчанинов и М. Цагов. Грамматика кабардинского языка. Л., 1941.

[3] Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.

ском языке. Кроме того, в этих системах также не учитывается в должной мере такой важный критерий классификации частей речи, как словообразование, которое имеет свою специфику в каждой части речи и тем обособляет и характеризует ее.

Наконец, недостатком этих систем является и то, что в них не нашли отражения живые процессы развития частей речи, происходящие в языке, не затронуты процессы взаимодействия и взаимоперехода частей речи.

Своеобразие системы частей речи в кабардинском языке, как и в каждом другом языке, обусловлено особенностями его грамматического строя. Слабое развитие именных форм и наличие специальных морфологических показателей, выделяющих не части речи, а члены предложения, привели к тому, что многие грамматические категории в кабардинском языке являются общими для нескольких частей речи и, следовательно, они не могут характеризовать какую-либо отдельную часть речи. Даже такая часть речи, как глагол, на богатство форм которого указывают все исследователи кабардинского языка, имеет ограниченное количество специфических для глагола грамматических категорий. Ограничению грамматических категорий частей речи способствовали также особенности синтаксиса кабардинского языка, обеспечивающие реализацию членов предложения при слабом их морфологическом выявлении. Все это обусловило своеобразие дифференциации частей речи в кабардинском языке.

2

Существительное в кабардинском языке обособилось в самостоятельную часть речи как в лексико-семантическом, так и в синтактико-морфологическом плане, т. е. и в лексическом и в грамматическом аспектах. В лексике существительное выделяется своей семантикой предметности, а в грамматике как способностью изменяться по падежам, так и тем, что оно может служить выразителем субъектно-объектных отношений.

Существительное в кабардинском языке может выступать и в роли сказуемого (правда, в этой роли оно выступало значительно чаще в прошлом). Об этом свидетельствуют особенности языка нартовского эпоса, пословиц и поговорок, которые изобилуют примерами употребления существительного в функции сказуемого. Существительное, как известно, выделяется также и своеобразными способами словообразования.

М е с т о и м е н и е лексически выступает как заменитель конкретных слов. Личные местоимения и во множественном, и в единственном числе, в отличие от других имен, не различают прямого и косвенного падежей. В этих падежах личные местоимения выступают в неопределенной форме в обоих типах склонения. Возьмем, например, *сэ* 'я' и *дэ* 'мы'. Эти местоимения сохраняют свою первоначальную форму в неизменном виде и в прямом и в косвенном падежах неопределенного и определенного склонений.

Такое неразличение этих падежей характерно только для личных местоимений, что же касается указательных, то они различают прямой и косвенный падежи, но в отличие от других имен образуют формы этих падежей супплетивно, т. е. от разных основ. Форма косвенного падежа сохраняется и в творительном падеже, но используется в нем как основа, к которой прибавляется падежное окончание. Так, указательное местоимение — *мор* 'тот' будет иметь следующую парадигму

склонения в единственном числе: прямой — *мор*, косвенный — *мобы*, творительный — *мобыкIэ*, превратительный — *моруэ*.

Супплетивный способ используется и в личных местоимениях для образования множественного числа. Так, например: *сэ* 'я' или *уэ* 'ты' во множественном числе образуются уже от другой основы — *дэ* 'мы', *фэ* 'вы'. И, наконец, в личных местоимениях в превратительном падеже перед падежным окончанием появляется согласный *р*, например, *сэ-р-уэ* от местоимения *сэ* 'я' или *дэ-р-уэ* от местоимения *дэ* 'мы'.

Как мы видим, ряд особенностей отличает местоимения от существительных.

Обособление местоимений в синтаксическом плане выражено значительно слабее, чем в семантическом и морфологическом. Объясняется это тем, что местоимения, являясь заменителями конкретных слов, могут выступать в роли любого члена предложения.

Как самостоятельная часть речи в кабардинском языке отчетливо выявляется числительное. Оно обособилось во всех аспектах. Несмотря на то, что числительное склоняется, оно выделяется рядом свойственных лишь ему специфических форм. Особенности числительного обнаруживаются наиболее ярко в словообразовании, в частности в образовании разрядов числительных.

Числительные до десяти внешне ничем не отличаются от односложных существительных и, кроме числительного *тIу* 'два', оканчиваются на краткий гласный *ы*, например: *зы* 'один', *щы* 'три', *хы* 'шесть', *пщIы* 'десять'. Числительные свыше десяти образуются путем сложения корня числительного *пщIы* 'десять' и названий единиц, при этом по девятнадцать включительно единицы следуют за десятком, *пщыкIу-з* 'одиннадцать', *пщыкIу-щ* 'тринадцать', *пщыкIу-бгъу* 'девятнадцать'. В качестве соединительного средства используется аффикс *-кIу*. Числительные, обозначающие десятки, образуются также сложением корня числительного 'десять' и названий единиц, но здесь наблюдается обратный порядок расположения компонентов: на первое место ставятся названия единиц, а затем — корень числительного 'десять': *тIо-щI* 'двадцать', *плIы-щI* 'сорок', *хы-щI* 'шестьдесят'. Числительные со значением сотен образуются соединением корня *щэ* 'сто' и названий единиц *щ-и-тI* 'двести', *щ-и-плI* 'четыреста', *щ-и-бл* 'семьсот'. В таких случаях в качестве соединительного гласного используется *-и-*. В сложных числительных типа *тIощI-рэ зы-рэ* 'двадцать один' *щэ-рэ-зы-рэ* 'сто один' выступает союзный суффикс *-рэ*, повторяющийся в каждом слове.

Кроме того, в кабардинском языке сохранилась двадцатиричная система счета. Числительные по этой системе образуются путем сложения корня *тIощI* 'двадцать' и названий единиц *тIощI-*и*-тI* 'сорок', *тIощI-и-щ* 'шестьдесят'. В этих числительных, как и в разряде сотен, названия единиц следуют за корнем числительного 'двадцать' и соединяются с последним при помощи соединительного гласного *-и-*.

Следует отметить, что числительное *тIо-щI* 'двадцать', которое лежит в основе двадцатиричной системы, образовано по десятиричной системе и буквально означает 'два десятка'. Это указывает на то, что двадцатиричная система развилась позже.

Кратные числительные до десяти образуются путем замены краткого гласного *-ы* > *-э*. Ср.: *з-ы* 'один', *з-э* 'один раз'; *щ-ы* 'три', *щ-э* 'три раза'; *пщI-ы* 'десять', *пщI-э* 'десять раз', а свыше десяти прибавлением суффикса *-рэ*. Ср.: *пщыкIуз-рэ* 'одиннадцать раз', *тIощI-рэ* 'двадцать раз'.

Порядковые числительные образуются при помощи префикса *-е* и суффиксов *-а*, *-нэ*, *-р*, *-ей*, между которыми включается корень количественного числительного: *е-тIу-а-нэ-р-ей* 'второй', *е-щ-а-нэ-р-ей* 'третий', *е-пщыкIуј-а-нэр-ей* 'одиннадцатый'. Иногда, как видно из второго

примера, корень числительного может быть представлен согласным элементом соответствующего количественного числительного. Существует параллельная форма порядковых числительных, в которой два последние суффикса отсутствуют, например, *е-щ-а-нэ* 'третий', *е-х-а-нэ* 'шестой'.

Разделительные числительные представляют собой редупликацию соответствующих количественных числительных, при этом в числительных до одиннадцати между частями вставляется форматив *-ры-*.

Атрибутивная функция числительного сближает его с прилагательным и обусловливает единство способа выявления их функций в синтаксисе. Количественные числительные, подобно качественным прилагательным, выступая как определения, сливаются с определяемым именем, например: *хъыджэбз-и-тI мэлажьэ* 'две девушки работают', *тхылъ-и-х щылъщ* 'шесть книг лежат'.

Порядковые числительные обнаруживают общие черты с относительными прилагательными не только в единстве позиций в атрибутивных сочетаниях, но и в средствах образования форм. Эти черты сходства с прилагательным не нарушают самостоятельности числительного как части речи.

В кабардинском языке самостоятельную часть речи представляют также н а р е ч и я. Одни из них, как, например, качественные наречия, наречия образа действия и наречия времени, выделяются во всех трех аспектах: лексически, синтаксически и морфологически. В синтаксисе они характеризуются тем, что выполняют роль обстоятельств образа действия и времени, в лексике — тем, что обозначают признак признака, а в морфологии — своим оформлением. Эти наречия принимают аффикс превратительного падежа, который в подобных словах не воспринимается как падежное окончание, а выступает как словообразовательный элемент. Таковы наречия типа *фIыуэ* 'хорошо', *Iейуэ* 'плохо', *жьыуэ* 'рано', *псынщIэу* 'быстро', *дахэу* 'красиво' и т. д. Для образования степеней сравнения от этих наречий используются те же средства, что и при образовании степеней сравнения прилагательных. Сложная форма превосходной степени образуется по законам атрибутивных сочетаний при помощи частицы *дыдэуэ*: *ткIиуэ* 'строго', *ткIий дыдэуэ* 'строжайше'.

Наречия, совпадающие по форме с существительными, выделяются в первую очередь синтактико-семантически, а морфологическое их оформление обнаруживается в том, что они выступают в синтаксической функции обстоятельства только в неопределенной форме. К этой категории наречия относятся: *пщэдей* 'завтра', *дыгъуасэ* 'вчера', *нобэ* 'сегодня' и др. Они обычно не изменяются, за исключением редких случаев употребления их в субъектно-объектной функции в патетической речи.

Наиболее слабо выделилось п р и л а г а т е л ь н о е. В синтаксисе прилагательное выделяется как носитель функции атрибута, причем синтаксические средства в кабардинском языке позволяют разграничивать непосредственные признаки предмета и признаки предмета по отношению к другим предметам.

Прилагательное отличается от других частей речи не только своей синтаксической функцией, но и способом ее реализации. Поэтому в позиции атрибута прилагательное сливается с определяемым словом в единый инкорпоративный комплекс[4]: *колхозым унэфI ищIащ* 'колхоз построил хороший дом'; *щIэлекIыхь уэрамым йырокIуэ* 'высокий парень идет по улице'; *си къуэшым сэбихьэл хэлъщ* 'у моего брата детский

[4] См.: М. Л. А б и т о в. Сложные слова (composita) в кабардино-черкесском языке. Канд. дисс. Нальчик, 1948.

варактер’. Семантика качественных прилагательных делает возможным более широкое (в сравнении с именами существительными) использование их в роли предиката.

Выступая в роли предиката, качественные прилагательные изменяются по лицам, временам и наклонениям. Существительное, употребляясь в роли сказуемого, обычно получает формы настоящего времени и имперфекта, а другие времена оно образует чаще всего при помощи вспомогательных глаголов. Например: *сэ лIыуэ сыщытащ* ‘я мужчиной был’. В этом предложении форму прошедшего времени получил только вспомогательный глагол, а имя — падежное окончание. То же произойдет, если мы поставим сказуемое в будущем времени: *сэ лIыуэ сыщытынущ* ‘я человеком буду’.

Прилагательное в этом отношении несколько отличается от существительного также благодаря ослаблению предметного характера его семантики и усилению за счет этого значения признака предмета. При этом в качестве показателей выступают различные словообразовательные аффиксы, которые образуют именные формы от прилагательных со значением качества и свойства в их отвлечении от предмета. Так, например, от прилагательного *фIыцIэ* ‘черный’, *дахэ* ‘красивый’ при помощи суффикса *-гъэ* образуются производные формы *фIыцIагъэ* ‘чернота’, *дэхагъэ* ‘красота’. В этих формах качество выступает как субстанция, обладающая своими качествами и признаками. Ослабление предметного значения у качественных прилагательных и усиление значения признака предмета сближают прилагательные с глаголом, который также является носителем признака предмета. Только этой близостью можно объяснить большую устойчивость у качественных прилагательных предикативных категорий.

Морфологически качественные прилагательные отличаются от имени существительного способностью образовывать степени сравнения. Они образуют две степени качества: сравнительную, выражающую отношения между предметами, и превосходную, выражающую высшую степень качества предмета без соотнесения с другим предметом.

Для образования сравнительной степени к прилагательному прибавляются частицы *нэхъ* и *нэхърэ*, которые служат средством выражения качества в различной его градации. При образовании сравнительной степени частица *нэхърэ* ставится после существительного, с качеством которого производится сравнение, а частица *нэхъ* — перед прилагательным, с которым она сливается фонетически[5]. Ср., например: *Мыхъьэмэд нэхърэ Хьэмид нэхъыжьщ* ‘Хамид старше, чем Магомед’: *мо тхылъыр нэхъыфIщ мыбы нэхърэ* ‘та книга лучше, чем эта’[6].

Сравнительную степень качественные прилагательные могут образовать и при помощи одной частицы *нэхъ*. Превосходную степень они образуют двояко: аналитически и морфологически. В первом случае используется частица *дыдэ*, которая ставится после качественного прилагательного: *ин дыдэ* ‘очень большой, большущий’; *дахэ дыдэ* ‘очень красивый, красивейший’; *фIыцIэ дыдэ* ‘очень черный, чернейший’, а во втором — используются суффиксы *-ще*, *-Iуэ*, *-ж*, *-бзэ*: *дэхащэ* ‘красивейший’, *иныIуэ* ‘большущий’, *хужьыж* ‘белейший’, *фIыцIабзэ* ‘чернейший’.

---

[5] Степень слияния частицы *нэхъ* с прилагательными различна и зависит от состава самих прилагательных: чем сложнее состав прилагательных, тем меньше степень слияния. Это послужило основанием для двоякого написания данной частицы (раздельного и слитного).

[6] Х. Эльбердов, Ш. Тажев. Грамматика кабардинского языка, ч. 1. Фонетика и морфология. Нальчик, Кабгосиздат, 1954, стр. 71.

Таким образом, качественные прилагательные обособляются по своему значению как носители признака и качества предмета, по формам своего изменения в разных синтаксических позициях, а также по присущему им способу выражения синтаксических отношений атрибута.

Относительный характер прилагательных проявляется в синтаксисе и частично в морфологии. В синтаксисе относительные прилагательные выявляются своей ролью определения и позицией по отношению к определяемому, т. е. тем, что они стоят перед определяемым словом. В морфологии особую форму имеют лишь некоторые относительные прилагательные типа *нобэрей* 'сегодняшний', *дыгъуасэрей* 'вчерашний', *нэгъабэрей* 'прошлогодний'. Относительные прилагательные постепенно пополняются за счет заимствования русских и иностранных слов.

Глагол в кабардинском языке обособился своей особой семантикой действия и состояния: *кIуэ* 'иди', *тхэ* 'пиши', *жэ* 'беги', *плъэ* 'смотри', *щIэ* 'делай', *лажьэ* 'работай', *шхэ* 'кушай', *жей* 'спи', *щылъ* 'лежи', а в синтаксисе — благодаря ограничению его функции в рамках сказуемого: в спрягаемой форме глагол употребляется лишь в роли сказуемого, например: *Лъэпщ макIуэ Сэтэней деж* 'Тлепш идет к Сатаней'[7]; *си анэр гузэващ, дэжеящ, къежэхащ, хьэблэр къызэхижыхьащ* 'моя мать забеспокоилась, побежала вверх, побежала вниз, обежала квартал'[8].

Главный морфологический признак глагола — категория переходности и непереходности[9], ср., например, непереходные: *дэ* 'шей', *тхэ* 'пиши' и переходные: *ды* 'шей' (что-то); *тхы* 'пиши' (что-то).

Категория вида обнаруживается в разном оформлении основы в зависимости от переходности, и непереходности, чего не происходит с другими частями речи, когда последние выступают в предложении в роли сказуемого, несмотря на их изменения по лицам, временам и наклонениям.

Как от переходных, так и от непереходных глаголов образуется форма, требующая косвенного объекта: *езауэ* 'подерись' (с кем-нибудь), *еуэ* 'ударь' (кого-нибудь), *ет* 'отдай кому-нибудь' *едз* 'повесь' (на что-нибудь). Для этой цели используется аффикс *-е* как показатель косвенного объекта, который непосредственно прибавляется к форме императива. Если форма императива представляет собой сложную основу, то этот аффикс ставится между другими префиксами и корнем: *къ-е-джэ* 'позови' (кого-нибудь). Образование данной формы может сопровождаться изменением фонетического облика корня, как в глаголе *ебэн* 'подерись' (с кем-нибудь). Эта форма образована от основы *банэ* 'борись' путем прибавления префикса *е-*, при этом долгое *а* перешло в краткое, а краткое *э* в исходе слова подверглось полной редукции.

Характерно, что указанная форма, образованная от переходных глаголов, требует в одно и то же время не только косвенного объекта, но и прямого дополнения. Например: *шIалэм хъыджэбзым тхылъыр ирет* 'парень девушке дает книгу'. В этом предложении слово *хъыджэбзым* 'девушке' является косвенным дополнением, а *тхылъыр* 'книгу' — прямым дополнением.

---

[7] Нарты (на кабардинском языке). Нальчик, 1951, стр. 32.

[8] Али Шогенцуков. Избранные произведения. Нальчик, 1948, стр. 313.

[9] Встречаются глаголы, которые не различают переходности и непереходности в императиве, но образуют личные формы обоих рядов (*вэ* 'паши', *сэ* 'сей'), а некоторые переходные глаголы, например: *шэ* 'вези', *щэ* 'продавай', могут иметь даже непереходную форму.

Глаголы различают статическую и динамическую формы, что также является их грамматической категорией. Одни глаголы, например состояния, имеют параллельные формы статичности и динамичности в настоящем времени: *сыщысщ* 'сижу', *сыщылъщ* 'лежу', *сыщос, сыщолъ* — динамические формы от этих же глаголов. Другие образуют лишь динамическую форму.

Отличия глагола от других частей речи обнаруживаются и в разном их оформлении. Изменения по лицам присущи не только глаголу, но и другим частям речи (при выполнении ими функции сказуемого), но оформляются они не так, как в глаголе. Так, разница между именем и глаголом при оформлении личных показателей проявляется в том, что местоименные префиксы первого и второго лица настоящего времени утвердительного наклонения у глаголов, как переходных, так и непереходных, не имеют огласовки. В именных же сказуемых личный показатель всегда огласован кратким гласным *ы*: *сыцIыхущ* 'я человек', *у(ы)цIыхущ* 'ты человек'[10].

Если в первом и втором лице противопоставление имени глаголу выражается в своеобразном оформлении личных показателей, то в третьем лице оно проявляется в отсутствии каких бы то ни было личных признаков. Здесь имя выступает в роли сказуемого в неопределенной форме: *ар цIыхущ* 'он человек', *ахэр цIыхухэщ* 'они люди'.

Другие закономерности наблюдаются, когда сказуемым является глагол. Глагол в положении сказуемого получает разное личное оформление, в зависимости от переходности и непереходности. В непереходном глаголе показателем третьего лица обоих чисел является префикс *ма-*, а число различается прибавлением в конце суффикса множественности *-хэ*: *ар матхэ* 'он пишет', *ахэр матхэхэ* 'они пишут'.

Более сложна система личных показателей в переходных глаголах. Здесь личные показатели третьего лица варьируются в зависимости от числа и времени: в единственном числе настоящего времени в роли показателя третьего лица выступает *е*, а в остальных — *и*: *абы тхылъ етх* 'он пишет книгу', *абы тхылъ итхащ* 'он написал книгу'.

В глаголах с косвенным объектом третье лицо выражается отрицательно: *йоджэ* 'учится', *йоплъ* 'смотрит', *йоуэ* 'бьет', *йодзакъэ* 'кусает'.

Разница между глаголом и остальными частями речи прослеживается и в других предикативных категориях. Так, наклонения являются предикативным признаком, одинаково свойственным любому сказуемому. Однако и здесь глагол выделяется, с одной стороны, тем, что образует все наклонения, тогда как другие части речи лишены возможности образовать некоторые наклонения, в частности повелительное, и, с другой стороны, тем, что формы отдельных наклонений у глагола не совпадают с формами тех же наклонений у других частей речи. Так, вопросительное наклонение глагол образует при помощи суффикса *-рэ*, а другие части речи передают это наклонение главным образом интонацией без особого морфологического оформления. Только глаголы могут иметь факультативную форму с суффиксом *-р*.

Глагол противопоставляется остальным частям речи и во временах. Глагол образует временные формы в отличие от других частей речи, которые постепенно их утрачивают.

В глаголе выделяются функциональные формы: причастия и деепричастия. Причастия бывают двоякого рода: субъектные и объектные. Первые образуются как от непереходных, так и от переходных

---

[10] Подобная личная форма встречается лишь в глаголах состояния типа *щы* 'сиди', *щыт* 'стой', *щыль* 'лежи'.

глаголов, вторые — только от переходных форм. Причастия от непереходных глаголов не имеют особой формы и используют форму третьего лица: *тхэр* 'пишущий', *плэр* 'смотрящий', *псалъэр* 'говорящий', *лажьэр* 'работающий', *дэр* 'шьющий', *кIуэр* 'идущий', *шысэр* 'сидящий', *шхэр* 'кушающий' ,*гъыр* 'плачущий'. Специальной формы не имеют и субъектные причастия от глаголов с косвенным объектом. Они используют форму императива: *еджэр* 'читающий', *еуэр* 'бьющий', *есыр* 'плавающий', *еплъыр* 'смотрящий', *ефэр* 'пьющий'.

Субъектные причастия от переходных глаголов получают относительный префикс *зы-*: *зытхыр* 'пишущий' (что-то) *зыщIыр* 'делающий' (что-то), *зылъагъур* 'видящий' (что-то), *зывэр* 'пашущий' (что-то).

Так образуются и субъектные причастия от каузативных форм: *зыгъэлажьэр* 'заставляющий работать', *зыгъатхэр* 'заставляющий писать', *зыгъакIуэр* 'заставляющий ходить', *зыгъаплъэр* 'заставляющий смотреть', *зыгъажэр* 'заставляющий бежать'. Если каузативные формы образованы от переходных глаголов, то субъектные причастия принимают также и показатель объекта: *езыгъэлэжьыр* 'заставляющий работать' (над чем-то), *езыгъэщIыр* 'заставляющий делать' (что-то), *езыгъэтхыр* 'заставляющий писать' (что-то).

То же происходит и с причастиями, образующимися от казуативных форм глаголов с косвенным объектом: *езыгъаджэр* 'заставляющий читать что-то', *езыгъауэр* 'заставляющий бить' (кого-то), *езыгъафэр* 'заставляющий пить' (что-то).

Объектные причастия от переходных глаголов: *ятхар* 'написанное', *ящIыр* 'делаемое', *ядар* 'сшитое', *яшхыр* 'съедаемое', *яджар* 'прочитанное' представляют собой основу временных форм глагола. Исключение составляют причастия настоящего времени: они образуются от усеченной основы прошедшего времени — *сшхыр* 'съедаемое мной', *ищIыр* 'делаемое им', *бджыр* 'читаемое тобой'. Здесь выделяются причастия третьего лица множественного числа, которые образуются от основы настоящего времени: *ящIыр* 'делаемое ими', *яджыр* 'читаемое ими'.

Объектные причастия образуются также от глаголов с косвенным объектом: *зэджэр* 'читаемое', *зэплъыр* 'видимое', *зэIусар* 'тронутое', *зэуэр* 'избиваемый'.

Субъектные причастия изменяются по лицам объекта, а объектные — по лицам субъекта. Исключения составляют субъектные причастия от непереходных глаголов, которые не изменяются по лицам. Обе категории причастий склоняются и принимают формы числа, но временные изменения их ограничены рамками пяти времен: им чужды формы времен, оканчивающиеся на суффикс *-т*.

Из приведенных примеров видно, что причастия выделяются не только по значению, но и по форме. Морфологическое выявление причастий обнаруживается в своеобразии словообразования, а также в системе словоизменений.

Деепричастие образуется в языке при помощи суффикса *-уэIIу*. Если деепричастие образуется от многократного глагола, то на этот суффикс наращивается окончание *-рэ*, например: *шым тесу, Султан къалэм макIуэ* 'сидя на коне, Султан в город едет'; *псалъэурэ, Хьид къекIухъ* 'разговаривая, Гид ходит'. В первом предложении деепричастие выражает однократность действия, во втором — многократность.

Одна из особенностей кабардинского деепричастия состоит в том, что оно может иметь в деепричастном обороте субъект, отличный от субъекта в основной части, не меняя своей формы. Это, по-видимому, связано со способностью деепричастия изменяться по лицам. Деепри-

частие не имеет форм наклонений, утратило ряд временных форм, не получает префикса *-зы*, и своеобразно образует личные формы. Для деепричастия характерна зависимость его семантики от содержания сказуемого.

В кабардинском языке имеются также незнаменательные части речи. К ним относятся послелоги, союзы, частицы и междометия.

Послелоги генетически восходят к знаменательным словам. В одних послелогах это обнаруживается легко, в других — только с помощью исторического анализа. К первым относятся такие, как: *щхьэкIэ* 'для, из-за, ради', *япэм* 'спереди, впереди', *ищIыбым* 'за, сзади', *нэс* 'до, в, к'; ко вторым — такие, как: *папщIэ* 'для, из-за, ради', *нэужь* 'следом за', 'вслед за', *пщIондэ* 'до', *лъандэрэ* 'до'. Имеются также послелоги, утратившие всякие связи с знаменательными словами: *идей* || *идеж* 'к, от', *игугъу* 'о, об'. Одни послелоги представляют собой слияние именной формы с притяжательным местоимением: *игугъу* 'о, об', *иужь* 'сзади, за', другие — застывшие падежные формы: *щхьэкIэ* 'из-за, ради, для' и, наконец, есть послелоги, представляющие собой слияние падежной формы с притяжательным местоимением, например: *икIуэцIкIэ* 'внутри', *икIэм* 'внизу, в конце', *ищIыбым* 'сзади, за, из-за', *япэм* 'спереди, впереди'. Послелоги образуются также от глагольных форм *нэс* 'до, в, к', *къэс* 'до'. Для этой цели обычно используется императивная форма глагола.

Союзы в языке весьма малочисленны. Имеются союзы, употребляемые в простом предложении и отчасти для связи главного и придаточного предложений. Наиболее употребительны следующие: *икIи* в значении союза 'и', *ехьэмэ* — 'или', *ауэ* — 'но' и 'а' (в противительном значении). Имеются также и союзные суффиксы *-и*, *-рэ*, которые повторяются при каждом из перечисленных слов. Ряды союзов постоянно пополняются: отдельные слова и целые словосочетания постепенно утрачивают свою лексическую самостоятельность и переходят в разряд служебных слов. В результате не только увеличивается число соединительных союзов, но и происходит становление подчинительных союзов.

Междометия в кабардинском языке представляют собой сочетание гласного и согласного или простую редупликацию одного звука или целого слова. Встречаются и сочетания нескольких слогов. Примеры: *ахъ!* — сочетания гласного с согласным, *ау!* — сочетание гласного с полугласным, *аа!* — редупликация одного звука, *ай-ай!* — редупликация целого слога, *еууей!* — сочетание нескольких слогов. К междометиям относятся также звукоподражательные образования, лишенные определенного значения, но используемые для придания речи особой эмоциальной окраски. Таковы: *гъургъургъу!* — звук грома, *шы-шы-шы!* — журчание воды и другие.

И, наконец, имеются частицы, выражающие модальные оттенки отдельных слов и целых словосочетаний и использующиеся для формообразования: *нэхъ*, *дыдэ*, *сымэ*.

3

Таким образом, в кабардинском языке выделяются десять частей речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, наречие, глагол, послелог, союз, частица и междометие.

Каждая часть речи имеет свои особенности, отличающие ее от остальных. В одних частях речи эти особенности наиболее ярко обнаруживаются в синтаксисе, например в именах прилагательных;

в других, как в глаголе, — в морфологии. Отдельные части речи, обладающие одинаковыми грамматическими категориями, например существительное и местоимение, обособляются благодаря разному оформлению общих грамматических категорий. Из-за слабого развития форм словоизменения линия разграничения некоторых частей речи оказывается перемещенной в область словообразования, как это имеет место в числительных.

Становление частей речи в языке представляет собой живой процесс. Так, благодаря постоянному проникновению русских относительных прилагательных в кабардинском языке происходит накапливание таких форм, которые в будущем могут послужить базой для формирования относительных прилагательных. Однако грамматические средства, заложенные в этих лексических заимствованиях, не вошли в арсенал средств образования грамматических форм кабардинского языка. Но уже само проникновение в язык относительных прилагательных оказывает влияние на формирование в языке относительных прилагательных из собственного материала.

III. ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГРАММАТИК

К. А. ЛЕВКОВСКАЯ

О ПОНЯТИИ ПРОИЗВОДНОСТИ ОСНОВ

1

Для описания строя любого — современного или древнего — язык огромное значение имеет проблема разграничения производных и не производных основ.

Общеизвестно, что производные основы могут с течением времени «опрощаться», превращаться в непроизводные, что производность основ утрачивается постепенно, что разные компоненты основ, идущих по этой линии развития, могут обнаруживать разную степень выделимости, однако общепринятых объективных критериев ограничения производных основ от основ непроизводных до настоящего времени еще не выработано. Поэтому производность или непроизводность той или иной (производной по происхождению) основы определяется в значительной мере лишь «на глаз», а при анализе структуры членимых основ часто не приводится никаких обоснований, почему в них выделяются именно данные, а на какие-либо другие компоненты [1].

Объясняется подобное положение тем, что понятие «производность основы», которым широко пользуются в лингвистических работах как чем-то общепонятным (и вследствие этого не требующим объяснения), в действительности никакой ясности не представляет. Очевидно, что производные основы отличаются от непроизводных своей членимостью, однако членимыми являются и сложные основы, существенно отличающиеся от производных. Далее — имеются основы с положительной выделимостью двух компонентов (ср. слова *учи-тель*, *води-тель*) и основы с положительной выделимостью лишь одного компонента (ср. слова *жен-их*, *поп-адь-я*, с одной стороны, и *смород-ин-а*, *мал-ин-а*, с другой, см. ниже).

Поскольку наибольшие затруднения вызывают основы с положительной выделимостью лишь одного компонента, в литературе обычно разбирается именно этот вопрос, по которому имеются две различные точки зрения, высказанные Г. О. Винокуром и А. И. Смирницким [2].

---

[1] Ср. по этому поводу высказывания Г. О. Винокура в его статье «Заметки по русскому словообразованию» («Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1946, т. V, вып. 4, стр. 315—316).

[2] См.: Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию, стр. 315 и след.; А. И. Смирницкий. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ. «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», 1948, вып. 5, стр. 21 и след.

2

Непременным условием для признания основы производной Г. О. Винокур считает ее соотнесенность с той или иной непроизводной основой[3]. В соответствии с этим, производными словами признаются *жених* (ср. *жена*, *женить*), *рисунок* (ср. *рисовать*), *королева* (ср. *король*), *попадья* (ср. *поп*), *рукав* (ср. *рука*). Основы же таких слов, как *малина*, *смородина* или *брусника*, *гвоздика*, относятся Г. О. Винокуром в разряд непроизводных, т. е. в разряд таких основ, в которых нет суффиксов *-ин-* и *-ик-*, поскольку звуковые комплексы *мал-*, *смород-* и *брусн-* [*брус-?*][4] «сами по себе ничего не значат», а гвоздика «не есть цветок, имеющий отношение к гвоздю»[5].

А. И. Смирницкий, отмечая значение работы Г. О. Винокура для разработки методики лингвистического анализа, возражает, однако, против подхода к словам типа *малина*, *смородина* как к словам с непроизводными основами; при этом он ссылается на общее положение Г. О. Винокура, выдвинутое им в начале его работы. В этом положении членимость той или иной основы ставится в зависимость от наличия определенного значения у обоих компонентов, поскольку указывается, что выделение какого-либо компонента основы следует считать неправильным, «если . . . в остатке получится звуковой комплекс, не обладающий каким-нибудь значением, представляющий собой пустое звукосочетание . . . »[6].

А. И. Смирницкий считает, что отсутствие значения у звуковых комплексов *мал-* и *смород-* является только кажущимся: поскольку словам *малина* и *смородина* свойственно (связанное с суффиксом *-ин-*) общее значение 'ягода', то звуковые комплексы *мал-* и *смород-* осмысляются как основы со значением, указывающим на особенности *малины* и *смородины* в их отличии друг от друга[7].

В подтверждение этого своего положения А. И. Смирницкий приводит отмеченный Л. Блумфилдом случай так называемого «обратного словообразования», когда в английском языке от основы (заимствованного) существительного chauffeur [ʃou'fə:], не соотносившегося ни с каким другим английским словом, тем не менее был образован глагол (to) chauffe [ʃouf]. Как справедливо отмечает А. И. Смирницкий, «Такое новообразование могло возникнуть только в результате выделения *-eur* как суффикса в таком ряду, как chauffeur, driver[8] 'водитель, погонщик' и т. п., singer[9] 'певец' и т. п. (*-eur* звучит так же, как и *-er*)»[10]. Факт семантического осмысления основ *мал-* и *смород-* на базе выделения в них суффикса *-ин-* А. И. Смирницкий считает аналогичным случаю с английским chauffeur. С доказательствами, приводимыми автором, нельзя не согласиться.

Противоречивость такой ситуации, когда ни один из противоположных взглядов не представляется возможным отвергнуть как оши-

---

[3] См. Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 319. — Точка зрения Г. О. Винокура, ставящего производность основы в зависимость от наличия (материально и семантически) соотносимой с ней непроизводной основы, в общем разделяется многими лингвистами, см., в частности: Н. М. Шанский. О производной и непроизводной основе. «Русский язык в школе», 1952, № 4, стр. 12; его же. Основы словообразовательного анализа. М., Учпедгиз, 1953, стр. 19.

[4] Ср. А. И. Смирницкий. Указ. соч., стр. 26.

[5] См. Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 317.

[6] Там же.

[7] А. И. Смирницкий. Указ. соч., стр. 25—26.

[8] От основы глагола (to) drive.

[9] От основы глагола (to) sing 'петь'.

[10] А. И. Смирницкий. Указ. соч., стр. 25.

бочный, заставляет задуматься над общей постановкой самой проблемы производности основ, а размышления над этой проблемой на основе изучения структурно-семантических особенностей языковых единиц заставляют прийти к выводу, что понятие членимости и понятие производности (которые обычно используются параллельно, без разграничения) необходимо разграничить, как необходимо разграничить также понятие производности слова и понятие производности его основы.

3

Производность слова и производность его основы обычно отождествляются. Однако языковой материал показывает, что такое отождествление является неправомерным и что производность слова и производность его основы совпадают не во всех случаях: в языках, где возможна конверсия[11], имеются и производные слова с непроизводными основами.

Совершенно очевидно, например, что глаголы weißen (— weißte — geweißt) 'белить (например, стены)', hausen (— hauste — gehaust) 'проживать', 'обитать', theatern (— theaterte — getheatert) (разг.) 'комедианствовать', 'ломать комедию' или röntgen (— röntgte — geröntgt[12]) 'просвечивать рентгеном' являются глаголами отыменными, т. е. производными. Вместе с тем, эти глаголы содержат явно непроизводные основы, соответственно основу прилагательного weiß 'белый', основу существительного Haus 'дом' и основу существительного Röntgen 'рентген' (без конечного эмемента *-en-*[13]). Подобные производные слова с непроизводными основами имеются в различных языках, где распространена так называемая конверсия[14].

В отличие от словопроизводства при помощи аффиксации или чередования звуков, когда при образовании слова образуется и его основа, при конверсии используются готовые, уже имеющиеся в языке основы, могущие быть как простыми, непроизводными (см. приведенные примеры), так производными и даже сложными. Ср.: 1) Haus и hausen (hauste, gehaust) и 2) Schlosser 'слесарь' и schlossern (schlosserte, geschlossert) 'слесарничать'; Tischler 'столяр' и tischlern (tischlerte, getischlert) 'столярничать'; Schauspieler[15] 'актер' и schauspielern 'актер-

---

[11] См. ниже.

[12] Глагол этот, несмотря на значительные фонетические трудности в произношении некоторых его форм (претерита, а особенно причастия II), имеет широкое распространение. Ср.: Eigentlich hatte er sich noch nicht die Mühe gegeben, darüber nachzudenken, weshalb seine Lunge *geröntgt* werden sollte . . . (H. M. Rauchfuss. Besiegte Schatten).

Sie sollten ihn doch endlich *röntgen*, wenn es schon sein mußte, und ihn gesund schreiben — er sehnte sich danach, das Summen eines Motors zu hören und den Gashebel unter der Fußsohle zu spüren! (там же).

«Sie können dann gleich zum Herrn Doktor hinüber! Anschließend werden Sie *geröntgt*!» (там же).

[13] Окончание *-en* (здесь) было воспринято как формант и вследствие этого оно в глаголе röntgen-röngte-geröntgt было отброшено. Таким образом, этот глагол выступает как слово с непроизводной основой, а существительное Röntgen (по происхождению — имя собственное) воспринимается как слово с производной основой, включающей формант *-en-*.

[14] А. И. Смирницкий в таких случаях говорит о внутреннем, семантическом словопроизводстве. См. статью: «Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке». «Иностранные языки в школе». М., 1953, № 5, стр. 26.

[15] Schauspieler — производное слово от сложной основы *schausrpiel-* (ср. das Schauspiel 'спектакль').

ствовать'; 3) Seeräuber[16] 'морской разбойник', 'пират' и seeräubern 'заниматься разбоем на море'[17].

При конверсии только в одном случае создается также и основа слова, а именно: когда конверсия как способ словопроизводства посредством включения основы в другую парадигму сочетается со сложением данной основы с другой или же с другими основами. Ср. фразеологическую единицу untergehen (— geht unter — ging unter — untergegangen 'заходить (о небесных светилах, гл. образом о солнце)', 'гибнуть' и существительное der Untergang (der Sonne) (ср. der Sonnenuntergang) 'заход (солнца)', 'гибель'. Слово Untergang соотносится также с образованным от глагола gehen существительным Gang 'ход', 'походка', 'проход (-коридор)', однако считать слово Untergang просто сложным словом, состоящим из основы наречия unter и основы существительного Gang, подобно, например, слову Aus-weg 'выход', в переносном смысле никак нельзя, так как это слово семантически соотносится именно с фразеологической единицей untergehen (см. выше), от которой оно реально и образовано[18].

Образованные по конверсии производные (но не сложно-производные типа Aufgang) слова в своей семантической структуре отличаются от производных аффиксальных слов тем, что никакого указания именно на данное грамматическое оформление (на данную парадигму) в основе этих слов не содержится.

Более того — значение производящей основы в этих словах даже находится в известном противоречии со значением соответствующей части речи. Ср. основу *weiß-* в глаголе weißen, которая по своей семантической природе является основой прилагательного; или основу *tischler-* в глаголе tischlern, которая по словообразовательной структуре представляет собой основу имени лица, образованную при помощи именного суффикса *-ler-*.

В аффиксальной же — особенно в суффиксальной — основе, образуемой при создании нового слова посредством аффиксации, содержится определенное (связанное со словообразующим — точнее, основообразующим аффиксом) указание на соответствующую часть речи. Ср. kennen (— kannte — gekannt) 'знать' и (der) Kenn*er* (—(des) Kenners — (dem) Kenner и т. д.) 'знаток'. Суффикс *-er-* как суффикс лица (деятеля) создает именную (отглагольную) основу, что как бы «подтверждается» соответствующей парадигмой. То, что подобная именная основа затем может использоваться в качестве производящей основы в созданном по конверсии глаголе (ср. (der) Diener 'слуга' и dienern — dienerte — gedienert — 'низко кланяться', 'отвешивать поклоны') — другой вопрос. При наличии в языке конверсии словообразовательное оформление основы точных указаний на принадлежность слова к определенной части речи не дает. Однако это касается только тех случаев, где в словообразовательном ряду имеются образованные по конверсии слова. Ср.: Schloß 'замо́к' — Schlosser 'слесарь' — Schlosserei 'слесарная мастерская' — schlossern 'слесарничать' или weiß

---

[16] Seeräuber — слово сложное, состоящее из основ слов Räuber 'разбойник' и See 'море'.

[17] Например: In seinem Innern wußte Franklin, der Kapitän und die Leute, die hinter ihm standen, wie William Hudge und die Bankiers Grand und Morel et Fils, werden sich den Teufel um seine Anweisungen kümmern, Kapitän Conyngham wird weiter *seeräubern*, die Bankiers werden schmunzelnd ihre Profite einstreichen . . . (L. Feuchtwanger. Die Füchse im Weinberg).

[18] О сложнопроизводных словах типа см. статью: Н. А. Филиппова. Структурно-семантические особенности существительных типа Aufgang в современном немецком языке. «Вестник МГУ. Историко-филологическая серия», 1958, № 2, стр. 91 и след.

'белый' — weißlich 'беловатый' — weißen 'белить' — das Weiß 'белизна' и т. п. Там же, где таких слов нет, соответствующая аффиксальная (в первую очередь суффиксальная[19]) основа выступает как основа слова, принадлежащего именно к данной части речи. Ср. — der Sprech*er* 'говорящий' (от sprechen 'говорить'), а также — der Lautsprecher 'громкоговоритель' — der Fernsprech*er* 'телефон'; die Besprech*ung* 'обсуждение' от *be*sprechen 'обсуждать' и т. п.

Имеют значение и структурные особенности соответствующего языка. В немецком языке, где конверсия не имеет такого широкого распространения, как в английском, вероятность использования той или иной основы в качестве основы слова, принадлежащего к другой части речи, также будет меньше, чем в английском языке.

Кроме того, основы типа *diener-* (ср. глагол dienern) или *tischler-* (ср. глагол tischlern) по своей словообразовательной структуре все же являются производными основами существительных, лишь используемыми для создания соответствующих (явно отыменных) глаголов. Значение процесса действия у подобных глаголов связано с их парадигмой, т. е. с грамматическим оформлением слова в целом, а не со словообразовательным оформлением использованной для его создания основы.

4

Так же, как не совпадают понятия производность основы и производность слова, не совпадают и понятия членимость и производность основы.

Основы слов (der) Schritt 'шаг', (der) Sprung 'прыжок' следует (для современного языка) признать непроизводными, поскольку при наличии вариантности основ (вызванной внутренней флексией) в системе форм соответствующих глаголов (*schreit-* | *schritt-*, в первом случае и *spring-* | *sprang-* | *sprung-*, во втором)[20] существительные Schritt и Sprung должны рассматриваться как производные слова, образованные по конверсии от одного из вариантов данных глагольных основ. Основы же слов (der) Bruch 'ломка', 'излом', 'поломка', 'трещина' и др. или (der) Spruch 'изречение', 'сентенция', юрид. 'приговор' безусловно являются производными, несмотря на то, что они не принадлежат к членимым основам в обычном смысле этого слова.

В этих основах выделяются два разных элемента: 1) консонантная «база» основы (*br* — *ch* = [br — χ; *spr* — *ch* [ʃ pr — χ]), являющаяся величиной постоянной и представляющая как бы «костяк» данной основы, и 2) выступающий в нескольких вариантах корневой гласный, ср.: Bruch и brechen (bricht — brach — gebrochen); Spruch и sprechen (spricht — sprach — gesprochen). Однако основы типа bruch- все же отличаются от производных (аффиксальных) и сложных основ тем, что их нельзя разложить на имеющие определенное значение (и располагающиеся в линейном порядке) компоненты, ср., например, аффиксальную основу *wohn-ung-* или сложную основу *wohn-haus-*.

Отсутствие у основ типа *bruch-* абсолютной членимости, присущей производным и сложным основам, придает их производности особый характер; они выступают как варианты соответствующих глагольных основ, лишь функционирующие в именной (а не в глагольной) сфере. Ср.: 1) *brech-* — *brich-* | *brach-* | *broch-* (в brecher — bricht — brach —

---

[19] См.: К. А. Левковская. О специфике префиксации в системе словообразования. Сб. «Вопросы грамматического строя». М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 299 и след.

[20] Ср. schreiten — *schritt* — ge*schritt*en 'шагать', springen — *sprang* — ge*sprung*en 'прыгать'.

gebrochen), с одной стороны, и 2) *bruch-* (в [der] Bruch) — с другой, а также: 1) *sprech-* — *sprich-* | *sprach-* | *sproch-* (в sprechen — spricht — sprach — gesprochen) и 2) *spruch-* (в [der] Spruch).

Основы же аффиксальные (префиксальные и суффиксальные) никак в качестве вариантов соответствующих безаффиксных производящих рассматриваться не могут; эти основы представляют собой именно новые (образованные от соответствующих производящих основ) производные основы.

5

Структурно-семантические особенности производных аффиксальных основ заключаются не в том, что они членятся на те или иные значимые составные части — членимыми являются также и сложные основы разных типов, — но в том, что они членятся на значимые составные части определенного характера, находящиеся в определенном структурно-семантическом взаимоотношении друг с другом.

Каждая производная основа[21] обладает следующими тремя признаками: 1) общим — выражающим ту или иную лексическую категорию — значением, характерным для данного словообразовательного типа и связанным именно с данным оформлением, выступающим в ряде других производных основ, принадлежащих к этому типу; 2) производящей основой, соотносящейся с основой какого-либо другого слова и выступающей — именно на базе этой соотнесенности — в качестве семантического ядра данной производной основы; 3) частным значением производной основы, слагающимся из значения данного словообразовательного типа и значения данной производящей основы.

Семантические особенности производных основ тесно связаны с их структурными особенностями, и их следует отличать от выражаемых этими основами понятий и обозначения ими реальных предметов и явлений действительности.

Так, например, Stadtmensch и Städter, а также Stadtbewohner с точки зрения логической выражают одно и то же понятие и обозначают одно и то же явление действительности. Ср.: Er war all sein Lebtage ein *Stadtmensch*, dann war er eine kurze Zeit ein *Landmensch*, nun ist er wieder ein *Städter* geworden (H. Fallada).

Однако с точки зрения языковой слова эти Stadtmensch и Städter имеют разные, обусловленные их структурой семантические особенности: вторая составная часть сложной основы *stadtmensch-* (*-mensch-*), выступающая в ней в качестве определяемого компонента, в общеязыковом отношении равноправна с первой частью (*stadt-*), так как она имеет определенное реальное значение и может поэтому — как и первый компонент — выступать в качестве семантического ядра соответствующих производных слов (ср. *städt*isch 'городской', *Städ*ter 'горожанин', с одной стороны, и *mensch*lich 'человеческий', *Mensch*heit 'человечество' и т. п. — с другой). Основа *-mensch-* выступает как носитель значения имени лица в составе сложной основы *stadtmensch-*, вследствие того, что она имеет лексическое значение 'человек' в непроизводном (с точки зрения современного языка) существительном der Mensch, семантическим ядром которого она является. Суффикс же *-er-* в производной основе *städter-* никакого самостоятельного значения не имеет, так как он вне связи с разными производящими основами в языке не существует (ср.: Wächt*er*, Gesellschaft*er*, Mal*er*, Sprech*er*).

---

21 Мы имеем в виду основы, производность которых не подлежит сомнению, так как выяснение специфики производных основ должно исходить именно из совершенно бесспорных случаев.

Если основа *-mensch-* в таких именах лиц, как Stadt*mensch* и Land*mensch*, выполняет определенную классифицирующую роль, близкую к роли суффикса *-er-* в слове Städter, то она выполняет эту роль на основе своего реального лексического значения, которое свойственно этой основе в данных сложных словах, как и в непроизводном слове Mensch, а также в производных словах *mensch*lich, *Mensch*heit и т. п.

Правда, *-mensch-* в словах Stadtmensch, Landmensch выступает в несколько ином (более общем, более абстрактном) семантическом аспекте, чем в Mensch или в menschlich, Menschheit, Menschentum, — однако определенная (достаточно ясно проявляющаяся) соотнесенность значения с основой непроизводного слова Mensch сохраняется и в этих случаях употребления данной основы.

Суффикс же *-er-* в основе производного слова Städt*er* (так же, как и в основе других имен лиц) никакого иного значения, помимо общего значения лица, не имеет и никакой другой роли, кроме роли модификатора значения производящей основы *stadt-* — модификатора, относящего производную основу *städter-* к определенному классу именных основ, — не выполняет[22].

С основами производными могут в какой-то мере соприкасаться и основы непроизводные. Ср. слова с производными основами: Geäst 'сучья', Gezweig 'ветви (дерева)', Gebälk 'балки', Gewölk 'тучи', Geäder 'система кровеносных сосудов', '(про)жилки (например, в мраморе)', Getier 'животные', и т. п., с одной стороны, и слова с непроизводными основами, например, Obst 'фрукты', Laub 'листва', Gras 'трава', Haar 'волосы', Vieh 'скот', с другой.

У слов типа *Ge*äst, *Ge*tier присущее им значение собирательности связано в первую очередь с префиксом *ge-*, дополнительным средством выражения этого значения (выступающим лишь в производящих основах с веларными гласными) является чередование гласных — умлаут (ср. Ast и Geäst). Основы же слов непроизводных типа Obst, Laub, Vieh и т. д., — хотя они и имеют собирательное значение — не имеют специальных средств выражения лексической категории собирательности. Подобные основы обозначают совокупность тех или иных предметов всем своим лексическим значением в целом, структурное выделение этого значения — какое мы имеем в основах типа Gezweig, Gewölk, — у них отсутствует.

Как показывают приведенные примеры, для производных аффиксальных основ в первую очередь характерно то, что функция выражения той или иной лексической категории выполняется в них определенными структурным (аффиксальным) оформлением этих основ; поэтому основным признаком производности той или иной основы является именно определенное общее значение, связанное с соответствующим словообразовательным типом, а тем самым и с определенным словообразовательным средством (суффиксом или префиксом).

6

О неидиоматичности или идиоматичности обычно говорят по отношению к словосочетаниям. Однако слова с производными и сложными основами также могут быть неидиоматичными и идиоматичными[23].

Такие слова с производными основами, например Flieger 'летчик' (от основы *flieg-* 'летать'), Dreher 'токарь' (от основы *dreh-* 'точить'),

---

[22] См. Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 319—320.

[23] См. А. И. Смирницкий. К вопросу о слове, ч. I (проблема «отдельности» слова). Сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 197 и след., особенно стр. 203.

представляют собой неидиоматичные образования, так как значение их основ складывается из значения производящей (глагольной) основы и характерного для данного словообразовательного типа значения деятеля, выражаемого суффиксом *-er-*. Неидиоматичными являются и собирательные префиксальные существительные типа geâst, gewôlk (см. выше).

Слова же, значение основ которых не может быть непосредственно выведено из значения компонентов этих основ, являются идиоматичными.

Так, например, Schneider 'портной' обозначает не просто лицо, в данный момент занятое разрезанием какого-либо материала, а также и не всякого работника, профессия которого связана с разрезанием материала, с его кроением. Сапожника, кроящего кожу, так же как портной кроит материю, словом Schneider обозначить нельзя. Данное слово с производной идиоматичной основой является лишь обозначением для портного.

Идиоматичным является и собирательное существительное Geflügel[24], образно — как 'совокупность крыльев' (ср. неидиоматичное Gefieder 'оперенье'), обозначающее домашнюю птицу (кур, гусей, уток и т. п.). Существующее параллельно с Geflügel неидиоматичное образование Gevögel (ср. Getier) имеет более общее значение — 'птицы (вообще)', 'пернатые'[25].

Различие в значении между основами *geflügel-* и *gevögel-* может быть проиллюстрировано следующими примерами:

Aber so vorlaut und frech die Amanda auch mit ihrem Mundwerk war, so überlegt und besonnen war sie schließlich in ihren Taten — was eine *Geflügel*mamsell[26] ja überhaupt sein muß. Denn *Geflügel* ist das schwierigste Viehzeug von der Welt, zehnmal schwieriger als ein Zirkus wilder Tiere, und pariert nur einer besonnenen Natur (H. Fallada).

...es war ein ewiges Flattern und Zwitschern des kleinen Wald*gevögels* (там же).

Считать слово Schneider и слово Geflügel (буквально обозначающее совокупность крыльев) на основании их идиоматичности словами с непроизводными основами не представляется возможным. Точно так же нельзя считать непроизводным и русское идиоматичное слово *гвоздика* лишь на том основании, что соответствующий цветок «не имеет отношения к гвоздю»[27]. Здесь действительно, возникает вопрос, почему данный цветок имеет такое название. Однако возможность подобного вопроса не отрицает, но, наоборот, подтверждает производность идиоматичной основы данного слова.

Идиоматичность основ, хотя она и представляет некоторый определенный шаг в сторону развития именно непроизводности, все же никак нельзя отождествлять с этой последней. Процесс развития идиоматичности (деэтимологизация) может привести, но не всегда приводит к опрощению основы. Это с достаточной наглядностью показывает различная судьба двух аналогичных образований: русского

---

[24] H. Paul. Deutsches Wörterbuch. Halle (Saale) 1921, S. 189; fünfte Aufl., bearbeitet von A. Schirmer, 1956, S. 219.

[25] Как отмечает Ф. Клуге (F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin u. Leipzig, 1924, стр. 170). Geflügel, по-видимому, представляет собой возникший в результате ложной этимологии вариант древнего звучания gevügel (совр. Gevögel), ср. свн. gevügel и gevlügel. Специализация значения варианта Geflügel представляет собой сравнительно позднее явление.

[26] Geflügelmamsell — главная (старшая) птичница (в поместье). См. H. Paul. Deutsches Wörterbuch. — Слово Mamsell.

[27] См. выше, стр. 124.

гвоздика, сохранившего свою производность, и древненемецкого negelkīn 'гвоздика' (букв. 'гвоздик', 'гвоздочек')[28], эту производность в конце концов утратившего.

Древнее производное слово с уменьшительным суффиксом (нижненемецкого происхождения) *-kīn-* (через ступень neilken) дало современное непроизводное слово Nelke. Опрощение основы данного слова объясняется деэтимологизацией в сочетании с различными фонетическими и морфологическими процессами (поддержанными именно деэтимологизацией).

Идиоматичными являются также, например, такие префиксальные немецкие глаголы, как erfahren 'узнавать', 'узнать', erstehen 'приобретать', 'приобрести', erfinden 'изобретать', 'изобрести', erzählen 'рассказывать', 'рассказать', entstehen 'возникать', 'возникнуть' и др. Все эти глаголы сохранили значение соответствующего словообразовательного типа, к которому они принадлежат, и его структуру: в них бесспорно выделяется безударный глагольный префикс (*er-* и *ent-*), а глагол в целом по своему морфологическому оформлению соотносится с соответствующим беспрефиксным глаголом. Ср.: erfahren — erfuhr — erfahren и fahren — fuhr — gefahren, и т. п.

Глагол erfahren имеет то же общее значение (являющееся одним из значений префиксальных отглагольных образований с *er-*) 'добиться чего-то, получить что-то' (в частности, 'узнать что-то'), при посредстве соответствующего действия[29] как, например, такие неидиоматичные глаголы с *er-*, как erkämpfen 'добиться путем борьбы', erbitten 'добиться при помощи просьбы', erlernen 'добиться (каких-то знаний) при помощи учения'.

В те времена, когда не было еще средств связи, при помощи которых можно было что-либо узнать, находясь на расстоянии, глагол erfahren употреблялся в своем прямом значении 'добиться (узнать) путем передвижения (путешествия)', позднее (когда появились разные средства связи — почта, в дальнейшем телеграф, телефон и т. д.) глагол erfahren стал употребляться в переносном смысле. Вследствие этого он претерпел определенную степень деэтимологизации; с глаголом fahren_1 'ездить', 'ехать' он, во всяком случае, безусловно теперь уже не соотносится. Однако современный глагол erfahren в какой-то мере соотносится с глаголом fahren_2 'двигаться' (являющимся в настоящее время омонимом глагола fahren_1 'ездить', 'ехать'). Оба эти глагола развились из двух «лексико-семантических вариантов»[30] первоначально единого древнего глагола faran, служившего для обозначения различного рода передвижения — ходьбы, бега, а не только езды (т. е. передвижения при помощи какого-нибудь специального средства передвижения). Данному глаголу был свойствен и ряд переносных значений.

То, что fahren_2 'двигаться' в современном языке действительно может рассматриваться как (полный) омоним глагола fahren_1 'ездить', показывают нам следующие случаи его употребления: mit der Hand übers Gesicht *fahren* 'провести рукой по лицу', in die Tasche *fahren* 'полезть (сунуть руку) в карман', in die Höhe *fahren* 'вскочить', in die Kleider *fahren* '(быстро) одеться'; aus der Haut *fahren* 'выйти из себя'[31]. Данный глагол (fahren_2) является достаточно употребительным. Ср.: Und

---

[28] Обозначение вида пряности, по форме напоминающей гвоздик, перенесенное затем (вследствие сходства в запахе) на цветок.

[29] При посредстве передвижения (-fahren).

[30] Термин А. И. Смирницкого. См. к вопросу о слове. (Проблема «тождества слова»). «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. IV. М., 1954, стр. 25.

[31] Ср. аналогичную по структуре русскую фразеологическую единицу (имеющую, однако, другое значение) *лезть из кожи вон*.

sie fährt in die Schürzentasche... (H. Fallada) 'И она лезет (опускает руку) в карман [своего] фартука'.

Negermeiers Kopf *fuhr* aus dem Fenster (там же) 'Голова негра-Мейера высунулась из окна'.

...aus dem Zimmer *fuhr* mit Gepolter der Rittmeister: «Was ist das für ein verdammtes Gewisper und Getuschel vor meiner Tür?!...» (H. Fallada) '...из комнаты с грохотом выскочил ротмистр: «Что это за проклятое шептанье и шушуканье у меня под дверями'?»

Общее значение движения имеет основа *fahr-* также в префиксальном глаголе entfahren 'ускользать', 'вырываться (о словах)' где префикс *ent-* имеет то же значение 'удаления прочь', которое выступает в ряде образований с этим префиксом от глагольных основ со значением движения: entkommen, entlaufen, entfliehen и т. п.[32], например: Er bedauerte schon, daß diese Worte ihm *entfahren* waren 'Он уже сожалел о том, что у него *вырвались* эти слова'.

Приведенные примеры показывают, что глагол fahren_2 и его основа употребляются для обозначения движения в прямом и переносном смысле. Это же значение выступает в современном языке у основы *fahr-* и в префиксальном глаголе erfahren. Идиоматичность значения этого глагола заключается в том, что он обозначает не достижение какой-либо цели в пространстве (основа *fahr-* указывает на движение, что связано с представлением о пространстве), но узнавание каких-то новостей. Ср. etwas Angenehmes, etwas Unangenehmes *erfahren* 'узнать что-либо приятное, неприятное'[33].

Совершенно очевидно, что в глаголе erfahren основа *fahr-* и выступает в настоящее время в переносном значении, однако какая-то семантическая соотнесенность этого глагола с fahren_2 в современном языке все же имеется, как имеется и морфологическая соотнесенность между этими глаголами (см. выше). Поэтому нельзя, как это иногда делается, рассматривать глагол erfahren как непроизводный глагол (как глагол с непроизводной основой), но необходимо признать его производным (хотя и идиоматичным) словом.

Таким же идиоматичным образованием является и глагол erstehen 'приобретать, приобрести (что-либо)'. Этот глагол обнаруживает то же значение префикса *er-*, что и глаголы erkämpfen, erbitten, erlernen, erfahren. Что же касается значения основы *steh-*, то она, конечно, выступает не в прямом значении 'стоять', какое имеет глагол stehen, в таком, например, случае, как: er *stand* am Fenster und rauchte 'он стоял у окна и курил'.

Следует, однако, отметить, что основа глагола stehen (так же, как и основа глагола gehen) имеет очень широкий объем значения[34]. Ср. хотя бы: Die Sonne *stand* schon recht hoch 'Солнце было (стояло) уже очень высоко'; Das Zimmer *stand* leer 'Комната пустовала (была (стояла) пустой)'; Das Fenster *stand* offen 'Окно было (стояло) открыто'; Das *steht* ja in der Zeitung 'Об этом ведь написано (стоит) в газете'. Ср. также zur Verfügung *stehen* 'находиться в распоряжении' и т. п.

---

32 См. H. Paul. Deutsches Wörterbuch, стр. 133.

33 Hubert hat ... in dem kleinen Haushalt ... wenig zu tun, so hat er sich eine Beschäftigung daraus gemacht, allez zu *erfahren*, alles zu sehen, alles zu wissen (H. Fallada) 'У Губерта... в маленьком хозяйстве... было мало дела, поэтому он занимался тем, что старался все узнавать, все видеть, все знать' (букв.: 'поэтому он сделал своим занятием обо всем узнавать, все видеть, все знать').

Ср. также: Wie *erfuhren* Sie aber, worüber Sie schreiben sollten? (W. Bredel) 'А как Вы узнали, о чем Вы должны были писать?'

34 Многозначность характерна и для русского глагола *стоять*, а также для различных других глаголов, образованных от его основы; ср. *постоять за себя*, *настоять на своем*.

Совершенно очевидно, что глагол erstehen 'приобретать', 'приобрести', в котором выступает значение префикса *er-*, свойственное этому форманту и в других образованиях, нельзя признать глаголом непроизводным только потому, что производящая основа *steh-* не имеет здесь (в современном немецком языке) прямого значения 'стоять'[35]. Ведь глагол этот по своей структуре соотносится не только с другими образованиями, содержащими (безударный) префикс *er-*, но он морфологически соотносится и с глаголом stehen, ср. erstehen — erstand — erstanden и stehen — stand — gestanden. Наличие в языке идиоматики, которой пронизаны самые разнообразные сферы лексики, заставляет нас признать глагол erstehen словом с производной, но идиоматичной основой.

В глаголах erfinden 'изобретать', 'изобрести' и erzählen 'рассказывать', 'рассказать' выступает другой семантический вариант префикса *er-* — вариант со значением результативности, который мы имеем также и в таких неидиоматичных глаголах, как erdulden 'выносить', erbauen 'выстроить' и т. д.[36]

Значение префикса *er-* здесь является несколько более абстрактным, чем в глаголах erkämpfen или erfahren, однако семантические связи с простыми непроизводными глаголами (finden и zählen) здесь, пожалуй, крепче, чем у глагола erfahren (с $fahren_2$) и тем более у erstehen (с stehen). Поэтому erfinden и erzählen безусловно воспринимаются как производные (соответственно от основ *find-* | *fand-* | *fund-* и *zähl-*) идиоматичные образования. Ср. 1) простой глагол finden 'находить', 'найти'; 'отыскивать', 'отыскать' (— fand — gefunden) и производный (идиоматичный) глагол erfinden 'изобретать', 'изобрести' (— erfand — erfunden); 2) простой глагол zählen считать (— zählte — gezählt), а также фразеологическую единицу с этим глаголом aufzählen 'перечислять', 'перечислить' (— zählte auf — aufgezählt) и производный идиоматичный глагол erzählen 'рассказывать', 'рассказать' (— erzählte — erzählt).

Отчетливо воспринимается значение определенного словообразовательного типа у глагола entstehen 'возникать', 'возникнуть' (букв.: 'восставать'), где префикс *ent-* имеет то же значение, что и в глаголах entwachsen, entkeimen, entstrahlen[37]. Морфологическая соотнесенность со stehen, erstehen и прочими производными префиксальными глаголами с основой *steh-* здесь также имеется, ср. stehen — stand — gestanden; erstehen — erstand — erstanden и entstehen — entstand — entstanden. Поэтому и данный глагол следует признать идиоматичным и производным словом (точнее словом с идиоматичной производной основой).

Степень идиоматичности у разных производных слов может быть различной. Во всех приведенных примерах в той или иной мере ощущается связанное с соответствующим префиксом значение, характерное для определенного словообразовательного типа. Имеются, однако, и случаи, когда значение префикса является неясным. Так, например, трудно сказать, какое значение имеет префикс *be-* в глаголе bestehen 'состоять'. Однако считать данный — полностью идиоматичный — глагол вследствие этого непроизводным (так же, как признать русский глагол *состоять* простым, непроизводным словом) не представляется возможным. Глагол bestehen полностью сохраняет структурную соотнесенность с определенным словообразовательным типом префиксальных глаголов (глаголов с префиксом *be-*) и с соответствующим непроизводным глаголом (ср. stehen — stand — gestanden и bestehen — bestand — bestanden).

---

[35] См., однако: H. Paul. Deutsches Wörterbuch. (Глагол *erstehen*).
[36] См. там же 1921, стр. 139; 1956, стр. 162.
[37] См. там же, стр. 133; 1956, стр. 156.

Идиоматичными производными словами следует считать и глаголы verstehen 'понимать', 'понять' (— verstand — verstanden) и gestehen (— gestand — gestanden) 'сознаваться', 'сознаться', 'признаваться', 'признаться'.

Из этих глаголов у первого имеется определенный оттенок значения результативности, характерный для префикса *ver-*; однако в какой мере этот оттенок здесь связывается именно с префиксом, сказать трудно. Что же касается глагола gestehen, то он вообще принадлежит к отмирающему словообразовательному типу; в целом ряде случаев определить общее значение слов, принадлежащих к данному словообразовательному типу, бывает очень трудно. Ср. denken 'думать' и gedenken 'думать', 'помнить о ком-нибудь', с одной стороны, и brauchen 'нуждаться в чем-либо'; 'употреблять', 'пользоваться чем-либо'; 'применять что-либо' и gebrauchen 'употреблять', 'пользоваться' — с другой. Ясно, что префикс *ge-* в обоих случаях выражает семантическое различие между префиксальным и беспрефиксным глаголами (ср. Denken Sie noch immer an diesen Vorfall? и Gedenken Sie meiner!), но точно определить, в чем заключается его значение, невозможно.

Несмотря на то, что глаголы verstehen и gestehen не имеют какого-либо отчетливо выраженного значения, связанного с префиксами, при помощи которых они образованы, — эти глаголы (так же, как и глагол bestehen) приходится признать идиоматичными производными словами (словами с идиоматичными производными основами): данные глаголы не только имеют такие же акцентуационные особенности, как и другие префиксальные глаголы, но принадлежат к тому же морфологическому классу, что и беспрефиксный глагол stehen и другие префиксальные глаголы с той же основой, например: erstehen, entstehen (см. выше). Игнорировать это материальное тождество производящей основы глаголов verstehen и gestehen с основой глагола stehen 'стоять' безусловно не представляется возможным.

7

Идиоматичность производного слова является результатом известной деэтимологизации этого слова. Деэтимологизация же может наступить либо вследствие семантического разрыва между производным и соответствующим непроизводным словом, либо же вследствие отсутствия (в данный период) такого непроизводного слова в языке вообще.

Последнее как раз и имеет место в случаях *малина* и *смородина*, где идиоматичность связана с отсутствием в современном русском литературном языке непроизводных слов с основами *мал-* и *смород-*, вследствие чего положительной выделимостью в них обладает лишь суффикс *-ин-*. Причина идиоматичности слов *малина и смородина*, аналогична причине идиоматичности таких фразеологических единиц, в состав которых входят несуществующие в свободном употреблении компоненты (ср. нем. *gang* und *gäbe* sein 'быть общепринятым, общераспространенным', или русск. *точить лясы*, *ни зги не видно*, в то время как идиоматичность слова *гвоздика* аналогична идиоматичности фразеологических единиц, состоящих из употребляемых также и в свободных сочетаниях слов (ср., например, русск. *спустя рукава* или *съесть собаку*).

Идиоматичные производные слова, включающие основы, не соотносимые ни с какими простыми словами, имеются в каждом языке, есть они и в языке немецком. Сюда относится, в частности, такое существительное, как Gesinde 'прислуга', челядь' (двн. gisindi, kisindi 'свита', 'приспешники' (букв. 'спутники'), сохранившее связанное

с данным словообразовательным типом значение собирательности (ср. Gebirge 'горы', двн. — gebirgi), несмотря на то, что непроизводное существительное, от основы которого оно образовано, из языка давно исчезло.

Это существительное (sind[38] 'путь') имелось в древневерхненемецком языке, вследствие чего gisindi (kisindi) первоначально было неидиоматичным словом. Ср.: uuanta sār sō sih diu sēla in den sind arhevit[39]... (Muspilli 2) и дальше uuanta ipu sia das Satanases *kisindi*[40] kiuuinnit... (Muspilli 8).

К тому же разряду идиоматичных производных слов, т. е. к производным словам с производящей основой, не имеющей в современном немецком языке каких-либо семантических (этимологических) связей, следует отнести и существительное Kaninchen 'кролик', представляющее собой слово с заимствованной основой[41]. Суффикс *-chen-* в слове Kaninchen, конечно, имеет уменьшительное значение не совсем такого характера, как, скажем, в Tischchen 'столик' или Häuschen 'домик', однако этому суффиксу, а тем самым и всей производной (хотя и идиоматичной) основе в целом, свойственно то значение, какое мы находим в названиях различных мелких живых существ (маленьких зверей, а также птиц и насекомых), ср. Eichhörnchen 'белка', Meerschweinchen 'морская свинка', Rotkehlchen 'малиновка', Heimchen 'сверчок'. Аналогичный случай представляет и другое слово с заимствованной основой (являющееся, однако, обозначением не животного, но цветка — Veilchen 'фиалка', где суффикс *-chen-* безусловно выделяется как словообразовательный элемент с соответствующим значением, а слово в целом занимает определенное место среди других названий растений с этим суффиксом, ср. Veilchen и Maiglöckchen 'ландыш', Stiefmütterchen 'анютины глазки', Maßliebchen, Gänseblümchen 'маргаритка' и др.

Идиоматичным производным словом следует признать также plötzlich 'внезапный', 'неожиданный', содержащее исчезнувшую из языка производящую основу *plotz-*, почему положительной выделимостью (поскольку слово Plotz теперь в языке отсутствует) здесь обладает лишь суффиксальный компонент производной основы (*-lich-*) выступающий в характерном для него значении образа действия. Слово plötzlich имеет все особенности, характерные для производных слов с данным суффиксом: связанное с этим суффиксом определенное общее значение и типичную для лексических единиц этого типа двойную функцию (функцию прилагательного и наречия)[42]. Ср. *plötzliches* Erscheinen 'внезапное появление' (прил.) и *plötzlich* erscheinen (нареч.). Например: «Unvermittelt wird er ernst, und dies *plötzliche* Ernstwerden überzeugt Studmann, das dies alles nur ein Theater war...

«Jedenfalls danke ich dir, Mama», sagt Wolfgang, *plötzlich* sehr müde...» (H. Fallada).

---

[38] Этимологически родственным (по корню) этому существительному является современный слабый глагол senden 'посылать', 'отправлять'.

[39] sih in den *sind* irheffen (arheffen) 'отправляться, отправиться' (букв. 'подниматься', 'подняться') в путь'.

[40] Das Satanazes *kisindi* 'свита, спутники, приспешники сатаны'. Насколько прочной была семантическая связь между sind и gisindi в древневерхненемецком, сейчас сказать, конечно, трудно; однако приведенное сопоставление достаточно ясно показывает этимологические корни производящей основы слова Gesinde.

[41] См. F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, стр. 240.

[42] Вопрос о том, имеем ли мы в подобных случаях дело с одним словом в двух функциях, или же с двумя разными словами, представляет весьма сложную проблему, не имеющую непосредственного отношения к данной работе.

Производное имя качества также образуется от адъективной основы *plötzlich-* по той же модели, как и от других основ с этим суффиксом. Ср.: plötzlich—Plötzlichkeit 'внезапность', 'неожиданность' как gründlich 'основательный' — Gründlichkeit 'основательность', freundlich 'приветливый', 'дружелюбный', 'любезный' — Freundlichkeit 'приветливость', 'любезность' и т. п.

Несколько иной характер имеют слова с изолированными производящими основами, когда какое-либо четкое значение, связанное с соответствующим словообразовательным формантом, в производной основе отсутствует.

Сюда принадлежит, например, глагол ge*scheh*en 'происходить', 'произойти', 'случиться'. Соответствующий беспрефиксный глагол из языка исчез, с производным от всей основы существительным Geschichte 'история' глагол geschehen также уже больше не соотносится (как он не соотносится и с родственным ему по корню глаголом schicken), никакого определенного общего значения с формантом *ge-* в данном глаголе (как и в ряде других глаголов с *ge-*[43]) не связывается. На производность глагола geschehen указывают, таким образом, только некоторые фономорфологические особенности, ср.: ge'schehen — ge'schah — ge'schehen и ge'stehen — ge'stand — ge'standen или ge'raten — ge'riet — ge'raten.

Аналогичным является и случай с глаголами gebären и entbehren. Глагол gebären 'рождать', 'родить' по происхождению представляет собой префиксальное образование от основы древневерхненемецкого глагола beran 'носить', 'нести'. Древневерхненемецкий глагол giberan имел (связанный с префиксом *gi-*) результативный оттенок значения, отчасти сохранившийся и в современном gebären, но уже не связываемый больше именно с префиксом *ge-*. Семантическая связь глагола gebären с прочими однокорневыми образованиями (Bahre 'носилки', 'катафалк', Bürde 'ноша' и др.) порвана. Это видно хотя бы из того, что gebären и другой префиксальный глагол с той же производящей основой entbehren 'быть лишенным чего-то', 'нуждаться в чем-либо', 'обходиться без чего-либо' не только обнаруживает различное значение, различное произношение и написание производящей основы (*-bär-* [bɛ : r] в gebären и *-behr-* [be : r] в entbehren), но также принадлежит и к различным морфологическим классам, ср. gebären—gebar—geboren (сильный глагол) и entbehren—entbehrte—entbehrt (слабый глагол). Однако эти глаголы, так же как и geschehen, сохранили некоторую структурную связь с соответствующим словообразовательным типом — с производными глаголами с префиксами *ge-* и *ent-*. Поэтому (пока в языке еще существуют эти типы) данные глаголы правильнее будет считать идиоматичными остаточно-производными глаголами, а не просто непроизводными словами.

Приведенный материал показывает, что решать вопрос о производности и непроизводности того или иного слова, исходя лишь из семантических моментов, в частности из наличия или отсутствия у его основы семантических (этимологических) связей с другими лексическими единицами, не представляется возможным. Нельзя забывать и о материальных и структурных связях между языковыми единицами, о моментах материального и структурного тождества, играющих в языке очень большую роль. На этих моментах базируется идиоматика и в области фразеологии, и в области лексикологии в узком смысле этого слова, а именно: в области учения о структурно-семантических особенностях основ.

---

[43] См. выше, стр. 135.

Приравнивать деэтимологизацию к непроизводности, как это обычно делается, не представляется возможным. Кроме того, как показывает приведенный материал, имеются и разные степени деэтимологизации. Наиболее полной деэтимологизация является в тех случаях, когда производящая основа производного (по происхождению) слова ни с какими другими основами (ни семантически, ни материально) не соотносится, а входящий в производную основу словообразовательный (точнее, основообразовательный) формант не обнаруживает значения, характерного для какого-либо определенного словообразовательного типа. При этом играет роль семантическая и фономорфологическая выразительность соответствующей словообразовательной модели, что связано также с ее продуктивностью и с ее удельным весом в языке.

Так, например, словообразовательный тип глаголов с префиксом *ge-* принадлежит к пережиточным и семантически невыразительным словообразовательным типам, и не случайным является тот факт, что многие из принадлежащих к этому типу глаголов претерпели ту или иную степень деэтимологизации, ср. gehören, gestehen, geruhen, gefallen, gelingen, geschehen, gewinnen.

В фономорфологическом отношении префикс *ge-* (как, впрочем, и префикс *be-*) также особой выразительностью не отличается: формант, состоящий из согласного и безударного гласного, естественно, имеет склонность к редукции и к слиянию со следующим за ним (ударным) слогом, что и произошло в ряде случаев, в частности в глаголе glauben [44], 'верить', 'полагать' (< двн. gilouben), ср. erlauben 'позволять' (< двн. irlouben) и в существительном *Glück* (< свн. gelücke; ср. английское беспрефиксное luck).

Однако из одних лишь структурных особенностей, без учета семантических моментов, также исходить нельзя. Так, например, собирательные имена существительные с префиксом *ge-*, несмотря на фонетическую невыразительность этого префикса, все же нельзя причислить к невыразительным образованиям вообще, так как они представляют собой четкий и определенный в семантическом отношении словообразовательный тип (см. выше примеры на стр. 135).

Все это показывает, что вопрос о производности или непроизводности основ надо решать с учетом структурных и семантических моментов в их совокупности.

8

Остается рассмотреть вопрос об образованиях типа *жен-их*, *попадья*, *рис-унок* и других словах, в которых (при наличии производящей основы, обладающей прочными материальными и семантическими связями с другими основами) выступает какой-то элемент аффиксального характера, не представленный в других образованиях данного языка.

Членимые слова этого рода, хотя их обычно и относят к производным словам (см. выше, стр. 127), в гораздо меньшей степени носят характер именно слов производных, чем идиоматичные производные слова, в которых более или менее ясно выступает значение определенного словообразовательного типа [45] (т. е. такие слова, как русское *гвоздика* и как немецкие Schneider, Geflügel, или даже как русские *малина*, *смородина*, немецкое Gesinde).

В основах типа *жен-их-*, *рис-унок-*, благодаря отсутствию соотнесенности компонентов *-их-* и *-унок-* с определенной (хотя бы непро-

---

44 Где есть все основания говорить о непроизводности.

45 Что принадлежит к основным признакам производного слова (см. выше).

дуктивной или даже пережиточной и уже отмирающей) словообразовательной моделью, отсутствует общее классифицирующее значение словообразовательного типа, характерное для неидиоматичных (а также и для ряда идиоматичных) производных основ, соотносимых с другими принадлежащими к этому типу основами.

Поскольку компоненты *-их-*, *-унок-* и т. п. являются «единственными в своем роде», можно лишь предполагать, что они и представляют собой какие-то единичные суффиксы (а не основы) и что слова, в которых они выступают, принадлежат таким образом именно к словам с производными, а не со сложными основами.

Основы этого типа, следовательно, не обнаруживают особенностей, характерных именно для производных (в том числе и идиоматичных) основ; их особенностью является только членимость, т. е. черта, характерная как для производных, так и для сложных основ. Подобные основы поэтому целесообразно было бы назвать членимыми единичными (идиоматичными) основами.

Какой более удачный термин будет выбран для их обозначения в будущем, покажут дальнейшие исследования проблемы производности основ, представляющей собой для разных языков еще значительно менее изученный вопрос, чем, например, проблема значения слова или же проблема фразеологии.

9

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие (предварительные) выводы.

1. Понятие «членимость» и понятие «производность основы» следует разграничить, так как, во-первых, членимыми являются также и сложные основы, а во-вторых, производные основы могут быть и нечленимыми в обычном смысле этого слова (ср., в частности, основы *bruch-* или *spruch-*).

2. Необходимо также разграничить и понятия «производность слова» и «производность основы», так как образованные по конверсии слова типа hausen (от основы существительного Haus) или типа das Weiß, weißen (от основы прилагательного weiß) безусловно являются словами производными, но содержат они непроизводные основы.

Возникшие по конверсии слова могут содержать и производные (или даже сложные) основы. Однако отличие подобных лексических единиц от других производных слов, образованных при помощи аффиксации или чередования гласных, заключается в том, что при их создании обычно одновременно не создается новая основа, но используется уже имеющаяся в языке (в другом слове) готовая основа. Создание новой основы имеет место лишь тогда, когда конверсия сочетается со словосложением, в результате чего возникает уже не производное, но сложно-производное слово.

3. Структурно-семантические особенности производных аффиксальных основ заключаются не в их членимости как таковой, но в членимости на составные части определенного характера, находящиеся в определенном структурно-семантическом взаимоотношении друг с другом.

Каждая бесспорно производная (неидиоматичная) основа обладает следующими признаками: 1) общим значением, характерным для данного словообразовательного типа и связанным с определенным оформлением основ, принадлежащих к этому типу; 2) производящей основой, соотносящейся с основой какого-либо другого слова; 3) частным значением данной производной основы, представляющим собой сумму значений входящих в эту основу компонентов.

4. Наряду с неидиоматичными производными основами имеются идиоматичные производные основы, частное значение которых отличается по характеру от частного значения неидиоматичных произ-

водных основ тем, что оно не может быть непосредственно выведено из значения компонентов этих основ. Причины идиоматичности ряда производных основ заключаются в их деэтимологизации, которую нельзя смешивать с непроизводностью.

Деэтимологизация вызывается утратой семантической соотнесенности между производной и производящей основой либо вследствие семантического разрыва между ними, либо вследствие исчезновения слов с производящей основой из языка (что далеко не во всех случаях ведет к полной идиоматичности производных основ, из которых многие, несмотря на деэтимологизацию, сохраняют общее значение соответствующего словообразовательного типа).

5. Вопрос о производности или непроизводности основ не является чем-то самоочевидным. Этот вопрос требует больших и тщательных исследований на материале различных языков. Он не может быть разрешен, исходя из изучения одних лишь семантических моментов без рассмотрения структурных особенностей анализируемых основ и словообразовательных типов, к которым эти основы принадлежат по происхождению.

6. Основы, содержащие единичные, не представленные в других словах элементы аффиксального характера (основы типа *жен-их*, *рис-унок*), не могут считаться производными в собственном смысле этого слова, так как в них отсутствует характерное для производных основ (связанное со словообразовательным формантом) общее значение, выводимое из сравнения между собой разных производных основ с одним и тем же формантом. Подобные членимые основы не имеют ясных признаков, отличающих основы производные от основ сложных, поэтому их целесообразнее обозначать как членимые единичные (идиоматичные) основы.

Н. Д. АРУТЮНОВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МОРФОЛОГИИ В СВЯЗИ С ПОСТРОЕНИЕМ ОПИСАТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ (на материале испанского языка)

Одна из трудностей составления описательных грамматик — нечеткость в определении ряда языковых категорий, а также отсутствие унифицированной терминологии для их обозначения. Действительно, если мы обратимся, например, к морфологии, то конкретное наполнение большинства терминов оказывается неоднозначным у разных лингвистов. Нет ясности в вопросе о том, что представляет собой слово. «Что такое слово — неясно», — говорил Л. В. Щерба [1]. А. М. Пешковский замечал по этому поводу, что, хотя все другие лингвистические категории определяются исходя из понятия слова, само слово еще не определено [2]. Его замечание остается справедливым и для настоящего времени.

Отсутствует единодушие в трактовке термина «морфема». В школьной и нормативной грамматике морфемой принято называть значимый элемент слова. Однако у представителей разных лингвистических направлений можно встретить существенные расхождения в толковании этого термина. Так, Ж. Вандриес, как известно, называл морфемой языковой элемент, выражающий отношения между семантемами, иначе говоря, показатель грамматических категорий. В свете такой концепции морфемой может быть фонетический компонент слова (звук, слог, несколько слогов), самостоятельное слово или даже два слова (например, отрицание во французском языке), чередование звуков корня, ударение, интонация и даже порядок слов (семантем) [3]. Испанская лингвистическая традиция опирается в трактовке термина «морфема» преимущественно на концепцию Ж. Вандриеса. Но и у испанских грамматистов заметны разногласия в этом вопросе. Например, Хосе Эрнандес относит к морфемам все формативы слова, в том числе и элементы словообразования, за исключением корня [4]. А автор одной из грамматик испанского языка Перес-Риоха пишет: «. . .морфема есть типовая единица форм языка. Так, например, морфема amar может служить типом или моделью правильных глаголов так называемого первого спряжения» [5].

---

[1] С. Г. Бархударов. Л. В. Щерба о русском синтаксисе. Сб. «Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию». М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 61.

[2] См. А. М. Пешковский. Понятие отдельности слова. «Сборник статей», Л.—М., 1925, стр. 122.

[3] См. Ж. Вандриес. Язык. М., 1937, стр. 76 и след.

[4] См. J. Hernández. Elementos de gramática superior. Méjico, 1947, стр. 25.

[5] I. A. Pérez-Rioja. Gramática de la langua española. Madrid, 1953, стр. 164.

Несколько в ином плане понимают термин «морфема» структуралисты, выделяющие в составе слова плеремы и морфемы, объединенные в рамках более общего понятия «плерематема». Морфемами в структуральной грамматике называются элементы, могущие участвовать в гетеросинтагматических отношениях (т. е. согласовании и управлении). Морфемы, следовательно, определяют сочетания синтагм (в структуральном понимании этого термина), но должны соединяться с плеремами, для того чтобы функционировать в предложении [6]. Таким образом, термин морфема в структуральной грамматике является значительно менее емким, чем у Ж. Вандриеса.

Как мы увидим, терминологические расхождения характеризуют не только ученых разных школ, но и лингвистов, принадлежащих к одному направлению.

Этих общих фактов достаточно, чтобы показать, насколько существенна нормализация грамматической терминологии, а также возможно более точное и однозначное определение самих языковых категорий для создания предпосылок к составлению описательных грамматик на научной основе. В предлагаемых ниже заметках мы не ставим себе столь большой и сложной задачи, а стремимся лишь указать на некоторые причины разнородного толкования грамматических терминов в одном разделе морфологии, а именно в области морфологического и словообразовательного анализа слова.

1

Словообразование смыкается с вопросами о путях пополнения словарного состава языка и с проблемами морфологического строения слова. Тесная связь указанных вопросов нередко ведет к одноплановому изучению и описанию соответствующих языковых явлений. Между некоторыми категориями словообразования и морфологии слова устанавливается при этом определенная зависимость, иногда принимающая форму их прямого отождествления. Это последнее обстоятельство, как мы попытаемся показать ниже, обусловливает двойственность понимания ряда грамматических терминов.

Очевидно, что между изучением морфологического состава слова и словообразования существует принципиальная разница как в предмете исследования, так и в его методе. В словообразовании изучаются закономерные, типизированные способы создания новых слов на базе существующих языковых элементов, в то время как предмет морфологии — слово как уже готовая единица словарного состава языка. Стремление соотнести эти два круга явлений, поместить их в одни и те же границы и рассматривать с одной точки зрения ведет к неясности в постановке вопроса, невозможности дать точное определение изучаемым категориям.

Особенно существенно, как нам кажется, различать проблемы образования и морфологической классификации основ слова. На этом вопросе мы и хотим остановиться в данной статье.

В некоторых описательных грамматиках, а также специальных работах по словообразованию непосредственно и прямо соотносятся типы создания новых слов с определенными структурными классами слов (или точнее основ). Иначе говоря, сложными называются слова, возникшие в результате словосложения или основосложения, а производные характеризуются как слова, образованные путем словопроизводства. На деле такого рода определения часто оказываются неточными. Например, соединение знаменательного слова с предлогом, полученное в результате их сращения, нередко анализируется как сложное слово (ср. исп. porvenir, pormenor,

---

[6] E. Alarcos Llorach. Gramática estructural. Madrid, 1951, стр. 56.

sinvergüenza, sinsabor, sinrazón, sinnúmero, sinfín, parabién, parapoco; фр. pour-boire, pourchasser, sans-travail, pour-parler, sous-sol); между тем сочетания с префиксами зачисляются в категорию производных слов. В действительности, такие слова отличаются друг от друга только способом образования, а не своим морфологическим строением. Сращение предлога с полнозначным словом осуществляется путем слияния в одно целое двух самостоятельно употребляющихся лексических единиц — двух слов — в результате их семантического обособления во фразе. Образование слов типа predecir, involuntario, renovar и т. д., напротив, происходит согласно определенной активной модели, а не путем постепенного синтезирования в ткани речи. Тем не менее сами образуемые единицы не имеют между собой качественных различий с точки зрения строения своих основ: те и другие являются аффиксальными словами, так как соединяясь со знаменательным словом и становясь морфологическим элементом нового слова, предлог изменяет свой характер, превращаясь в префикс [7]. Он не может, следовательно, рассматриваться как вторая корневая морфема, необходимая для сложного слова.

Итак, мы видели, что стремление приравнять определенный способ образования новых слов к определенной морфологической категории основ может повести к смешению сложных и аффиксальных слов.

Сложные слова также, как известно, возникают различными путями. Некоторые из них создаются по существующим в языке моделям (так называемое «истинное» или «собственное» словосложение, например: manilargo, verdinegro, guardabosque) franco-español. Другие образуются в результате цементирования двух или более знаменательных слов, превращающихся тем самым в корневые морфемы (ср. mediodía, medianoche, aguardiente). Этому типу словообразования дается традиционное название «несобственного» словосложения. Третьи возникают в итоге субстантивации предложений (например, métome-en-todo, bienmesabe). Четвертые — путем перехода одной части речи сложного морфологического состава в другую. Ср. следующие названия пород птиц: rabilargo, petirrojo, rabihorcado. Сопоставляя перечисленные слова с точки зрения морфологической классификации их основ, мы вынуждены признать, что их следует включить в единую категорию сложных слов, так как все они обладают нужными для этого признаками: наличием двух или более корневых морфем и единством грамматического оформления (цельнооформленностью). Нельзя при этом считать правильным перенос особенностей словообразовательного процесса на морфологическую характеристику слова, как это делают некоторые лингвисты, развивающие теорию Я. Гримма о собственносложных и несобственносложных словах. Ср., например, замечание Ф. Дица о том, что слова, полученные в результате сращения синтаксических групп, «объединены или сближены лишь графически» [8]. В то же время, при рассмотрении словообразовательных процессов, необходимо отмечать возможную разницу в образовании сложных слов.

Попытаемся подтвердить это положение еще и другими примерами. Рассмотрим строение следующего ряда сложных прилагательных: acaramelado, atontado, achicado, afamado, acortonado, ahombrado, amulatado, anacarado. Очевидная однотипность структуры этих прилагательных не препятствует различию в источнике их возникновения: первые пять при-

---

[7] См.: В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков). Сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 114. См. также «Современный русский язык. Морфология». Изд-во МГУ, 1952, стр. 45.

[8] F. Diez. Grammatik der Romanischen Sprachen, Zweiter Theil. Bonn, 1858, стр. 382.

лагательных представляют собой адъективированные причастия глаголов acaramelar, atontar, achicar, afamar, acortonar; остальные являются парасинтетическими образованиями от именных основ. Этот пример также иллюстрирует независимость структуры слова от вида словообразовательного процесса.

До сих пор речь шла о том, что слова разного способа образования могут обладать однотипной структурой. Возможно и обратное явление: разнородными в морфологическом отношении бывают основы слов одного способа образования.

Очевидно, например, что соединение глагола или имени с предлогом по характеру словообразования должно быть объединено с другими случаями лексикализации и слияния синтаксических групп [9]. Полученные таким путем слова не всегда бывают одинаковыми по своему морфологическому строению: сложные, если соединяются два или более знаменательных слова, переходящих в корневые морфемы; аффиксальные, если сливается полнозначное слово со служебным.

Сформулированное положение особенно наглядно подтверждается при рассмотрении слов, возникших путем так называемой несобственной деривации. Разнородными по строению своих основ оказываются, например, существительные, возникшие путем субстантивации прилагательных. Ср.: el chico, el mozo, el madrileño, el combatiente, la colilarga. Точно так же субстантивация предложений ведет к образованию слов различного морфемного состава. Так, hazmerreír, correveidile являются по своей структуре сложными словами, чего нельзя сказать о субстантивированных односоставных предложениях, например: el pagaré, el acabóse, el recibí, el vendí.

Итак, мы могли убедиться, что определенный тип словообразования может вести к возникновению в языке слов, резко отличающихся друг от друга морфологическим строением своих основ. Поэтому вряд ли при структурной классификации слов можно одновременно учитывать и способ их образования, и их состав, как нередко формулируется в грамматиках [10]. Понятно, что это положение в первую очередь относится к синтаксическим приемам словообразования, таким, как сращение, а также различные переходы одних частей речи в другие. Но оно применимо, хотя и в меньшей степени, к морфологическим типам словообразования, т. е. к деривации и словосложению.

Известно, что аффиксы легко присоединяются не только к простым и сложным основам слов, но и к свободным и устойчивым словосочетаниям [11]. В зависимости от характера словообразующей основы меняется и качество получаемого слова: оно может быть аффиксальным или сложнопроизводным (правильнее было бы сказать, сложно-аффиксальным). Ср. такие слова, как vejez, cuentista finalista, ropería, manero и ropaviejero, cuentacorrentista, causafinalista, guardarropería, bajamanero.

Словосложение, в свою очередь, также дает языку не только сложные, но и сложно-производные слова, если слагаются аффиксальные основы. Ср. pancirrelleno, barbiponiente, а также следующие образования, взятые нами из стихотворений Р. Альберти: ojipelambrudo, perniculembrudo, cornicapricudo. При морфологическом разложении таких слов, разумеется, следует учитывать, что аффиксальный элемент семантически связан не со всей сложной основой, а лишь с одной из входящих в ее состав корневых морфем.

---

[9] Ф. де Соссюр называл этот процесс агглютинацией, противопоставляя его аналогии. — См. «Курс общей лингвистики». М., 1933, стр. 162—164.

[10] См., например: J. Hernández. Указ. соч., стр. 27.

[11] Любопытные примеры присоединения суффиксов к синтаксическим группам во французском языке можно найти в статье: E. Pichon. Attache d'un suffixe a un complexe. «Le français moderne», 1940, № 1, стр. 27—36.

Следовательно, хотя между способом образования слова и морфологическим составом его основы имеется определенная зависимость, особенности различных приемов словообразования не могут прямолинейно отождествляться со структурными особенностями основы слова. Невозможно, таким образом, ставить знак равенства между этими, принадлежащими разным аспектам языка, явлениями.

2

Если неправомерно отождествлять способ образования слова с его морфологическим строением, то, естественно, не могут быть приведены к одному знаменателю принципы морфологического[12] и словообразовательного[13] анализа. Разница между тем и другим ясна уже при первом ознакомлении с вопросом. Анализ морфологии слова предполагает выделение всех входящих в его состав значимых единиц, независимо от их функциональной нагрузки, в том числе и элементов словоизменения. Так, рассматривая структуру глагола в форме имперфекта (например, venía или obraba), мы выделим прежде всего его основу (*ven-*, *obr-*), затем суффикс имперфекта (*-í-*, *-ab-*) и, наконец, флексию (*-a*, *-a*)[14]. Напротив, выделение грамматических формативов обычно не входит в задачи словообразовательного анализа.

Итак, можно и нужно производить морфологическое расчленение не только слова, но и парадигматической формы слова. Между тем в центре словообразовательного анализа стоит слово как определенная лексическая единица. Поэтому грамматические форманты приобретают для него значение лишь в случае, если они получают лексическую нагрузку или словообразовательную функцию. Ср. показатели времени, лица и числа в таких словах, как el recibí, el pagaré; ср. также элемент множественности в «императивных» сложных словах (например: rascacielos, salvavidas) или показатели категорий рода и числа внутри наречий типа a sabiendas, a hurtadillas, a pie juntillas.

Разбирая морфологию основы, мы также выделяем все входящие в нее значимые части. Например, в слове intolerable можно вычленить отрицательный префикс *in-*, семантически связанный со всем последующим комплексом, корень *-toler-* и суффикс прилагательных со значением модальной пассивности *-able*. Словообразовательный анализ данного слова должен, по-видимому, ограничиться отделением префикса *in-* от производящей основы *-tolerable*.

Любопытно сравнить между собой такие прилагательные, как intolerable, inexcusable, irresistible и другие, со словами типа incansable, imperdible и некоторыми другими, бесприставочные формы которых практически не употребляются в испанском языке. Хотя морфологическая структура таких прилагательных полностью совпадает, их анализ в плане словообразования должен быть осуществлен поразному. Intolerable, inexcusable, irresistible и прочие являются приставочными производными от прилагательных tolerable, excusable, resistible. Между тем incansable, imperdible, по сути дела, образованы путем суффиксально-префиксальной деривации от основы глагола: in-cans-able, im-perd-ible.

---

[12] Под морфологическим анализом слова мы имеем в виду только разложение слова на значимые составные элементы, т. е. точнее — морфемный анализ слова.

[13] В испанских грамматиках разложение слова на морфемы принято включать в этимологический анализ.

[14] Это, конечно, никак не отразится на общей структурно-морфологической оценке данных слов, являющихся корневыми словами, поскольку неделима их основа.

Из сказанного вытекает, что основные единицы словообразовательного и морфологического анализа не тождественны. При рассмотрении морфемного состава слова в нем прежде всего выделяется основа (тема словоизменения) путем отсечения от нее грамматических формантов (например, показателя инфинитива *-ar* в глаголе recobr-ar). Следующим этапом морфологического анализа является выделение корня внутри основы, если последняя разложима (re-cobr-ar). Между тем как для выявления словообразовательной структуры слова необходимо прежде всего определить производящую основу и те компоненты, при помощи которых непосредственно создано анализируемое слово (re-cobrar). Главным элементом, получаемым в результате словообразовательного анализа, является, следовательно, *производящая основа*. В зависимости от характера словообразовательного процесса может колебаться и облик производящей основы. В рамках, например, префиксации последняя обычно представляет собой грамматически оформленное слово (ср.: re-cobrar, re-hacer, des-ligar, ex-presidente); тогда как при рассмотрении отыменных глаголов выясняется, что показатель глагольности *-ar* не входит в состав производящей основы, которая оказывается грамматически неоформленной, ср.: a-braz-ar, a-cort-ar, en-caj-ar. То же может быть отнесено к любому типу суффиксации. Ср.: bello — bel-dad, aceptar — acept-able. При так называемой конверсии функция флексии должна быть, по-видимому, в плане словообразования приравнена к функции аффикса, хотя в морфологическом отношении конвертированное слово не является аффиксальным.

Чтобы более наглядно показать разницу в принципах словообразовательного и морфологического анализов, приведем один пример из русского языка. Существительные типа *проход*, *подвоз* и другие образованы от глаголов *проходить*, *подвозить* путем выключения из их состава глагольных показателей. При морфологической классификации основ этих слов приходится, однако, считаться с тем фактом, что они состоят из приставок *про-*, *под-*, сохраняющих в полной мере свою семантическую (хотя и не словообразующую) нагрузку, и корней *-ход*, *-воз*. Следовательно, если подойти к характеристике данных слов с точки зрения их отношения к предмету мысли, то окажется, что в их структуре определенным образом отражена сущность обозначаемого понятия, называемого этими словами не прямо, а опосредствованно [15]. Иначе говоря, основы этих слов являются мотивированными, причем мотивировка их значения выражена не только смысловой (как у вторичных значений полисемантических слов), но и материальной структурой. Поэтому с морфологической точки зрения такие слова, как *проход*, *подвоз*, *проезд*, *принос* и другие, должны быть признаны делимыми, разложимыми. По строению основ их следует считать аффиксальными образованиями. В этом смысле трудно согласиться с Н. М. Шанским, относящим их к числу безаффиксальных слов [16]. С другой стороны, — и в этом отношении Н. М. Шанский совершенно прав, — нельзя упускать из виду, что приведенные выше существительные возникли не путем прибавления приставок к производящим основам, а путем выделения основы из состава производного глагола с чередованием конечных согласных: мягкой в производящей основе и твердой — в производной. Следовательно, данные слова не могут разлагаться на производящие основы и словообразующие элементы (префиксы). Этой разницы между морфологическим и

---

[15] Такова точка зрения на производные основы Г. О. Винокура, изложенная им в «Заметках по русскому словообразованию» («Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1946, т. V, вып. 4, стр. 316).

[16] Н. М. Шанский. Основы словообразовательного анализа. М., Учпедгиз, 1953, стр. 13.

словообразовательным методоми анализа, основанной на разделении семантической и функциональной роли аффиксов, не показывает Н. М. Шанский в своей интересной и практически полезной работе. Вообще говоря, даже сами термины «морфологический» и «словообразовательный» анализ слова нередко употребляются в лингвистической литературе недифференцированно.

Приведем теперь еще одну иллюстрацию выставленного положения на материале испанского языка. Сравним для этого следующие однотипные прилагательные, несомненно образующие в сознании говорящих единый ряд: desapercibido, desamigado, descamisado, descarnado, descabezado, desdichado. Совпадение морфологии этих слов оказывается вполне совместимым с различием в их словообразовательной структуре. Desapercibido возникло путем присоединения приставки *des-* к прилагательному apercibido. Словообразовательный анализ этого слова выразится поэтому в формуле des+apercibido. Прилагательные descarnado, descabezado являются адъективированными причастиями от глаголов descarnar, descabezar, с которыми они и соотносятся в системе словообразования. Поэтому словообразовательный анализ этих слов не должен состоять в их расчленении на элементы. Прилагательные desdichado, desamigado, descamisado, напротив, не связаны в лексической системе языка ни с глаголами, ни с бесприставочными прилагательными. Они возникли путем суффиксально-префиксального словообразования от именных основ: des+dich+ado, des+amig+ado, des+camis+ado. Более того, слово descabezado должно быть по-разному проанализировано в зависимости от своего значения. Descabezado 'обезглавленный' является причастием от глагола descabezar 'обезглавить', с которым оно семантически связано. Между тем как descabezado 'безмозглый' осмысляется как парасинтетическое образование от именной основы (des+cabez+ado). Итак, при морфологическом анализе слова выделение формативов осуществляется путем сопоставления аналогичных образований. Так, элемент *des-* во всех приводимых словах может быть выделен вследствие существования рядов desconocer, desconfiar, desheredar, desdentado, descontento, desconsolado, desgana, desgracia, desgobierno и т. д., состоящих из слов, в которых *des-* имеет отрицательное или привативное значение. При словообразовательном анализе для отделения аффиксов от производящей основы приходится учитывать преимущественно связи и соотношения внутри определенного гнезда слов, объединенных общностью корня. Например, descarn*ado* соотносится с глаголом descarnar, *des*apercibido с прилагательным apercibido, а desdichado с существительным dicha.

3

Смешение некоторых категорий образования слов и структурной классификации основ приводит к расплывчатости семантических границ ряда терминов. Так, например, термином а ф ф и к с а л ь н о е может быть названо слово, полученное в результате соединения производящей основы с определенным аффиксом. Тот же термин вполне применим к слову в состав которого входят суффиксы и приставки, если даже оно непосредственно и не было образовано путем присоединения к основе этих элементов. Очень различным является также толкование п р о и з в о д н о й основы, что связывается отчасти и с разным объемом понятия словопроизводства (деривации) у разных лингвистов [17]. Рассмотрим наиболее распространен-

[17] Чтобы показать амплитуду колебания в понимании этого термина, заметим лишь, что, например, в одной из работ конца прошлого века словопроизводством называется «научное объяснение образования слов», противопоставляемое словообразованию как реальному языковому процессу. — См.: Е. Л и н н и к. Образование слов в языке и задачи словопроизводства. «Филологические записки», 1887, вып. 1.

ные определения производной основы (слова). Большинство грамматистов называет производным слово, полученное в процессе деривации. Такая формулировка опирается на выделение словообразовательного момента при характеристике производных слов. Она оставляет, однако, неуточненным вопрос о классификации слов, не образованных непосредственно путем прибавления аффиксов, но включающих их в свой состав. И. И. Срезневский считал возможным относить к производным словам образования, возникшие из разного рода стойких выражений, включающих два или более слова (ср. *ветрогонничать*, *добросердечный*, *многолюдность* и пр.)[18]. Для И. И. Срезневского при характеристике данных образований также важнее был процесс их создания в языке, сближаемый им со словопроизводством, нежели их морфологический состав.

При более расширенном понимании словопроизводства основным признаком производного слова считается его вторичный характер, его возникновение от какого-либо другого слова языка, независимо от морфологической структуры создаваемого слова. Эта точка зрения, также опирающаяся на словообразовательный подход к классификации слов, характерна, например, для испанской лингвистической литературы [19]. Она восходит к определению производного слова, данному А. Небриха, автором первой грамматики испанского языка, вышедшей в 1492 г. «Derivado nombre es aquel que se saca de otro primero y más antiguo»[20]. «Производным является такое имя, которое выводится из другого первичного и более древнего», — писал Небриха. Однако испанисты весьма по-разному толкуют это определение, принадлежащее основоположнику испанской грамматической традиции. Так, в «Грамматике испанского языка» А. Бельо следующим образом раскрывается специфика производных слов: «Производными называются слова, образованные от других слов нашего языка путем изменения окончания, как это обычно происходит, или с сохранением прежнего окончания, но при условии наличия в слове нового понятия»[21]. С этой точки зрения производными оказываются и наречия, возникшие путем адвербиализации существительных, например, mañana 'завтра' от la mañana 'утро'. В сравнительно недавно вышедшем «Словаре филологических терминов» Ф. Ласаро-Карретера производным считается слово, образованное путем прибавления к основе суффиксов, замены одних суффиксов другими или исключения их из состава слова [22]. Своеобразие понимания производного слова испанскими лингвистами зависит отчасти и от особенностей трактовке ими других грамматических категорий, относящихся к структуре слова. Так, во многих испанских грамматиках под суффиксом подразумевается всякая морфема, стоящая после корня, в том числе тематическая гласная и флексия [23]. С этой точки зрения производным ока-

---

[18] См.: И. И. Срезневский. Замечания об образовании слов из выражений. Сб. ОРЯС, т. X, 1873, стр. LXXV.

[19] Среди советских языковедов аналогичных взглядов придерживается М. Д. Степанова, считающая конвертированные слова особым типом производных образований, даже если речь идет о корневых словах (ср. das Leben, das Gut). См.: «Словообразование современного немецкого языка». М., 1953, стр. 58.

О характере слов, образованных по конверсии, см.: А. И. Смирницкий. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке. «Иностранные языки в школе», 1953, № 5, стр. 25—26.

[20] A. Nebrija. Gramática de la lengua castellana. Oxford, University Press, 1926, стр. 78.

[21] A. Bello-R. Cuervo. Gramática de la lengua castellana. Buenos Aires, 1949, стр. 50. — Отметим попутно, что приставочные образования считаются в испанских грамматиках сложными, а не производными словами, поэтому А. Бельо и пишет при определении последних только об изменении окончания.

[22] F. Lázaro Carreter. Diccionario de términos filológicos. Madrid, 1953, стр 106—107.

[23] J. Hernández. Указ. соч., стр. 25.

зывается слово, не включающее в свой состав никаких элементов словообразования; например, производным считается любой глагол с неразложимой основой (ср. comer, beber, andar).

П. Ф. Монлау в статье «Основы этимологии», предпосланной им к своему «Этимологическому словарю испанского языка» называет суффиксом элемент, прибавляемый к корню, для того чтобы создать первичное образование (el primitivo). Вследствие этого, слова, состоящие из основы и словообразующего суффикса, рассматриваются Монлау как первичные, первообразные (de primera formación)[24]. Такое определение первичных слов стирает структурную разницу между производными и непроизводными основами.

Хотя нами были приведены весьма неполные данные, но и они убеждают в том, что среди испанских грамматистов нет единства в трактовке производного слова, несмотря на общность исходных позиций в этом вопросе.

Мы остановились на определениях производного слова, данных под углом зрения словообразования. Но существует еще и морфологический подход к выяснению сущности этой категории. Так, А. М. Пешковский считал производными основы, «способные распадаться на новую основу и формальную часть»[25]. Это определение исходит из морфологического признака основы. Оно, поэтому, вполне применимо к любому слову, делимому на корень и словообразующие аффиксы, независимо от того, каким путем оно возникло в языке. Г. О. Винокур подходит к характеристике производных основ также с морфологической точки зрения. Однако последняя получает у него иное, психологическое обоснование. Г. О. Винокур обращает внимание преимущественно на отношение слова к предмету мысли: прямая связь этих категорий осуществляется непроизводными, первичными основами, в то время как производные основы, будучи мотивированными в своем значении, выражают опосредствованную связь с обозначаемым понятием[26].

Излишний психологизм в определении производных основ таит, как нам кажется, опасность отрыва от структурного, материального признака. Ведь условию мотивированности могут отвечать также слова и отдельные значения слов, полученные в результате развития полисемии. В этом смысле термин «производное» применим не только к слову, но и к отдельному значению слова. И в самом деле, он нередко используется для характеристики вторичных, переносных значений слова. Так, например, П. Ф. Монлау в цитированной уже статье писал: «Когда слово имеет несколько значений, этимологией будет, как правило, собственное и первичное значение; остальные значения являются «производными», т. е. фигуральными или переносными»[27]. Такое понимание производности лежит полностью в области семантики.

Приведенный материал убеждает, что существуют весьма различные определения понятия производного слова. Согласно мнению одних лингвистов главным признаком производного слова является членимость его основы на морфемы. Другие языковеды не считают это условие необходимым. Для них более существенен вторичный характер слова. Третьи полагают, что членимыми могут быть основы не только производных, но и первичных слов. О некоторых причинах различного понимания производности

---

[24] P. F. Monlau. Diccionario etimológico de la lengua castellana. Buenos Aires, 1944, стр. 39.

[25] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, стр. 17.

[26] См.: Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1946, т. V, вып. 4, стр. 316.

[27] P. F. Monlau. Diccionario etimológico, стр. 41.

слова нам уже приходилось говорить выше. Сейчас укажем еще на одно обстоятельство, играющее в этом вопросе некоторую роль. Дело в том, что одни лингвисты применяют этот термин к о с н о в е слова, другие же ученые, оценивающие слово с точки зрения его образования, — ко в с е м у слову. Указанное обстоятельство обусловлено отчасти недифференцированным отношением к слово- и основообразованию [28]. Эти категории, на наш взгляд, особенно важно различать при изучении языков с развитой конверсией [29].

Столь же неясны семантические контуры термина «сложное слово». Последний применим к слову, включающему в свой состав две или более корневых морфемы, независимо от способа его образования. Тот же термин используется для обозначения слов, созданных при помощи определенного приема словообразования, называемого словосложением или основосложением [30]. В целях дифференциации сложные слова, возникшие синтаксическим путем, называют иногда «сращениями». В германистике их именуют «сдвигами» (Zusammenrückungen). Термин «сращение» (Zusammenbildung) получил в германской филологии совсем другое значение: он применяется для характеристики слов, возникших при взаимодействии двух приемов словообразования, например словосложения, и аффиксации или словосложения и субстантивации. Термину «сращение», используемому в германской лингвистической традиции, отчасти соответствует содержание термина «парасинтез», которым в романистике обозначают смешанные приемы словообразования (суффиксально-префиксальный тип, а также создание сложно-производных слов). Термин «парасинтетическое», вследствие этого, применяется как к сложно-производному, так и к суффиксально-префиксальному слову, что не совсем точно [31].

Даже понятие «простого» слова не находит однозначного толкования в лингвистической литературе. В большинстве грамматик называют этим термином все слова, не являющиеся по своему составу сложными (т. е. дву- или многокорневыми), включая и аффиксальные образования [32]. Другие лингвисты считают «простыми» неразложимые, монолитные основы слов, употребляя, таким образом, этот термин в значении к о р н е в о г о, н е п р о и з в о д н о г о слова [33].

---

[28] Разница между слово- и основопроизводством отчасти учтена в определении производного слова, данном В. А. Богородицким: «Если... основа получается путем прибавления суффиксов или префиксов, то соответствующие слова называются *производными*». — См. его «Общий курс русской грамматики». Изд. 4. Казань, 1913, стр. 136.

[29] См.: К. А. Л е в к о в с к а я. Лексикология немецкого языка. М., Учпедгиз, 1956, стр. 186.

[30] Например, Ф. де-Соссюр считал возможным относить термин «сложное» (composé) только к такого рода образованиям (см. его «Курс общей лингвистики», стр. 164).

[31] Вряд ли стоит подробно останавливаться здесь на теории сложного слова, принадлежащей П. С. Попову (см. его статью: «Понятие слова в свете марксистского учения о непосредственной связи языка и мышления». «Вестник МГУ», 1954, № 4). П. С. Попов полагает, что такие слова, как *столик*, *сынишка* являются логически сложными, поскольку в их составе, по мнению автора, выделяются простые *сын*, *стол* (стр. 79). Любопытно, что автор считает невозможным разложить на самостоятельные слова сложное существительное *пылесос*, хотя именно в нем, если встать на точку зрения автора, выделимо простое слово *пыл'* (с мягким *л*), чего никак нельзя сказать о приведенных выше примерах. Таким образом, П. С. Попов не проводит в своем исследовании элементарного различия между написанием и звуковым составом слова. (См. справедливую критику этого положения в статье: О. С. А х м а н о в а. Еще к вопросу о слове как основной единице языка). «Вестник МГУ», 1955, № 1.

[32] См., например: А. М. Ф и н к е л ь, Н. М. Б а ж е н о в. Современный русский литературный язык. Киев, 1954, стр. 159.

[33] См.: К. А. Л е в к о в с к а я. Словообразование. Изд-во МГУ, 1954, стр. 23.

Не будем далее излагать то содержание, которое вкладывают различные лингвисты в используемую ими терминологию. Приведенных примеров довольно, чтобы показать отсутствие терминологического единства как в описательных грамматиках, так и в специальных лингвистических работах. Это обстоятельство, в кругу рассмотренных выше понятий, обусловлено прежде всего перекрестной трактовкой ряда категорий либо с точки зрения образования слова, либо с позиций структурно-морфологической классификации основ, отчасти разным наполнением того или иного термина в одном из указанных планов, отчасти различиями лингвистических традиций при изучении разных групп языков.

4

Попытаемся теперь показать, что отсутствие ясных границ между вопросами морфологической классификации основ и проблемами словообразования неблагоприятно отражается на построении нормативных грамматик испанского языка. Остановимся на двух из них: «Испанской академической грамматике»[34] и «Грамматике испанского языка» А. Бельо[35], поскольку огромное большинство остальных грамматик лишь варьирует трактовку материала, данную в указанных работах.

В «Испанской академической грамматике» нет раздела о морфологическом членении слова и структурных типах основ. Зато в нее включена глава о словообразовании (глава IX, стр. 129—151), в которой рассматриваются три основных способа создания новых слов: деривация, композиция и парасинтез. Авторы грамматики, казалось бы, исходят в подаче материала из характера словообразовательного процесса. Они предупреждают например, что не следует смешивать парасинтетические образования (desalmado) с производными от составных основ (antepechado) (см. стр. 129, § 177). С другой стороны, в разделе о словосложении принципы описания несколько смещаются. Авторы дают определение сложного слова уже не с точки зрения способа его образования, а исходя из его морфологической характеристики: наличия в его составе двух графически объединенных слов, которые выражают две самостоятельные идеи и в своей совокупности обозначают одно новое понятие. Безразличие к тому, по каким законам языка объединены в одно сложное целое самостоятельные слова, определяет и включение в категорию сложных слов производных от составных основ, например глагола vanagloriarse, образованного от существительного vanagloria. В разделе «Композиция» анализируются все сложные слова, как созданные по действующим моделям словосложения, так и отдельные сращения, возникшие в результате семантической изоляции словосочетаний. Ср. mediodía, salvoconducto, vinagre, cualquiera. В этом же разделе рассматриваются субстантивированные предложения (ср. bienmesabe), а также словосочетания типа ojo de buey, pata de gallo, называемые в «Грамматике» неполносложными словами.

Итак, в параграфе, посвященном словосложению, авторы как бы меняют свой подход к анализу материала и, оставляя в стороне вопрос о типах словосложения, рассматривают морфологический состав сложных слов, заостряя свое внимание на том, какие части речи входят в структуру сложного слова, насколько тесно слиты компоненты последнего, на который из них падает основное ударение и пр.

В «Грамматике испанского языка» А. Бельо, напротив, мы не находим специальной главы о словообразовании, но в ней имеется раздел о классификации слов с точки зрения их строения и происхождения (см. главу III,

---

34 [Real Academia española]. Gramática de la lengua española. Madrid, 1931.

35 A. Bello. R. Cuervo. Grámatica de la lengua castellana. Buenos Aires, 1949.

стр. 50—53). Все слова разделяются на четыре перекрещивающиеся между собой группы: первичные и производные, простые и сложные. В «Грамматике» А. Бельо нет описания имеющихся в испанском языке средств словообразования, а есть лишь указание на разницу в структуре и происхождении уже готовых слов. Невнимание к словообразовательной функции того или иного элемента заставляет А. Бельо включить в категорию сложных слов наречия с суффиксом *-mente*.

5

Изложенные выше соображения, по-видимому, позволяют сделать следующий вывод. В описательную грамматику целесообразно включать два самостоятельных раздела: раздел о структурно-морфологическом анализе слова и раздел об имеющихся в языке средствах словообразования.

В первом из этих разделов следует рассматривать основы морфологического членения слова, а также принципы классификации слов согласно строению их основ. Под морфологической классификацией основ имеется в виду их деление на составные (сложные), аффиксальные (префиксальные, инфиксальные, суффиксальные и смешанные), сложно-аффиксальные и корневые (простые, нечленимые). Как можно было заметить, типы основ выделены по признаку их морфемного состава. Однако эта внешняя, материальная особенность строения темы отражает семантические связи слова как по линии общности корней, так и в плане тождества аффиксальных элементов. Это взаимодействие оказывается весьма существенным с точки зрения осмысления семантической организации слова. Специфика морфемного состава основ выражает также определенный тип отношения слова к обозначаемому понятию, указывая на своеобразие построения слова в этом смысле. С точки зрения морфологического анализа важна, следовательно, не функциональная (словообразующая) значимость форматива, не его реальное участие в образовании того или иного слова, а его семантическая нагрузка, влияющая на осмысление внутренней структуры слова. Классификация основ, таким образом, опирается на три неразрывно связанных между собой признака: структурный, семантический и психологический.

Думается, что термины, применяемые для обозначения структурно-морфологических типов основ, должны быть иными, чем термины, используемые для характеристики различных словообразовательных процессов, в том числе и грамматизованных приемов словообразования. Предупредим, что отобранные нами для этой цели термины (см. выше) употреблены здесь условно.

Различные способы образования слов в языке желательно описывать в отдельных главах, используя для их обозначения самостоятельную терминологию. В этой связи обычно возникает вопрос о том, какие типы словообразования подлежат описанию в грамматике [36]. Ответим на этот вопрос в самом общем виде.

Грамматическими обычно считают лишь те типы словообразования, которые основаны на аналогии. В языках с развитыми морфологическими формами, к числу которых принадлежит и испанский, такие приемы словообразования базируются, преимущественно, на использовании морфологических средств языка [37].

---

[36] Речь идет о «грамматике» в узком смысле этого слова.

[37] Испанские грамматики в целом соблюдают указанную норму описания словообразовательных приемов. Возражения вызывают только два пункта: 1) отнесение префиксации к словосложению, 2) включение в раздел о словосложении разного рода сращений.

Вопрос об отграничении грамматических типов образования новых слов от неграмматических затронут в рамках данной статьи только постольку, поскольку он выясняет еще один признак, дифференцирующий морфологический и словообразовательный анализы слова с точки зрения их отношения к грамматике. Структурная классификация основ должна по сути дела охватывать все слова данного языка независимо от способа их образования, в том числе сращения, субстантивированные предложения, заимствования. Поэтому в разделе описательной грамматики, посвященном вопросу морфологии слова, могут фигурировать любые слова данного языка. В главе о словообразовании описываются не все пути создания в языке новых слов, а лишь основанные не грамматических средствах языка. Следовательно, словарный материал, могущий служить иллюстрацией в этом разделе грамматики, должен быть соответственно ограничен.

IV. ВОПРОСЫ ПРОСТОГО И СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЙ

М. Ш. ШИРАЛИЕВ

ПРОБЛЕМА СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Детальное изучение материалов общенародного разговорного языка, а также материалов всех жанров литературного языка показало, что в азербайджанском языке в отличие от других тюркских языков богато представлены союзные связи в сложноподчиненных предложениях. Это дает полное право не считать причастные и деепричастные обороты придаточными предложениями, так как наряду с простым предложением, содержащим причастные и деепричастные обороты, имеются сложноподчиненные предложения, в состав которых входят придаточное и главное предложения, связанные между собой подчинительным союзом.

Например:

Сложноподчиненные предложения	Простые предложения
Һамыныза мә'лумдур ки, Зәки йолдашын тәшәббүсү илә Абшерон ярым адасында бир нефт ятағы ачылыбдыр (М. Сулейманов) 'Вам всем известно, что в связи с инициативой тов. Зеки на Апшеронском полуострове открыты новые нефтяные залежи'.	*Зәки йолдашын тәшәббүсү илә Абшерон ярым адасында бир нефт ятағынын ачылмасы һамыныза мә'лумдур.*
Ким ки мә'тәл галыр, о сизә мүрачиәт эдир (М. Сулейманов) 'Кто нуждается, тот к Вам обращается'.	*Мә'тәл галанлар сизә мүрачиәт эдир.*
Нә гәдәр ки гардашлығымыз яшайыр, бүтүн арзуларымыза чатачағыг (М. Ибрагимов) 'До тех пор пока существуют наши товарищеские отношения, мы будем достигать своей цели'.	*Гардашлыгымыз яшадыгча бүтүн арзуларымыза чатачағыг,*
Элә ки Фирудин гапынын зәнҝини басды, Арам өзү һай верди (М. Ибрагимов) 'Как только Фирудин нажал кнопку звонка, Арам сам откликнулся'.	*Фирудин гапынын зәнҝини басдыгда Арам өзү һай верди.*

О күн ки аләмә яйылды шө'лән дағлар өз донуну лаләдән бичди (С. Вургун) 'В тот день, когда твои лучи озарили мир, горы покрылись маками'.	*Шө'лән аләмә яйыланда дағлар өз донуну лаләдән бичди.*
О ердә ки дүзлүк вар, орада горху олмаз (С. Рахимов) 'Там, где есть честность, там нечего опасаться'.	*Дүзлүк олан ердә горху олмаз.*
Мадам ки трест мәнә тапшырылыб, бурада мәс'ул мәнәм (М. Сулейманов) 'Поскольку трест поручен мне, здесь за все отвечаю я'.	*Трест мәнә тапшырылдығы үчүн аурада мәс'ул мәнәм.*

Но несмотря на все факты, подтверждающие, что в азербайджанском языке ясно разграничены признаки придаточных предложений и причастных и деепричастных оборотов, до настоящего времени некоторые тюркологи придерживаются мнения, что причастные и деепричастные обороты с самостоятельными подлежащими являются придаточными предложениями. Такое простое предложение, как *Мән дә сиз алан норманы алырам* 'И я получаю норму, которую вы получаете', считается сложноподчиненным, где причастный оборот *сиз алан* отождествляется с придаточными предложениями. Причастный оборот *сиз алан* никак нельзя считать придаточным предложением, во-первых, потому, что здесь нет относительно законченной мысли, присущей придаточным предложениям, во-вторых, сказуемое не выражено личной формой глагола, наконец здесь отсутствуют такие обязательные условия, как согласование между подлежащим и сказуемым (*алан* относится ко всем лицам), отсутствуют средства связи (союзы, интонация и т. д.) между главным и придаточным предложениями.

Вышеуказанному примеру, т. е. простому предложению с причастным оборотом, может соответствовать сложноподчиненное предложение, как, например: *О норманы ки сиз алырсыныз, мән дә алырам.*

В азербайджанском языке, где богато представлена союзная связь, наличие самостоятельного подлежащего в оборотах не может служить основным признаком определения придаточного предложения. Таким признаком может быть только наличие сказуемого, выраженного личной формой глагола.

Следует отметить, что слово, стоящее в именительном падеже в причастных оборотах и относящееся к причастию, нельзя считать подлежащим. Здесь нет в буквальном значении подлежащего, так как оно не находит своего отражения в сказуемом; здесь имеется лишь первая часть определительного словосочетания, где родительный падеж в современном азербайджанском языке выпал и не употребляется. Такое явление присуще не только азербайджанскому языку, но встречается и в других тюркских языках. Ср., например, в каракалпакском языке: *биз ауылға баруымыс керек* 'мы должны идти в деревню (вместо прежней формы *биздинг ауылға баруымыс керек*)[1]. Таким образом, причастные обороты типа *мәним охудуғум вахт* и *мән охудуғум вахт* обозначают одно и то же, т. е. 'время, когда я читал'. Поэтому в этих оборотах как слово *мәним*, так и слово *мән* не могут быть подлежащими.

---

[1] Н. А. Баскаков. Развитие языков и письменности народов СССР. «Вопросы языкознания», 1952, № 3, стр. 36.

Для правильного уточнения признаков азербайджанского придаточного предложения, а также для установления научно-обоснованных принципов их классификации необходимо осветить пути развития азербайджанского придаточного предложения и уяснить современное состояние этих предложений.

В развитии придаточных предложений в азербайджанском языке намечается два пути.

Первым путем является первоначальное соединение двух простых предложений на базе сочинения, при этом одно из них в связи с дальнейшим совершенствованием грамматического строя языка и развитием подчинительных союзов постепенно становится подчиненным, поясняя одно слово или группу слов главного или все главное предложение в целом. Нам кажется, что основным путем в развитии придаточных предложений в азербайджанском языке является именно этот путь, что подтверждается материалами письменных памятников азербайджанского языка, начиная с XIII в.

Вторым путем развития придаточных предложений является развитие изнутри простого предложения через обороты. Этот путь не является в азербайджанском языке ведущим, так как обороты не могут быть здесь придаточными предложениями, а в силу того, что в азербайджанском языке богато представлена союзная связь, средствами связи между придаточным и главным предложениями являются не причастия и деепричастия, а союзы и союзные слова, причем сказуемое придаточных предложений выражено личной глагольной формой.

Переходя к описанию современного состояния сложноподчиненных предложений в азербайджанском языке, необходимо остановиться на вопросе о средствах связи, соединяющих придаточное предложение с главным. Такими средствами связи являются прежде всего союзы, союзные слова и аффикс условной формы. Для азербайджанского языка важнейшим средством связи и основным показателем синтаксических отношений между придаточным и главным предложением являются подчинительные союзы *ки* 'что'; *ҝуя* 'будто', 'будто бы', 'как будто'; *әҝәр* 'если'; *һәрчәнд* 'хотя', 'несмотря'; *elә бил* 'как будто'. Основным подчинительным союзом, связывающим придаточные предложения с главным, является союз *ки*. Он встречается либо отдельно, либо в составе сложного союза, например: *ки* 'что'; *чүнки* 'потому что', 'так как', 'ибо', 'ввиду того, что'; *санки* 'будто', 'как будто', 'мол', *ҝуя ки* 'будто', 'будто бы'; *ким ки* 'кто'; *елә ки* 'как', 'как только'; *белә ки* 'так', 'так что'; *елә бил ки* 'как будто', 'точно'; *һара ки* 'куда'; *һарада ки* 'где'; *һарадан ки* 'откуда'; *нә гәдәр ки* 'сколько'; *неҹә ки* 'как'; *о ерә ки* 'куда'; *о ердә ки* 'где'; *о ердән ки* 'откуда', *онда ки* 'когда'; *о заман ки* 'когда'; *нә заман ки* 'когда'; *о ҝүн ки* 'когда'.

Союз *ки* является многозначным, так как при помощи этого союза почти все придаточные предложения (кроме условного и уступительного) связываются с главным предложением.

Для конкретизации значения союза *ки* в главном предложении употребляются соотносительные слова, большей частью указательные местоимения (например, *елә*, *белә*, *бу*, *о*). С другой стороны, союз *ки*, соединяясь со словами, имеющими значения времени или места, или с вопросительными неопределенными местоимениями, уточняет типы придаточных предложений.

Следующие сложные союзы употребляются в начале придаточных предложений: *Ким ки* 'кто'; *елә ки* 'как', 'как только', *һара ки* 'куда'; *һарада ки* 'где'; *һарадан ки* 'откуда'; *нә гәдәр ки* 'сколько'; *неҹә ки* 'раз', 'пока'; *о ерә ки* 'куда'; *о ердә ки* 'где'; *о ердан ки* 'откуда'; *онда ки*

'когда'; *о заман ки* 'когда'; *нә заман ки* 'когда'; *мадам ки* 'так как', 'раз', 'поскольку' и некоторые другие.

Сложные союзы, образовавшиеся при помощи союза *ки* и употребляющиеся в начале придаточных предложений, являются характерной чертой азербайджанского сложноподчиненного предложения. Таких конструкций, как мне известно, нет ни в одном тюркском языке. Примеры: *һарада ки сән варсан, орада ишимиз яхшы ҝедир* 'Там, где ты бываешь, там наши дела идут хорошо'; *Элә ки Меһман ҝәлди, мүстәнтиг өзү тәшвишә дүшдү* (С. Рахимов) 'Как только пришел Мехман, следователь растерялся'; *Онда ки фәсли яз олур, ҝечә, ҝүндүз тараз олур* (А. Саххат) 'Когда наступит весна, день и ночь бывают равны'; *О ердә ки ҝүнәш ҝүләр, дәниз ҝүләр, ҝөй ҝүләр, андырыр ки, о торпағын зәнҝин тәбиәти вар* 'Там, где солнце смеется, море смеется, небо смеется, все напоминает, что эта земля с богатой природой'; *Нә гәдәр ки бу гуру синәмдә нәфәсим вар, сән оху* (С. Рахимов) 'Пока я жив, ты учись'.

В азербайджанском языке, кроме союзов, связывающих составные части сложноподчиненных предложений, существуют союзные слова, которые, находясь в придаточном предложении, служат средством, связывающим его с главным предложением. При установлении типа придаточного предложения наряду с союзными словами имеет важное значение соотносительное слово в главном предложении.

Союзные слова придаточных предложений	Выполняемая функция	Соотносительные слова в главном предложении
ким 'кто'	Обозначает действующее лицо	*о* 'тот'
һара 'куда'	Обозначают место	*ора* 'туда'
һарая 'куда'	»	*орая* 'туда'
һарада 'где'	»	*орада* 'там'
һарадан 'откуда'	»	*орадан* 'откуда'
нә вахт 'когда'	Обозначают время	*о вахт, о заман, онда* 'тогда'
һа вахт 'когда'	»	
һачан 'когда'	»	
нәчә 'как'	Обозначает образ действия	*элә, элә дә, эләчә дә* 'так', 'также'
нә гәдәр 'сколько'	Обозначает меру	*о гәдәр* 'столько'

Придаточные предложения, имеющие союзное слово, кроме своего основного значения обладают еще особенностью условия, поэтому сказуемое этих придаточных предложений имеет при себе аффикс условной формы, например: *Ким Бакыны ҝөз бәбәйи тәк горуса, о мәним оғлумдур* (Х. Мехди) 'Кто оберегает Баку, как зеницу, ока, тот мой сын': *Бакыда һачан хәзри олса, онда гышдыр* (М. Сулейманов) 'Когда в Баку дует норд, тогда — зима'; *Сән неҹә ҝөстәрмисәнсә, мән дә элә йохламышам* (С. Рахимов) 'Как ты указал, я так и проверил'; *Нә гәдәр чох риск эдирсәнсә, бир огәдәр севинирсән* (И. Гасымов, Х. Сейидбайли) 'Сколько ни рискуешь, столько и радуешься'.

Для связи составных частей сложного предложения аффиксы тоже играют немаловажную роль, особенно в сложноподчиненных предложениях синтетического типа. Здесь аффикс условной формы является основным средством, связывающим придаточное предложение с главным.

Признаки придаточного предложения в азербайджанском языке могут быть следующие:

1. Придаточные предложения выражают относительно законченную мысль.

2. Глагольные сказуемые придаточных предложений обязательно должны стоять в личной глагольной форме, а именное сказуемое — иметь формы сказуемости.

3. Связывающими средствами между придаточным и главным предложением могут быть: союзы, союзные слова и суффикс условной формы.

При классификации придаточных предложений в азербайджанском языке мы придерживаемся следующих принципов:

1. Придаточные предложения в азербайджанском языке, являясь по своей синтаксической функции как бы развернутым членом главного предложения (с этой функцией связано и содержание придаточного предложения), поясняют одно слово или группу слов главного предложения или же все главное предложение в целом. Придаточные предложения как бы отражают в себе признаки членов предложения.

2. Весьма важным принципом при классификации придаточных предложений в азербайджанском языке является учет средств соединения главного предложения с придаточным (союзы, союзные слова и аффикс условной формы).

3. Немаловажное значение при классификации придаточных предложений также имеет и третий принцип, требующий учета грамматической категории главного члена, которой поясняет придаточное предложение.

Одним из признаков при определении типов придаточных предложений в азербайджанском языке является характер слияния придаточного предложения с главным. Это слияние бывает не одинаковой степени. В некоторых придаточных предложениях наблюдается менее тесная связь, в других же более тесная связь с главным предложением. По степени и средствам слияния придаточных предложений с главным, сложноподчиненные предложения можно разделить на три группы: сложноподчиненные предложения аналитического типа; сложноподчиненные предложения синтетического типа; сложноподчиненные предложения аналитико-синтетического типа.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОГО ТИПА

В сложноподчиненных предложениях аналитического типа степень связи между придаточными и главным предложением менее тесная, и поясняющая мысль, выраженная придаточными предложениями, относительно самостоятельна.

В сложноподчиненных предложениях аналитического типа связь между придаточным и главным предложением осуществляется только при помощи подчинительных союзов. Некоторые из этих союзов употребляются между придаточным и главным предложением, например: *ки* 'что'; *чүнки*, *она ҝөрә ки* 'потому что'; *санки* 'будто', 'как будто'; *ҝуя* 'как будто', *белә ки* 'так что' и т. д. Некоторые союзы употребляются и в начале придаточных предложений, например: *әҝәр* 'если'; *һәрчәнд* 'хотя'; *ким ки* 'кто'; *елә ки* 'как только'; *һарада ки* 'где'; *һарадан ки* 'откуда'; *о ердә ки* 'там, где'; *о ердән ки* 'откуда'; *о ерә ки* 'куда'; *нә заман ки* 'в то время, когда'; *онда ки* 'когда'; *о ҝүн ки* 'в тот день, когда'; *нә гәдәр ки* 'сколько'; *неҹә ки* 'как', 'как только'.

Примеры: *Сән һәмишә, дейирсән ки, ики айдан сонра ҝәләҹәк* (М. Ибрагимов) 'Ты всегда говоришь, что через два месяца [он] при-

едет; *Ҝуляз буна э'тираз этмәди, чүнки анасынын хасиййәтинә яхшы бәләд иди* (Г. Мусаев) 'Гюляз не возражала против этого, потому что хорошо знала характер своей матери'; *О ҝүн ки парлады шаһларын тачы, сән олдун бир чөрәк, бир һагг мөһтачы* (С. Вургун) 'В тот день, когда стала блестеть корона царей, ты стал нуждаться в куске хлеба и в праве'.

Приведенные примеры относятся к сложноподчиненным предложениям аналитического типа. Здесь законченная мысль выражена придаточным предложением (*ики айдан сонра ҝәләҹәк* 'через два месяца приедет'; *анасынын хасиййәтинә яхшы бәләд иди* 'хорошо знала характер своей матери'; *о ҝүн ки парлады шаһларын тачы* 'в тот день, когда стала блестеть корона царей'), относительно самостоятельным и связанным с главным предложением при помощи подчинительных союзов *ки* 'что', *чүнки* 'потому что', *о ҝүн ки* 'в тот день, когда'.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СИНТЕТИЧЕСКОГО ТИПА

Синтетический тип сложноподчиненного предложения менее распространен. Только условное и уступительное придаточное предложения являются предложениями синтетического типа.

В сложноподчиненных предложениях синтетического типа степень связи между придаточными и главным предложением более тесная. Поясняющая мысль, выраженная придаточным предложением, не самостоятельна.

В сложноподчиненных предложениях синтетического типа придаточное предложение связывается с главным обычно только посредством условного аффикса, например: *О разы олса, башгалары разы олмаз* (Ч. Чабарлы) 'Если он будет согласен, то другие не будут согласны'. Однако в конце придаточного предложения (уступительного) можно встретить и сочинительный союз *да, дә* 'хотя', придающий придаточному предложению уступительный характер, например: *Саһәр чохдан ачылмышдыса да, ҝөй һәлә дә айдын ҝөрүнмүрдү* (М. Сулейманов) 'Хотя давно настало утро, небо еще не совсем было ясным'.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ АНАЛИТИКО-СИНТЕТИЧЕСКОГО ТИПА

В сложноподчиненных предложениях аналитико-синтетического типа аналитические и синтетические особенности представлены в одинаковой мере. Сложноподчиненные предложения аналитико-синтетического типа представляют собой как бы мост для перехода от синтетического типа к аналитическому.

Придаточное в сложноподчиненном предложении аналитико-синтетического типа по сравнению с придаточным сложноподчиненного предложения аналитического типа более тесно связано с главным предложением (например, посредством аффикса условной формы). а в сравнении с придаточным сложноподчиненного предложения синтетического типа оно менее тесно связано с главным предложением, так как придаточное предложение, кроме условного аффикса, связано с главным предложением еще и посредством союзных слов.

Таким образом, основным признаком сложноподчиненных предложений аналитико-синтетического типа является то, что придаточное таких предложений связано с главным при помощи союзных слов (*ким* 'кто'; *һара* 'куда'; *һарада* 'где'; *һарадан* 'откуда'; *нә вахт, һа вахт, һачан* 'когда'; *нә гәдәр* 'сколько', *нечә* 'как' и т. д.) и аффикса условной формы, например: *Ким мәним ҝүчүмә ҝәтирирсә шәк, бу мейдан бу*

да мән ҝәлсин ҝүләшәк (С. Рустам) 'Кто сомневается в моей силе, вот эта арена, вот это я, пусть идет бороться'; *Нара ҝетсән, бир парча чөрәйин вар* (Х. Мехди) 'Куда не пойдешь, [везде] у тебя кусок хлеба есть'; *Нә вахт десән, о вахт ҝәләрәм* (там же) 'Когда скажешь, тогда и приду'; *Балтаны тахтая нә гәдәр эндирирсә, балта бир дәфә дә олсун зиндана тохунмур* (там же) 'Сколько бы он сильно ни опускал топор на доску, топор ни разу не касался наковальни'.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. При разрешении проблемы сложноподчиненного предложения в современном азербайджанском языке следует исходить не из привычных традиционных схем или рассматривать эти вопросы с точки зрения других языков, а необходимо учитывать внутренние законы развития азербайджанского языка, выявлять его специфические черты и на основе этого определять признаки и принципы классификации азербайджанских придаточных предложений.

2. При разрешении вопросов сложноподчиненного предложения, равно как и иных вопросов описательной грамматики, требуется не поверхностное, а детальное изучение всех жанров литературного языка, накопление большого фактического материала, на основе которого можно устанавливать грамматические правила.

3. Нельзя давать при разрешении вопросов сложноподчиненного предложения общие рецепты для всех тюркских языков без учета специфических сторон каждого конкретного языка.

4. Учитывая пути развития сложноподчиненного предложения, а также наличие богатой союзной связи в азербайджанском языке, нельзя отождествлять причастные и деепричастные обороты с придаточными предложениями.

5. Основным критерием при определении придаточного предложения в азербайджанском языке должно служить не самостоятельное употребление подлежащих в придаточных предложениях, а употребление сказуемого, оформленного личной глагольной или именной формой сказуемости.

6. Союзы и союзные слова в азербайджанском языке являются основными средствами связи придаточного предложения с главным.

М. А. АСКАРОВА

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Сложное предложение является наименее разработанной частью грамматики не только узбекского языка, но и других тюркских языков. В этой области самым спорным вопросом является вопрос о дифференциации, с одной стороны, придаточных предложений и, с другой, причастных и деепричастных оборотов, имеющих свое собственное подлежащее. Татарский языковед Г. Алпаров[1] выступил против утверждения французского тюрколога Ж. Дени[2] о том, что обороты, называемые Дени quasi prepositions, не являются предложениями в настоящем смысле, так как и для придаточного предложения выражение сказуемого личной формой глагола обязательно. Он считает конструкции указанного типа не оборотами, а придаточными предложениями. Для Алпарова придаточные предложения и обороты представляют собой одно явление, и он считает, что выделять их — значит искусственно раздваивать языковые факты, входящие в одну синтаксическую категорию. Ошибочность данного утверждения не требует доказательств.

Придаточные условные и уступительные предложения по своим грамматическим и интонационным особенностям легко выделяются как зависимые предложения. Однако есть отдельные конструкции, где эти признаки выражены нечетко, а иногда и совсем отсутствуют. В связи с этим существует и различное понимание таких конструкций. Так, Г. Алпаров считает их то придаточными предложениями, то «мостом или ступенью между отдельными предложениями и членом предложения». И до настоящего времени одни авторы относят предложения подобного типа к развернутым членам простого предложения, другие — к придаточным предложениям.

Дело осложняется еще одним обстоятельством: если конструкции типа *у келгач* 'когда он пришел' отличаются от настоящих, отвечающих всем требованиям придаточных предложений тем, что их сказуемое выражено деепричастием, которое не согласовано с подлежащим, то в таких конструкциях, как *у келганда* 'когда он пришел' второй элемент, обычно считаемый в учебных пособиях сказуемым, иногда в своем составе имеет притяжательный аффикс, который показывает

---

[1] Г. Алпаров. Избранные произведения (на тат. яз.). Казань, 1945, стр. 196—200.

[2] J. Deny. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921.

согласование в лице и числе с первым элементом, обычно считаемым подлежащим: *мен келганимда*, *сен келганингда*, *у келганида* и т. п. В первых двух лицах (в обоих числах) употребление этого аффикса является нормой, в третьем же лице оно факультативно (*у келганда* и *у келганида*). Присутствие данного аффикса и согласованное употребление его с первым элементом наводит на мысль о том, что первый элемент стоит в так называемом неоформленном родительном падеже и что иногда он может стоять в «оформленном» родительном падеже. Данное явление мы видим в таких конструкциях, как *мен келганимга* || *менинг келганимга*, *у келганига* || *унинг келганига* и т. п.

Учитывая это обстоятельство, А. П. Поцелуевский выдвинул теорию о потенциальном предложении. Введенный им термин «потенциальное предложение» начал употребляться и в других работах[3]. «Потенциальными предложениями, или предложениями в потенции, — пишет А. П. Поцелуевский, — обычно бывают причастные, деепричастные и глагольные обороты речи, выражающие зависимое логическое суждение»[4]. Приведем один из его примеров: *Сен мениң йыкылаҗагымы билдиң* 'Ты узнал, что я упаду'[5]. По мнению А. П. Поцелуевского, в результате дальнейшего развития конструкций этого типа получаются «предложения переходного типа», а на следующей ступени развития — настоящие сложноподчиненные предложения, где вместо родительного падежа выступает уже именительный падеж. Если А. П. Поцелуевский потенциальные предложения противопоставил настоящим придаточным предложениям, то данное явление в указанной ранее работе П. Азимова[6] квалифицируется уже иначе: потенциальное предложение является одним видом придаточных предложений, а другим видом их являются полные настоящие придаточные предложения. Кроме того, П. Азимов включил в круг потенциального предложения и другие типы, например: *Гызы институты гутаран адам гелди*[7]. 'Пришел человек, дочь которого окончила институт'; *Горкана гоша гөрүнер*[8] 'Боящемуся видится все вдвойне', которые, несомненно, являются простыми предложениями.

По нашему мнению, предложение, где участвует так называемое потенциальное предложение, не может считаться сложным, так как в нем, несмотря на то, что оно выражает зависимое суждение, нет грамматических признаков, присущих предложению (наличие конструктивного центра, выражение логического субъекта именительным падежом, необходимым для подлежащего, а не родительным и т. п.). Нет ничего необычного, если содержание сложного предложения выражается простым предложением, в составе которого имеется глагол в неличной форме, выражающий логический предикат зависимого суждения. Если же придерживаться указанной выше логической точки зрения, то все конструкции, выражающие сложную мысль, синтаксические синонимы сложного предложения, пришлось бы считать сложными предложениями. Конечно, так поступать нельзя, так как «различие между простым и сложным предложениями — структурное. Простое предложение организуется посредством единой концентрации форм выражения категорий времени, модальности и лица;

---

[3] П. Азимов. [ред.]. Краткий конспект по синтаксису современного туркменского языка (на туркм. яз.). Ашхабад, 1954.

[4] А. П. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943, стр. 59.

[5] Там же, стр. 58.

[6] П. Азимов. Указ. соч., стр. 86—100.

[7] Там же, стр. 95.

[8] Там же, стр. 96.

в сложном предложении может быть несколько органически связанных друг с другом конструктивных центров этого рода»[9].

Во взглядах тюркологов на вопрос о придаточных предложениях, как мы уже отмечали выше, отсутствует единый принцип, а иногда встречаются путаница и противоречивость. Неясность и путаница в разграничении придаточного предложения и оборотов указанных выше типов имеются и в исследованиях по казахскому языку[10]. В работах по грамматике узбекского языка в число придаточных предложений также включаются конструкции, которые являются не предложениями, а причастными и деепричастными оборотами или развернутыми членами простого предложения. Такая точка зрения существует в грамматиках и на придаточное дополнительное предложение, являющееся объектом нашего исследования, поэтому мы и вынуждены были в начале статьи коротко остановиться на вопросе о придаточном предложении вообще и на принципах установления придаточного предложения, в частности.

В узбекском языке имеется два вида придаточных дополнительных предложений, различающихся по смысловым и грамматическим особенностям.

а) Придаточное дополнительное, раскрывающее значение субстантивированного указательного местоимения, стоящего в форме винительного, дательного, местного или исходного падежей или в форме указательного местоимения с послелогом *блан* в составе главного предложения. В главном предложении это указательное местоимение является приглагольным дополнением, конкретное содержание которого раскрывается в придаточном предложении. «Таким образом, придаточным предложением непосредственно поясняется член предложения, выраженный местоимением, и через посредство его — тот член главного предложения, который выражен глаголом или именем существительным»[11], например: *Хукумат шунга асосланадики, биз Ватанимизнинг ҳавфсизлигини таъминламоқ учун совет қуролли кучларини тўхтовсиз мукаммаллаштиришимиз ва мустаҳкамлашимиз зарур* (из газеты «Қизил Ўзбекистон») 'Правительство основывается на том, что нам необходимо непрерывно совершенствовать и укреплять Советские Вооруженные Силы'; *Олий мактаблардаги машғулот ўрта мактабдаги ўқишдан шу блан фарқланадики, олий уқув юртларидаги студентлар кўпроқ мустақил равишда китоб устида ишлашга туғри келади* 'Занятия в высших учебных заведениях отличаются от средней школы тем, что студенты в высших учебных заведениях должны много работать самостоятельно над книгой'.

б) Придаточное дополнительное, служащее дополнением к сказуемому главного предложения, обозначающее содержание невыраженного в главном предложении дополнения, например: *Бир эшитдимки, у қочипти деб* (А. Каххар) 'Я слышал, что он убежал'. Придаточное дополнительное предложение связывается с главным предложением, как и многие другие придаточные предложения, либо при помощи одной интонации подчинения, либо при помощи союза, союзного слова, частицы, выступающей в функции союза, формы отдельного слова.

Когда придаточное дополнительное предложение связывается с главным предложением при помощи одной интонации подчинения,

---

[9] «Грамматика русского языка», т. II, часть первая. М., Изд.-во АН СССР, 1954, стр. 99.

[10] См. «Современный казахский язык» (на казах. яз.). Алма-Ата, 1954, и другие работы.

[11] «Грамматика русского языка», т. II, часть вторая, стр. 288.

тогда данное сложное предложение по своему строению будет похоже на сложносочиненное предложение, однако смысл и интонация ясно показывают, что тут мы имеем дело со сложноподчиненным предложением, придаточным предложением которого является дополнительное, например: *Мен биламан, сизларга ишониш мумкин* (А. Каххар) 'Я знаю, вам верить можно'; *Тўхта, билай, ўзинг қайга борасан?!* (народный сказитель Ислам-шаир) 'Стой, сообщи, куда ты едешь?'.

Другие средства связи указанных элементов сложного предложения:

1) Союз *ки*. Придаточное дополнительное с союзом *ки* служит для пояснения членов главного предложения.

В таких случаях сказуемое главного предложения выражается: глаголами *айтмоқ* 'сказать', *ўйламоқ* 'думать', *орзу қилмоқ* 'мечтать', *тасдиқламоқ* 'утверждать', *эсламоқ* 'вспоминать', *истамоқ* 'желать', *хурсанд бўлмоқ* 'радоваться', *шубҳаланмоқ* 'подозревать', *таажжубланмоқ* 'удивляться', *такрорламоқ* 'повторять', *ваъда бермоқ* 'обещать', *ишонтирмоқ* 'заверять', *огоҳлантирмоқ* 'предупреждать' и т. п.; модальными словами *керак* 'надо', *лозим* 'нужно', *мумкин* 'можно' и т. д.; например: *Шунга эришмоғимиз керакки, аёллар ҳаётнинг ҳарбир соҳасида ҳам эрлар билан тенг бўлсин* 'Нам необходимо добиваться того, чтобы женщины во всех областях жизни приравнивались к мужчинам'.

2) Союзное слово *деб*. Данное слово по происхождению является деепричастной формой глагола *демоқ* 'говорить', 'сказать'. Оно в современном узбекском языке употребляется двояко: как самостоятельное слово и как союз, например: *отаси ўғлига шу сўзни деб, дарров ўрнидан турди* (из фольклора) 'Отец его, сказав своему сыну слово, быстро собрался уходить'; *Колхозчиларнинг ийғилиши водокачка ёнида ўтказилади деб айтди Бўтабойака* (А. Каххар) 'Бутабай сказал, что собрание колхозников проводится около водокачки'. Это союзное слово подробно характеризуется в работе проф. А. Н. Кононова[12]. Оно употребляется в сложном предложении, содержащем прямую речь, связывая ее с авторской речью. Союзное слово *деб* присоединяет не только дополнительное придаточное предложение, но и другие типы придаточных предложений, однако конструкция сложного предложения остается одной и той же.

3) Частица *ми*. Этот элемент является вопросительной частицей, но в данном случае, т. е. тогда, когда он выступает как средство связи придаточного и главного предложений, он не выражает вопроса в буквальном смысле слова, а выражает лишь косвенный вопрос, например: *Сиз ҳам ишитаяпсизми, янаги йилга районимизда машина-трактор станцияси қурилади* (А. Каххар) 'Вы ведь тоже слышите, что в будущем году в нашем районе будет строиться машинно-тракторная станция'. Данная частица, напоминающая аффикс, присоединяется к сказуемому главного предложения. Смысловая особенность данного типа придаточного предложения заключается в том, что он, кроме своего основного смысла, имеет оттенок предупреждения и подчеркивания.

4) Частица *ку*. Этот элемент является частицей подчеркивания, усиления. Его путь от частицы к средству связи предложений таков, каков был путь предыдущей частицы. В данной функции он связывается также со значением напоминания, предупреждения, подчеркивания. Значит, здесь не совсем исчезает первоначальное значение, например: *Мен айтдим-ку, марднинг сўзи бир бўлур; биргалашсак, душман ҳоли танг бўлур* (народный сказитель Ислам-шаир) 'Я ведь сказал, что

---

[12] А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948.

слово героя — окончательное слово; если мы объединимся, позиция врага будет шаткой'.

5) Формы условного наклонения. В данном случае придаточное предложение внешне будет похожим на придаточное условное, но характер связи главного и придаточного предложений, наличие в главном предложении указательного местоимения и его внутренняя спаянность с придаточным ясно показывают, что это придаточное предложение является дополнительным, например: *Сенга нима таинланган бўлса, шуни ўз вақтида бажар* 'Что поручено тебе, ты выполняй своевременно'. Здесь необходимо отметить, что в таких сложных предложениях, где придаточное дополнительное связывается с главным посредством употребления условной формы глагола, относительные слова (вопросительное местоимение *что* или *чего* и указательное местоимение *тот*, *того*) употребляются двояко: а) если сказуемое придаточного предложения выражено глаголом действительного залога, то употребление вопросительного местоимения в винительном падеже обязательно; б) если сказуемое придаточного предложения выражено глаголом страдательного залога, употребление местоимения в винительном падеже не обязательно. В большинстве встречающихся примеров местоимение не оформлено, т. е. стоит в основном падеже, например: *Сенга нима буюрилган бўлса* 'Что бы ни было тебе приказано...'; но может быть и *Сенга нимани буюрган бўлсалар* 'Что бы тебе ни приказали...'. Разумеется, что в данном типе связи придаточное предложение соответственно имеющемуся в главном предложении указательному местоимению содержит относительное местоимение. Здесь его употребление обязательно. В этом случае наблюдается более тесная связь придаточного и главного предложений (как известно, определенная самостоятельность главного предложения, имеющего в своем составе относительное слово, слабее, чем предложения без этого слова).

Указанные средства связывают с главным предложением не только дополнительное, но и другие виды придаточных предложений, а поэтому мы не можем точно определить вид придаточного предложения по связывающему элементу.

Относительно места придаточного дополнительного предложения в составе сложного предложения можно сказать следующее.

1) Когда средствами связи являются союз *ки*, частица *ми*, частица *ку* или одна интонация подчинения, то придаточное дополнительное стоит после главного предложения (примеры см. выше).

2) Когда средством связи является форма условного наклонения, то придаточное дополнительное ставится перед главным предложением (примеры см. выше).

3) Когда средством связи является союзное слово *деб*, то придаточное дополнительное стоит в середине главного предложения (примеры см. выше). Изменение данного порядка — инверсия — встречается обычно в двух случаях:

а) в поэтической речи: *Хозон қилолмайсан, билгин, менинг гулзор боғимни* (из фольклора) 'Знай, что не растопчешь мой цветущий сад';

б) в живой речи: *Сиз, мен кеча эшитдим, яқинда курортга кетар экансиз* букв. 'Вы, я вчера слышал, оказывается, скоро на курорт поедете'.

В связи с указанной инверсией надо отметить следующее.

а) Когда при бессоюзной связи главное предложение стоит после придаточного, связь этих предложений очень ослабляется, они напоминают два самостоятельных предложения, соединенные путем сочинения, например: *Сиз курортга кетар экансиз, мен кеча эшитдим* букв. 'Вы, оказывается, поедете на курорт, я вчера слышал'.

б) Когда главное предложение стоит в середине придаточного, оно частично утрачивает свою самостоятельность в смысловом отношении, напоминает вводное предложение, например: *Ҳасаншоҳнинг феъли, биламан, ёмон* (народный сказитель Ислам-шаир) 'Характер Хасаншаха, знаю, плох'.

При известных условиях придаточное дополнительное предложение можно заменить развернутым дополнением. Разница между этими синонимическими оборотами в основном стилистическая, смысловое их значение не меняется. Данная замена обычно производится в такой форме: опускаются относительное (в придаточном предложении) и указательное (в главном предложении) местоимения, вместо предикативной связи появляется определительная связь (при помощи родительного падежа: подлежащее придаточного предложения заменяется определением в родительном падеже), сказуемое придаточного предложения — глагол, стоящий в личной форме, заменяется глагольными именами и принимает форму винительного падежа, например: *Сиз ҳам эшитдингизки, янаги йил районимизда янги театр биноси қурилади* 'Вы тоже слышали, что в будущем году в нашем районе будет строиться новое здание для театра'; *Сиз ҳам янаги йил районимизда янги театр биносининг қурилишини эшитдингиз* букв. 'Вы тоже слышали строение в нашем районе нового здания для театра'; *Сизга айтган эдим-ку, бу китобларни қизим келтирган деб* 'Я ведь сказала, что эти книги принесла моя дочка'; *Бу китобларни қизим(нинг) келтирганини сизга айтган эдим-ку*; букв. 'Я сказала вам принесение этих книг моей дочкой'. В данном случае употребление аффикса *-лик* для образования существительного с абстрактным значением ('принесение') факультативно (*келтирганлигини — келтирганини*). В случае, когда сказуемое придаточного предложения выражено не глаголом, при замене его после этого неглагольного слова обычно прибавляется причастная форма недостаточного глагола *эмоқ* 'быть', которая оформляется аффиксом абстрактного существительного *-лик* и принимает показатель винительного падежа, например: *Мен биламанки, у сендан кичик* 'Я знаю, он моложе тебя' и *мен унинг сендан кичик эканлигини биламан* букв. 'Я знаю его маленькое бытие по сравнению с тобой'.

А. В. СУПЕРАНСКАЯ

ФУНКЦИИ ИМЕНИТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Независимый (самостоятельный) причастный оборот с выраженным субъектом является одной из разновидностей широко распространенных в современном английском языке субъектно-предикативных сочетаний с неличными формами глагола. Его традиционное латинское название — «Nominativus absolutus», где absolutus значит 'самостоятельный, свободный, независимый'. В данной статье мы будем употреблять русскую кальку этого названия «именительный самостоятельный». Вот несколько примеров с этим оборотом:

Sarie walked forward, *heart poundind* (Abrahams); The first element [of Dutch ɔu] is less open than in English, and is rounded (*lips pushed forward*) (Koolhoven); The shale retorting plant ... will employ a battery of retorts, *each having a capacity of 1000 tons per day of shale* (Berg); *A little rest for the jaded animal being desirable*, he did not hasten his search for landmarks (Hardy).

Как видно из приведенных примеров, именительный самостоятельный состоит из двух главных членов, — именного, выраженного существительным или местоимением, и глагольного, выраженного причастием. Оба они могут быть распространены второстепенными членами: именной — определениями, а глагольный — дополнениями и обстоятельствами.

Сведения об этом обороте можно найти почти в любой английской грамматике, но они нередко разноречивы, особенно в той части, где излагается природа именительного самостоятельного и его функции. Так, например, Керм[1] считает, что этот оборот может употребляться в функции подлежащего, именной части составного сказуемого, приложения, обстоятельства образа действия, обстоятельства времени, причины, следствия, условия, обстоятельства сопутствующих явлений. Керм считает этот оборот придаточным предложением (clause).

В другой работе[2] Керм отмечает некоторое различие между именительным самостоятельным в обстоятельственных функциях и в функции подлежащего, однако в последнем случае *Three such rascals hanged in one day* is good work for society выделенная часть едва ли является именительным самостоятельным.

---

[1] G. O. Curme. A grammar of the English language, v. 2. London, 1935, стр. 79, 98; v. 3, 1931, стр. 152 и след.

[2] G. O. Curme. Principles and practice of English grammar. New York, 1947.

Онионс[3] называет этот оборот абсолютным придаточным предложением (absolute clause) и считает, что он эквивалентен лишь обстоятельственным предложениям времени, причины, условия, уступки и сопутствующих явлений.

Крёйсинга[4] отказывается от разбора, классификации и характеристики этого оборота, считая его одним из частных видов «свободного дополнительного высказывания» (free adjunct).

У нас за последние годы было написано несколько диссертаций, целиком или частично посвященных рассмотрению этого оборота. Наибольшее внимание функциям именительного самостоятельного отводится в диссертации Я. И. Рецкера, так как это необходимо ему для правильного перевода оборота на русский язык. Я. И. Рецкер пишет: «По своим синтаксическим функциям абсолютные обороты могут быть подразделены на абсолютные определения, обстоятельства и приложения»[5]. «Существует и промежуточная категория абсолютных конструкций „обстоятельственно-определительная", широко представленная в языке. Синтаксическая функция абсолютного оборота не определяется его составом, а зависит от смысловой структуры всей абсолютной конструкции в целом»[6].

По А. Д. Швейцеру, наиболее характерными функциями перфектного причастия являются функции обстоятельства времени... и обстоятельства причины... Эти основные синтаксические функции в равной мере характерны для оборотов как причастного, так и причастно-именного типа... Наряду с этими основными значениями обороты с перфектным причастием обнаруживают также значения условия, уступки, образа действия (или точнее средства) и сопутствующих обстоятельств (последнее значение присуще главным образом оборотам причастно-именного типа)[7].

В. С. Вардашева[8] считает, что именительный самостоятельный употребляется в функциях обстоятельства времени, причины, сопутствующих явлений, условия, уступки, а также подлежащего.

Итак, большинство исследователей признает за именительным самостоятельным обстоятельственные функции. Прочие функции этого оборота одними признаются, а другими даже не упоминаются. Чтобы выяснить вопрос о функциях именительного самостоятельного, обратимся к фактам языка[9]. Начнем анализ с общепризнанных обстоятельственных функций этого оборота.

Обстоятельство обычно определяют как второстепенный член предложения, обозначающий условия, в которых протекает процесс. Для обстоятельства характерно то, что его участие в процессе превращается в простое сопутствие и не затрагивает действия, как затрагивает его дополнение. Наиболее типичными обстоятельствами

---

[3] C. T. Onions. An advanced English syntax. London—New York, 1932, стр. 66.

[4] E. Kruisinga. A handbook of present-day English, pt. II, 1. Groningen, 1931, стр. 44, 55.

[5] Я. И. Рецкер. Стилистико-грамматическое значение абсолютных конструкций в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1953, стр. 4.

[6] Там же, стр. 5.

[7] А. Д. Швейцер. Перфектное причастие и его синонимы в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955, стр. 9.

[8] В. С. Вардашева. Развитие независимого причастного оборота с выраженным субъектом в английском языке (с причастием I). Автореф. канд. дисс. Л., 1955, стр. 17.

[9] Приводимая ниже классификация функций этого оборота составлена на основе анализа употребления именительного самостоятельного в художественных произведениях XIX—XX вв., а также в современной научно-технической литературе. Всего рассмотрено около тысячи примеров.

являются обстоятельства времени и места. Другие обстоятельства — причины, цели — близко подходят к предложным дополнениям. Обстоятельства образа действия приближаются к определениям. Обстоятельства имеют тенденцию относиться ко всему высказыванию и почти не связаны с каким-либо определенным членом предложения. Как показывает анализ, в функции обстоятельства места и обстоятельства цели именительный самостоятельный не употребляется совсем.

В функции **обстоятельства времени** он употребляется довольно редко, временнóе значение его очень неясно, расплывчато и допускает иные толкования. Глагольным членом оборота в этой функции может выступать:

а) Причастие настоящего времени любого смыслового глагола. Возможна также вторичная предикация именного типа с причастием от глагола to be в качестве связки.

Bosinney muttered abstractedly «Hear, hear!» and, *George yawning*, the conversation dropped (Galsworthy); In the interim the mental state of Clyde since that hour when, *the water closing over Roberta*, ... he had made his way to the shore, was almost one of complete mental derangement (Dreiser); On one occasion, *Old Jolyon being present*, Soames recollected a little unpleasantness (Galsworthy).

Однако в первом примере именительный самостоятельный можно рассматривать и как обстоятельство причины. Во втором примере временнóе значение выступает несколько ярче, благодаря поддержке контекста. В третьем примере оборот этот можно рассматривать и как определение к слову occasion.

б) Причастие прошедшего времени.

This done she paid him reducing herself to almost her last shilling thereby (Hardy).

Но здесь именительный самостоятельный можно рассматривать и как обстоятельство причины. Несколько яснее временнóе значение выступает в перфектных причастиях, но и их можно рассматривать и как обстоятельства причины, и как независимые высказывания.

в) Активное перфектное причастие.

All having armed themselves with old pointed knives they went out together (Hardy).

г) Пассивное перфектное причастие.

The case having been called on, Waterbuck, Q. C. . . . hitched his gown on his shoulder, . . . arose and addressed the Court (Galsworthy).

Примеры, показывают, что именным членом этого оборота в функции обстоятельства времени может быть существительное с определением или без него и местоимение. Связь оборота с основным составом предложения очень слабая, так как он ни одним из своих главных или второстепенных членов не связан ни с одним из членов основного состава предложения. Связь эта сводится в основном к тому, что именительный самостоятельный обозначает одно из последовательных или одновременных действий, которое едва ли даже можно считать подчиненным действию, выраженному личным глаголом основного состава предложения. Поэтому, быть может, вообще нецелесообразно выделять функцию обстоятельства времени как отдельную функцию именительного самостоятельного.

Обстоятельство причины — одна из широко распространенных обстоятельственных функций именительного самостоятельного. Здесь в качестве глагольного члена оборота может употребляться:

а) Причастие настоящего времени, чаще всего от глагола to be в качестве связки при вторичной предикации именного типа.

Употребляются в качестве связок и другие глаголы, например: to keep, to get. Возможен и так называемый group verb predicate.

The room below being unceiled she could hear most of what went no there (Hardy); She did not try to rouse him herself, *it not being her custom* (Galsworthy); *The stress now getting beyond endurance* her lip quivered, and she was obliged to go away (Hardy); *The carriage giving a terrific lurch*, Swithin's exclamation was jerked back into his throat (Galsworthy).

Реже употребляется глагол to be как смысловой, а также самые разнообразные глаголы в своем основном значении.

A knock had come to the door, and, *there being nobody else to answer it*, Clare went out (Hardy); *No one opposing this command* he led the way from the room (Galsworthy); There had been no public scandal most fortunately, *Jo's wife seeking for no divorce* (его же).

б) Пассивное причастие настоящего времени употребляется в этой функции значительно реже, чем активное причастие.

The men had been sent out to dine at Eustace's club, *it being felt that they must be fed up* (Galsworthy).

в) Активное перфектное причастие употребляется довольно часто, но все же реже, чем причастие настоящего времени. Здесь, как и в большинстве описанных выше случаев, наряду со смысловыми глаголами может употребляться причастие от глагола to be в качестве связки при вторичной предикации именного типа.

She could hardly see, *her eyes having filled with two blurring tears...* (Hardy); *The rains having passed* the uplands were dry (его же); *Their walk having been circuitous* they were still not far from the house (там же).

г) Пассивное перфектное причастие употребляется очень редко.

Every leaf of the vegetable having already been consumed, the whole field was in colour a desolate drab (Hardy).

Именительный самостоятельный в этой функции, как и в функции обстоятельства времени, слабо связан с основным составом предложения. Эта связь не имеет грамматического выражения, и ее можно назвать смысловой, так как она обусловливается только контекстом. Поэтому внутренняя структура этого оборота может быть самой разнообразной, без каких бы то ни было определенных типов, которые будут отмечены у этого оборота в других функциях.

Результативная обстоятельственная функция развита у именительного самостоятельного слабо и допускает иные толкования. Встречается он в этой функции очень редко.

There was no opera now! That fellow Wagner had ruined everything; *no melody left*, nor any voices to sing it (Galsworthy).

Выделенную часть этого предложения можно рассматривать и как эллиптическое предложение.

Уступительная обстоятельственная функция этого оборота также развита очень слабо.

The journey over the intervening uplands and lowlands of Egdon... was a more troublesome walk than she had anticipated, *the distance being actually but a few miles* (Hardy).

В функции **обстоятельства условия**, как отмечает ряд авторов, именительный самостоятельный употребляется только в стандартных выражениях weather permitting и god willing. Иные случаи употребления оборота в этой функции встречаются очень редко и могут рассматриваться так же как обстоятельства причины:

. . . (u_1, v_1), (u_2, v_2) *being two pairs of variables undergoing transformation* (7), the expression $u_2v_1—u_1v_2$ is an invariation (Mariani); *My word being passed to myself*, there is no longer any apprehension. . . (Dickens).

Все сказанное о внутренней структуре и внешних связях именительного самостоятельного в функции обстоятельства времени и причины относится и к этим обстоятельственным функциям.

Переходя к рассмотрению следующей, выделяемой всеми грамматистами функции **обстоятельства сопутствующих явлений**, отметим, что само название «сопутствующие явления» звучит довольно странно по отношению к характеристике функции обстоятельства, потому что именно сопутствие основному действию и является характерной чертой любого обстоятельства. Название «сопутствующие явления» не может быть термином хотя бы уже потому, что оно слишком расплывчато, под него можно подвести любое обстоятельственное и даже необстоятельственное значение именительного самостоятельного. И действительно, многие так и поступают, относя около трех четвертей случаев употребления этого оборота к обстоятельству сопутствующих явлений, не вдаваясь в детальный анализ этих очень разных по своей структуре и выражаемому содержанию примеров. Представляется, что все случаи употребления именительного самостоятельного в так называемой функции обстоятельства сопутствующих явлений целесообразно разделить на четыре группы в зависимости от выражаемого значения: 1) обстоятельство образа действия, 2) определение, 3) приложение, 4) группа, не являющаяся зависимым членом предложения. До подыскания лучшего названия ее можно условно назвать «сочиненный именительный самостоятельный». В связи с этим от термина «обстоятельство сопутствующих явлений» следовало бы отказаться.

Обстоятельство образа действия занимает особое положение среди прочих обстоятельств. Оно не содержит указания на условия, при которых происходит событие, а дает лишь внутренний признак процесса и близко подходит к определению. Именно поэтому Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и А. И. Смирницкий рассматривают его как своеобразное приглагольное определение. Среди примеров с именительным самостоятельным есть такие, которые указывают на внутренний признак процесса, и тем меньше у нас оснований относить их к каким-то внешним сопутствующим явлениям. Указывая на внутренний признак процесса, именительный самостоятельный в этой функции, очевидно, должен быть теснее, чем в прочих обстоятельственных функциях, связан с основным составом предложения. И так оно действительно и есть. Будучи определением к сказуемому основного состава предложения, он логически относится именно к нему. В то же время он соотносится и с его подлежащим. Это соотнесение имеет различное выражение, в зависимости от которого можно наметить более мелкие подразделения внутри этой группы примеров. Глагольным членом именительного самостоятельного в этой функции может быть:

а) Причастие настоящего времени. Все примеры с ним можно разделить на четыре подгруппы в зависимости от характера именного члена, а вместе с тем и от характера связи оборота с основным составом предложения.

1) Именной член — существительное с притяжательным местоимением. Последнее соотносит оборот с подлежащим основного состава предложения.

Turning, she hurried down the street past the coalyard, *her heels clicking sharply on the pavement* (Saxton); «You shall be made sorry for that!» he resumed, *his injured tone still remaining* (Hardy); The house was overrun by ivy, *its chimney being enlarged by the boughs of the parasite to the aspect of a ruined tower* (его же).

2) Именной член — существительное с определенным, неопределенным или нулевым артиклем. Второстепенный член абсолютной конструкции, обычно существительное с притяжательным местоимением того же лица и числа, что и подлежащее основного состава предложения, соотносит эту конструкцию с подлежащим основного состава. Однако здесь эта связь несколько слабее, чем в первом случае, очевидно, вследствие того, что осуществляющее связь притяжательное местоимение дальше отстоит от того слова, к которому оно относится.

«Get up his strength!» said Tess impetuously, *the tears welling to her eyes* (Hardy); . . . She stood in her long white nightgown, *a thick cable of twisted dark hair hanging straight down her back to her waist* (его же): «I'd like to stay», Celia said hoarsely, *fear gripping at her heart* (Abrahams).

3) Именной член — неопределенное местоимение, соответствующее количеству людей или предметов, входящих в подлежащее основного состава предложения. Местоимение осуществляет связь оборота с основным составом предложения. Связь эта слабее, чем в случаях с притяжательным местоимением.

The men were swinging along arm in arm, *all of them puffing cigars* (Saxton); Thus they passed the minutes, *each well knowing that this was only waste of breath* (Hardy).

4) Именной член — существительное, соответствующее части предметов или лиц, входящих в состав подлежащего или дополнения основного состава предложения. Именительный самостоятельный в этом случае служит для уточнения главного предложения, в котором речь идет одновременно о нескольких лицах. По значению он приближается к самостоятельному предложению, так как связь его с основным составом очень слаба.

Then they split up, *the other two speakers heading off in different directions*, while Pledger took Dave Spaas home with him (Saxton); They set off along the sandy track, *Lanny and Sarie wakling side by side.* Sam brought up the rear (Abrahams).

Доказательством близости именительного самостоятельного в приведенных примерах к самостоятельным предложениям является тот факт, что о второй части лиц, входящих в подлежащее основного состава предложения, часто говорится в следующем самостоятельном предложении. Иногда о другой части лиц или предметов, входящих в состав подлежащего или дополнения основного состава предложения, говорится в нескольких следующих друг за другом абсолютных оборотах, именные члены которых порознь соответствуют всем единицам, входящим в состав подлежащего или дополнения.

. . . The coker distillate is fractionated into light and heavy distillate, *the light distillate being in the gasoline range and the heavy distillate being in the diesel range* (Berg); Up and down the wash tracks, bunches of coach cleaners followed each other single file, *the first man squirting his hose over the sides of the cars, the others scrubbing off the streaked mud with their longhandled brushes* (Saxton).

Иногда эта конструкция употребляется в том случае, когда в обороте речь идет только о части лиц, обозначаемых подлежащим основного состава.

The two [Soames and Bosinney] walked back to Montpellier Square in silence, *Soames watching him out of the corner of his eye* (Galsworthy).

б) Причастие прошедшего времени употребляется несколько реже, чем причастие настоящего времени. Внутри этой группы нельзя провести такого подразделения в зависимости от характера именного члена и характера связи с основным составом предложения, потому что здесь преобладает только один тип с именным членом, выраженным существительным с притяжательным местоимением, соотносящим оборот с подлежащим или дополнением основного состава предложения.

Isaac sat with his mouth slightly open, *his face screwed up in concentration* (Abrahams); He found him lying flat in bed, *his chest wrapped in bandages* (Saxton).

Иногда именной член этой конструкции не имеет при себе притяжательного местоимения, которое, однако, легко подразумевается.

The men were coming alone and in pairs, *heads bent*, *collars turned up* (Saxton).

Здесь может быть употреблено только местоимение their.

Относительно того, что именительный самостоятельный может употребляться в функции определения, говорится только в упомянутой выше работе Я. И. Рецкера. Г. Н. Воронцова пишет о том, что бывают иногда функции абсолютной конструкции «скорее описательные, указывающие на состояние, внешность и т. п. подлежащего основного состава предложения и таким образом соотносимые с ним, а не со сказуемым»[10]. Но Г. Н. Воронцова не называет этих функций определительными. Тем не менее очевидно, что эта конструкция в своем функционировании не ограничивается рамками обстоятельств, а употребляется и в качестве определения.

Определение обозначает признак, существующий не вне предмета, а в нем самом, составляющий его неотъемлемую черту. Определение тесно связано со своим определяемым и стоит непосредственно перед ним или за ним.

Трудность возникает в проведении грани между именительным самостоятельным в роли определения и обстоятельства образа действия. Обе эти функции квалификационные, только одна определяет предмет, а другая процесс. В функции определения именительный самостоятельный следует непосредственно за тем словом, которое он определяет (правда, иногда между ними может стоять другое определение). В функции обстоятельства образа действия место этого оборота не имеет твердой фиксации в предложении, потому что он относится не к какому-то члену, а ко всему высказыванию. Именительный самостоятельный в функции определения обычно относится к подлежащему, реже — к дополнению или именной части сказуемого основного состава. Глагольным компонентом его может быть:

а) Причастие настоящего времени. Здесь также можно наметить деление на подгруппы в зависимости от характера именного члена и от характера связи оборота с основным составом предложения.

1) Именной член — существительное с притяжательным местоимением, соотносящим именительный самостоятельный с одним из членов основного состава предложения, — с подлежащим или дополнением.

The two biggest of the younger children had gone out with their mother; the four smallest, *their ages ranging from three-and-a-half to eleven*, all in black frocks, were gathered round the hearth... (Hardy);

---

[10] Г. Н. Воронцова. Вторичный предикат в английском языке. «Иностранные языки в школе», 1950, № 6, стр. 53.

The eldest of the comers, a girl who wore a triangular shawl, *its corner dragging on the stubble*, carried in her arms... an infant in long clothes... (его же).

2) Именной член — существительное с неопределенным местоимением или одно неопределенное местоимение. Местоимение соотносит оборот с обстоятельством или дополнением основного состава предложения. Связь оборота с основным составом слабее, чем в случаях с притяжательным местоимением.

The reaping machine left the fallen corn behind it in little heaps, *each heap being of the quantity for a sheaf* (Hardy); Ultimately I found myself... bowing... to two dry little elderly ladies, dressed in black and *each looking wonderfully like a preparation in chip or tan of the late Mr. Spenlow* (Dickens); This is emphasized by the form of the wave function corresponding to the ground state which is known to be $x = exp. (-x^2/2a^2)$, *the density of probability of which corresponding to the Gauss error curve* (Mariani); Any spacio-temporal pseudo-rotation comes from six infinitesimal independent operators,... *each of them determinating a plane rotation* (его же).

б) Пассивное причастие настоящего времени употребляется очень редко.

One of these was a sturdy middle-aged man... *his double character as a working milker... during six days, and on the seventh as a man in shining broad-cloth... being so marked as to have inspired a rhyme*

Dairiman Dick
All the week: —

On sunday Mister Richard Crick (Hardy).

в) Причастие прошедшего времени. Здесь можно выделить такие же подгруппы в зависимости от характера именного члена, осуществляющего связь оборота с основным составом предложения.

1) Именной член — существительное с притяжательным местоимением, соотносящим оборот с подлежащим основного состава предложения.

Rosa, *her arms crusted with pie dough*, was staring up from the bottom step (Saxton); The dog Balthasar, *his tail curled tightly over a piebald, furry back*, was walking at the farther end... (Galsworthy).

В этих примерах место обособленного оборота в предложении заставляет воспринимать его как определение, а не как обстоятельство образа действия.

2) Именной член — неопределенное местоимение, соотносящее оборот с подлежащим или дополнением основного состава предложения.

He showed Pledger first the stories from the city dailies, a few lines *each headed, Boxcar Vandal Shot or, Watchman Wounds Negro Prowler* (Saxton).

г) Перфектное пассивное причастие употребляется в этой функции очень редко.

They had rambled round by a road which led to the well-known ruins of the cistercial abbey behind the mill, *the latter having, in centuries past, been attached to the monastic establishment* (Hardy).

Приложение является частным видом определения. В этой функции именительный самостоятельный имеет смысловое, но не выраженное внешне соотнесение с одним из членов основного состава предложения — с подлежащим или дополнением.

а) Причастие настоящего времени в этой функции употребляется чаще всего.

In the afternoon and evening the proceedings of the morning were continued, *Tess staying on till dask with the body of harvesters* (Hardy); ...Tess and Clare could hear the heavy breakfast table dragged out from the wall..., *this being the invariable preliminary to each meal* (его же).

Связь именительного самостоятельного в функции приложения с основным составом предложения очень слабая, так как она не имеет никакого специального выражения. По смыслу этот оборот близок к независимому предложению. Но форма оборота не позволяет считать его предложением, ибо причастие не может выражать предикацию в той степени, в какой это необходимо для сказуемого самостоятельного предложения.

б) Причастие прошедшего времени в этой функции употребляется очень редко.

This was Tess Durbeyfield's habit, her temple pressing the milcher's flank, *her eyes fixed on the far end of the meadow...* (Hardy).

в) Активное перфектное причастие и

г) Пассивое причастие настоящего времени также употребляются очень редко.

I found... that this was the case: *Miss Mills having been unhappy in a misplaced affection* and *being understood to have retired from the world on her awful stock of experience*, but still to take a calm interest in the unblighted hopes and loves of youth (Dickens).

Так как здесь нет специально выраженной соотнесенности с основным составом предложения, то нет и отдельных ярких типов внутренней структуры этого оборота, как это было в случаях с определением и обстоятельством образа действия.

После выделения из примеров, обычно относимых к обстоятельству сопутствующих явлений, трех первых подразделений, остается еще большая группа примеров, характерной особенностью которых является то, что в них именительный самостоятельный не только грамматически не связан с основным составом предложения, но и логически ему не подчинен. Он служит как бы дальнейшему развитию идеи, изображая действие, независимое от действия, выраженного личным глаголом основного состава предложения, и происходящее обычно одновременно с ним.

...Both sounds are produced by a complete stoppage of the breath..., *the only difference being that it is the back of the tongue which acts in one case, and the tip of the tongue in the other* (Jespersen).

Постпозиция оборота по отношению к основному составу предложения и отсутствие внутри оборота слов, соотносящих его с основным составом предложения, способствуют тому, что именительный самостоятельный в этой функции абсолютно независим от основного состава предложения и его связь с ним можно назвать не подчинительной, а сочинительной.

Сочиненный именительный самостоятельный по своему значению приближается не к придаточному, а к независимому предложению, поэтому его нельзя назвать обстоятельством сопутствующих явлений. Эту функцию именительного самостоятельного выделяет и Я. И. Рецкер, отмечая, что при крайней степени обособленности мы имеем присоединительный абсолютный оборот повествовательно-распространительного значения [11].

Сочинительная связь оборота с основным составом предложения может быть различной. Чаще она носит соединительный характер, реже — противительный, но не ярко противительный, выражаемый

[11] Я. И. Рецкер. Указ. соч., стр. 8.

союзом but ('но'), при котором наличие одной ситуации исключает возможность другой, а противительный, при котором разные по характеру действия или ситуации могут существовать одновременно. В сочиненных предложениях такой противительной связи обычно соответствует союз while ('а'). Именительный самостоятельный присоединяется всегда бессоюзно.

Глагольным членом именительного самостоятельного в этой функции, как и в других функциях, чаще всего бывает причастие настоящего времени. Именным членом его в данной функции может быть и существительное, и указательное местоимение, и неопределенное местоимение, и существительное с притяжательным местоимением, но ни в одном из случаев, даже если притяжательное местоимение соответствует подлежащему или дополнению основного состава предложения, оборот этот не связан с основным составом предложения, потому что выражает самостоятельную, не подчиненную ему мысль. Поэтому в данном случае безразлично, чем выражен именной член этого оборота. Группировку примеров в этой функции наметим по глагольным членам оборота, а также по характеру связи оборота с основным составом предложения (соединительная, противительная).

а) Причастие настоящего времени. Здесь, как и во многих других функциях, могут употребляться и смысловые глаголы, и глагол to be в качестве связки при вторичной предикации или в качестве смыслового глагола. Возможны также другие связки.

1) Соединительная связь.

It grew darker, *the firelight shining over the room* (Hardy); ...They were spending their whitsun holidays in a walking tour through the Vale of Black Moor, *their course being south westernly from the town of Shaston on the North East* (его же); A subdued hum of conversation rose, *no one speaking of the departed, but each asking after the other* (Galsworthy); ...Four or five of unmilked cows chanced to stand apart from the general herd, *among them being Dumpling and Old Pretty...* (Hardy); Prince lay alongside still and stark, *the hole in his chest looking scarcely large enough to have let out all that had animated him* (его же); ...Articulatory differences need not involve acoustic differences, *this being particularly true in the case of consonants* (Cohen); ...We have as a first approximation equation (75), ...*m being the oscillator mass, e its charge, a the electronic radius* (Mariani).

2) Противительная связь.

...In making the accusation symptoms of a smile gently lifted her upper lip in spite of her, ...*the lower lip remaining severely still* (Hardy); Montague was Dartie's second and better known name — *his first being Moses* (Galsworthy); The cans of new milk were unladen in the rain, *Tess getting a little shelter from a neighbouring holly tree* (Hardy).

б) Пассивное причастие настоящего времени употребляется несколько реже. Соединительная и противительная связь оборота с основным составом предложения здесь выступает не так ярко.

1. Соединительная связь.

...Their night march began, *the boundary between Upper and Mid-Wessek being crossed about eight o'clock* (Hardy); ...The nap of his hat was ruffed, *a patch being quite worn away at its brim* where his thum came in taking it off (его же).

2) Противительная связь.

A portion was divided off at one end by a curtain behind which was his bed, *the outer part being furnished as a homely sitting-room* (Hardy); It usually fell to the lot of someone or other of them to wake the rest, *the first being aroused by an alarm-clock* (его же).

в) **Активное перфектное причастие** употребляется крайне редко.

... She stood up, shook herself, and went forward, *neither of the men having moved* (Hardy).

г) **Пассивное перфектное причастие** также употребляется очень редко.

They reached the beginning of the ascent, on the crest of which the vehicle... was to receive her, *this limit having been fixed to save the horse the labour of the last slope* (Hardy).

Таковы основные случаи употребления именительного самостоятельного в современном английском языке. Наряду с примерами, функциональное значение которых не вызывает сомнений, нами были отмечены и примеры, допускающие двоякое и даже троякое толкование. То же отмечает Я. И. Рецкер: «Смысловая специфика абсолютных конструкций заключается в выражении комплексного восприятия связей и отношений между явлениями конкретной действительности. В этом комплексе причинно-следственные, условные, уступительные значения сочетаются с временны́ми; значение сопутствующих обстоятельств — со следственным, пояснительным, присоединительным и т. п. В редких случаях абсолютная конструкция выражает только одно смысловое значение»[12]. На разобранных примерах мы видели, что последнее встречается не так уж редко, но случаи, в которых именительный самостоятельный имеет несколько значений, действительно, довольно многочисленны.

Так, именительный самостоятельный в примере It was a typical summer evening in june, *the atmosphere being in such delicate equilibrium and so transmissive* that inanimate objects seemed endowed with two or three senses if not five (Hardy) можно рассматривать и как определение, и как обстоятельство времени, и как сочиненный именительный самостоятельный. В следующем предложении этот оборот можно рассматривать и как сочиненный, и как обстоятельство причины, и как определение:

He had lived there like a rentpaying tenant, *his comings and goings being of small concern to the others* (Saxton).

Употребление метафор затрудняет анализ следующего предложения, затемняя синтаксические отношения между его частями:

The family had gathered... to illustrate gloriously that law of property underlying the growth of their tree, by which it had thriven and spread, trunk and branches, *the sap flowing through all, the full groath reached at the appointed time* (Galsworthy).

Очевидно, в этом примере именительный самостоятельный употреблен в функции обстоятельства образа действия.

Затрудняет анализ и наличие в английском языке конструкций, омонимичных именительному самостоятельному: комплексов с «полугерундием» и оборота «винительный с причастием». Иногда оба эти оборота объединяют под названием «слитное причастие» (fused participle). Омонимично ему и свободное сочетание существительного с причастием. Именно эта омонимичность, очевидно, и заставляет некоторых считать, что именительный самостоятельный употребляется в функциях подлежащего и именной части составного сказуемого. Как отмечалось в начале статьи, обе эти функции выделяет Керм. Но в качестве подлежащего он дает именительный самостоятельный в функции приложения, а в функции сказуемого — свободное сочетание существительного с определяющим его причастием: Cities are

---

[12] Я. И. Рецкер. Указ. соч., стр. 6.

man justifying himself to god[13]. В. С. Вардашева отмечает, что «качественно новым в развитии функций независимого причастного оборота в ранненовоанглийский период является употребление его в функции развернутого подлежащего предложения: *This last night I not being very well* made me seend this day for the Midwife which I think I should have defered to longe[14]. Однако в приводимом ею примере выделенный оборот является не именительным самостоятельным, а одним из случаев употребления слитного причастия (полугерундия), который действительно является качественно новым явлением для ранненовоанглийского периода. Для слитного причастия как раз и характерны функции дополнения, подлежащего и именной части составного сказуемого, функции, в которых именительный самостоятельный не употребляется, потому, что в них не может быть обособления, свойственного именительному самостоятельному.

Заканчивая разбор функций этого оборота, отметим, что примеры с неясными функциями его позволяют предположить, что в функциональном отношении именительный самостоятельный представляет нечто переходное между сочинением и подчинением, поскольку в ряде случаев он почти не связан с основным составом предложения, а в иных случаях эта связь довольно значительна; между развернутым членом предложения и собственно предложением, поскольку велика глагольность входящего в него причастия; между зависимым элементом и самостоятельным предложением.

Именительный самостоятельный может стоять как в начале, так и в середине или в конце предложения. Начальное положение он обычно занимает в функции обстоятельства причины и условия. Это естественно, поскольку в цепи событий причина обычно предшествует следствию, выраженному основным составом предложения. В середине предложения, а именно после того слова, которое он определяет, именительный самостоятельный употребляется в функции определения. Конечное положение по отношению к основному составу предложения свойственно именительному самостоятельному в функциях обстоятельства образа действия, приложения и сочиненному именительному самостоятельному, т. е. наиболее типичным функциям этого оборота. Следовательно, конечное положение его является наиболее распространенным.

На письме именительный самостоятельный обычно выделяют с обеих сторон запятыми. Т. Харди часто не ставит запятых в том случае, когда оборот находится в начале предложения. Реже этот оборот выделяют при помощи скобок или тире.

Не все причастия употребляются во всех функциях. Их распределение по функциям видно из приводимой ниже таблицы. Знаками + и — обозначено употребление или неупотребление причастия в той или иной функции.

Из таблицы следует, что наиболее употребительным в этом обороте является причастие настоящего времени, встречающееся во всех функциях. Остальные причастия в ряде функций не встречаются или встречаются чрезвычайно редко.

Подводя итог всему изложенному, еще раз отметим, что именительный самостоятельный — это двучленная конструкция, состоящая из именного (существительное или местоимение) и глагольного (причастие) членов. Оба компонента могут иметь при себе определяющие слова. В большинстве функций именительный самостоятельный слабо

[13] G. O. Curme. A grammar..., v. 3, стр. 158.
[14] В. С. Вардашева. Указ. соч., стр. 17.

Причастие	Функция					
	Обстоятельство			Определ.	Прилож.	Сочин. именит. самост.
	времени	причины	обр. дейст.			
Активное прич. наст. времени	+	+	+	+	+	+
Пасс. прич. наст. времени	—	+	—	+	+	+
Прич. прош. времени	+	—	+	+	+	—
Активное перф. причастие	+	+	—	—	+	+
Пасс. перф. причастие	+	+	—	+	—	+

Примечание. В таблицу не включены результативная, условная и уступительная функции именительного самостоятельного, так как они представлены очень слабо и не позволяют сделать какого-либо определенного вывода об употреблении оборота в этих функциях.

связан с основным составом предложения и по своему значению приближается к придаточному или к независимому предложению.

Именительный самостоятельный не встречается в функции подлежащего, именной части составного сказуемого и дополнения. Не встречается он и в функции обстоятельства места и цели. В функции обстоятельства времени он употребляется довольно редко, и временнóе значение его недостаточно ярко. Результативное, условное и уступительное обстоятельственные значения выражены именительным самостоятельным очень слабо. В функции обстоятельства причины он употребляется значительно чаще, и причинное значение его обычно достаточно ясно.

Функция, которую традиционно называют обстоятельством сопутствующих явлений, распадается на четыре разнородные группы: 1) обстоятельство образа действия, 2) определение, 3) приложение, 4) сочиненный именительный самостоятельный. Именно в этих четырех функциях конструкция употребляется чаще всего.

Связь именительного самостоятельного с основным составом предложения наиболее тесна в функции определения и обстоятельства образа действия. В остальных функциях она слаба. Особенно это относится к сочиненному именительному самостоятельному, который связан с основным составом предложения не теснее, чем каждое отдельное предложение в контексте с предшествующим или последующим. Можно найти подобие соединительной и противительной связи, имеющей место при сочинении независимых предложений.

Чаще всего именительный самостоятельный занимает в предложении конечное положение, как в наибольшей степени соответствующее его обособленности.

Цитируемая литература:

A b r a h a m s P. The path of thunder. Moscow, 1951; B e r g C. Oil shale as a fuel resourse. The petroleum engineering, 1952, v 24 № 1 (Texas); C o h e n A. The Phonemes of English. The Hague, 1952; D i c k e n s Ch. David Copperfield, Moscow, 1949; D r e i s e r Th. An american tragedy, Moscow, 1949; G a l s w o r t h y J. The man of property, Moscow, 1951. H a r d y Th. Tess of the d'Urbervilles, Moscow, 1950. J e s p e r s e n O. Language..., London, 1934; K o o l h o v e n H., Teach yourself Dutch. . England, 1945. M a r i a n i J. Metrical geometry contact transformations and nuclear physics, Brooklyn, № 4. 1950. S a x t o n A. The Great Midland, Moscow, 1951.

Б. И. ВАКСМАН

О ПОРЯДКЕ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о порядке слов в современном молдавском языке представляет собой значительный интерес как в теоретическом, так и в практическом отношении. Тем не менее в молдавском языкознании нет каких-либо специальных работ в этой области, если не считать небольших отдельных замечаний в старых, далеких от совершенства молдавских грамматиках. В находящемся в пользовании школ республики учебнике грамматики[1] раздел о порядке слов совершенно отсутствует, хотя такая тема уже несколько лет предусмотрена учебной программой[2].

В настоящей статье делается попытка рассмотреть, главным образом в описательном разрезе, основные закономерности взаиморасположения членов предложения в современном молдавском литературном языке.

* * *

Порядок слов — это один из способов организации слов в словосочетания и предложения. В молдавском языке он не является ни единственным, ни основным, а главным образом дополнительным способом, наряду со словоизменением, употреблением вспомогательных слов, интонацией.

Порядок слов тесно связан, таким образом, со всей грамматической структурой языка, являясь одной из форм ее проявления, а именно в правилах расположения слов проявляются правила соединения их в предложения.

Одним из главных факторов, определяющих тот или иной порядок слов, бо́льшую или меньшую возможность перемещения отдельных членов внутри предложения, является строй языка с точки зрения флективности, наличия в нем аналитических и синтетических элементов[3].

[1] В статье имеется в виду книга: В. А. Комарницкий, С. Г. Мельницкая. Граматика лимбий молдовенешть, партя а доуа, синтакса. Мануал пентру шкоала де шапте ань ши чя мижлочие. Кишинэу, 1959. Уже после написания статьи вышел учебник молдавского языка. С. Бережана и др. для старших классов средней школы с небольшим разделом о порядке слов, а также „Курс современного молдавского литературного языка, часть II“ для вузов, где имеется глава о порядке слов автора настоящей статьи. — *Ред.*

[2] См. справедливое в этом отношении замечание Р. Г. Пиотровского: «. . . авторы «Синтаксиса» (молдавского языка. — *Б. В.*) даже не ставят вопроса о порядке слов в предложении, вопроса, являющегося одной из основных проблем синтаксиса всех романских языков» (Р. Г. Пиотровский. Деспре мануалеле школаре де лимбэ молдовеняскэ. «Ынвэцэторул советник», 1952, № 11, стр. 34).

[3] А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955, стр. 234—236.

В языках с развитой системой словоизменения (синтетических) каждое слово благодаря своей морфологической форме само обнаруживает свою синтаксическую функцию в предложении. Например, в русском предложении *Отец любит сына* слова *отец* (с нулевым окончанием) и *сына* (окончание *-а*) показывают, какое из них стоит в именительном падеже, т. е. является подлежащим, и какое — в винительном, т. е. является дополнением. В аналитических же языках, например во французском или английском, где нет падежных окончаний, синтаксическое значение слова определяется его местом в предложении. Ср. фр. le père aime le fils и le fils aime le père — два различных предложения, в то время как в русском языке такая перестановка в приведенном примере не влечет за собой изменения значения[4].

В молдавском языке именительный и винительный падежи имеют одинаковые окончания, а родительный по форме совпадает с дательным, поэтому перемещение не всегда возможно: *Мама ышь юбеште копилул* и *Копилул ышь юбеште мама* 'Мать любит (своего) ребенка' и 'Ребенок любит (свою) мать' различны по смыслу. Так же имя существительное в форме родительно-дательного падежа, стоящее после глагола, будет восприниматься как датив, а после существительного — как генитив[5]: *Ам дат приетенулуй картя фрателуй* 'Я дал товарищу книгу брата' и *Ам дат фрателуй картя приетенулуй* 'Я дал брату книгу товарища'. Заметим, что передача разных значений двух предложений, осуществляемая в русском языке изменением форм слов (*брат — брату, товарищу — товарища*) достигается в молдавском языке перестановкой слов.

Однако порядок слов определяется не одной только флективностью. Понятие «свободный порядок слов» является лишь относительным, ибо с каждым из вариантов размещения слов в языках, где данный вариант не приводит к изменению грамматического значения, связаны известные смысловые оттенки, так что собственно свободного порядка слов почти не существует[6]. Это можно видеть на примере таких синтетических языков, как латинский или русский, в котором «свобода расположения членов предложения... очень относительна», поскольку «порядок слов всегда подчиняется определенным нормам и всегда выполняет те или иные грамматические, смысловые и стилистические функции»[7].

В каждом языке имеется, таким образом, обычный порядок слов, который, по выражению Вандриеса, «приходит первым на ум»[8]. Этот порядок и принято называть о б ы ч н ы м, или п р я м ы м, в отличие от обратного порядка, называемого и н в е р с и е й. Инверсия может быть вызвана стилистическими или смысловыми требованиями и сопровождается изменением в интонации[9].

Следует отметить, что различные смысловые или стилистические оттенки в молдавском языке могут быть выражены как изменением прямого порядка слов и интонацией, так и только изменением в интонации с сохранением обычного словорасположения, что особенно

---

[4] Там же, стр. 235.

[5] A. L a m b r i o r. Gramatica Romînă. Sintaxa de Gh. Ghibănescu. Iaşi, 1893, стр. 68—69.

[6] А. И. Т о м с о н. Общее языковедение. Одесса, 1910, стр. 310.

[7] «Грамматика русского языка», т. II, часть первая. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 660.

[8] Ж. В а н д р и е с. Язык. М., 1937, стр. 138.

[9] «Грамматика русского языка», т. II, часть вторая. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 660.

видно в предложениях с противопоставлением двух действующих лиц. Сравним предложения с обратным порядком: *Дакэ ну-й гэсиць вóй, вэ каутэ ши вэ гэсеск ей* (А. Лупан) 'Если не находите их вы, вас ищут и находят они'; *Пе шефул де пост, дакэ ну-л ымпушть, те ымпушкэ ел* (Гр. Адам) 'Начальника жандармского участка если не застрелишь, застрелит он тебя'.

В аналогичных предложениях подлежащее может быть подчеркнуто и в препозиции к сказуемому, т. е. на обычном для него месте: *Орь тў ну мэ ынцэлежь пе мине, орь еў ну те ынцэлег пе тине* (А. Лупан) 'Или ты́ меня не понимаешь, или я́ тебя не понимаю'.

В стремлении отдельных членов предложения занять и закрепить за собой определенное место в словосочетании и в предложении проявляются внутренние законы развития языка[10].

В романских языках управляющий член стремится занять место перед управляемым, т. е. сначала ставится подлежащее, затем определяющие его слова, потом глагол с следующими за ним дополнениями и обстоятельствами[11].

Таков же в основном порядок слов и в молдавском предложении[12].

В известной мере структура предложения определяется положением подлежащего и сказуемого[13], после чего устанавливается место объекта[14]. Поэтому взаиморасположение членов словосочетания, являющегося «минимальным смысловым и грамматическим объединением слов в составе предложения»[15], необходимо начать с рассмотрения места главных членов предложения.

Подлежащее и сказуемое. В связи с потерей флексий, как уже отмечалось, подлежащее отличается от прямого дополнения тем, что оно стоит перед глаголом, а объект — после глагола. Но и при отсутствии дополнения препозиция субъекта к глаголу является обычной, а в известных случаях это норма, поскольку предложение начинается с того, что уже известно, а затем следует то новое, что сообщается об известном[16], при этом «известным», как правило, является подлежащее[17].

Большое количество случаев инверсии в молдавском языке давало повод (но не основание) утверждать, что порядок слов в нем свободный.

Установление, с одной стороны, обычного, преобладающего порядка слов и наличие, с другой стороны, инверсии даже в аналитических языках[18] объясняется двумя важнейшими функциями языка — коммуникативной и экспрессивной.

---

10 Б. А. Серебренников. К выяснению сущности внутренних законов развития языка. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания», V, 1953, стр. 22—23; В. А. Звегинцев. Внутренние законы развития языка. «Материалы к курсам языкознания». М., изд-во Моск. ун-та, 1954, стр. 26.

11 М. В. Сергиевский. Введение в романское языкознание. М., 1952, стр. 102—103; Henri Weil. L'ordre des mots dans les langues modernes comparées aux langues anciennes. Ed. 2. Paris, 1869, стр. 43.

12 Р. Г. Пиотровский. Ку привире ла лежиле лэунтриче але лимбий молдовенешть (к вопросу о законах внутреннего развития в молдавском языке). «Октомбрие», 1953, № 6, стр. 77.

13 А. Чистякова. Взаимопорядок подлежащего и сказуемого в повествовательном предложении. «Русский язык в школе», 1954, № 6, стр. 5.

14 Ж. Вандриес. Указ. соч., стр. 139.

15 В. П. Сухотин. Проблема словосочетания в современном русском языке. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 151.

16 В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. «Вопросы языкознания», 1954, № 1, стр. 25.

17 G. le Bidois et R. le Bidois. Syntaxe du français moderne, t. II. Paris, 1938, стр. 5.

18 «Иностранные языки в школе», 1948, № 4, стр. 19; 1950, № 2, стр. 24 и след.

Для того, чтобы служить средством общения, чтобы лучше выполнять свою основную — коммуникативную — функцию, язык вырабатывает единые нормы и привычные модели.

Для проявления же другой функции — экспрессивной — нужны разнообразные языковые средства, нужны различные возможности выражения мыслей, а это не может не отразиться и на порядке слов.

Но разные модели, или типы, словорасположения не устанавливаются произвольно, а всегда обусловлены рядом факторов.

Так, место подлежащего относительно сказуемого определяется не только необходимостью быть отличимым от одинакового по форме дополнения, но и контекстом в целом, жанром или стилем речи, типом предложения (повествовательное, вопросительное), характером высказывания (авторская или диалогическая речь), связью с другими членами предложения и с другими частями более сложного синтаксического целого, наконец морфологической и семантической природой самого подлежащего или сказуемого.

В простом нераспространенном предложении, в котором ни один из членов не подчеркивается и не выделяется, а говорящий стремится передать содержание всего высказывания в целом, подлежащее обычно в препозиции: *Армашул еши* (К. Негруци) 'Слуга вышел'; *Дурериле крештяу* (там же) 'Боли усиливались'.

Подлежащее также предшествует сказуемому, если за последним находится обстоятельство или дополнение: *Епеле меле паск нумай ноаптя* (М. Еминеску) 'Мои лошади пасутся только ночью'; *Колхозул ле-а адус луминэ ши богэцие* (А. Лупан) 'Колхоз принес им свет и богатство'; *Сатул Хайцу се одихня тэкут ши мэхнит ынтре челе трей дялурь ынекате ын ливезь* (Гр. Адам) 'Село Хайцу отдыхало спокойно и грустно между тремя холмами, утопающими в садах'.

Такое словорасположение вытекает из централизующего характера сказуемого, находящегося в синтаксической связи как с подлежащим, так и с дополнением или (и) обстоятельством [19].

Препозиция подлежащего является нормой, если оно выражено вопросительным или относительным местоимением [20] *чине, че, каре* 'кто', 'что', 'какой', а также личным местоимением. Это объясняется тем, что местоимения указывают на что-то предшествующее [21]. *Ел totуш 'аврут сэ се ынтоаркэ* (Гр. Адам) 'Он все же не хотел вернуться'; *Че а фост, с' о трекут* (А. Лупан) 'Что было, прошло'; *Чине аре сэ-ць читяскэ пуричий иштя?* (его же) 'Кто сможет читать эти твои каракули?'.

Такой же порядок характерен для предложений с однородными сказуемыми: *Кэлугэрул, зикынд ачестя, цинти окий ын жос ши стэту пуцин афундат ын гындурь* (В. Александри) 'Монах, сказав это, опустил глаза вниз и сидел, надолго погруженный в думы'.

Подлежащее в препозиции и в авторских словах, вводящих прямую речь: *Сорэ-мя Катрина зисе атунч ку мираре: «Й-аузь, бэдицэ. . .»* (И. Крянгэ) 'Моя сестра Катрина сказала тогда удивленно: «Слышишь, брат! . .»'.

---

19 Е. Bernekеr. Die Wortfolge in den slavischen Sprachen. Berlin, 1900, стр. 160.

20 То же отмечает в русском языке проф. М. Н. Петерсон («Синтаксис русского языка». М., 1930, стр. 7).

21 М. М. Никитина. Порядок слов в современном русском языке. «Ученые записки фак-та языка и лит-ры Кабардино-Балкарского гос. пед. ин-та», вып. 1, 1940.

Инверсия подлежащего — не всегда отступление от обычного порядка в стилистических целях, но в известных случаях она является нормой.

Выдвижение на первое место обстоятельства или дополнения приводит к постпозиции подлежащего: *Алэтурь ку бордеюл ера суб пэмынт о пивницэ* (М. Еминеску) 'Рядом с хижиной был под землей погреб; *Ын харман дупэ стогул де пае стэтяу дой оамень* (Ем. Буков) 'В сарае за скирдой соломы стояли два человека'.

Постпозиция подлежащего почти не знает исключений при возвратных глаголах, воспринимаемых как безличные в особенности типа *се ауде* 'слышно', *се веде* 'видно': *С'а аузит цэкэнитул уней митралиере* (Ем. Буков) 'Послышалась пулеметная очередь'.

В таких предложениях следует отметить два момента. Предложение — это звуковая материальная оболочка суждения [22]. Однако субъект и предикат суждения могут не совпадать с грамматическими подлежащим и сказуемым предложения, выражающего данное суждение [23]. Для суждения обязательно наличие его субъекта и предиката, а грамматическое предложение может быть и безличным, т. е. без подлежащего. Такими предложениями являются и приводимые в книге Н. И. Кондакова примеры (*светает*, *морозит*). В молдавской грамматике к безличным [24] относятся предложения типа *се зиче* [25] 'говорят', *се ынтымплэ* 'случается', а глаголы типа *се ауде* 'слышно', 'слышится', *се веде* 'видно', 'виднеется' сходны с ними и по форме и по значению.

В приведенном предложении *С'а аузит цэкэнитул уней митралиере* субъектом суждения — психологическим субъектом, по терминологии Филиппиде [26] — является *с'а аузит*, а его предикатом — *цэкэнитул уней митралиере*.

С другой стороны, при этих глаголах, так как они функционируют как безличные, существительные или местоимения воспринимаются как дополнения. «По мере исчезновения склонения... устанавливается порядок: подлежащее — глагол — дополнение... Всякое существительное или местоимение, находящееся после глагола, понимается как дополнение...», — пишет Л. Фуле [27]. Отсюда и обратное: всякое слово, воспринимаемое как дополнение, ставится после глагола, хотя грамматически оно является подлежащим [28].

Инверсия подлежащего обязательна в вопросительных предложениях, начинающихся с вопросительного слова *че* 'что', *кум* 'как', *унде* 'когда' и других, если на них не падает логическое ударение. Если на подлежащее падает логическое ударение, оно может стоять и в начале предложения, но не между вопросительным словом и сказуемым,

---

22 Н. И. Кондаков. Логика. М., 1954, стр. 163. — Следует отметить, что не всякое предложение выражает суждение. — *Ред.*

23 Р. А. Будагов. Очерки по языкознанию. М., 1953, стр. 207; Н. И. Кондаков. Указ. соч. стр. 165.

24 В. А. Комарницкий ши С. Г. Мелницкая. Указ. соч., стр. 43.

25 Э. Бурсье. Основы романского языкознания. М., 1952. — Бурсье отмечает сравнительно недавнее появление этой формы, заменившее древнее *зик* 'говорят', справедливо отнеся такие предложения к неопределенно-личным (стр. 504).

26 Al. Philippide. Istoria limbiĭ Romîne, t. 1. Яссы, 1894, стр. 126.

27 L. Foulet. L'ordre des mots et l'analyse de la phrase, Romania, 1923, t. 49. стр. 125.

28 Характерно, что в сложных предложениях после глаголов *се зиче*, *се ауде*, образующих главное предложение, вводится придаточное подлежащее с союзом дополнительных предложений *кэ* 'что' (см. И. Ф. Мокряк. Очерки по сложноподчиненному предложению в современном молдавском литературном языке. Автореф. дисс. М., 1954, стр. 6, 8). И. Ф. Мокряк считает указанные глаголы безличными.

что заметил еще Я. Гинкулов[29]: *Да че фаче мэмука? — ынтребарэ тоць деодатэ, кынд дежугау боий* (И. Крянгэ) 'А что делает мать? — спросили все сразу, когда выпрягали волов'; *Кум крезь думнята?* (А. Лупан) 'Как думаете вы?'.

В авторских словах после или в середине прямой речи подлежащее всегда следует за сказуемым: *Апой дар ыл вой аштепта, зисе фата* (К. Негруци) 'Тогда я его подожду, — сказала девушка'.

Глагол обычно предшествует подлежащему в сказках, в повествованиях: *Ера одат'о о бабэ ши ун мошняг* (И. Крянгэ) 'Были однажды старуха и старик'.

То или иное положение подлежащего или сказуемого тем более закрепляется, если это место определяется не одним, а несколькими факторами: *Ынтр'о зи се ведяу дой оамень кэлэторинд прин пустиу* (М. Еминеску) 'Однажды видны были два человека, путешествовавших по пустыне'.

Здесь постпозиция подлежащего вызвана тремя факторами: неопределенно-личным типом глагола, тем, что в начале предложения стоит обстоятельство места, и повествовательным характером контекста.

Имя существительное и определение к нему. Мнение о свободном порядке слов в молдавском языке подтверждают обычно тем, что определение может стоять как перед именем, так и после него. Подобное явление наблюдается не только в молдавском языке. Так, Ф. Диц[30] пишет, что в романских языках некоторая свобода сохранилась в большей степени, чем в современных германских языках, и иллюстрирует сказанное эпитетом, т. е. определением.

Действительно, часто определения могут сравнительно свободно менять свое место относительно определяемого имени существительного. И тем не менее наиболее последовательный член предложения, с точки зрения места, в молдавской фразе — это определение.

Можно отметить три вида определений: а) определения, всегда стоящие перед определяемым словом, б) определения, которые могут менять свое место относительно определяемого слова и в) определения, употребляющиеся только после определяемого слова.

а) Перед именем существительным стоят неопределенные местоимения и местоименные числительные *орьче* 'любой', *фиекаре* 'каждый', *вре-ун* 'какой-то', *кыцьва* 'несколько', *ачелаш* 'тот же', *алт* 'другой'[31]; количественные числительные, наречия *аша*, *астфел де*, *асэменя* 'так', 'такой'; *Те штиу, кэ ешть бунишоарэ ши кэ-мь вей май дэруи кыцьва ань* (К. Негруци) 'Я знаю, что ты добренькая и подаришь мне еще несколько лет'; *Алт трактор ый требуе ей* (Гр. Адам) 'Другой трактор нужен ей'.

Прилагательные *бет*, *сэрман* в значении 'бедный', 'несчастный' закрепили свое место перед именем[32]: *Аша се мунчи бята норэ пын дупэ мезул нопций* (И. Крянгэ) 'Так мучилась бедная сноха до после полуночи'.

б) Перед именем существительным и после него могут стоять качественные прилагательные, указательные местоимения, порядковые числительные, местоименное числительное *мулт* 'много'.

---

[29] Я. Гинкулов. Начертание правил валахо-молдавской грамматики. СПб., 1840, стр. 544.

[30] F. Diez. Grammaire des langues romanes, t. III, 1876, стр. 413, 416.

[31] Kr. Sandfeld et. H. Olsen. Syntaxe roumaine, t. 1, Paris, 1936, стр. 180, 187, 197, 198, 213, 226—227.

[32] Ал. Граур объясняет препозицию таких прилагательных их аффективным характером (A. Graur. Locul adjectivului în românește. «Viata Românească», 1938, № 12, стр. 81).

Употребление определения перед существительным или после него диктуется стилем, желанием подчеркнуть какое-либо слово, связью с другими словами.

Обычно же прилагательное и указательное местоимение стоят после имени, числительное *мулт* — перед ним, порядковые числительные перед или после в зависимости от смысла: *Ын цинутуриле ачестя примитиве ши сэлбатиче ши омул аре чева деосебит* (А. Руссо) 'В местах этих, примитивных и диких, и в человеке есть что-то особенное'; *Хайнеле ачестя ле привеск алтфел, ле респектязэ* (его же) 'На эту одежду (они) смотрят иначе, ее уважают'.

В некоторых случаях, когда на прилагательное падает логическое ударение, оно может находиться и перед определяемым им словом: *Ел а ешит ярэш афарэ, а адус ун брац войническ де попушой де чей тинерь ши л-а пус ын фаца харничелор добитоаче* (Б. Истру) 'Он вышел во двор, принес крупную вязку молодой кукурузы и положил ее перед старательной скотиной'.

Прилагательное *бун* также может менять свое место, но в ряде выражений оно приобрело, как и некоторые другие прилагательные, лексикализованное значение, и тем самым место его закрепилось[33]. Так, в обращении оно всегда в постпозиции: *Оамень бунь, штиць пентру че сыптець кемаць аич, ынтре ной?* — *зисе боерул ку блындецэ* (И. Крянгэ) 'Люди добрые, знаете, зачем вас позвали сюда, среди нас? — сказал боярин с добротой'.

В сочетаниях типа *бунэ димуняцэ, бунэ зыуа* 'доброе утро', 'добрый день' препозиция прилагательного обычно не знает отступлений.

Примеры с препозицией и постпозицией указательного местоимения: *Еу ам аузит деспре ынтымпларя аста* (А. Лупан) 'Я слышал об этом случае'; *Ба ну, дрэгуцэ, че думнезэу, а фэкут ачастэ минуне ку Ева нумай...* (К. Стамати) 'Да нет, милый, бог с тобой, это чудо (он) совершил лишь с Евой'.

Сочетания *вое бунэ* и *бунэ вое* совершенно различны по смыслу. Первое обозначает 'хорошее настроение' и часто с предлогом *ку* вводится в предложение в роли обстоятельства: *Кеф ши вое бунэ,* — *зисе челалалт, скоцынд о хринкэ ынгецатэ дин десажь, пырпэлинд-о пе жэратик ши дынду-не ши ноуэ кыте о хринкэ* (И. Крянгэ) 'Веселье и бодрое настроение, — сказал другой, вынимая замерзший кусок хлеба из мешка, подогревая его на огне и давая и нам по кусочку'.

С предлогом *де* впереди выражение *бунэ вое* означает 'добровольно', 'по собственному желанию': *Еу, оамень бунь ши товарэшь начальничь, пэмынтул ыл дэу сынгур де бунэ вое* (А. Лупан) 'Я, люди добрые и товарищи начальники, землю отдаю сам, добровольно'.

Также несколько меняется смысл порядкового числительного в зависимости от места. Перед именем оно означает номер по порядку, место или время при счете, т. е. признак, взятый относительно другого: *С'а ынтинс дин спете, оаселе ау покнит, а кэскат слобод ш'апой а дат фуга ла а трия касэ сэ вадэ, че фаче Фодоскэ* (Гр. Адам) '(Он) потянулся, кости затрещали, свободно зевнул и затем побежал к третьему дому посмотреть, что делает Фодоска'.

После имени существительного порядковое числительное[34] обозначает постоянное название предмета, выступая как определительный

---

[33] Р. Г. Пиотровский. Деспре мануалеле школаре де лимбэ молдовеняскэ. «Ынвэцэторул советник». 1952, № 11, стр. 35.

[34] А. Ламбриор отмечает, что в румынском языке порядковое числительное находится в постпозиции к имени (A. Lambrior. Указ. соч., стр. 83); Тиктин же говорит, что оно может быть и перед именем, и после него (H. Tiktin. Gramatica Romîna, II. Sintaxa. Bucureşti, 1895, стр. 117).

признак: *бригада а доуа де кымп* 'вторая полевая бригада'; *класа а чинчя* 'пятый класс'; *Нумай ла ной ын класа а шася «А» сынтем трийзечь* (А. Лупан) 'Только в шестом классе «А» нас тридцать'.

Однако перестановка числительного может играть и стилистическую роль.

в) Чаще всего определение находится после имени. Это правило относится к большинству тех определений, которые могут стоять и перед определяемым словом.

Прилагательное, обозначающее цвет, находится после определяемого слова: *Луна палидэ тречя принтре ноурь сурь ка о фацэ лимпеде прин мижлокул унор висе тулбурь ши сэчь* (М. Еминеску) 'Луна бледная проходила между облаками серыми, как лицо ясное среди снов неспокойных и сухих'.

Сюда же можно отнести многочисленные примеры из народных песен, начинающихся на *фрунзэ верде* 'лист зеленый'.

Относительные прилагательные, прилагательные, обозначающие национальность (*русеск*, *молдовенеск*), язык (*лимба молдовеняскэ*), стоят после имени существительного. Также после существительного стоят прилагательные в фразеологических сочетаниях типа *Униуня Советикэ*, *Армата Советикэ*, *советул сэтеск* и в топонимических названиях: *Еу сынт де лежя молдовеняскэ, ка ши тоць оамений дин луме* (К. Стамати) 'Я молдавской веры, как и все люди на земле'; *Визитиул, ын векь костум русеск, ку барба лунгэ, ый мына ку хэцурь, акоперите ку цинте де аржинт, пэзинд ун аер грав, вредник де ун мажистрат* (К. Негруци) 'Извозчик, в старом русском костюме, с длинной бородой, погонял их вожжами, покрытыми серебряными гвоздями, сохраняя серьезный вид, достойный судьи'; *Петря шь-а венит ын фире ши де кэлдурэ ши де веселия згомотоасэ а солдацилор советичь* (Ем. Буков) 'Петря пришел в себя и от тепла и от шумного веселья советских солдат'.

Такое же положение является нормой для определения, выраженного существительным с предлогом: *Кынд соареле руменеште пятра ачаста ынтунекатэ, орь о пэсэрикэ фэрэ грижэ кынтэ пе о рамурэ субцире а теюлуй дештептаря зорилор, ной тречем пе аич фэрэ грижэ, шуерынд* (А. Руссо) 'Когда солнце освещает этот темный камень или птичка беззаботная поет на тонкой ветке липы о пробуждении зари, мы проходим здесь беззаботно, насвистывая'; *Корул де копий а кынтат* (Гр. Адам) 'Детский хор пел'.

Ряд детерминативов, которые употребляются и перед определяемым словом и после него, в некоторых указанных ниже случаях может стоять только в постпозиции к последнему. Сюда относятся:

1. Качественные прилагательные, вводимые адъективальным артиклем *чел*: *Ну тречe токмай мулт, ши вине время де ынсурат ши фечорулуй челуй мик* (И. Крянгэ) 'Не проходит много времени и приходит время женить и младшего сына'.

2. В постпозиции к определяемому слову стоят (с отклонениями лишь в поэзии и в некоторых местных говорах) притяжательные местоимения, отличаясь тем самым от западнороманских языков[35], и существительные в родительном падеже: *Тэтэл луй ый офицер ши аре о мулциме де ордене. Ши тэтэл меу тот аре ордене ши медалий* (А. Лупан) 'Его отец офицер и имеет множество орденов. И мой отец также имеет ордена и медали'; *Ун колц ал касей ера стрымб ши пэря,*

---

[35] В. Ф. Шишмарев. Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР. «Вопросы молдавского языкознания». М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 83.

кэ-й гата-гата сэ се прэвале (И. Канна) 'Один угол дома скосился, и казалось, что вот-вот обвалится'.

Если же существительное в родительном падеже, притяжательное местоимение, а также порядковое числительное определяют существительное в родительном или дательном падеже, то возможность препозиции определения исключена: *Яр фецеле ачестор оамень тречяу прин фаца окелор Таисей ши лучяу асеменя унор куците лате де оцел* (Ем. Буков) 'А лица этих людей проходили перед глазами Таисии и блестели, словно широкие стальные ножи'; *Малка — аша ера нумеле нурорий луй жупын Струл — а ешит афарэ, ка сэ-шь вадэ харабажиул* (И. Крянгэ) 'Малка — таково было имя невестки господина Струла — вышла во двор, чтобы видеть своего возчика'.

Предпочтение определения к постпозиции видно из топонимики, из фразеологических, устойчивых сочетаний, из ономастики: *Армата Советикэ*, *Молдова Советикэ*, *Маря Нягрэ*, *Четатя-Албэ*, *Штефан чел Маре*, *Александру чел Бун*, *Петру Шкьопул*, *Вадул луй Водэ*, *Ион а Мариней*, *Барбэнягрэ*, *Лаптеакру* (фамилии).

Существует известная последовательность, если к одному слову относится несколько определений. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся случаи.

Если одно определение имя прилагательное, а другое — имя существительное в родительном падеже, то прилагательное располагается рядом с определяемым словом, за ним следует существительное в родительном падеже: *Ел ста пе куптьор ши аскулта тунетул ындепэртат ал артилерией* (Ем. Буков) 'Он сидел на печке и слушал отдаленный грохот артиллерии'; *Дар сомнул ну се приндя де женеле остените але луй Ион* (Б. Истру) 'Но сон не приставал к уставшим ресницам Иона'.

Также перед существительным в родительном падеже стоит и определение, выраженное существительным с предлогом: *Прин ушиле де стиклэ але дулапурилор се ведяу кэрць гроасе ши фрумоасе* (И. Канна) 'Сквозь стеклянные двери шкафа виднелись толстые и красивые книги'.

Если же вместо генетива стоит притяжательное местоимение, то оно ставится перед определением, вводимым предлогом, и перед прилагательным: *Група ноастрэ де инициативэ ый дестул де маре ши-й куратэ* (А. Лупан) 'Наша инициативная группа достаточно большая и чистая'; *Ун сынже пурпуриу а вэпсит пеля луй лучие ка атлазул ши нягрэ ка пана корбулуй* (К. Негруци) 'Алая кровь окрасила кожу его, блестящую, как атлас, и черную, как перо ворона'.

Такое положение местоимения перед другими определениями Р. А. Будагов связывает со стремлением имени «опереться на местоимение». «Сила, с которой имя притягивает к себе местоимение, а местоимение стремится к имени, оказывается столь мощной, что раздвигает даже рамки словосочетания. . . *сакул меу де друм* 'мешок мой дорожный'» [36].

Прилагательное вводится перед существительным с предлогом или существительным в родительном падеже, если оба определяют одно слово (*касэ марэ де пятрэ* 'большой каменный дом', *костумул ноу ал фрателуй* 'новый костюм брата'); прилагательное (а с ним иногда и притяжательное местоимение) может и предшествовать определяемому слову, в то время как другие детерминативы остаются в постпозиции (*о маре касэ де пятрэ*, *ноул костум ал фрателуй*, *маря ноастрэ пат-*

---

36 Р. А. Будагов. Функции личных местоимений в современном румынском языке. «Известия АН СССР. Отд. лит-ры и языка», вып. 5, 1948, стр. 441.

рие): *Портицеле скырцыяу дин цыцынь ши фэчяу лок умбрелор нелэмурите де фемей сэ ынтре ку кэлдэриле плине* (Гр. Адам) 'Калитки скрипели и пропускали неясные женские тени, проходившие с полными ведрами'.

Такая расстановка двух определений необходима из-за слабо развитой системы согласования; нарушение этого порядка приводит к двусмысленности, так как не всегда ясно, к какому из предшествующих существительных относится определение-прилагательное [37].

Глагол и дополнение. Дополнение обычно следует за глаголом, что соответствует общей тенденции словорасположения в молдавском языке. Как уже говорилось, это связано с потерей флексии и стремлением языка к точности, к избежанию путаницы. Место дополнения после глагола определилось после (или одновременно) опро́щения — по выражению проф. В. А. Богородицкого — латинской системы склонения, с исчезновением конечных *s* и *m*. Это исчезновение флексии номинатива и аккузатива имело место уже до формирования молдавского и других восточнороманских языков, поэтому мы постпозицию дополнения можем считать изначальной в молдавском языке.

«Утрата падежных окончаний и развитие аналитического строя романских языков подготовлялись медленно, в течение тысячелетий,— пишет Б. А. Серебренников. — . . . Отпадение конечных *m* и *s* в народной латыни, приведшее к таким явлениям, как, например, установление омонимии именительного и винительного падежей и исчезновение среднего рода, еще более усугубивших разрушение падежной системы, было наблюдаемо уже в латинских надписях, а данные других индоевропейских языков говорят о том, что это явление началось еще раньше» [38].

Поэтому в предложении, состоящем из имени существительного в форме номинатива-аккузатива, из глагола и другого имени в номинативе-аккузативе, последнее воспринимается как прямой объект. В предложениях *Мама мынгые копилул* и *Копилул мынгые мама*, как бы мы ни меняли логическое ударение или интонацию, дополнением остается последнее слово [39].

Для препозиции объекта — при необходимости его подчеркнуть — приходится обращаться к дополнительным средствам, образованным в Восточной Романии взамен утраченной флексии: использование определенной формы существительного для субъекта и неопределенной формы для объекта; употребление предлога *пе* перед прямым объек-

---

[37] Это отмечено в рецензии С. Г. Бережан и А. М Дырул на русско-молдавский словарь 1954 г.: «Когда после имени существительного следуют два определения, приоритет за качественным прилагательным, которое стоит обычно сразу же после существительного; относительное прилагательное (авторы имеют в виду существительное с предлогом, соответствующее русскому относительному прилагательному, как это видно из примеров. — *Б. В.*) занимает второе место. Так и встречаются эти сочетания в словаре, например: *контразичерь антагонисте де класэ* (антагонистические классовые противоречия), *организацие примарэ де партид* (первичная парторганизация) . . . *луптэ де класэ ынвершунатэ* (ожесточенная классовая борьба) нарушая это общее правило (разрядка моя. — *Б. В.*). Ошибка тем более серьезна, что качественное прилагательное *ынвершунатэ* (ожесточенная), которое стоит в конце, может быть определением к обоим предшествующим ему существительным (оба одного числа и рода). . .» («Ынвэцэторул советик», 1954, № 12, стр. 55).

[38] Б. А. Серебренников. Проблемы сравнительно-исторического изучения языков и вопросы молдавского языкознания. «Вопросы молдавского языкознания». М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 44.

[39] N. Drăganu. Morfemele româneşti ale complementului în acuzativ şi vechimea lor. Bucureşti, 1943, стр. 32.

том — названием лица[40]; использование, как и в других языках, краткого местоимения, дублирующего при глаголе предшествующий ему прямой или косвенный в дативе объект («реприза» объекта)[41].

Так, в приведенном выше предложении *Мама мынгые копилул* инверсия возможна при использовании дополнительных средств: *Копил мынгые мама, пе копил*(*ыл*) *мынгые мама* и *Копилул ыл мынгые мама*[42].

Обычный для объекта порядок (прямое дополнение): *Яка аич ынтре хорн ць-ам лэсат мынкаре* (Гр. Адам) 'Вот здесь за печкой я тебе оставила еду'; *Еа путя сэ афле тотул дела непоатэ ши сэ анунце сигуранца* (Ем. Буков) 'Она могла узнать все у племянницы и сообщить полиции'. Этот порядок не единственно возможный, но он наиболее узаконен, если на вопрос объекта отвечает глагол в инфинитиве или в конъюктиве. Этот последний может быть удален от глагола, с которым он связан, но случаи, когда он предшествует, редки: *Мама мь-а рэспунс сэ рэмын ын касэ. . .* (А. Лупан) 'Мама мне ответила, чтобы я остался дома. . .'; *Еу ну пот хотэры*! (А. Лупан) 'Я не могу решить!'.

Следует за глаголом и косвенный объект: *Еу ну фак рэу нимэнуй ши ну мэ аместик ын требуриле лор* (А. Лупан) 'Я не делаю зла никому и не вмешиваюсь в их дела'; *Пептул се липя де пэмынтул клейос* (Ем. Буков) 'Грудь прилипала к клейкой земле'.

Дополнение может и предшествовать глаголу. При этом, как уже говорилось, прямое дополнение или косвенное в дативе повторяется при глаголе в форме личного краткого местоимения, согласованного с ним в роде, числе и падеже, а если объект выражен местоимением, то и в лице.

Если к глаголу относятся два объекта, прямой и косвенный, то косвенное дополнение должно предшествовать лишь при возможности двусмысленности. Это отмечали уже грамматисты XVIII и XIX вв.: Раду Темпя[43] писал, что во избежание сомнений, стоит ли слово «во втором или в третьем падеже», т. е. в дательном или винительном, следует сначала ставить слова в дательном, т. е. вместо *Ам адус калул домнулуй* 'Я привел лошадь господину (или господина)' писать *Ам адус домнулуй калул* 'Я привел господину лошадь'. Аналогичный пример приводит и Гинкулов[44].

Если косвенный объект (в дативе) стоит при безличном глаголе (типа *а-й фи сомн* 'хотелось спать', *а-й фи фриг* букв. 'быть холодно', *а-й фи дор* 'скучать'), являясь логическим субъектом, то он предшествует сказуемому: *Фетицей ый ера сомн, дар еа штия, кэ ын ноаптя ачаста де ярнэ еа н'аре дрепт, ну поате сэ доармэ* (И. Канна) 'Девочке хотелось спать, но она знала, что в эту зимнюю ночь она не имеет права, она не может спать'; *Куконицей ну-й е пре бине, фэ деграбэ ништэ пыржоале* (К. Негруци) 'Барыне что-то нехорошо, сделай скоро несколько котлет'; *Луй Хартене и с'а пэрут шагэ* (Гр. Адам) 'Хартене (это) показалось шуткой'.

Глагол и обстоятельство. Обычное место обстоятельства в предложении — после глагола. Если при глаголе имеется и дополнение, то обстоятельство может помещаться перед ним или после него, в зависимости от вида обстоятельства (см. ниже), логического ударения и

---

40 A. Rosetti. Istoria limbii române, I. Bucureşti, 1940, стр. 161.

41 Р. А. Будагов. Указ. соч.; Kr. Sandfeld et H. Olsen. Указ. соч., стр. 107—108.

42 N. Drăganu. Указ. соч., стр. 32.

43 Раду Темпя. Грамматикэ ромыняскэ. Сибий, 1797, стр. 177.

44 Я. Гинкулов. Указ. соч., стр. 537.

эмоциональной окраски обстоятельства. Однако очень часты случаи когда предложение начинается с обстоятельства, большей частью времени или места. Объясняется это тем, что, как пишет Вейль, обстоятельство находится как бы вне предложения[45]. Обстоятельство образа действия, в особенности если оно выражено наречием, примыкает обычно непосредственно к глаголу, следуя за ним. Поэтому в молдавской фразе обстоятельство образа действия предшествует другим видам обстоятельств, а также часто и дополнениям: *Штефан а луат-о ынчет прин грэдинь* (Ем. Буков) 'Штефан пошел медленно через сад'; *Мустяцэ трэжя ку плэчере дин цыгарэ* (Я. Кутковецкий) 'Мустяцэ тянул с удовольствием папиросу'.

Примеры, где обстоятельство предшествует глаголу: *Ынтр'о зы, ел дормя дупэ прынз* (К. Негруци) 'Однажды он спал после обеда'; *Ла скарэ ыл аштепта ун фрумос армэсар негру* (его же) 'У лестницы его ожидал красивый вороной конь'.

* * *

Взаимосвязь и взаимозависимость двух частей грамматики — морфологии и синтаксиса — проявляется в молдавском языке очень своеобразно.

Известно, что «синтаксис зависит в языках в первую очередь от их флективной системы и ею в ряде своих черт определяется»[46], причем эта зависимость проявляется и отмечается языковедами в историческом плане. Новый порядок слов устанавливается в романских языках в результате или после (хотя п о с л е не должно означать обязательно большого промежутка времени) потери флексии[47]; о синхроническом проявлении этой зависимости в правилах функционирования современных романских языков говорить не можем (например, изменение формы слова при его склонении или спряжении не приводит к изменению порядка слов: во франц. j'écris une lettre, nous écrivons une lettre; в молд. *еу скриу о скрисоаре*, *ной скрием о скрисоаре* 'я пишу письмо', 'мы пишем письмо').

Однако в правилах функционирования современного молдавского языка наблюдается обратное явление: зависимость морфологии от синтаксиса, изменения формы слова и структуры предложения от места слова, а в отдельных случаях и воздействие изменения формы на порядок слов.

Зависимость порядка слов от изменения формы слова видна из уже приведенных ранее примеров, в которых показывалось, что определения, выраженные существительным в родительном падеже, притяжательным местоимением или порядковым числительным, могут стоять как после, так и (в стихах) перед определяемым именем, если последнее имеет форму номинатива-аккузатива (*колхозул ностру— ал ностру колхоз* 'наш колхоз', *картя фрателуй — а фрателуй карте* 'книга брата'), но эти определения могут быть только в постпозиции, если относятся к имени в форме генитива-датива (*кырмуиря колхозулуй ностру* 'правление нашего колхоза', *коперта кэрций фрателуй* 'переплет книги брата', *кондукэторул бригэзий а доуа* 'руководитель второй бригады').

---

[45] H. W e i l. Указ. соч., стр. 62.

[46] Л. А. Б у л а х о в с к и й. Вопросы исторического развития языка в свете работ И. В. Сталина по языкознанию. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина». М., Изд-во Моск. ун-та, 1952, стр. 224—225.

[47] А. М е й е. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 435.

Что касается обратного явления, т. е. изменений формы слова в зависимости от его положения в словосочетании, то они происходят главным образом при изменении места некоторых видов определения и дополнения.

А. Изменение обычного места определения

1. Имя прилагательное. Если определяющие прилагательные, стоящие обычно после имени существительного в определенной форме, помещаются впереди последнего, то прилагательное принимает определенную (членную) форму, а существительное становится в неопределенной форме, например, *омул бун* и *бунул ом*.

. . . *Лумя веке*, збэтынду-се, моаре.
Лумя ноуэ се наште, луптынд
'. . . Старый мир, мечась, умирает,
Новый мир рождается, борясь'
(«Славэ Молдовей Советиче»).

В этом примере существительное *лумя* в определенной форме предшествует прилагательному, а прилагательные *веке* и *ноуэ*, стоящие после существительного, употреблены в неопределенной форме.

В приведенном ниже предложении прилагательные находятся в препозиции и имеют определенную (членную) форму (*векий*, *тынэрул*, *слэвитул*), а существительные *лумь*, *стат*, *друм* — неопределенную:

Пе а шася парте а планетей,
Пе руиниле *векий лумь*,
Тынэрул стат советик
'Ынчепут-а *слэвитул* сэу *друм*
На шестой части планеты,
На руинах старого мира,
Молодое государство советское
Начало славный свой путь'
(«Славэ Молдовей Советиче»).

2. Указательное местоимение. Указательные местоимения простые (*аиста*, *аста*, *ачела*, *ачея*) стоят после существительного в определенной форме, будучи сами в так называемой членной форме: *омул ачела*, *фата ачея*. Когда же они находятся перед существительным, оба слова — и местоимение и существительное — теряют членную форму: *ачя ом*, *ачя фатэ*.

Ын *зиуа чея* де тоамнэ
Сфэрмат-ам робия амарэ
'В день тот осенний
Сломили мы горькое рабство'
(«Славэ Молдовей Советиче»).

. . . *яр май алес астэ-ноапе шь-а дат ын билиард шалул*, *ороложиул ши страеле*, *рэмынынд нумай ын кэмешэ* (К. Стамати) '. . . в особенности в эту ночь он проиграл в биллиард шарф, часы и одежду, оставшись в одной рубахе'.

3. Местоимение *челэлалт*. Сложное местоимение *челэлалт* 'тот другой' (*чялалтэ*, *чейлалць*, *челелалте*) меняет форму определяемого существительного, не испытывая изменений. Если *челэлалт* находится в препозиции, то имя стоит в неопределенной (нечленной) форме,

если же местоимение следует за именем, то имя принимает определенный артикль (*челэлалт ом, омул челэлалт*): *Да гросул л-ом фаче ной ку оамений ноштри: еу, думнята, Иордаке, Епифан, чейлалць сэтень. . .* (А. Лупан) 'А главное сделаем мы с нашими людьми: я, вы, Иордаке, Епифан, остальные сельчане. . .'; *Ла ворбеле естя цэраний чейлалць ау ынчепут а стрынже дин умере (И. Крянгэ)* 'При этих словах остальные крестьяне стали пожимать плечами'.

4. Определения, выраженные генитивом или притяжательным местоимением.

Генитив и поссесив следуют обычно за определяемым именем. Однако они могут быть отделены от последнего другими словами, а также предшествовать ему, чаще в стихах и крайне редко в прозе.

а) Если генитив или поссесив (притяжательное местоимение) отделены от определяемого слова, то в предложении появляется новый элемент — местоименный артикль — перед отдаленным генитивом. Формы определяемого слова и определения при этом не меняются: *Ын партя стынгэ, ынтре дой салкымь ыналць, требуе сэ фие каса Домникэй* (Б. Истру). 'С левой стороны, между двумя акациями, должен быть дом Домники'; *Баде Павэл, баде Павэл! — стригэ Тимофей ла поарта ыналтэ а Дамашканулуй* (его же) 'Дядя Павел, дядя Павел! — звал Тимофей у высоких ворот Дамашкана'.

Ср. в первом предложении сочетание с генитивом *каса Домникэй* со словами второго примера *поарта ыналтэ а Дамашканулуй*, где из-за вставленного перед генитивом слова *ыналтэ* добавлен местоименный артикль *а* (ж. р. ед. ч. от артикля *ал*).

б) Если генитив или притяжательное местоимение предшествуют определяемому слову, то перед ними должен быть местоименный артикль, а определяемое слово ставится в неопределенной форме (например, *фрателе меу, ал меу фрате*): *Капела луй албастрэ се тэвэля прин апропиере* (Ем. Буков) 'Его синяя шапка валялась поблизости'; *Депэртэ пе тоць чейлалць ай сэй салваторь* (К. Негруци) 'Удалил всех остальных своих спасителей'.

В первом предложении слово *капела*, находясь перед притяжательным местоимением *луй*, стоит в определенной форме. В следующем примере, где определение *сэй* находится в препозиции к имени, определяемое слово стоит в неопределенной форме (*салваторь*), а местоимению предшествует местоименный артикль *ай*.

Б. Изменение места дополнения

Если дополнения — прямое, стоящее в определенной форме, а косвенное в дативе — находятся в препозиции к глаголу, то при глаголе появляется новый элемент — краткое местоимение.

Уже Гинкулов писал: «. . . когда зависящий от глагола падеж полагается впереди его, тогда между ними (и именно перед самим глаголом) вставляется сопрягательное местоимение, соответствующее тому падежу и согласуемое с ним в роде и числе, т. н. *пре фрателе луй еу ну л-ам вэзут* (брата его я не видел); *зилеле вякулуй чине ле ва нумэра?* (дни века кто изочтет?). Это правило тщательно наблюдается в валахо-молдавском языке»[48].

Так, в предложении *Доар вяца аста ай дорит-о сингур* (А. Лупан) 'Ведь жизнь эту (ты) хотел ее сам' объект *вяца* дублирован кратким личным местоимением *о*. При прямом порядке *о* исчезает: *Доар ай дорит сингур вяца аста*.

---

[48] Я. Гинкулов. Указ. соч, стр. 536.

Таким образом, в современном молдавском языке можно отметить следующие четыре случая в отношении возможности изменения порядка слов.

1) Изменение порядка слов приводит к изменению смысла, т. е. порядок слов является грамматическим способом, и невозможно, например, изменить *дэ картя фрателуй* на *дэ фрателуй картя* или *мама ышь юбеште копилул* на *копилул ышь юбеште мама*.

2) Изменение порядка не приводит к изменению смысла, но оно является нарушением общепринятых норм: говорят *о касэ де лемн*, но нельзя сказать *де лемн о касэ*, хотя последнее будет понятно; *алт ом*, *астфел де ом*, но не наоборот; *Ион а Мариней*, а не иначе.

3) Изменение порядка слов возможно, но оно меняет структуру предложения и форму слов словосочетания, внося в то же время и другие стилистические оттенки: *ам читит картя — картя ам читит-о*; *колхозул ностру — ал ностру колхоз; ачел бэят — бэятул ачела*.

4) Изменение порядка слов не меняет грамматической функции слов, хотя, возможно, оно и выполняет при этом некоторую стилистическую функцию: *о зи калдэ* и *о калдэ зи*; *о пэлэрие фрумоасэ* и *о фрумоасэ пэлэрие*.

Из сказанного ясно, что порядок слов в современном молдавском языке нельзя считать свободным: во многих случаях изменение обычного порядка слов вообще невозможно, в других случаях (например, при инверсии подлежащего) оно обусловлено рядом факторов грамматического характера или же связано с изменением форм слова и структуры предложения. Лишь в отдельных случаях инверсия возможна в чисто стилистических целях [49].

---

[49] При этом следует иметь в виду, что тот или иной стиль не является «свободным» выбором языковых средств, как это считают некоторые буржуазные языковеды: «стилистика занимается свободным употреблением языковых средств. . .», (см., например, Е. Лерх. Французский исторический синтаксис, т. I, стр. 8), а «это семантически замкнутая, экспрессивно ограниченная и целесообразно организованная система средств выражения, соответствующая тому или иному жанру литературы и письменности, той или иной сфере общественной деятельности, той или иной социальной ситуации . . .» (В. В. Виноградов. О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв. «Известия АН СССР. Отд. лит-ры и языка», вып. 3. М., 1946, стр. 225).

V. ВОПРОСЫ ГЛАГОЛА

Т. И. БУХ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ КАТЕГОРИИ ВИДА В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о категории вида в литовском языке неоднократно обсуждался в литературе, однако он не получил удовлетворительного решения и требует пересмотра в связи с тем, что советские литуанисты в настоящее время работают над составлением нормативной грамматики литовского языка.

Категория вида в литовском языке находит свое выражение в глагольной суффиксации и префиксации. Видовые значения суффиксов и префиксов в литовском языке разграничены; суффиксы придают глаголу количественные видовые значения, например: žvelgti 'смотреть' — žvilgtelėti 'взглянуть', rėkti 'кричать', — rėkauti 'сильно кричать', bėgti 'бежать' — bėginėti 'часто понемногу бегать', nešti 'нести' — nešioti 'повторно носить' и т. д.; префиксы же употребляются для выражения совершенного и несовершенного видов (įvykio ir eigos veikslai), например: daryti 'делать' — padaryti 'сделать', akti 'слепнуть' — apakti 'ослепнуть' и т. д.

В литовском языке, так же как в русском, глагольные приставки могут превращаться в простые видовые форманты, например в случаях padaryti, apakti. Однако в остальном имеются значительные различия между литовским и русским языками в использовании глагольной префиксации для выражения совершенного и несовершенного видов. Характерной особенностью вида в литовском языке является то, что здесь нет соотносительных видовых образований от глаголов с приставками реального значения, которые соответствовали бы русским видовым парам типа *влезть—влезать*, *прийти—приходить*, *принести—приносить* и т. д. В литовском языке приставочные глаголы этого порядка могут быть соотнесены только с простыми глаголами, от которых они образованы, например: užlipti 'влезть', 'влезать' — lipti 'лезть', ateiti 'прийти', 'приходить' — eiti 'идти' и т. д.

По вопросу о видовой соотносительности литовских приставочных глаголов в прошлом возникли значительные разногласия между исследователями. Пересмотру этого вопроса и посвящена настоящая статья.

Некоторые замечания о виде в литовском языке имеются в грамматике А. Шлейхера. Он указывает, что «сочетание глагола с приставкой нередко служит для того, чтобы значение длительности, которое заложено в действии, выраженном глаголом, превратить в значение завершенности, например valgyti 'есть', prisivalgyti 'наесться', eiti 'идти', nueiti 'пойти', 'закончить хождение'»[1]. А. Шлейхер под-

---

[1] A. Schleicher. Handbuch der Litauischen Sprache, I, Grammatika. Prag, 1856, стр. 138.

черкивает, что в отличие от славянских языков, глаголы, выражающие завершенное действие, образуют в литовском языке настоящее время, которое употребляется так же, как настоящее время немецкого языка и может обозначать как продолжение, так и наступление действия. Он не видит различия в употреблении настоящего времени приставочных и бесприставочных глаголов (aš myliu 'я люблю', jis auga 'он растет', aš žinau 'я знаю', aš nukertu 'я срубаю', obuolys nupuola 'яблоко падает вниз') [2].

Ф. Куршайтис рассматривает вид как обязательную для каждого литовского глагола категорию. Он пишет: «В литовском языке надо всякий раз при выборе глагола принять во внимание, идет ли речь о действии или происшествии самих по себе, или же о том, что должно быть ими достигнуто. Для обоих случаев имеются различные глагольные формы: во втором случае употребляются результативные формы, в первом они не употребляются... Для обозначения действия самого по себе употребляются, как правило, простые глаголы, а для обозначения результативного действия, т. е. такого, которое имеет своей целью достижение, окончание — сложные глаголы, которые потому и имеют всегда результативное значение... supykusį maldyti обозначает 'пытаться упросить разгневанного', результативное numaldyti 'его действительно упросить', į miestą važiuoti — 'ехать в город'. В последнем примере не обозначается, что действительно достигают го́рода; если хотят выразить это значение, то надо сказать į miestą įvažiuoti или nuvažiuoti...» [3].

Итак, по мнению Куршайтиса, категория вида присуща всем литовским глаголам, причем она находит свое выражение в соотношении приставочных и бесприставочных глаголов. Он не видит различия между приставочными глаголами типа įvažiuoti 'въехать' и numaldyti 'упросить', хотя в действительности в первом случае приставка сохраняет свое лексическое значение, а во втором она имеет только грамматическое значение.

Г. Ульянов, в отличие от Ф. Куршайтиса, различает два типа сложных основ: «1) основы, сложенные с приставками, не отличающимися по видовым значениям от соответствующих простых основ; 2) основы, сложенные с приставками, отличающиеся по видовым значениям от соответствующих простых» [4].

К основам первого рода Г. Ульянов относит сложные глаголы, приставки которых сохраняют свое реальное значение, типа ateiti 'приходить' (at + eiti); к основам второго рода он относит сложные глаголы, приставки которых имеют грммматическое значение, типа palydėti 'проводить' (от lydėti 'провожать'). Говоря о глаголах первого рода, Г. Ульянов отмечает, что они «по своему особому видовому значению находятся в прямом отношении не к соответствующим простым основам, но к тем же сложным основам только с другим видовым значением — длительности; напр., ateĩti 'прийти' имеет данное видовое значение не по отношению к eĩti 'идти', но по отношению к тому же ateiti в значении 'приходить', 'приближаться'; между eĩti и ateĩti не может быть прямого отношения по видовым значениям

[2] A. Schleicher. Handbuch der Litauischen Sprache, I, Grammatika, Prag, стр. 139, 305.

[3] F. Kurschat. Wörterbuch der Littauischen Sprache, Erster Theil: Deutsch-Littauisches Wörterbuch. Halle, 1870, стр. XVI и след.

[4] Г. Ульянов. Значение глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II. Варшава, 1895, стр. 29.

на том основании, что они представляют собой два разных глагола, с различными реальными значениями . . .» [5]

Приставочные глаголы второго рода, выражающие различные оттенки недлительности и ограниченной длительности, по мнению Г. Ульянова, не имеют одного общего значения. Объединяющим моментом для этих сложных глаголов является лишь то, что они не употребляются для выражения действительного настоящего времени: «Форма настоящего времени обозначает отношение признака в его развитии к субъективному настоящему моменту; следовательно, получать форму настоящего времени могут только те основы, которые обозначают длительное время признака; основы же, обозначающие недлительность времени признака, этой формы в ее собственном значении уже не могут получать . . .» [6], «в форме настоящего времени значение ограниченности . . . совпадает со значением недлительности» [7].

Возражая Г. Ульянову, акад. Ф. Ф. Фортунатов усматривает в литовском языке видовые значения не во всех сложных глаголах, а только в сложных глаголах с грамматическими приставками (сложные основы второго рода, по классификации Г. Ульянова) типа palydėti 'проводить', padaryti 'сделать'. В сложных основах, в которых приставки сохраняют свои реальные значения, типа ateiti 'приходить', 'прийти' акад. Фортунатов не признает наличия видового значения, поскольку эти глаголы, по его мнению, не имеют соотносительных видовых форм [8]. В глаголах с грамматическими приставками он видит видовое значение, аналогичное славянскому совершенному виду: «На мой взгляд, все балтийские сложные глаголы 2-го рода, как и все славянские сложные глагольные основы, связываются между собою как основы «совершенного вида». Общее значение совершенного вида состоит в том, что все эти основы в таком их образовании обозначают законченность (приведение в исполнение) в признаке, обозначаемом простою глагольною основою» [9]. Положение акад. Фортунанатова о наличии в литовском языке категорий совершенного и несовершенного вида прочно вошло в литовскую грамматику.

Основываясь на анализе латышских приставочных глаголов, Я. Эндзелин возражает как против взгляда Г. Ульянова, так и против взгляда акад. Фортунатова на видовые значения балтийских сложных глаголов, приставки которых сохраняют свои реальные значения. Он пишет: «Что следует различать два рода сложных основ, с этим я согласен. Но, на мой взгляд, значение совершенного вида в общем имеют в латышском как сложные основы второго рода, так и сложные основы первого рода: разница между ними та, что сложные основы второго рода по своему видовому значению находятся в прямом отношении к соответствующим простым основам, сложные же основы первого рода — к сочетаниям соответствующих простых основ с наречием или с предлогом, управляющим падежною формою. Так, например, padarīt 'сделать' по видовому значению находится в прямом отношении к darīt 'делать'; а напр. nůkapt 'сойти', 'слезть' 'спуститься' по видовому значению находится в прямом отношении не к kapt 'подыматься', 'идти' но к zeme kāpt 'сходить', 'слезать', 'спускаться', где

---

[5] Там же, стр. 55.

[6] Там же, стр. 52.

[7] Там же, стр. 66.

[8] «Сб. ОРЯС АН», т. LXIV, № 11. СПб., 1897 (Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 году; Разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке . . .», составленный Ф. Ф. Фортунатовым), стр. 84.

[9] Там же, стр 90.

zeme ... имеет значение наречия ('вниз')»[10]; «Замена сложных глаголов сочетанием простого глагола с наречием имеет место именно в настоящем времени, так как сложные глаголы, выражающие совершенный вид, не могут обозначать длительного действия, которым является действительное настоящее время: настоящее время от nůkapt 'слезть' будет kapja zeme, не nukapju»[11]. Я. Эндзелин указывает, что наречие иногда опускается. «Это возможно в таких случаях, где значение всего словосочетания достаточно ясно указывает на то специальное значение, которое обыкновенно придает простой глагольной основе префикс или наречие»[12].

Я. Эндзелин полагает, что и в литовском языке наблюдается аналогичное положение. В доказательство он приводит следующие примеры из словаря Ф. Куршайтиса: «zurückbeugen atgal lenkti, rslt. atlenkti; zurückkehren atgal sukti, rslt. atsukti; zurückfahren atgal šokti, rslt. atšokti; heranschwimmen šen (od. artyn) plaukti, rslt. atplaukti; heransteigen šen (od. artyn) lipti, rslt. atlipti» и т. д.[13]

Школьная грамматика, составленная выдающимся литовским языковедом И. Яблонскисом (Rygiškių Jonas), отражает вышеупомянутые взгляды Ф. Куршайтиса на категорию вида литовского языка и вместе с тем содержит некоторые новые наблюдения.

И. Яблонскис, так же как Ф. Куршайтис, не отделяет сложных глаголов с приставками реального значения от глаголов с приставками грамматического значения. Он считает, что простым глаголам, как правило, присущ несовершенный вид, а сложным — совершенный. Новым, однако, является здесь выявление специфики бесприставочных глаголов, обозначающих простые внешние действия: от них и образуются сложные глаголы с приставками реального значения. Он пишет: «Итак, говоря duris daryk 'открывай, закрывай дверь', мы не указываем, чем это действие должно закончиться, открытием или закрытием. Мы говорим не совсем ясно, как это действие должно быть произведено, чем оно должно кончиться. Когда для нас имеет значение само завершение того или иного действия, когда значение высказанного несовершенного действия может быть неясным собеседнику, когда само завершение имеется в виду, тогда обращаемся в совершенном виде, прямо: atidaryk duris 'открой дверь' или uždaryk duris 'закрой дверь'. Человек, который говорит daryk duris 'открывай, закрывай дверь', всегда предвидит, что будет правильно понят собеседником, и собеседник всегда поймет, о чем его просят или что ему приказывают. Если эти слова употребляем, когда дверь закрыта, тогда говорящий и собеседник знают, что дверь следует открыть»[14].

Отсюда вытекает, что сложные глаголы с приставками реального значения в литовском языке, вопреки мнению Г. Ульянова и акад. Фортунатова, соотносительны с простыми глаголами. Направление действия, выраженное в сложном глаголе приставкой, при употреблении простого глагола явствует из контекста. Неправ также Я. Эндзелин, предполагая, что литовским сложным глаголам этого порядка соответствуют сочетания простых глаголов с наречиями или предложными оборотами, так как в неясных случаях («когда значение высказанного

---

[10] И. Эндзелин [Я. Эндзелин] Латышские предлоги, ч. II, Юрьев, 1906, стр. 107.

[11] И. Эндзелин. Латышские предлоги; ч. II, стр. 135.

[12] Там же, стр. 114.

[13] Там же, стр. 136.

[14] Rygiškių Jonas. Lietuvių kalbos gramatika. Etimologija, Antrasis leidimas, Vidurinėms mokslo įstaigoms. Kaunas—Vilnius, 1922, стр. 122.

несовершенного действия может быть неясным собеседнику») простой глагол заменяется сложным[15].

Итак, если Ф. Куршайтис видел в литовском языке видовые пары типа несов. eiti — сов. ateiti, Г. Ульянов — несов. ateiti — сов. ateiti, Эндзелин — несов. eiti šen — сов. ateiti, а акад. Фортунатов вообще отрицал наличие видового значения у литовских сложных глаголов с приставками реального значения, то, согласно И. Яблонскису, в литовском языке имеются соотносительные пары, типа несов. eiti, ateiti — сов. ateiti; иначе говоря, eiti обозначает только несовершенный вид, а ateiti — совершенный и несовершенный виды.

Это положение И. Яблонскис иллюстрирует большим количеством примеров: Jau griovį kasa, tuoj iškas 'Уже копают [бесприставочный глагол. — *Т. Б.*] ров, сейчас выкопают'; Jau griovį kasa, tuoj užkas 'Уже закапывают [бесприставочный глагол. — *Т. Б.*] ров, сейчас закопают'; Jau arklius kinko, tuoj pakinkys (iškinkys) 'Уже выпрягают (запрягают) [бесприставочный глагол. — *Т. Б.*] лошадей, сейчас выпрягут (запрягут)'; Ar nevažiuosi, kad jau pirštines mauniesi (nusimauni)? 'Разве не поедешь, что уже снимаешь [бесприставочный или приставочный глагол. — *Т. Б.*] перчатки?'; Kam auniesi, ar eisi kur? Kam auniesi, ar jau gulsi? 'Зачем обуваешься [бесприставочный глагол. — *Т. Б.*], разве пойдешь куда-нибудь? Зачем разуваешься [бесприставочный глагол. — *Т. Б.*], разве уже ляжешь?'; Šitas skynimas, žiūrėk, ir vėl mišku auga. Tas skynimas jau mišku užaugęs 'Эта вырубка, глянь, опять лесом зарастает [бесприставочный глагол. — *Т. Б.*]. Эта вырубка уже заросла лесом [приставочный глагол. — *Т. Б.*]'[16].

Употребление сложных глаголов в настоящем времени, которое, как показал Г. Ульянов, является критерием определения вида литовского глагола, подтверждает положение И. Яблонскиса о соотносительности простых глаголов со сложными глаголами, имеющими приставки лексического значения. Вместе с тем анализ настоящего времени выявляет видовое соотношение двух типов сложных глаголов и некоторые другие специфические черты литовского вида.

В отличие от славянских языков в литовском языке настоящее время образуется как от глаголов несовершенного вида, так и от глаголов совершенного вида. Однако формы настоящего времени глаголов совершенного вида не имеют значения действительного настоящего времени. В других значениях они встречаются часто.

Так, например, настоящее время приставочных глаголов с грамматическими приставками совершенного вида употребляется в значении praesens historicum: Visi pradėjo lipti. Instinkto vedamas nutveriu studentę už rankos (Билюнас) 'Все стали сходить. Инстинктивно беру студентку за руку...'

Настоящее время этих глаголов может обозначать вневременное действие: Kiti nusiramina bažnyčioje, bet ir ten juos pamoksluose keikia, niekina, paleistuviais vadina, o kaip gyventi — neparodo (Цвирка) 'Другие находят утешение в костеле, но там их проклинают, позорят, обзывают распутниками в проповедях, а как жить — не показывают'.

---

[15] Следует отметить, что приведенные Ф. Куршайтисом наречия при бесприставочных глаголах часто употребляются также при приставочных, например: Šėn atvažiuok 'Приезжай сюда'; Dėlko anas neateit šen? 'Почему тот не приходит сюда?'; Meluodamas gali svietą pereiti, bet atgal nebesugriši 'С ложью можешь пройти мир, но обратно уже не вернешься'; Gulbė išejo iš marių laukan 'Лебедь вышел из моря' и др. Эти примеры показывают, что наречия и предложные обороты в литовском языке уточняют, поясняют и подчеркивают направление действия, но не влияют на видовую характеристику глагола.

[16] Rygiškių Jonas. Указ. соч., стр. 122 и след.

В редких случаях эта форма имеет значение будущего времени: Prasigyvensim, susitvarkysim, kampe pastatysiu lentyną knygoms, galėsi tu skaityti istorijas, Sau šmaukšt atverti knygą — Amerika... braukšt — žinai apie Afriką, kur bezdžionės gyvena... (Цвирка) 'Разживемся, устроимся, в углу поставлю полку с книгами, сможешь читать истории. Откроешь книгу — Америка, другую — узнаешь про Африку, где обезьяны живут'.

Закономерным является и такое употребление сложных глаголов с грамматическими приставками: Ką čia dirbi? Žemę lyginu: kur kalnai nutraukiu ir *sulyginu* (из фольклора) 'Что ты здесь делаешь? — Землю выравниваю: где горы, тащу их вниз и выравниваю'.

Бесприставочное lyginu 'выравниваю' — это ответ на вопрос 'что ты здесь делаешь?', т. е. оно выражает действие, происходящее в момент речи; приставочное sulyginu, напротив, употреблено в более общем значении: оно высказывает не то, что субъект делает именно сейчас, а то, чем он вообще занят.

Исключение составляют случаи употребления действительного настоящего времени сложных глаголов этого рода с отрицанием. В таких примерах глаголу всегда присуще модальное значение возможности: Vilkas su meška, stovėdami už durų, ir kąlbasi: — Nu kodėl gi ji taip ilgai *nesusidoroja* su gaidžiu? (из фольклора) 'Волк с медведем, стоя за дверьми, разговаривают между собой: Ну, почему же она (лиса. — *Т. Б.*) так долго не может справиться с петухом?'. Без отрицания употребление приставочного глагола невозможно. Также: Nepapiovel vištai gerklės, kad taip ilgai nenusigaluoja 'Ты не перерезал курице горла, поэтому она так долго не может отмучиться'; Nesusigalvoju, kaip čia padarius — ar eit namo, ar ne 'Не могу придумать, как тут поступить — пойти домой или нет'.

Сложные глаголы с приставками лексического значения, напротив, употребляются в действительном настоящем времени: Pamatęs kas pro langą su krepšiu ateinančią, sakė: — Ut, mūsų Juozapota ateina (Билюнас) 'Увидев через окно, что она идет с сумой, говорили: Глянь, наша Йозапота идет (сюда)'; Žemę apgaubia juoda naktis (С. Нерис) 'Черная ночь окутывает землю' (от gaubti 'покрывать, охватывать', ар- 'об'); To pono urėdas klausia: Tai kur tu poną palikai, kad tuščiais parvažiuoji (из фольклора) 'Управляющий того барина спрашивает: Где же ты оставил барина, что возвращаешься домой порожняком?' (važiuoti 'ехать', par- 'домой'); Stebuklų valanda artinasi... prisiartina (Лаздину Пеледа) 'Час чудес близится ... приближается'; Išved, išved mergelę nuo tetušio darželio (из фольклора) 'Выводят, выводят девушку из отцовского сада'.

Однако при обозначении действительного настоящего времени сложные глаголы с приставками, сохраняющими реальные значения, часто заменяются соответствующими бесприставочными. Направление действия в таких случаях явствует из контекста. Примеры этого рода приведены И. Яблонскисом. Мы добавим следующие: Vilkas ir lapė bėgo kartu pro žabangas. Žabangose buvo žąsis pakabinta. Abudu buvo seniai ėdusiu ir labai išalkusiu, bet lapė nė žiūrėti nežiūrėjo į žąsį. — Kodėl tu, kūmute, nelipi? antai žąsis pakabinta! — klausia vilkas (из фольклора) 'Волк и лиса вместе бежали мимо капкана. В капкане был подвешен гусь. Оба давно не ели и очень проголодались, но лиса даже не посмотрела на гуся. — Почему ты, кумушка, не влезешь? Вот гусь висит! — сказал волк'. Бесприставочный глагол здесь синонимичен приставочному užlipti 'влезть'.

Sustoję su dalgiais kumečiai taip rodė viens kitam keleivį: — Se į mus suka! (Цвирка) 'Остановившись с косами, батраки указывали друг другу

на путника: Вот к нам поворачивает!'. Sukti здесь имеет то же значение, что и atsukti.

Nežinodamas, kur dėtis iš gėdos, paspaudęs uodegą, lenda pasuolėn.— Kur velkies? Eik oran! 'Не зная, куда деваться со стыда, поджав хвост, он лезет под скамью. — Куда лезешь? Иди вон!'. Vilktis здесь соответствует приставочному nusivilkti.

Итак, категории совершенного и несовершенного вида находят свое выражение в литовском языке в соотносительных видовых парах двух типов: 1) простой глагол несовершенного вида — сложный глагол с приставкой грамматического значения совершенного вида, например: daryti 'делать' — padaryti 'сделать', 2) простой или сложный глагол с приставкой лексического значения несовершенного вида — и сложный с приставкой лексического значения совершенного вида, например: eiti, ateiti (несов.) — ateiti (сов.) 'приходить' — 'прийти'.

Эти выводы показывают, что отнесение всех приставочных глаголов к совершенному виду (за исключением лексически неделимых типа parduoti 'продавать' от duoti 'давать'), принятое в школьной грамматике [17], является неправильным, так как сложные глаголы с приставками реального значения типа ateiti могут обозначать как совершенный, так и несовершенный вид. Традиционная формулировка вносит путаницу в вопрос о выборе приставочного или бесприставочного глагола после baigti 'кончать', pradėti 'начинать' и т. п., требующих после себя глагола несовершенного вида. Остается не разрешенным, почему можно сказать baigiu išnešti daiktus 'кончаю выносить вещи' (сложный глагол с приставкой реального значения), но нельзя сказать baigiu pavalgyti 'съесть' (глагол с приставкой формального значения). Не объясняются также колебания, возникающие при употреблении сложного глагола с приставкой реального значения в действительном настоящем времени: неясно, почему встречаются предложения типа aš dabar perrašau darbą 'я сейчас переписываю работу', в то время как предложение aš dabar parašau darbą (parašyti 'написать' — сложный глагол с приставкой формального значения) не допускается нормами языка.

Необходимы дальнейшие исследования вида литовского глагола, чтобы правильно осветить эту категорию в нормативной грамматике литовского языка.

---

[17] J. Žiugžda. Lietuvių kalbos gramatika, I Dalis. Fonetika ir morfologija septintasis leidimas. Kaunas, 1954.

Н. З. ГАДЖИЕВА

КАТЕГОРИЯ ДОЛЖЕНСТВОВАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Категория долженствовательного наклонения — один из наименее изученных вопросов грамматики азербайджанского языка. В ранних дореволюционных грамматиках азербайджанского языка если и поднимался этот вопрос, то он был далек от своего научного разрешения. Авторы ранних дореволюционных грамматик шли по линии отождествления категории долженствовательного наклонения с категорией времени. Так, один из первых составителей грамматики тюркских языков М. И. Казем-бек форму на *-малы* || *-мәли* относил не к долженствовательному наклонению, а к будущему третьему времени [1]. Форма же на *-ачаг* давалась как синоним формы на *-малы* | *-мәли*. К сожалению, и в современных школьных грамматиках вопросы, связанные с категорией долженствовательного наклонения, крайне запутаны. А именно, форму на *-малы* | *-мәли* относят к строго обязательному будущему времени (*вачиб ҝәләчәк заман*), а конструкция с модальным словом *ҝәрәк* рассматривается как обязательное будущее время (*илтизам ҝәләҹәк заман*). Правда, иногда в примечании авторы могут оговориться, что «обязательное, строго обязательное и условное будущее рассматриваются как особые наклонения» [2]. Но к чему тогда включать эти «особые наклонения» в систему будущих времен и вносить путаницу в дело школьного преподавания?

Общим недостатком имеющихся пособий по азербайджанскому языку следует считать то, что в них недостаточно раскрываются значения тех или иных грамматических форм, следствием чего является их подчас неправильная трактовка.

Так, в грамматике, изданной в 1951 г. Институтом литературы и языка АН Аз. ССР, при описании формы на *-малы* | *-мәли* (*вачиб формасы*) не сформулировано четко ее значение, не отмечено ее отличие от формы на *-асы* | *-әси*, которая тоже может выражать необходимость действия. Что касается описательной конструкции, представляющей собой сочетание модального слова *ҝәрәк* с формой желательного, реже повелительного наклонения, которая также используется для выражения необходимости действия, то о ней упоминается лишь в связи с желательным наклонением [3].

---

[1] М. И. Казем-бек. Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839, стр. 244.

[2] С. Чәфәров, А. Абдуллаев. Азәрбайчан дилинин сәрфи. Бакы, 1945, стр. 74—75.

[3] «Азәрбайчан дилинин грамматикасы», Бакы, 1951, стр. 189.

В той же грамматике форму на *-малы | -мәли* относят к категории наклонения (*вачиб формасы*), а форму на *-асы | -әси* — к категории полунаклонения (*фелин ярым формасы*) лишь на том основании, что «форма на *-асы | -әси* не принимает аффикс отрицания *-ма | -мә* и не употребляется в отрицательном значении»[4]. Однако вряд ли возможно существование в языке таких грамматических категорий, как «полунаклонение», «полузалог», «полувид» и пр. Форма же на *-асы | -әси* в современном азербайджанском литературном языке малопродуктивна; последним, видимо, и объясняется то, что ее трудно встретить в отрицательной форме. Однако в живой разговорной речи, в диалектах, где эта форма встречается довольно часто, продуктивна от нее и отрицательная форма: *данышасыјам* 'мне надо говорить' и *данышмијасыјам* 'мне не надо говорить'; *бичәсијәм* 'мне надо косить' и *бичмијәсијәм* 'мне не надо косить' (говоры Исмаильского района)[5].

Неправильное отождествление категории времени с категорией наклонения имеет своей подосновой неоспоримый факт связи этих двух грамматических категорий. «Грамматическим фоном, — пишет В. В. Виноградов, — на котором понимаются и оцениваются модальные значения форм русского глагола, является так называемое «изъявительное наклонение». Это — нулевая негативная грамматическая категория»[6]. Изъявительное наклонение в любом языке служит для простого объективного констатирования действия и поэтому содержит в себе очень много временны́х форм. По справедливому замечанию В. В. Виноградова, в формах изъявительного наклонения никак не выражено эмоционально-волевое отношение субъекта к действию[7]. Конечно, при всей объективности изъявительного наклонения последнее может содержать различные оттенки субъективности. К сожалению, эти разнообразные оттенки субъективности, присущие формам времени, далеко не всегда учитываются в грамматиках азербайджанского языка. А это и приводит к смешению категорий времени и наклонения. Будущее время на *-ачаг* в азербайджанском языке, помимо своего основного назначения выражать только такое действие, которое произойдет в будущем, имеет оттенок обязательности, непременности совершения действия, что и сближает его с долженствовательным наклонением, ср., например: *Мән ону ҝөрәчәйәм* 'Я его (непременно, обязательно) увижу'.

Еще более яркий модальный оттенок содержит будущее-прошедшее (соотносительное время к будущему на *-ачаг*). Здесь сослагательность выступает как бы вторым значением этой формы времени, например: *Ҝөрәчәк идим* 'Я намеревался увидеть, должен был увидеть'; *Китабын чапы илә Кәрихман мәшғул олачагды* (Ибр.) 'Изданием книги должен был заняться Керихман'.

Категоричность, обязательность совершения дейстия достигается экспрессивно-волевой интонацией, например: *Е, Короғлу! Бу ҝечә сән бәрк ишләйәчәксән!* (Әбүл.) 'Ешь. Кёроглы! Сегодня вечером ты много поработаешь! (непременно, обязательно)'.

Оттенок непременности, обязательности совершения действия создается присутствием в предложении слов с уточняющим значением, например: *Сабаһдан саат ондан он икийә гәдәр сизи ҝөзләйәчәйәм* (Ибр.) 'Завтра я буду вас ждать с десяти до двенадцати утра'.

---

4 «Азәрбайчан дилинин», Бакы, 1951, стр. 193.

5 Һачыев Иляс Әли оғлы. Исмайыллы районун шивәләри. Бакы, 1948, стр. 163.

6 В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 587.

7 Там же.

Точное указание на отрезок совершения действия подчеркивает обязательность его осуществления, например: *Сабаһ саат алтыда машыным далынызҹа ҝәләҹәкдир* (Ибр.) 'Завтра, в шесть часов, моя машина приедет за вами'.

Выражение модальных оттенков действия может переноситься на модальные слова и частицы, (сопутствующие формам изъявительного наклонения *мүтләг* 'безусловно' и пр.), например: *Она элә ҝәләрди ки, мүтләг балача оғлу Азад да өзү кими күчәләрдә галачаг вә онун кими ағыр эһтијаҹ ичиндә бөјүјүб эјнен атасынын јолуна кечәҹәкдир* (Ибр.) 'Ему (так) казалось, что безусловно его маленький сын Азад, как и он сам, окажется (букв. 'останется') на улице, вырастет в такой же тяжелой нужде и пройдет тот же путь, что и его отец'. В этом примере модальное слово *мүтләг* придает действию бо́льшую категоричность, безусловность его осуществления.

Как мы видели, модальные оттенки действия следует отличать от категории модальности, находящей свое грамматическое выражение в специальных грамматических формах повелительного, желательного и долженствовательного наклонений. Наконец субъективные оттенки представления о действии могут иметь специальный морфологический показатель, соединяющийся с основой изъявительного, долженствовательного и условного наклонений. Мы имеем в виду субъективную модальность на *-мыш*. Отличие модальности от наклонения состоит в том, что, во-первых, модальность образуется от формы того или иного наклонения, а во-вторых, она не составляет основного значения глагольной формы, придавая последней лишь дополнительные субъективные оттенки, например: *Шәрәфнисә, доғрудан сән мәндән белә бәдҝуман олубмушсан* (Ах. Сә.) 'Шерефнисе, ты, оказывается, и действительно мне не доверяешь'.

Тесная связь категорий времени и наклонения подтверждается фактами из истории азербайджанского языка, а также родственных ему других тюркских языков. В основе образования большинства времен и наклонений лежат причастия. И мы часто наблюдаем случаи, когда на протяжении истории развития языка одни и те же причастия служат основой при образовании форм времени и форм наклонения. Можно согласиться с предположением Н. А. Баскакова, что «категории наклонения и времени формировались одновременно и только позднее были осознаны в виде особых форм наклонений, с одной стороны, и временны́х форм — с другой, которые в современном языке образуют уже определенную систему функциональных форм глагола, состоящего из двух основных групп наклонений и различного количества временны́х оттенков, входящих в систему каждого наклонения»[8].

Возьмем причастную форму на *-ғай*. Можно предположить, что эта форма служила для выражения настоящего, настояще-будущего и будущего времени[9].

В современных тюркских языках значение этой формы выходит за пределы категории времени. Форма на *-ғай* и ее фонетические варианты *-ай*[10], *-а*, получившиеся в результате редукции в одном случае начального *-ғ*, в другом — начального и конечного согласных *-ғ*

---

[8] Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II. М., 1952. стр. 415.

[9] Об этом упоминает и П. М. Мелиоранский («Араб-филолог о турецком языке». СПб., 1900, стр. 73). Он дает примеры на употребление будущего времени на *-ғай* с аффиксом условия *-ӓсӓ*, ср. например: *Зӓід барғай ӓсӓ* 'Если пойдет Зейд. . .'

[10] Формы желательного наклонения на *-ай* отмечает Ж. Дени в староосманском языке. Ср.: J. Deny. Grammaire de la langue turgue. Paris, 1921, стр. 932.

и *-й* (в тюркских языках большинство аффиксов имеет варианты с начальным согласным), служат для выражения многочисленных модальных оттенков категорий наклонения. Мы можем наблюдать, что в тех же языках, в которых форма на *-ғай* образует грамматическую категорию желательного наклонения, для образования настоящего, настояще-будущего времени используется его фонетический вариант *-а* | *-ә* (ногайский, алтайский, узбекский языки). В языках же, в которых для образования желательного наклонения используется форма на *-а*, настоящие и будущие времена образуются при помощи специальных аффиксов времени: *-ыр*, *-ар*, *-yor* и т. д. (азербайджанский, турецкий языки). Употребляющаяся в современных тюркских языках форма на *-са* (а в памятниках параллельно *-сар*[11]) исторически также связана с категорией времени[12].

В памятниках древнетюркской письменности форма *-сар* часто служит для установления временнóго соотношения между действиями главного и придаточного предложений, ср., например: Taγdyn jyņaq(qa) körsär, m(ä)n, törtä ärklig qan olurar 'Когда я посмотрел вверх, увидел на переднем месте сидит Эрклиг-хан' (М).

Следствием исторической многофункциональности формы на *-сар* можно, пожалуй, объяснить то, что в современном азербайджанском языке глагольная форма с аффиксом *-са* встречается в качестве сказуемого самых разнообразных типов придаточных предложений.

С категорией времени связана и форма на *-асы*, образующая категорию наклонения в языках юго-западной группы (азербайджанский, турецкий, туркменский языки). Ж. Дени называет эту форму будущим намерения (futur intentionnel)[13]. Причем поразительно сходство в употреблении его с употреблением формы на *-ачаг*, служащей для образования будущего категорического времени: Anın yüzüne bakası gözüm yok 'Я не имею глаза, способного посмотреть ему в лицо'[14]. Ж. Дени указывает на возможность употребления в данном случае формы *-асак* в том же значении[15].

Следствием исторической близости форм на *-асы* и *-ачаг* является то, что в турецком языке форма на *-асак* может быть употреблена в конструкции, характерной для формы на *-асы*. А именно, по аналогии с конструкцией типа İçesim geliyor 'Я жажду пить'; Yeyesi geldi 'Он захотел есть' в Константинополе в таких случаях употребляется: Aksiracağım geliyor 'Мне хочется чихнуть' и т. д.[16]

Семантическое и непосредственно с ним связанное грамматическое значение является общим и в пределах одной категории наклонения. Тесно связаны между собой категории желательного и условного наклонений. В современном азербайджанском языке нередко можно встретить форму условного наклонения вместо ожидаемой формы желательного наклонения (ср., например: *Мән Москвая ҝетсәм!* 'Поехать бы мне в Москву') и, наоборот, форму желательного наклонения про-

---

[11] О связи аффикса *-са* и *-сар* см.: Н. А. Баскаков. К вопросу о происхождении условной формы на *-са* | *-се* в тюркских языках. — Сб. «Академику В. В. Гордлевскому к его семидесятилетию». М., 1953. — О форме на *-сар* содержатся упоминания также и в следующих работах: П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке; W. Radloff. Uigurische sprachdenkmäler, 1928.

[12] Ж. Дени (указ. соч., стр. 397) отмечает для староосманского языка форму будущего времени на -(j)iser, этимологически связанную с современнной формой -sa | -se.

[13] J. Deny. Указ. соч., стр. 500.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Там же, стр. 503.

шедшего времени нередко можно встретить вместо ожидаемой формы условного наклонения прошедшего времени (ср., например: *Әҝәр Һәсән менә бунун барәсиндә сөйләмәйәйди, мән дүнән кәндә ҝетдим* 'Если бы Гасан мне об этом не сказал, я бы вчера поехал в деревню', где *сөйләмәйәйди* — форма желательного наклонения).

С другой стороны, форма на *-са*, употребляясь в современном азербайджанском языке в значении желания совершить действие, обнаруживает сходство с формой на *-асы*, которая, кроме значения необходимости действия, имеет и значение намерения совершить действие. Семантическую общность грамматических форм наклонений на *-са* и *-асы*, может быть, можно объяснить известным фактом развития грамматических значений по аналогии, который во многом определяет и семантические связи с аффиксом -gusa. Форма на -gusa (или ее фонетические варианты: -γsa, -gsa, -ıgsa, -igsä, -uγsa, -ügsä, -aγsa, -ägsä) могла служить для выражения сильного желания совершить то или иное действие[17], например: Jiglagusi kälup (Tezkere-i-Evliya[18], стр. 143) 'Ему захотелось плакать'.

Подводя итог всему сказанному, мы хотим подчеркнуть, что следует:

1) четко отличать категорию модальности, находящую свое грамматическое выражение в специальных грамматических формах (повелительном, желательном, долженствовательном наклонениях), от модальных оттенков, присущих временны́м формам изъявительного наклонения;

2) учитывать существование тесной связи между отдельными грамматическими категориями глагола (в частности, категориями времени и наклонения);

3) учитывать существование семантической близости различных форм в пределах одной категории наклонения.

После общих замечаний позволим себе остановиться на возможных грамматических способах выражения долженствования в азербайджанском языке, показав особенности употребления каждого из них.

В азербайджанском языке существуют два грамматических способа, служащих для выражения долженствования, необходимости действия: форма на *-малы*/*-мәли* и форма на *-асы*/*-әси*. Кроме того, есть и описательная конструкция модального слова *ҝәрәк* 'необходимо' с формой желательного, реже повелительного наклонения, тоже передающая необходимость действия.

Форма на *-малы*/*-мәли*, служащая для выражения предельно категорического долженствования, встречается преимущественно в литературном языке (в языке художественных произведений, но чаще в деловом языке: газетах, журналах). Гораздо реже ее можно встретить в живой разговорной речи. Наиболее часто форма на *-малы*/*-мәли* употребляется в тех случаях, когда долженствование носит характер категорического утверждения, например: *Кечән илкиндән 14 фаиз чох аваданлыг һазырламалыйыг* (К, 1952 № 193) 'Мы должны приготовить оборудования на 14% больше, чем в прошлом году'; *Гоюнларын гырхылмасы вә юн тәдарүкү ишиндә олан нөгсанлар дәрһал арадан галдырылмалыдыр* (К, 1950 № 103) 'Недостатки в деле стрижки овец и поставки шерсти должны тут же устраняться'.

Долженствование приобретает еще большую категоричность в случае присутствия в предложении таких речений, как *нә тәһәр олса* 'как бы то ни было'; *нә олур олсун* 'во что бы то ни стало'; ср., например: *Нә тәһәр*

---

[17] О сложном характере категорий условного, повелительного и желательного наклонений, а также об этимологической связи аффиксов *-са*, *-асы* с древним аффиксом -gusa см.: Н. А. Баскаков. Указ. соч.; о родстве аффиксов -(j)esi и -güsi см.: J. Deny. Указ. соч., стр. 500.

[18] Данный пример взят у Ж. Дени (указ. соч., стр. 503).

олса бу ил мүтәвәсситәни гуртармалыям (Ибр.) 'Как бы то ни было, а я должен в этом году окончить среднюю школу'.

Форма долженствовательного наклонения на *-малы/-мәли*, встречаясь в фольклорном жанре, в пословицах, поговорках, часто носящих назидательный характер, содержит иногда оттенок совета, наставления, например: *Узаг мәнзилә етишмәк үчүн аты яваш сүрмәли* (АС) 'Чтобы достичь далекого пункта, нужно вести лошадь медленно' (соответствует пословице: Тише едешь, дальше будешь').

Форма на *-малы/-мәли* может употребляться с вспомогательным глаголом *олмаг*. Не имея конкретного материального значения, а употребляясь только на правах вспомогательного глагола, *олмаг* сообщает форме на *-малы/-мәли* дополнительные оттенки (чаще оттенки вынужденности действия), например: *Бу пулу бөлүшмәли олдуг* (из разг.) 'Мы вынуждены были поделить эти деньги'. Вспомогательный глагол *олмаг*, иногда ослабляя значение долженствования, сообщает оттенок, который соответствует русским 'изволить', 'приходиться', 'следовать' и пр., например: *Афтил дайы, бәлкә мән сәнинлә енә данышмалы олдум* (Ч. Әс.) 'Дядюшка Афтил, может быть мне с тобой следовало бы поговорить'; *Мисал үчүн, сән буюруб мәнимлә йол ҝетмәли олдун* (ФК) 'Изволил ты, на приклад, идти по дороге со мною'.

Оттенок вынужденности совершить то или иное действие может сообщаться формой прошедшего категорического времени. Причем надо сказать, что в форме прошедшего времени долженствование носит часто более ослабленный характер, например: *Ики нәфәрин бири — бири илә давасы вар иди. Газынын янына ҝәлмәли идиләр* (АС) 'Два лица между собою поскандалили и должны были (вынуждены были) пойти к судье'. Форма прошедшего категорического времени может настолько ослабить долженствовательное значение, что возможен оттенок вероятности, предположительности совершения действия, например: *Буну һеч кәс дә билмәсә, сиз чохдан билмәли идиниз* (Ибр.). 'Если этого никто не знает, то вы должны были бы (должно быть, вероятно) давно знать'.

Форму на *-малы/-мәли* можно встретить в синтаксической функции определения. Связь с определяемым может осуществляться при помощи глагола *олмаг*, в данном случае выполняющего только роль грамматического уточнителя. Он стоит в форме причастия на *-ан*, показывая, что форма на *-малы/-мәли* является определением, например: *Бу ҝүн ҝөрүлмәли олан иши сабаһа гойма* 'Работу, которая должна быть сделана сегодня, не оставляй на завтра'. Здесь форма на *-малы/-мәли* в синтаксической функции определения сохраняет свое долженствовательное значение. Но можно указать и на случаи ослабления у формы на *-малы/-мәли* ее долженствовательного значения. Это бывает обычно тогда, когда форма на *-малы/-мәли* в синтаксической функции определения выступает без грамматического уточнителя *олан*, например: *Чох тәәссүф, ҝөрмәли ердир* (Ибр.) 'Очень жаль, это — место, которое следует увидеть'; *Бу китабы охумамысан ки? Чох мараглы охумалы китабдыр* (из разг.) 'Ты разве не читал эту книгу? Очень интересная книга, которую (следует) стоит почитать'.

Выступая в роли определения, форма на *-малы/-мәли* может идти по линии лексикализации, приближаясь к имени прилагательному, например: *күлмәли сөз* 'смешное слово'; *мә'юс этмәли һадисә* 'печальное событие'. Именной характер формы на *-малы/-мәли* особенно нагляден в случае употребления этой формы с глаголом *олмаг*. Но здесь *олмаг* уже не вспомогательный глагол, он имеет прямое конкретное значение: *Су ҝирди габа, олду ичмәли* (АС) 'Вода попала в посуду, стала пригодной для питья'. На именной характер формы на *-малы/-мәли* указывают случаи употребления ее со словом *дейил*, которое образует

отрицательную форму от имен, например: *Бизим ләгәбимиз чох ҝүлмәли дейил* (МН) 'Наши прозвища не очень уж смешны'.

Если форма на *-малы/-мәли* выражает долженствование с предельной категоричностью, то этого нельзя сказать о форме на *-асы/-әси*[19]. Форма на *-асы/-әси* имеет оттенок необходимости совершения того или иного действия. При этом совершение такого действия как бы связано с субъективной волей и желанием действующего лица, например: *Мән китабханая ҝедәсиям* 'Мне нужно пойти в библиотеку' или 'Стоило бы мне пойти в библиотеку (но я могу и не пойти)'; *Нәсән мәнлә киноя ҝедәсидир, амма онун буна разылығы йохдур* 'Нужно, чтобы Гасан пошел со мной в кино, но он не согласен'.

Форма на *-асы/-әси*, допускающая, таким образом, зависимость совершения необходимого действия от воли субъекта, служит в азербайджанском языке и для выражения намерения совершить действие, например: *Әһмәд сәнинлә данышасы дейилдир.* 'Ахмет не намерен с тобой разговаривать'. Интересно отметить в связи с этим примером, что в современном азербайджанском языке отрицание от формы *-асы/-әси* образуется при помощи слова *дейил* (как и от имен). Для выражения значения намерения совершить то или иное действие обычно употребляется форма на *-асы/-әси* в прошедшем времени (в прошедшем категорическом времени). Причем в таком значении форма на *-асы/-әси* обычно употребляется в сложносочиненном предложении при условии противопоставления действий, например: *Кечән ил мән Москвая ҝедәсийдим, амма анам хасталанды, ҝетмәдим.* В прошлом году я намеревался (собирался) поехать в Москву, но заболела моя мать, и я не поехал'. Ср. употребление формы на *-еси* в туркменском языке, где она имеет значение желания в конструкции с вспомогательным глаголом *гел-*: *Онын доклад эдеси гелйәр.* 'Ему хочется сделать доклад'[20]. В таком же значении мы встречаем эту форму и в турецком языке: Içesim geliyor 'Мне хочется пить'. Аналогична по своему употреблению и форма на -gusi в староузбекском языке: Tilä — güsi, turur (Tezkere-i Evliya[21]) 'Он готовится (намерен) просить'.

От значения желания, намерения недалеко и значение такого действия, которое совершается против воли и желания. С таким значением форму на *-асы/-әси* нередко можно встретить в современном азербайджанском языке: *Мән эвдә галасыям* 'Мне придется остаться дома'; *Лакин нә забит «отур» деди, нә дә Мария Карповна тәшәккүр эдәси олду* (МВЧ) 'Однако ни офицеру не пришлось сказать «садись», ни Марии Карповне не пришлось поблагодарить'.

Наконец мы наблюдаем и такие случаи употребления формы на *-асы/-әси*, когда последняя уже не имеет ни оттенка необходимости, вынужденности, ни оттенка намеренности, желания совершить действие. Употребляясь в этом случае преимущественно в вопросительном предложении, форма на *-асы/-әси* выражает действие, относящееся к будущему времени, но с оттенком возможности. В таком употреблении форма на *-асы/-әси*, приближаясь к значению будущего неопределеннного времени на *-ар/-әр*, еще раз свидетельствует о своей связи с формой времени: *О, мәним бу сөзләримә инанасыдыр?* 'Поверит ли он этим моим словам?'; *Атам мәним Москвая ҝетдийимә рухсәт верәсими?* 'Даст ли мне отец разрешение на поездку в Москву?'. По значению последнее предложение близко к *Атам мәним Москвая, ҝетдийимә рухсәт верәр ми?*

---

[19] Форма на *-асы/-әси* встречается преимущественно в живой разговорной речи.

[20] А. П. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943, стр. 43.

[21] Данный пример взят у Ж. Дени (указ. соч., стр. 500).

Форму на *-асы/-эси* в современном азербайджанском языке можно часто встретить в синтаксической функции определения. Выступая в качестве определения, она утрачивает свои значения намерения, желания, вынужденности, необходимости действия, например: *Ағча хатирэсини топласайды оғлуну яда саласы чох шей тапарды* (Әбүл.) 'Если бы Ахча собралась с мыслями, то у нее нашлось бы многое, что вспомнить о сыне'; *Башга вахтлар бир-биринэ нағыл эдилэси бир чох сөһбэти олан нэнэ илэ нэвэ дэ, бу ахшам дейэсэн ҝөнүлсүз данышырдылар* (его же) 'Бабушка с внучкой, у которых в другие времена бывало многое о чем поговорить друг с другом, сегодня вечером беседовали неохотно'.

В турецком языке форма на -ası/-esi нередко употребляется для выражения проклятий, заклинаний: Kör olası! 'Чтоб ему ослепнуть!'; Yere batası! 'Чтоб ему провалиться!' и т. д.

Наконец нам хочется отметить употребление в современном азербайджанском языке формы на *-асы/-эси* в качестве субстантивированного имени, т. е. в данном случае мы наблюдаем лексикализацию этой формы. *Бундан ҝэлэси нэ вар?* 'Что же в этом такого?' (*ҝэлэси* букв. 'вхождение'); *чаласы* 'закваска' (образовано от глагола *чалмаг* 'бить', 'вбивать').

Одним из фактов, свидетельствующих о тяготении формы *-асы/-эси* к имени, является возможность принятия ею аффиксов принадлежности в том случае, когда она употребляется в сочетании с глаголом *ҝэлмэк*, например: *бахасым ҝэлир* 'мне хочется посмотреть'; *бахасын ҝэлир*[22] 'тебе хочется посмотреть' и т. д.

Употребление формы на *-асы/-эси* в роли субстантива можно наблюдать и в турецком языке. Она может принимать падежные аффиксы, что свидетельствует об ее именном характере: çıldırasıya sevmek 'любить до безумия'; bayılasıya gülmek 'смеяться до потери сознания' и т. д.

Для выражения долженствования, необходимости совершения действия в современном азербайджанском языке служит и конструкция модального слова *ҝэрэк*+форма желательного (реже повелительного) наклонения от основного глагола. Эта конструкция по сравнению с вышерассмотренными грамматическими формами, служащими для выражения долженствования, отличается бо́льшей субъективностью. Необходимость действия, выраженная этой конструкцией, тесным образом связана с волей и желанием говорящего. Поэтому не случайно, что эта конструкция преимущественно употребляется в живой разговорной речи, которая по сравнению с литературным языком отличается большей эмоциональной окрашенностью.

Прежде чем переходить к характеристике данной конструкции и возможных оттенков ее значений, остановимся вкратце на вопросе о том, можно ли считать эту конструкцию аналитическим способом выражения долженствования, а модальное слово *ҝэрэк* — составным элементом глагольной формы. Слово *ҝэрэк*, как мы покажем ниже, может быть связано не только с глаголом. Поэтому оно и не может считаться составным (хотя бы аналитическим) элементом глагольной формы.

Слово *ҝэрэк* в самостоятельном употреблении, без формы повелительного и желательного наклонений, означает 'должно', 'нужно' и, употребляясь в качестве сказуемого, соответствует русской конструкции 'необходимо, нужно что-либо': *Адам адама ҝэрэкдир, тысбағая ханасы* (АС) 'Человеку человек нужен, а черепахе — клетка'; *Сағлыг*

---

[22] Такая конструкция, встречающаяся в старом классическом азербайджанском языке, в современном языке не продуктивна.

ән бөйүк дөвләтдир, гәдирини билмәк қәрәк (АС) 'Здоровье — самое большое богатство, нужно знать ему цену'. В том же значении встречается слово *қәрәк* [k(ä)rgäk] и в памятниках древнетюркской письменности. bir jylga jiti jimki olursuq törü bar ärti, bir aï č(a)qsap(y)t tutmaq k(ä)rgäk ärti 'Было правило — в году семь жертвенных сидений и было нужно держать один месяц (аскетические) обеты' (М).

Слово *қәрәк* в соединении с вспомогательным глаголом *олмаг* образует сложное глагольное образование с несколько измененным лексическим содержанием — 'понадобиться', 'пригодиться', например: *О баш сынсын ки, дост йолунда қәрәк олмаз* (АС) 'Пусть разобьется та голова, которая не пригодится на пути друга'.

То, что слово *қәрәк* в азербайджанском языке носит именной характер, доказывают факты принятия им падежных аффиксов и словообразующих аффиксов имен. Ср. др.-тюрк.: اغيجى نيكوتك اير كراكين (لاريني) ايور 'Глава говорит о необходимых качествах казначея' (М) или в азербайджанском языке: *Бир баш ки, достлара гурбан қетмәйәчәкдир, бедәнин үстүндә қәрәксиз бир йүкдүр* (Ибр.) 'Голова, которая не жертвует ради друзей, является ненужным грузом на теле'.

Что касается значения конструкций модального слова *қәрәк* + форма желательного и повелительного наклонения, то формы желательного и повелительного наклонения в этих конструкциях придают им значение необходимости совершить действие, а также другие оттенки.

Оттенок пожелания совершить действие: *Ону чохдан қөрмәмишәм. Қәрәк бу қүнләрдә қедиб дүшбәрәсинә гонаг олам* (М. Абш.) 'Я ее давно не видел. Надо бы на этих днях пойти в гости на ее суп с ушками'.

Оттенок совета, назидания: *Сән қәрәк сияси савадсызлығыны ләғв эләйәсән* (М. Абш.) 'Надо бы тебе ликвидировать свою политическую неграмотность'; *Адамын қәрәк дили илә үрәйи бир ола* (АС) 'У человека и язык и сердце должны бы быть одинаковыми'.

В современном азербайджанском языке наблюдается тенденция к употреблению конструкции с модальным словом *қәрәк* для выражения и категорического долженствования. Таким образом, конструкция с модальным словом *қәрәк* выступает вместо формы на *-малы/-мәли* (которая, как мы уже отмечали, встречается чаще в литературном языке): *Инсан қәрәк дүзлүк илә бир парча чөрәйи газана* (МН) 'Человек должен честно зарабатывать себе кусок хлеба'; *Қәрәк торпаға һөрмәт эләйәсән* 'Ты должен уважать землю'.

При оттенке решительной воли модальное слово *қәрәк* употребляется с формой повелительного наклонения. Ср.: *Мән қәрәк китабханая қедим* 'Мне надо пойти в библиотеку'; *Қәрәк қедим Москваны қөрүм* 'Мне нужно поехать повидать Москву'.

Разбираемая нами конструкция может содержать в себе оттенок вероятности, предположения о совершении того или иного действия, например: *Атам ахшама қәрәк қәлсин* 'Отец, должно быть, (вероятно) к вечеру придет (приедет)'; *Саат икидән кечмишдир. Қәрәк чохдан қәлә идиләр* (Ибр.) 'Уже более двух часов (дня). Должно быть, они давно пришли'.

Оттенок вероятности, предположения совершения действия нередко можно наблюдать при форме прошедшего времени: *Бу тәрәфдә әйләшән вә рузнамә охуян чаван ун тачири Тәләфханбәй оғлудур ки, буну да қәрәк эшитмиш оласан* (МН) 'Сидящий с этой стороны и читающий газету молодой человек был сын торговца мукой Телефханбея, о котором ты, должно быть (вероятно), слышал'.

Нам представляется, что в форме прошедшего времени значение необходимости выражено слабее, чем в настоящем времени, но силь-

нее выражен оттенок желательности: *Бундан өтрү о ҝәрәк бир аз узун данышайды* (Әбүл.) 'Ради этого ему надо было бы дольше говорить'; *Сиз һәлә дүнәндән ҝәрәк таныш олайдыныз* (его же) 'Вам надо было бы еще вчера познакомиться'.

В заключение мы приведем примеры на параллельное употребление грамматических форм и конструкций, выражающих долженствование.

Мән китабханая ҝетмәлийәм 'Я должен пойти в библиотеку' (независимо от того, хочу я этого или нет). Долженствование здесь выражено с предельной категоричностью.

Мән китабханая ҝедәсиям 'Мне нужно (необходимо) пойти в библиотеку' (но я могу и не пойти) или 'Мне придется пойти в библиотеку' (в зависимости от контекста). Таким образом, здесь совершение необходимого действия может зависеть от субъективной воли действующего лица.

Мән ҝәрәк китабханая ҝедәм 'Надо бы мне пойти в библиотеку'. Эта конструкция по сравнению с формой на *-асы/-әси* отличается еще большей субъективностью. Необходимость действия тесным образом связана с волей и желанием говорящего.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ибр. — М. Ибраһимов. Ҝәләчәк ҝүн. Баку, 1949
Әбүл. — Ә. Әбүлһәсән. Мүһарибә. Баку, 1948
Ах. Сә. — М. Ахундов. Сечилмиш әсәрләри. Баку, 1949
М — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М. - Л., 1951
К — Журнал «Коммунист»
АС. — «Аталар сөзү». Баку, 1949
ФК — Фонвизин. Комедиялар. Баку, 1949
Ф. Избр. — Фонвизин. Избранное. М., 1946
МН — Молла Нәсрәддин. Һекайәләр. Баку, 1948
МВЧ. — Һ. Меһди. Вәтән чичәкләри. Баку, 1943
М. Абш. — Һ. Меһди. Абшерон. Баку, 1949
Ч. Ә. С. — Ч. Чаббарлы. Әсәрләри. Баку, 1951

М. С. МИХАЙЛОВ

К ВОПРОСУ ОБ АБЕРРАЦИИ ЗАЛОГА В ТУРЕЦКОМ ГЛАГОЛЕ

Вопрос об аберрации залога в турецком глаголе представляет большой интерес для тюркологии.

Залог является грамматической категорией, выражающей в форме глагола отношение действия, обозначенного этим глаголом, к объекту и субъекту (производителю действия). Под аберрацией же залога мы понимаем как его отклонения от нормы в отношении переходности и непереходности, так и вызванные этими отклонениями необычные случаи управления падежами.

Приступая к рассмотрению этого вопроса, следует оговориться, что мы отдаем себе полный отчет в том, что строй русского и турецкого языков различен и что поэтому перевод не всегда может быть адекватным, в результате чего может получиться «лжеаберрация» залога. Например, глагол возвратного залога beğenmek — переходный, но русский эквивалент 'нравиться' — непереходный глагол. Поэтому при переводе «лжеаберрация» залога неизбежна. Например, выражение: bu kokuyu beğendiniz mi? (MB,YTL, 157) — букв. 'понравили ли вы этот запах?' должно было быть переведено на русский язык: 'понравился ли вам этот запах?' Подчеркиваем, что нас интересует не «лжеаберрация», подобная вышеприведенной и возникшая в результате перевода, а аберрация в рамках того или другого залога, причина которой лежит в специфике турецкого языка.

Прежде чем говорить об аберрации залога, остановимся на классификации залогов в турецком языке. В основных работах, изданных в СССР по турецкому языку В. А. Гордлевским[1], Н. К. Дмитриевым[2] и А. Н. Кононовым[3], говорится о страдательном, возвратном, взаимном, понудительном залогах[4].

Помимо этих залогов, необходимо говорить еще и об основном залоге (отметим, что этот термин, наряду с термином «неопределенный», можно встретить у Н. К. Дмитриева[5]). Термин «основной залог» используется в «Учебнике турецкого языка»[6], одной из положительных сто-

[1] Вл. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928.
[2] Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Л., 1939.
[3] А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка. М.—Л., 1941.
[4] Там же, стр. 239—256.
[5] Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 173.
[6] П. И. Кузнецов, Л. Н. Старостов, Е. В. Сумин, Е. Н. Травкин. Учебник турецкого языка для 1-го курса, вып. I, II, III, IV. Под ред. Н. К. Дмитриева. М., 1954.

рон которого надо считать указания на переходность и непереходность глаголов, которые содержатся в лексическом разделе учебника[7].

Итак, для турецкого языка характерны следующие залоговые формы.

1. Основной залог представлен нулевым показателем.

2. Страдательный залог представлен корнем и аффиксами -ıl, -il, -ul, -ül, -n, а также -nıl, -nil, -nul, -nül.

3. Возвратный залог представлен корнем и аффиксами -ın, -in, -un, -ün или -n (при конечном гласном основы).

4. Взаимный залог представлен корнем и аффиксами -ış, -iş, -uş, -üş (при конечном согласном основы) и аффиксом -ş (при конечном гласном основы).

5. Понудительный залог представлен корнем и аффиксами:

а) -dır, -dir, -dur, -dür (-tır, -tir, -tur, -tür),

б) -t (при конечном гласном основы),

в) -ır, -ir, -ur, -ür,

г) -ar (-er),

д) -ıt, -it, -ut, -üt.

Произведенные нами наблюдения приводят к выводу, что нередки случаи, когда при наличии форманта того или другого залога имеется и аберрация залога. Иначе говоря, глаголы, относящиеся морфологически к тому или другому залогу, помимо данного залога семантически могут выступать в другом залоговом аспекте. Так, например, глаголы, морфологически относящиеся к категории непереходных, благодаря аберрации могут оказаться переходными и наоборот.

ОСНОВНОЙ ЗАЛОГ

Обратимся к глаголам, которые морфологически принадлежат к категории основного залога, но в отношении которых наблюдается залоговая аберрация. Для примера приведем несколько глаголов:

1. Глагол переходный: açmak 'открывать', 'раскрывать'. У Караджаоглана (XVII в.) читаем: Naçar Karacaoğlan naçar aşkın kitabını açar (K, KVM, 39) 'Нехотя, совсем нехотя Караджаоглан раскрывает книгу любви'; Bak, ben, ağzımı açıyor muyum? (SA, KS, 65) 'Ну, разве я раскрываю рот?'.

Глагол açmak в значении 'проясняться' выступает в качестве непереходного глагола, например: Hava açmak istemiyor (ŞS, KT, 23) 'Погода не хочет проясняться'; Istanbulda hava açtı, yurdun bazı yerlerinde kar yağıyor (Из газет) 'В Стамбуле погода прояснилась, в некоторых местностях идет снег'; Bir haftadan beri havalar açtı (RNGÇ, 176) 'Вот уже неделя, как погода прояснилась'.

Отметим, что в значении 'проясняться' возможно употребить и страдательный залог от açmak — açılmak: hava açıldı (ŞS, KT, 22) 'погода прояснилась'. В значении 'распускаться' açmak — также непереходный глагол. И в этом значении основной залог açmak и страдательный залог açılmak употребляются параллельно. Так, у Пира Султана Аптала (XVI — XVII вв.) можно встретить: taze açmış dost bağının gülleri (PSA, 26) 'свежераспустившиеся розы дружеского сада'; Taze açılmış gülüz biz (PSA, 70) 'Мы — свежераспустившиеся розы'. У турецкого ашуга XVII в. Караджаоглана находим: On birinde bir yar severim, taze açmış güle benzer (K, KVM, 38) 'Я люблю подружку одиннадцати годков; она похожа на свежераспустившуюся розу'; Hayal

---

[7] Уже после написания этой статьи вышел труд А. Н. Кононова «Грамматика современного турецкого литературного языка» (М.—Л., 1956), в котором имеется раздел «Основной залог» (стр. 192).

hayal oldu şu bizim eller, dostun bağçesinde açıldı güller (там же, 51) 'Вдали смутно мерещатся эти наши края, в саду друга распустились розы'. В следующем примере глагол 'распуститься' почти рядом передан через açıldı и açtı: Yine bahar, oldu açıldı güller fiğana başladı yine bülbüller başka bir hal olup açtı sünbuller aşıkları deli olduğu zamandır (K, KVM, 47) 'Опять наступила весна, распустились розы, опять запели соловьи, все стало по-иному, распустились гиацинты, это время, когда влюбленные делаются безумными'.

В XVIII в. у А. Недима мы наблюдаем употребление глагола açılmak в значении 'распуститься', например: Sen açıl, gül gibi... (AN, 573) 'Распустись ты, словно роза...'; Sen dahi henüz açılmamış bir goncei tersin (AN, 574) 'Ты также еще не распустившийся свежий бутон'.

А вот примеры, взятые из современного языка и относящиеся к началу и 40-м годам XX в. Эти примеры свидетельствуют о том, что до настоящего времени наблюдается параллельное употребление переходного и непереходного глаголов в одном и том же значении 'распуститься': Gül, çiçek açıldı (ŞS, KT, 22) 'Роза (цветок) распустилась(ся)'; Çiçekler açtı (TS, 6) 'Цветы распустились'.

Итак, из приведенных выше примеров видно, что глаголы açmak и açılmak одновременно употребляются в значении 'распускаться'. Естественно в глаголе açılmak 'распускаться' видеть норму, а в глаголе açmak 'распускаться' — отклонение от нормы. Здесь важно подчеркнуть, что переходный глагол основного залога açmak употребляется в значении 'распускаться' (о цветах) и 'проясняться' (о погоде). По-видимому, в связи с изложенным можно говорить, что некогда залоги не различались по морфологическим формантам.

2. Глагол bakmak в своем основном значении 'смотреть' является непереходным глаголом (управляет дательным падежом), например: Nereye bakıyorsun (ŞS, KT, 272) 'Куда ты смотришь?'. Тот же глагол в значении 'проверять' является переходным (управляет винительным падежом): Kadıasker efendi defteri Karagözün eline tutuşturup — sen yabancı değilsin, şunları bak ta, tasdik edeyim, demiş (KF, 16) 'Кадыаскер эфенди, вручив журнал Карагёзу, сказал: ты свой, проверь-ка все это, а я заверю'.

3. Глагол başlamak 'начинаться' имеет возвратное значение: Oyun başladı (TS, 63) 'Игра началась'; Yeniden bir dolaşma başladı (SA, KS, 146) 'Опять началось блуждание'. Тот же глагол başlamak, управляя дательным падежом, не имеет возвратного значения и означает 'начинать', 'стать', например: Yaklaştıkları zaman küfenin içinde neler olduğunu da seçmeğe başladı (SA, KS, 56) 'Когда они приблизились, он стал различать, что имеется в корзине'; Şu şimdi yıkılan duvarın önündeki bu dükkända çalışmağa başladık (там же, 43) 'Мы начали работать в этой лавке, которая находится перед этой теперь (уже) разрушенной стеной'.

4. Глагол bozmak в своем основном значении 'портить' и 'испортить' является переходным: Zeri pür tâbi mihri bozdu... (GN, 353) 'Чистое золото затмило (букв. 'испортило') блеск солнца'.

Переходный глагол bozmak в значении 'испортиться' (о погоде) выступает в качестве непереходного глагола. Употребление глагола bozmak в этом значении отмечено в словаре турецкого языка (Türkçe sözlük): 'hava bozmak' 'портиться' (о погоде) (TS, 251). Наличие наряду с глаголом bozmak в значении 'испортиться' глагола страдательного залога bozulmak относится к временам отдаленным, например, можно сослаться на XVII столетие: Bozuldu haymei zerbefti hanı haveristanî

(GN, 354) 'Пришел в беспорядок (испортился) златопарчевый шатер восточного хана'.

В отношении погоды наряду с hava bozdu можно употребить также hava bozuldu. Отметим, однако, что, по нашим наблюдениям, в Стамбуле предпочтительнее говорят hava bozdu: O akşam hava çok bozmuştu (SK, SA, 30) 'В тот вечер погода сильно испортилась'; Hava dün yeniden bozdu, bugün de kar bekleniyor (из газет) 'Вчера погода опять испортилась, и сегодня ожидается снег'. Можно полагать, что подобное употребление — дань тем временам, когда залоги не различались по морфологическому форманту.

5. Глагол çıkmak имеет разнообразные значения и может быть как переходным, так и непереходным глаголом. Так, в значении 'выходить' он является непереходным глаголом, управляя исходным падежом, например: evden çıktı (ŞS, KT, 529) 'он вышел из дому', а в значении 'взбираться' управляет винительным падежом и должен рассматриваться как переходный глагол: yokuşu çıkarken — 'взбираясь по пригорку' (ДМ, ТРС, 121).

6. Глагол değmek в значении 'сто́ить' может быть и непереходным и переходным, управляя в последнем случае винительным падежом: Yüz bın şehir saysam, değmez kıymetin hasılı cihanı degĕr gözlerin (K, KVM, 113)' Если я насчитаю сто тысяч городов, они не будут стоить того, что ты стоишь' (букв. 'твоей цены'); одним словом, 'твои глаза стоят (целый) мир'.

В значении же 'касаться' глагол değmek, управляя дательным падежом, является непереходным глаголом: Kova kuyunun dibine değdi (TS, 142) 'Ведро достало (коснулось) до дна колодца'; Güneş senin yapraklarına değdi miydi? (NH, BAM, 121) 'Коснулось ли солнце листьев твоих?'.

7. Глагол dönmek в своем основном значении 'кружиться', 'превращаться', 'поворачиваться', 'отрекаться' — непереходный, однако тот же глагол в других значениях может выступать в качестве переходного глагола, управляя винительным падежом. Обратимся к примерам, в которых dönmek выступает в качестве непереходного глагола: . . .Yiğidin başinda döner bin kuzgun (K, KVM, 72) 'Над головой молодца кружится тысяча воронов'; Mecnuna dönmüşüm bilmem gezdiğim dağlar mı, sahra mı, yol mudur? (там же, 112) 'Я превратился в меджнуна (и) не знаю (что за места), где я гуляю — горы ли это, поле ли, дорога ли?'; Gevheri, göz yaşım döndü ırmağa (G, 24) 'Гевхери, слезы мои превратились в реку'; Dönen dönsün, ben dönmezem pirimden (PSA, 49) 'Отрекающийся да отречется, я не отрекусь от старца моего'; Gitmek üzereyken tekrar bana döndü (SA, SK, 107) 'Когда он вот-вот готов был уйти, опять вернулся ко мне'.

Ниже мы приводим примеры, из которых видно, что dönmek выступает в качестве переходного глагола: Kıblam sensin yüzüm sana dönerim (PSA, 39) 'Моя Кыбла — это ты, и я поворачиваю к тебе свое лицо'; O zaman Rıfat oturduğu iskemleyi biraz yana çekip yüzünü daha çok genç kıza döndü (SA, SK, 111) 'Тогда Рифат, пододвинув немного табуретку, на которой сидел, повернулся лицом (букв. 'повернул лицо') к совсем еще молодой девушке'; Delikanlı hemen arkasını döndü, uzaklaşmaya başladı (там же, 12) 'Парень тотчас же повернулся спиной (букв. 'повернул спину'), стал удаляться'; Köşeleri dönüyor, sokaklarin ortasından geçiyordu (OK, KS) 'Он (несколько раз) заворачивал за угол, шел по середине улицы'; Köşeyi döndü (HT, AÇ, 57) 'Он повернул за угол'; Virajları sür'atlı dönmek sureti katiyede yasaktır (из газет) 'Категорически воспрещается быстро поворачивать на виражах' (букв. 'поворачивать виражи'). Очевидно, что в данном

случае, как и в случаях с такими глаголами, как gezmek, geçmek, dolaşmak, мы имеем дело с винительным пространства.

Надо полагать, стремлением произвести дифференциацию морфологическим путем переходного и непереходного значения глагола dönmek можно объяснить то обстоятельство, что в значении 'повернуться' помимо глагола dönmek можно употребить глагол dönülmek (страдательный залог), например: Dönüldü Bedreddine Denildi: Sen de konuş (NH, SKOB, 43) 'Повернулись к Бедреддину, сказали — и ты поговори'; а в значении 'повернуть' кроме глагола dönmek (который управляет при этом винительным падежом объекта, как это было видно из вышеприведенных примеров) можно употребить и глагол döndürmek (понудительный залог): Yüzümü döndürdüm Sarı Sultana (PSA, 48) 'Я повернулся лицом (букв. 'я повернул лицо') к белокурому Султану'.

Итак, из приведенных примеров видно, что глагол dönmek может употребляться в качестве переходного и непереходного глагола, и не только в прошлом, в XVII и XVIII вв., но и в современном языке.

8. Глагол ferahlamak означает 'стать просторным', 'рассеяться', 'повеселеть' и, имея возвратное значение, является непереходным глаголом, например: Ortadakı masa kalkınca oda ferahladı (TS, 200) 'Когда убрали стол, который стоял посредине, комната стала просторнее'; Hasta ilâci içince ferahladı (там же, стр. 200) 'Больной, выпив лекарство, повеселел'. В тех же значениях, что и глагол основного залога ferahlamak, употребляется также глагол возвратного залога ferahlanmak: Böyle yerlerde gezmekle insan ferahlanır (SS, KT, 988). 'От прогулки в подобных местах человек рассеивается, веселеет'. Синонимичность глаголов ferahlamak и ferahlanmak можно документировать тем, что в Türkçe sözlük они даны под одной рубрикой (см. стр. 200).

9. Глагол geçmek в значении 'проходить', 'миновать' является непереходным: Rüzğar kanatlı atlılar gibi geçti hayat (NH, SS, 8—9) 'Жизнь пролетела, словно ветрокрылые всадники'. Глагол geçmek, управляя винительным падежом, означает 'обгонять' и является переходным: Bizim sandal vapuru geçecek (TS, 211) 'Наша лодка обгонит пароход'.

10. Глагол gezmek в значении 'гулять' является непереходным: Bugün bir az kırlarda gezdim (MB, YTL, 590) 'Сегодня я немного погулял в поле'. Глагол gezmek, управляя винительным падежом, является переходным и имеет значение 'осматривать': Bu evi gezmiştik, ama beğenmemiştik (TS, 219) 'Мы осмотрели этот дом, но он нам не понравился.'

Оба эти значения глагола gezmek зарегистрированы еще Шемседдином Сами беем в его словаре Kamusu Türkî (1318 и 1902).

11. Глагол kımıldamak, употребляясь в значении 'шевелиться', 'двигаться', имеет возвратное значение и является непереходным глаголом, например: Dudakları kımıldamaz oldu (AP, MK, 28,) 'Губы перестали шевелиться'. Подобно приведенным выше глаголам ferahlamak и ferahlanmak, наряду с глаголом основного залога kımıldamak в том же значении употребляется глагол возвратного залога kımıldanmak, например: Yattığı yerde bir az kımıldadı, kımıldandı (SS, KT, 1132) 'Он слегка пошевелился на том месте, где лежал'.

12. Глагол okumak в значении 'читать' является переходным: Bana yazdığınız mektubu okudum (TS, 446) 'Я прочел письмо, которое вы мне написали'. Тот же глагол без указания объекта имеет возвратное значение 'учиться': Tekin İsviçrede okumuş (TS, 446). 'Текин учился в Швейцарии'.

13. Глагол sürmek без указания объекта имеет возвратное значение 'продолжаться', 'длиться': Ayrılık uzun sürdü Ozledik (NH, H) 'Разлука долго продолжалась — соскучились мы'. Глагол sürmek, управляя винительным падежом, имеет значение 'гнать,' 'пасти,': atı sürmek (TS, 541) 'гнать лошадь'; koyunları sürmek (там же) 'пасти овец'.

14. Глагол vurmak без указания объекта имеет возвратное значение 'биться': Kalbinizin de herhalde onun gibi vurduğunu düşündüm (SA, KK 208) 'Я подумал, что и ваше сердце во всяком случае бьется так же, как и его (воробья. — *М.М.*) сердце.' Глагол vurmak, управляя винительным падежом, т. е. являясь переходным глаголом, означает 'убить': Tabiî ne keklik ne tavsan hiç bir şey vurmadım (SA, KK, 208) 'Разумеется, я не убил ни куропатки, ни зайца — ничего'; Haydudu vurmuşlar (TS, 616) 'Разбойника убили.'

15. Глагол yaşamak в значении 'жить', 'существовать' является непереходным, например: Balıklar suda yaşar (TS, 631) 'Рыбы живут в воде.' Управляя винительным падежом, он имеет значение 'переживать': Herkes hayatını yaşar 'Всякий живет своей жизнью' (название произведения Бекира Сытки Кунта).

Наконец в дополнение к сказанному о глаголах основного залога турецкого происхождения небезынтересно отметить аберрацию залога в тех глаголах, которые состоят из отлагольного имени арабского происхождения (масдара) и вспомогательных глаголов olmak и etmek. Из этих составных глаголов назовем прежде всего те глаголы, которые образованы из имен арабского происхождения, означающих болезни, а также из прочих имен + глагол olmak. В этих случаях мы имеем дело с глаголами среднего значения, например: verem olmak 'заболеть чахоткой'; nezle olmak 'получить насморк'; sulholmak 'помириться' и т. д. Среди составных глаголов представляет интерес глагол vukubulmak. Он состоит из имени vuku (وقوع мн. ч. от vaka) 'событие', 'происшествие', 'случай' и глагола bulmak 'находить'.

Хотя глагол bulmak переходный, глагол vukubulmak имеет возвратное значение 'случаться', 'произойти', например: Dün bir kaza vukubuldu (MB, YTL, 774) 'Вчера произошел несчастный случай'. Интересна аберрация залога в таких составных глаголах, как например beraet etmek 'быть оправданным', terfi etmek 'быть повышенным (в чине)'; teslim olmak 'сдаться в плен'. Глагол beraet etmek, состоящий из масдара первой породы beraet и переходного вспомогательного глагола etmek по морфологическим признакам должен быть отнесен к глаголам основного залога, однако имеет значение глагола страдательного залога. Так же обстоит дело и с глаголом terfi etmek, в котором первый компонент представлен имеющим переходное значение масдаром второй породы и вспомогательным глаголом etmek. По морфологическим признакам это глагол основного залога, однако имеет значение глагола страдательного залога — terfi etmek 'быть повышенным', 'быть произведенным в чин': 1925 te Prağ elçiliği sekreterliğine ve ayni yıl elçilik başkâtipliğine terfi etmiştir (TS, 712) 'В 1925 г. он был повышен в ранг секретаря и в том же году — в ранг первого секретаря посольства в Праге'.

Глагол teslim olmak, составленный из масдара второй породы teslim с переходным значением и глагола olmak, означает 'сдаться в плен' и имеет возвратное значение. Глагол taciz olmak, составленный по аналогии с глаголом teslim olmak, также имеет возвратное значение, например: Halk tâciz olup mırıldanmağa başlamışlar (LC, 92) 'Народ забеспокоился и стал роптать'.

Глагол devam etmek, составленный из арабского слова devam 'продолжение' и вспомогательного глагола etmek, в зависимости от управления меняет свое значение. Без указания объекта глагол devam etmek имеет возвратное значение 'продолжаться': Yağmur sabaha kadar devam etti (TS, 147) 'Дождь продолжался до утра'.

Глагол devam etmek, управляя дательным падежом, имеет значение 'посещать', а управляя дательным или местным падежом, он означает 'продолжать' и не имеет возвратного значения, например: fakülteye devam etmek (TS, 147) 'посещать (занятия) на факультете'; Yoluna devam etti (OK, S) 'Она продолжала свой путь'; Insanlar aşağıda, yaya kaldırımında konuşmakta devam ediyorlardı (SA, KS, 156) 'Внизу на тротуаре продолжали разговаривать люди'.

Отметим, наконец, аберрацию в отношении глаголов, составленных из масдаров 3-й, 5-й и 6-й породы. Так, глагол müdafaa etmek, составленный из масдара 3-й породы, выражающей взаимное действие, означает 'защищать' 'оборонять' и является переходным глаголом, управляющим винительным падежом, например: Kendini, müteffikini iyi müdafaa etti (SS, KT, 1312) 'Он хорошо защищал себя и своего союзника'. Глагол muayene olmak, состоящий из масдара 3-й породы muayene и вспомогательного глагола olmak, является непереходным глаголом и означает 'подвергнуться медицинскому осмотру': . . . her hangi bir sebeple evvelce kok kömürü almıyanlar, bir hastahanede muayene olup . . . rapor alacaklar (из газет) 'Лица, не получившие ранее кокса, подвергнутся в больнице медицинскому освидетельствованию и получат справки'.

Составной глагол tetebbü etmek 'тщательно исследовать', 'изучать', образованный масдаром 5-й породы, имеющим возвратное значение, в сочетании с глаголом etmek является переходным глаголом, управляет основным или винительным падежом: . . . Arabın, Acemün, Türkün, Avrupanın asarı edebesini tetebbü et (NK, M.) 'Изучай арабские, персидские, турецкие, европейские литературные произведения'; bir cık kitap tetebbü eyediğim halde yine o mephasa tesadüf edemedım (MOL, 188) 'Хотя я изучал много лет, я все-таки (ничего) не нашел по этому разделу'. «Сложные глаголы, образованные от масдара этой породы (5-й. — *М.М.*) и имеющие переходное значение, весьма редки» [8].

Глагол teati etmek, в состав которого входит масдар 6-й породы, выражающий идею взаимности и взаимодействия, является переходным: Mukavele suretlerini teati ettiler (SS, KT, 413) 'Они обменялись копиями соглашения'. Как пишет С. Майзель в отношении составных турецких глаголов, образованных при помощи масдара 6-й породы, «переходные глаголы от этой породы (как например tecavüz etmek 'переступить', 'превысить', 'нападать') весьма редки» [9].

Приведенных примеров достаточно, чтобы судить об аберрации залога и в отношении глаголов, в состав которых входят элементы арабского происхождения. Однако в связи с интересующей нас проблемой в центре нашего внимания находятся не эти глаголы, а глаголы чисто турецкого происхождения. Выше мы разобрали употребление ряда турецких глаголов основного залога, причем мы не ставили себе целью дать полный список. Важно, что уже на основе анализа приведенных выше глаголов основного залога можно сделать некоторые выводы. Прежде всего очевидно, что 1) глаголы эти имеют различные залоговые значения (например, глагол açmak имеет значение основного залога и страдательного, глагол dönmek — основного

[8] С. Майзель. Арабские и персидские элементы в турецком языке. М., 1945, стр. 13.

[9] Там же, стр. 15.

и понудительного, глагол kımıldamak — возвратного залога), следовательно, они могут быть переходными и непереходными; 2) основа глагола сама по себе представляется нейтральной в отношении залога; сочетание сказуемого-глагола и дополнения уточняет залоговые значения основы глагола. Это обстоятельство подтверждает тесную связь лексики и грамматики.

СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Остановимся на глаголах, которые по морфологическому признаку принадлежат к категории глаголов страдательного залога, однако являются либо переходными глаголами и управляют винительным падежом, либо имеют возвратное значение. Хотя таких глаголов и немного, все же следующее категорическое утверждение нам представляется неприемлемым: «Следует помнить, что глаголы, стоящие в страдательном залоге, *ни в коем случае* не могут управлять прямым дополнением (как и по-русски)[10]».

Глаголы страдательного залога, управляющие винительным падежом или имеющие возвратное значение, следующие:

1. Глагол atılmak, наряду с прямым значением 'быть брошенным', имеет возвратное значение 1) 'броситься', 'наброситься', 'устремляться', 'пуститься (в путь)', 2) 'вмешаться' (в разговор): Vatanlarını asil bir nefis feragatile müdafaa eden Sovyetler Birliği orduları karşısında aciz kalan faşizm kuduzluğunun bütün hırsile mâsumlara atıldı (SD, NSBD, 343) 'Фашизм, оказавшийся беспомощным перед лицом армии Советского Союза, которая с благородной самоотверженностью защищала свое отечество, со всем бешенством набросился на ни в чем неповинных людей'.

2. Глагол bayılmak относится к категории глаголов страдательного залога. Основу этого глагола bay-, которая в современном турецком языке неизвестна, можно наблюдать в прилагательном baygın 'обморочный'. Этот весьма употребительный глагол имеет возвратное значение и означает 'лишаться чувств', 'падать в обморок', 'впадать в обморочное состояние': Kömürden bayılmıştı (SS, KT, 278) 'Он лишился чувств от угара'. Здесь небезынтересно сравнить глагол bayılmak с глаголом ayılmak, который означает 'приходить в сознание', 'протрезвляться'. Можно также привести сочетание aygın baygın 'безумно влюбленный' (MM, M, 18).

Управляя дательным падежом, глагол bayılmak означает 'обожать', 'сильно любить': Bayılırım şu duzenli dünyaya (MCAT, 23) 'Я восторгаюсь этим упорядоченным миром'.

С другой стороны, глагол bayılmak управляет основным и винительным падежами, имея значение 'дать', 'отвалить' (в смысле 'уплатить') и является переходным глаголом: İki lira bayıldık (TS, 65) 'Мы отвалили две лиры'; 102 kuruşu bayılınca öğreneceksin tramvaya atlamanın yasak olduğunu (FE, H, 349) 'Отвалив лиру и два пиастра, ты узнаешь, что спрыгивать с трамвая воспрещается'.

Итак, глагол страдательного залога bayılmak управляет винительным падежом и является переходным глаголом.

3. Глагол düzülmek, с одной стороны, обозначает 'быть приведенным в порядок', 'быть исправленным' (страдательный залог), с другой — этот глагол имеет возвратное значение: Gece olduktan sonra yalnızca yola düzüldü (SA, K, 137) 'С наступлением ночи она одна-одинешенька отправилась в путь'.

---

[10] И. П. Кузнецов и др. Указ. соч., стр. 142.

4. Глагол kapılmak в значении 'поддаться' имеет возвратное значение: Fakat işin müthiş temposuna öyle kapılmıslarki (OK, BTÜ, 266) 'Однако они так поддались чудовищному темпу работы'.

5. Глагол koyulmak (ср. с konulmak) в значении 'пуститься', 'отправиться (в путь)', а также 'приняться за работу' имеет возвратное значение, например: Yazamağa koyuldu 'Он принялся писать'; Yola koyuldu (MB, YTL, 570) 'Он пустился в путь'.

6. Глагол sarılmak 'обнять', 'припасть (к ногам)', 'хвататься', 'взяться за что-либо', имеет возвратное значение, например: Ferhad Şirine darılmak ister (NH, BAM, 130) 'Ферхад хочет обнять Ширин'; O kadar uzun süren bir ayrılıktan sonra birbirlerine sarılacak yerde baba oğul . . . yumruk sallamağa başladılar NG, TB, 4) 'Вместо того, чтобы после столь длительной разлуки обнять друг друга, отец и сын принялись работать кулаками'; ayağına sarılmak (ДМ, ТРС, 520) 'припасть к ногам'; silâha sarıldı (MB, YTL, 426) 'он схватился за оружие'; işe sarılmak (TS, 506) 'взяться за дело'.

7. Глагол sıkılmak в значении 'стесняться', 'смущаться', 'конфузиться' имеет возвратное значение: Ben konuşmağa sıkılırm (RNG, Ç, 176) 'Я стесняюсь разговаривать'.

8. Глагол sokulmak наряду с основным значением 'быть вставленным, всунутым, втиснутым' означает 'входить', 'втираться', 'влезать', 'пролезать', 'подойти', т. е. имеет возвратное значение, например: O her yere sokulur (SS, KT, 840) 'Он всюду пролезет'; Hidayetinoğlu Ali'nin yanına usullacuc sokuldu (OK, BTÜ, 219) 'Хидайетин оглу тихонько подошел к Али'; Bu sefer genç kız onun yanına sokuldu (SA, KK, 206) 'На этот раз молодая девушка подошла к нему'.

9. Глагол sökülmek [от sökmek 'распороть шов', 'разобрать (машину, почерк)', 'выдернуть', 'вынимать (гвоздь)', 'выделять'] управляет винительным падежом и имеет значение 'отдать все, что имеется налицо' (о деньгах), например: Sökül paraları diyorum (NH, KT, 66] 'Гони монету, говорю я'.

10. Глагол taşınmak, который можно рассматривать как глагол страдательного или возвратного залога от taşımak, имеет возвратное значение и означает 'переселиться', 'переехать', 'съехать', например: Onlar buradan taşındılar (TS, 566) 'Они отсюда переехали (съехали)'.

11. Глагол üzülmek в значении 'мучиться', 'терзаться', 'беспокоиться' имеет возвратное значение: Kardeşlerinden ayrılacağına üzülüyorsun (RNG, Ç., 181) 'Ты мучаешься от того, что расстанешься с твоими братьями?'; Validen dadı kalfa senin nakkaşlıga havesine üzülür, fakat görürse bunları sevinecek (NH, BAM, 91) 'Твоя мать [которая работает мамкой] терзается из-за твоей страсти к стенной живописи, но если она увидит эту роспись, она обрадуется'; Nasıl üzüldüm, nasıl korktum (там же, 114) 'Как я измучилась, как я напугалась'.

12. Глагол yıkılmak означает 'рухнуть', 'повалиться', 'убираться', 'проваливать' и, таким образом, имеет возвратное значение, например: Hayvan yorgunluktan yıkıldı (TS, 641) 'Лошадь повалилась (на землю) от усталости'; fırtınadan bir kaç selvi yıkılmış (ŞS, KT, 1572) 'От бури повалилось несколько кипарисов'; Vezir sedirin üstüne yıkılır (NH, BAM, 84) 'Везирь падает на тахту'; Servinaz (Düşünür) Bir de uykum geldi. Yıkılacagım (там же, 79) 'Сервиназ (думает), кроме того, мне хочется спать. Я свалюсь'.

13. Глагол yorulmak 'утомляться', 'уставать' (от yormak 'утомлять', 'уставать') по своей структуре (аффикс *-ul*) является глаголом страдательного залога. Между тем он имеет возвратное значение и мы вправе

были бы ожидать yorunmak; возможно, что в данном случае имела место ассимиляция, например: Yoruldun ... ver oğlanı da ben taşıyayım (NH, BAM, 119) 'Ты устала, дай мальчика, понесу-ка я [его] немного'.

Итак, в отношении приведенных выше глаголов в форме страдательного залога наблюдается явление аберрации, отклонения в значении этих форм глагола. Они являются переходными глаголами, управляя винительным падежом, и в то же время являются глаголами с возвратным значением, управляя преимущественно дательным падежом.

П. М. Мелиоранский на материале «Бабур-наме» отметил сочетание страдательного залога с винительным падежом. В этой конструкции, которую следует отнести к XV—XVI вв., в винительном падеже стоит грамматический субъект. Таким образом, этот случай отличен от случаев, описанных нами выше. «В свое время П. М. Мелиоранский («Памятник в честь Кюль Тегина», стр. 102), — читаем в «Грамматике узбекского языка» А. Н. Кононова, — обратил внимание «на весьма обыкновенное в Бабур-наме сочетание страдательного залога с винительным падежом ...: *Тўртинчи буким, менинг ғанимим қўрғонда эди, ҳам қўрғонини* (sic!) *олинди, ҳам ғанимни* (sic!) *кочурилди*, 'В-четвертых, то, что противник мой был в крепости, но тем не менее крепость его (sic!) была взята, и противник (sic!) был обращен в бегство'.

Винительные падежи *қўрғонинии ғанимни*, может быть, следует грамматически объяснить как дополнения к безличным формам действительных глаголов, которые у Бабура нередко выражаются страдательным залогом, таким образом возможно, что *олинди* есть 'взяли' с винительным падежом объекта (man eroberte c acc.), а *кочурилди* — 'обратили в бегство' с винительным падежом (man schlug in die Flucht c acc.)». А. Г. Гулямов (Айюб Ғўлом. Узбек Тилида Келишиклар. СССР Фанлар Академияси. Узбекистон Филиалининг асарлари. Тошкент, 1941, II серия, Филол., 2 китоб, стр. 9. — *М. М.*) указывает, что в живом разговорном узбекском языке иногда встречаются конструкции типа: *ошни ейилди, чойни ичилды*, которые совершенно недопустимы в литературном языке»[11]. О том же явлении в узбекском языке говорит и С. А. Фердаус, причем видит в нем лишь «большую путаницу». «Большую путаницу, — пишет С. А. Фердаус, — мы встречаем и в управлении падежами, например грамматический субъект в предложении при глагольном сказуемом в форме страдательного залога часто ставится в оформленном винительном падеже: *китобни ўқилди* 'книгу читана'; *хатни ёзилди* 'записку написана'»[12].

Попутно отметим, что необычные случаи управления глагола в форме страдательного залога винительным падежом привлекли внимание на материале японского языка Н. И. Конрада[13]. На материале монгольского языка эти же явления привлекли внимание А. Бобровникова[14] и Г. Д. Санжеева[15].

---

[11] А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948, стр. 47.

[12] С. А. Фердаус. Категория залога в узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1953, стр. 6.

[13] Н. И. Конрад. Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937, стр. 196.

[14] А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 126.

[15] Г. Д. Санжеев. Залоги в монгольских языках. «Труды ВИИЯ», № 3. М., 1947, стр. 110 и след.

ВОЗВРАТНЫЙ ЗАЛОГ

Обратимся к рассмотрению некоторых глаголов, которые по своему строению, а именно по наличию в них аффикса -ın, относятся к категории глаголов возвратного залога, а по своему управлению являются переходными. Приведем несколько примеров.

1. Глагол aranmak 'разыскиваться' управляет винительным падежом и означает 'искать': Muhafız Ferhadın sesinden yana dönüp Ferhadı aranırken nekkareler birdenbire çığlık halinde yükselir (NH, BAM, 94) 'Когда страж поворачивается в ту сторону, откуда доносится голос Ферхада и ищет его (букв. 'Ферхада'), литавры вдруг издают неистовый звук'.

2. Глагол beğenmek 'нравиться'. Глагола beğmek — не существует. Глагол beğ-en-mek по своему строению, очевидно, должен быть отнесен к категории возвратных глаголов, между тем по управлению он переходный, например: Bu çiçeğin kokusunu beğenmedim (ŞS, KT, 300) 'Мне не понравился запах этого цветка'; O adamı beğenirim (TS, 67) 'Мне нравится тот человек'.

3. Глагол dolanmak 'обойти', 'исколесить', 'обвивать', 'обвиваться': Gam yemezdim ben bu dertten öldüğüm dolansa boynuma akçe bilekler (K, KVM, 128) 'Если бы вокруг моей шеи обвились белые ручки, я не испытывал бы печали от этого смертельного горя'. В приведенном примере глагол dolansa — непереходный. Однако глагол dolanmak выступает и в качестве переходного глагола, и не только у Караджаоглана (XVII), но и у Гевхери (XVIII), например: Senin için dolanırım bu dağı (K, KVM, 791) 'Ради тебя я обошел вокруг этой горы'; Senin için dolandım karlı dağı (там же, 81) 'Ради тебя я обошел вокруг эту снежную гору'; Dolandım dağları, burlara düştüm (там же, 46) 'Я исколесил горы и попал в эти края'; Gezdim bu cihanı dolandım hayli cümle aşıkların sendedir meyli (G, 46) 'Погулял я, изрядно поколесил по этому свету, все влюбленные льнут к тебе'; Bir candarma bahçenin arkasına dolandı (SA, KS, 139) 'Один жандарм обошел (окрестность) за садом'.

4. Глагол döşenmek 'разукрасить', 'расписать' (от döşemek 'расстилать', 'выстилать') выступает в качестве переходного глагола, управляя винительным падежом, например: Hemen her şeyi yaldızlar, yaldızlar döşeniriz (FE, A) 'Почти все мы приукрашиваем, разукрашиваем'; Muharrir o vaka hakkında gene döşenmiş (TS, 315) 'Журналист опять расписал об этом происшествии'.

5. Глагол düşünmek 'думать' по морфологическому признаку должен быть отнесен к категории глаголов возвратного залога: аффикс -ün присоединен к корню глагола düş-, который многие исследователи сопоставляют со словом düş (tüş) 'сновидение'. Глагол düşünmek управляет основным или винительным падежом и имеет переходное значение: Tekrar başka şeyler düşünmeğe başladım (SA, KS, 87) 'Опять я стал думать о других вещах'; Bacımınkiler gibi gök gözlü şehrim, İstanbulum, seni düşünüyorum (NH, SŞ, 9) 'Я думаю о тебе, мой Стамбул, мой город с такими же синими глазами, как (и) у моей жены'.

6. Глагол edinmek 'приобрести' управляет основным или винительным падежом и является переходным глаголом: Bir hayli kitaplar edindim (ŞS, KT, 238) 'Я приобрел порядочно книг'.

7. Глагол giyinmek 'одеваться' является непереходным: Yataktan kalkar kalkmaz giyinirim (ŞS, KT, 1229) 'Встав с постели, я сейчас же одеваюсь'. Однако глагол giyinmek может употребляться и в переходном значении, причем это можно наблюдать и в отдаленные времена, например в XVII в., и в наши дни: Allar giyinmiş te çelenk sokunmuş

doğan güneş gibi doğdu sabahtan (K, KVM, 120) 'Надев все алое, надев венок, она с утра засияла (букв. 'взошла') словно взошедшее солнце'; Al yeşil giyinmiş daima gezer arı konar ak gerdandan bal alır (там же, 122) 'Надев алое (и) зеленое, она все время разгуливает, пчела садится и собирает мед с ее белой шеи'.

Любопытно отметить, что Кераджаоглан параллельно с употреблением глагола giyinmek в переходном значении употребляет и глагол giymek: Bu dert bana hayır etmez olürüm, yiğidin sevdiği giysin kareler (K, KVM, 123) 'Это горе не принесет мне добра — я умру. Пусть возлюбленная моя (молодца) наденет траурные одежды'. Показав употребление в прошлом глагола giyinmek в переходном значении, приведем пример такого же употребления этого глагола и в наши дни современным писателем Б. С. Кунтом: Eş dost, akraba, konu komşu hep yeni elbiselerini giyinmiş olarak (BSK, H) 'Друзья, приятели, родственники — все сидели в новом платье' (букв. 'надев свое новое платье').

8. Глагол kabullenmek 'присваивать', 'захватывать' управляет винительным падежом и является переходным Adamcağız bizim kitabı kabullendi (TS, 300) 'Человечишко присвоил нашу книгу'.

9. Глагол kazanmak 'приобрести', 'заработать' управляет основным или винительным падежом и является переходным глаголом, например: İyi bir dost kazandık (T, S, 360) 'Мы приобрели хорошего друга'.

10. Глагол kullanmak 'употреблять', 'управлять'. По своему строению kullanmak — глагол возвратного залога: kul (~ kol) 'рука' + la + n (аффикс возвратного залога) + mak. Однако он управляет основным или винительным падежом и является переходным глаголом: Bu aleti hangi işte kullanıyorsunuz? (ŞS, KT, 1111) 'При какой работе вы употребляете этот инструмент'; Ses çikarmamak için çekici hiç kullanmıyorduk (SA, KS, 45) 'Чтобы не производить шума, мы вовсе не прибегали (не употребляли) к молотку'.

11. Глагол kuşanmak 'опоясаться' употребляется в качестве переходного глагола: Sen seni topla da kuşağın kuşan... (K, KVM, 111) 'Возьми себя в руки, опояшься поясом...'; Bir sabah atını koşturdu, çerkes gibi giyindi silâhlarını kuşandi (L, ZK, 38) 'Раз утром он велел оседлать лошадь, оделся по-черкесски, вооружился (МЛ, ГНВ, 24).

12. Глагол mırıldanmak 'бормотать про себя', 'бормотать', 'напевать' употребляется наряду с глаголом mırıldamak и управляет основным или винительным падежом: Çocuk yine bir şeyler mırıldandı (SA, KS, 57) 'Парень опять что-то пробормотал'; Esrarkeş Tayyar Baba ... Bayburt türküleri mırıldanıyordu (SA, KO, 21) 'Курильщик опиума Тайяр-баба напевал байбуртские песни'.

13. Глагол öğrenmek 'изучать', 'узнавать' представлен корнем öğ, ök 'ум', который самостоятельно не употребляется. Этот корень мы наблюдаем в известном глаголе понудительного залога öğretmek, а также в словах неологизмах, получивших распространение уже почти как термины: öğrenci 'учащийся', 'ученик', 'студент' и öğretmen 'учитель', например: Piano öğretmenim Fransızdı (FE, K, 353) 'Моим учителем музыки был француз'. По своей структуре öğrenmek — глагол возвратного залога. Однако он управляет основным или винительным падежом, является переходным глаголом: Biricik oğlu Avrupalarda okumuş ama, gelinin ağzına bakmadan anasını korumayı öğrenmemiş (FE, K, 353) 'Единственный ее сын учился в «европах», но не научился беречь свою мать, не посмотрев в рот своей жене'.

14. Глагол savunmak 'защищать', 'оборонять' управляет винительным падежом и относится к переходным глаголам: Her fırsatta barışçı arzularını ve kapitalist sosyalist sistemleri bir arada barış içinde yaşı-

yabileceği tezini savunan Sovyetler Birliği ... (HG) 'Советский Союз, всегда защищающий свои мирные устремления и тезис о том, что капиталистическая и социалистическая системы смогут мирно сосуществовать...'; Harbe insan kanına susamış bir yığın kurda karşi barışı savundu ve kurdlar bir kere daha hırladılar, fakat gerilediler (NH, BÇ, 19) 'Он боролся за мир против стаи волков, жаждавших войны и человеческой крови, и волки еще раз взвыли, но отступили'.

Таким образом, из вышеприведенных примеров видно, что аберрация в отношении глаголов возвратного залога заключается в том, что они вместе со своим основным значением являются также переходными глаголами, управляя основным или винительным падежом.

Отметим, что Ж. Дени в «Грамматике турецкого языка» пишет: «Когда глагол возвратной формы означает 'сделать что-нибудь для себя', он может управлять винительным падежом, как обычные переходные глаголы: edin-mek (синоним kazan-maq)»[16]. Помимо глаголов названного типа, Ж. Дени называет еще глаголы giyinmek и saqinmak.

Н. А. Баскаков, исходя из наблюдений над каракалпакским языком, также говорит о переходности глаголов возвратного залога, указывая, что «семантически категория возвратного залога реализуется в виде двух типов форм»[17]. В качестве второго типа Н. А. Баскаков выделяет «возвратные залоговые формы с прямым объектом, образующиеся от переходных глаголов и остающиеся в результате образования переходными же глаголами»[18].

Заканчивая обзор глаголов возвратного залога, отметим, что наши наблюдения в отношении того, что некоторые глаголы этого залога могут быть отнесены к категории основного залога, подтверждаются и на материале башкирского языка. По этому поводу А. Х. Фатыхов пишет следующее: «Глаголы с второобразным аффиксом на *-н*, $\frac{\text{-ын}}{\text{-ен}}$, $\frac{\text{-он}}{\text{-өн}}$, как правило, с показателем возвратного залога, могут иметь значение основного и страдательного залогов, конкретное значение их также обнаруживается только в контексте»[19].

ВЗАИМНЫЙ ЗАЛОГ

В связи с интересующей нас проблемой аберрации залога любопытно отметить те глаголы взаимного залога, которые управляют дательным или винительным падежом, а также глаголы, которые не сочетаются с послелогом ile и не закрепили взаимного значения одни в меньшей степени (например, alışmak), другие в большей степени. Обратимся к примерам.

1. Глагол alışmak 'привыкать' не сочетается с послелогом ile, управляет дательным падежом: ... bahçelerde al kırmızı gül olur Bahçeler de zinetine alışsın ... (K, KVM, 122) 'В садах расцветет пунцовая роза, и пусть сады привыкнут к ее красоте'.

2. Глагол bitişmek, имея возвратное значение, означает 'соединяться', 'соприкасаться', 'сходиться', например: Kemerin iki ucu bitişmiyor (TS, 82) 'Концы пояса не сходятся'. Этот же глагол, не сочетаясь с послелогом ile, управляет дательным падежом и означает

---

[16] J. Deny. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, стр. 1106.
[17] Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II. М., 1952, стр. 337.
[18] Там же, стр. 339.
[19] А. Х. Фатыхов. Категория залога в башкирском языке. Автореф. канд. дисс. Уфа, 1953, стр. 14.

'подходить', например: Vapur rıhtıma bitişti (ŞS, KT, 329) 'Пароход (вплотную) подошел к пристани'.

3. Глагол bulaşmak в основном означает 'выпачкаться', 'заражаться', 'впутаться (во что-нибудь)', управляет дательным падежом: Yüzü gözü çamura bulaşmış (ŞS, KT, 319) 'Он весь выпачкался в грязи'; Bu işe bir kere bulaşmış bulundum, bitirmeliyim (TS, 91) 'Раз я впутался в это дело, я должен [его] закончить'.

4. Глагол çalışmak 'работать', 'трудиться', 'совместно ударять в музыкальный инструмент' (ср. çalmak 'играть на музыкальном инструменте') представляет собой глагол взаимного залога от глагола основного залога çalmak 'ударять': Şehit mezarında gönlüm yatıyor, sevda kılıcını boynuma çaldı (KK, VM, 121) 'Сердце мое покоится в могиле павшего смертью храбрых, любовь ударила мечом по моей вые'. Глагол çalışmak, будучи глаголом взаимного залога, может употребляться самостоятельно или сочетаться со словом в форме дательного падежа; имеет значение 'работать', 'стараться', например: Derslere ne zaman çalışıyorsun? (SA, KS, 62) 'Когда ты работаешь над своими уроками?'; Kendimizi avutmağa çalıştık (там же, 43) 'Мы старались рассеяться'.

5. Глагол değişmek имеет возвратное значение 'изменяться': Ama bu günden sonra Osman birden bire değişti (SA, SK, 32) 'Но после этого дня Осман вдруг изменился'; Bir gün odamda aynaya baktığım zaman tanınmıyacak kadar değişmiş olduğumu gördüm (SA, KS, 112) 'Когда однажды в своей комнате я посмотрел в зеркало, я увидел, что изменился до неузнаваемости'.

Глагол değişmek в значении 'обменять', 'променять что-либо', управляет винительным падежом, а в значении 'обменять', 'променять на что-либо' — дательным падежом. Это можно иллюстрировать примерами из произведений XVII, XVIII вв. и вплоть до наших дней. Вот пример из Караджаоглана: Bizim sürüye de bir kurt dolandı, değiştim yurdumu kurtulamadım (K, KVM, 82) 'И в наше стадо повадился волк ходить, переменил я край, но не мог избавиться от него'. А вот пример из А. Недима (XVIII в.): Camı dünyaya değişmem... (AN, 437) 'Я на [целый] мир не променяю бокал'.

Что касается современности, то Т. М. Бахаэттин в своем словаре указывает, что глагол değişmek имеет значения değiştirmek и tebdiletmek, и дает следующие примеры: Bu atı ne değişirim ne satarım; bunu dünyada bir şeye degişmem (MB, YTL, 327) 'Я этой лошади не обменяю и не продам. Я никогда ни на что ее не променяю'. Приведем еще несколько примеров: Çamasır değişmek istiyorum (TS, 141) 'Я хочу сменить белье'; Kostümü değiştim (TS, 141) 'Я переменил костюм'; Onunla saatlerimizi değiştik (там же) 'Мы обменялись с ним часами'; Türkiye gençliğine hitaben mart 1949=da neşrettiğimiz 1 numaralı çağrıda: «Türk irticai, 19 milyon Türkün kanını bir avuç dolara değişti» demiştik (NH) 'В воззвании № 1, опубликованном нами в марте 1949 г., мы, обращаясь к турецкой молодежи, говорили: «Турецкая реакция обменяла кровь 19 миллионов турок на пригоршню долларов»'.

Таким образом, из изложенного выше мы видим, что глагол взаимного залога değişmek 1) имеет возвратное значение и 2) является переходным глаголом, управляя винительным падежом. Отметим, что наряду с глаголом değişmek можно наблюдать употребление переходного глагола değiştirmek 'переменить', 'изменить', который, очевидно, является глаголом более позднего происхождения: Fakat hiç bir cümle hakikatı değiştirmek iktidarında değildi (SA, KS, 85) 'Однако никакая фраза не в состоянии изменить истину'.

6. Глагол dolaşmak по морфологическому признаку является глаголом взаимного залога от глагола dolamak 'обматывать', 'наматывать'. Однако глагол взаимного залога dolaşmak может управлять винительным падежом (винительным пространственным), являясь, таким образом, переходным глаголом со значением 'гулять', 'прогуливаться', 'бродить', 'колесить', а также 'обойти', 'объехать', 'исколесить': Kaptan Kuk yelken gemisiyle kürrei arzı üç kerre dolaştı (ŞS, KT, 906) 'Капитан Кук на парусном судне трижды объехал земной шар (совершил путешествие вокруг света)'; İstenli bütün Afrikayı Cenubiyi dolaştı (там же, 906) 'Стенли исколесил всю Южную Африку'; Şakirdanın yatak koğuşlarını ara sıra dolaşmalı (там же) 'Необходимо время от времени обходить дортуары учеников'; Bir az şehri dolaşalım (TS, 161) 'Побродим немного по городу'.

Отметим, что параллельно с глаголом dolaşmak в том же значении употребляется глагол dolaştırmak: O, gözlerini bir kimsenin üzerinde durdurmıyarak boşlukta dolaştırmağa başladı (SA, KS, 119) 'Не задерживаясь взглядом ни на ком, он стал блуждать взором в пустоте'.

Итак, из приведенных примеров видно, что глагол взаимного залога dolaşmak управляет винительным падежом и что употребление этого глагола наблюдается параллельно с употреблением глагола понудительного залога dolaştırmak.

7. Глагол gelişmek 1) 'расти', 'произрастать'; 2) 'поправиться', 'пополнеть' и 3) 'развиваться' — является глаголом, за которым взаимное значение не закрепилось: Seyahat kendisine yaramış, hayli gelişmiş (ŞS, KT, 1176) 'Путешествие пошло ему на пользу, он изрядно поправился'.

8. Глагол girişmek также является тем глаголом, за которым взаимное значение недостаточно закрепилось, и имеет значение 'приниматься за что-либо', 'приступать к какому-либо делу'. Он не сочетается с послелогом ile, а управляет дательным падежом: bir şirket kurmağa girişmek (TS, 222) 'приступить к организации общества'.

9. Глагол görüşmek в значении 'видеться', 'встречаться', 'беседовать (с кем-либо)' употребляется с послелогом ile: Komşunuzla görüşürmüsünüz? (TS, 228) 'Вы встречаетесь с вашими соседями?' Однако в значении 'обсуждать' глагол görüşmek управляет винительным падежом и является переходным глаголом: Bu meseleyi daha geniş bir zamanda görüşmeli (TS, 228) 'Этот вопрос следует обсудить в более свободное время'.

10. Глагол erişmek 'достигать', 'созревать' в своем основном значении не выражает идеи взаимности и взаимодействия, не сочетается с послелогом ile, что, как известно, характерно для глаголов взаимного залога, а управляет дательным падежом. В результате основное значение глагола основного залога ermek и глагола взаимного залога erişmek совпадают, например: yüksek bir dereceye erişmek (TS, 186) 'достичь высокой температуры'; с другой стороны, muradına ermek (TS, 187) 'достичь желанного' или yemişler çabuk erişti (TS, 186) 'фрукты скоро созрели'; ekinler ermeden biçilmez (TS, 187) 'хлебов нельзя жать до созревания'.

11. Глагол ilişmek означает 'зацепляться', 'зацеплять', 'задевать', 'сделать небольшую остановку', 'задержаться'; он не сочетается с послелогом ile, а управляет дательным падежом: Kova kuyunun içinde taşa ilişti (SS, KT, 249) 'Ведро зацепилось в колодце за камень'; Koskoca masanın bir ucunda, iskemlenin kenarına ilişti (SA, KY, 207) 'У конца огромного стола он примостился на краю табурета'.

12. Глагол kalkışmak означает 'приниматься за что-либо', 'задумать', 'пытаться'. Он не сочетается с послелогом ile, а управляет да-

тельным падежом: İnsan yapamıyacaği işlere kalkışmamalı (TS, 307) 'Человек не должен приниматься за дела, которых он не сможет выполнить'; Benim aleyhimde davaya kalkıştı (SS, KT, 1035) 'Он затеял процесс против меня'.

13. Глагол kavuşmak не сочетается с послелогом ile, а управляет дательным падежом. Основные значения: 1) 'свидеться', 'увидеться после долгой разлуки', 2) 'получить, наконец', 3) 'обрести'; Çoluk çocuğuna kavuşacaktır (SS, KT, 1043) 'Он свидится с чадами и домочадцами'; Şehir elektriğe kavuştu (TS, 327) 'Город получил, наконец, электричество'; Ben de bilmiyorum gayri niye Demirdağını deldiğimi, Şirine kavuşmak için mi, halkı suya kavuşturmak mı? (NH, BAM, 124) 'И уж я не знаю, зачем прорубаю железную гору: для того, чтобы обрести Ширин или для того, чтобы дать народу возможность обрести воду'.

14. Глагол kesişmek означает 'договариваться', 'сторговаться' и управляет винительным падежом: Yevmiyelerinizi kesiştinizmi? (OK, BTÜ, 77) 'Вы договорились о поденной плате?'

15. Глагол konuşmak, по толкованию Н. К. Дмитриева, означает 'останавливаться на ночлег', 'совместно с кем-нибудь разговаривать' (sic!)[20]. В своем основном значении 'беседовать', 'быть знакомым с кем-либо' глагол konuşmak употребляется с послелогом ile, например: Kendisiyle konuşmıyorum, hiç konuşmadık (SS, KT, 1117) 'Я с ним незнаком, мы с ним вовсе незнакомы'. Однако в других значениях, например 'обсуждать (вопрос, дело)', глагол konuşmak управляет винительным падежом и является переходным глаголом: Arkadaşımla dün akşam görüştük ama sizin işi konuşamadık (TS, 359) 'Вчера вечером мы беседовали с моим товарищем, но не смогли обсудить ваше дело'.

16. Глагол tutuşmak означает 'воспламениться', 'загореться' и является глаголом возвратного значения, например: odunlar tutuştu (TS, 593) 'дрова загорелись'. С другой стороны, глагол tutuşmak не сочетается с ожидаемым послелогом ile, а управляет дательным падежом и означает 'начинать', 'приступать к чему-либо', 'приниматься за что-либо': Yazmağa tutuştu (ŞS, KT, 891) 'Он принялся за писание'.

17. Глагол ulaşmak, имея возвратное значение, означает 'соединяться', 'соприкасаться', 'встречаться', 'сходиться': Dağ, dağa ulaşmaz, adam adama ulaşır (ŞS, KT, 218) 'Гора с горой не сходится, человек с человеком сходится'. С другой стороны, глагол ulaşmak не сочетается с послелогом ile, а управляет дательным падежом и означает 'достигать', 'доходить', 'призывать': Mektup yerine ulaştı (TS, 599) 'Письмо дошло по своему назначению'; Romanyaya, hürriyetimin ilk merhalesine ulaştığım zaman (NH, BÇ, 47) 'Когда я достиг Румынии, первого этапа моей свободы...'.

18. Глагол yanaşmak 'подходить' отдаляется от значения взаимодействия, не сочетается с послелогом ile, а управляет дательным падежом: Vapur iskeleye yanaştı (ŞS, KT, 1556) 'Пароход подошел к пристани'.

19. Глагол yapışmak означает 'приклеиваться', 'наклеиваться', 'приставать', 'докучать', 'надоедать'; он также не сочетается с послелогом ile, а управляет дательным падежом, например: Kâğıt duvara yapıştı (TS, 626) 'Бумага пристала к стене'; Bu da bize nereden yapıştı (там же) 'А этот откуда к нам привязался?'.

20. Глагол yatışmak 'успокоиться', 'утихать', 'улечься' имеет возвратное значение: Deniz, fırtına, sancı yatıştı (ŞS, KT, 1522) 'Море успокоилось, буря утихла, острая боль утихла'.

---

[20] Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Л., 1939, стр. 22.

21. Глагол yetişmek в своих основных значениях 'достигать', 'доставать' и 'быть достаточным', 'хватать' совпадает с глаголом основного залога yetmek и употребляется параллельно с ним: Bu kova suya yetişmiyor (ŞS, KT, 1543) 'Это ведро не достает до воды'; (ср.: Elim oraya yetmez (там же, 1544) 'Моя рука не достает до того места'); Bu yemek hepimize yetişmez (там же, 1543) 'Этой пищи нам не хватает на всех' [ср.: Bu bana yeter (там же, 1544) 'Этого мне хватит'].

Итак, из вышеизложенного явствует следующее. 1) Глаголы взаимного залога не всегда четко выражают идею взаимности и взаимодействия. 2) В некоторых случаях можно наблюдать совпадение значений глаголов взаимного залога с глаголами основного залога. 3) Некоторые глаголы взаимного залога имеют возвратное значение. В данном случае уместно вспомнить то, что пишет Н. А. Баскаков об изменении первоначального значения взаимносовместных залоговых форм: «В процессе развития залоговые формы могут изменять первоначальное свое значение и выделяться из системы залоговых форм в самостоятельные глагольные основы с особой семантикой»[21]. 4) Глаголы взаимного залога не всегда сочетаются с послелогом ile. 5) Глаголы взаимного залога управляют дательным падежом, являясь непереходными глаголами, или винительным падежом, являясь переходными глаголами.

ПОНУДИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Говоря об аберрации в отношении глаголов, составляющих категорию понудительного залога, и соответственно о переходности и непереходности, можно привести немногочисленные, но весьма любопытные примеры.

1. Глагол çıldırmak. Глагол этот представлен корнем-основой çil-,— которую можно наблюдать в таких словах, как çılgın 'безумный', 'сумасшедший'; çılgınca, çılgıncasına 'безумно', 'без памяти'; çılgınlık 'безумие', 'сумасшествие' (ДМ, ТРС, 122), — и аффиксом понудительного залога -dır. Несмотря на наличие аффикса -dır глагол этот имеет возвратное значение 'сходить с ума', 'лишаться рассудка', 'безумствовать' (ДМ, ТРС, 122) и, следовательно, является непереходным глаголом. Возвратное значение глагола çıldırmak было зарегистрировано еще Ахмедом Вефиком Пашей в его известном словаре «Lehçei Osmanî» в 1890 г., а также и в 1944 г. в «Türkçe sözlük»: Çıldırmak, tecennün etmek, azmak, mecnun gibi gazaplanmak (AVP, LO, 351) 'Сойти с ума, беситься, выходить из себя'.

Приведем примеры: Adam, çıldıracağım be (AR, MÇS, 13) 'Брось ты, ей-ей, сойду с ума'; Bu dakıykada çildırıyordum. Bu odada Bürhanettin Beyle yalnız kalmak, beraber yemek yemek! (RNG, Ç, 267) 'В эту минуту я сходила с ума. Остаться одной в этой комнате с Бюрханэттином беем, вместе обедать!'; Deli misin? Çıldırdın mı? (NH, BAM, 157) 'Безумен ты? Рехнулся ты?'

Небезынтересно отметить, что с присоединением к основе глагола çıldır-mak второго аффикса понудительного залога -t этому глаголу сообщается переходное значение: Allah aşkına sen de beni bütün bütün çıldırtma (AR, MÇS, 10) 'Ради Аллаха, смотри и ты не сведи меня совсем с ума'.

2. Глагол saldırmak наряду со значением 'напускать', 'натравливать' при управлении дательным падежом имеет значение 'бросаться', 'кидаться', 'набрасываться'. Таким образом, глагол saldırmak имеет

[21] Н. А. Баскаков. Указ. соч., стр. 335.

возвратное значение: Köpek daha atik davranıp paçasına saldırmış (KF, 13) 'Собака оказалась проворнее и схватила его за нижнюю часть штанины' (букв. 'кинулась к нижней части штанины'); Fransiz kalesine saldırmış ve onu havaya uçurmuş (NH, BÇ, 19) 'Говорят, он бросился к французской крепости и взорвал ее'; Köpekler de... hep beraber bu sıska kurtlara saldırdılar (SA, KM, 216) 'И собаки все вместе набросились на исхудалых волков'.

3. Глагол seğirtmek означает 'ускорять шаг', 'бежать', 'подпрыгивать' и является непереходным глаголом: Birdenbire kalkıp eve doğru seğirtti (TS, 511) 'Он вдруг поднялся и побежал домой'. Можно предположить, что аффикс понудительного залога -t наличествует в глаголе segirtmek в результате эллипса.

4. Глагол sürtmek, с одной стороны, имеет значение 'включить', 'тащить' и относится к категории переходных глаголов; с другой стороны, он имеет значение 'гулять без дела', 'слоняться без дела', 'много ходить', например: Akşama kadar nerelerde sürttün? (TS, 541) 'Где это ты слонялся без дела до вечера?'; Altı yaşında sığırtmaçlığa başlamış yazın güneş altında, kışın karda, yağmurda, dağ başlarında sürtüp durmuştur (NH, TÇ, 13) 'Начав с шести лет работать пастушком, он летом под солнцем, зимой под снегом и дождем много ходил в горах'.

Из вышеназванных четырех глаголов Ж. Дени приводит два — saldırmak и seğırtmek — и замечает: «Наконец в некотором (весьма ограниченном) числе случаев основа, оканчивающаяся на -dır или -t, содержит непереходный смысл (un sens intransitif)»[22]. В статье Т. Ковальского «О природе каузативного и страдательного залога в тюркских языках»[23] никаких сведений по интересующему нас вопросу не имеется.

Разобранные нами выше глаголы, несмотря на их принадлежность к понудительному залогу, являются или глаголами с возвратным значением, или же непереходными. Наличие подобных глаголов, хотя бы в ограниченном числе, заставляет внести оговорку в утверждение о том, что «глаголы понудительного залога всегда переходны»[24].

Из всего вышесказанного можно сделать выводы.

1. Прежде всего о термине «аберрация залога». Мы не припоминаем случая применения этого термина. Однако на основании изложенного материала можно судить, что он является приемлемым для выражения существа явления, о котором идет речь.

2. Глаголы, принадлежащие к той или другой залоговой категории в зависимости от управления тем или другим падежом, могут быть переходными и непереходными, например: Başım dönüyor 'У меня кружится голова'; Çocuk köşeyi dönüyor 'Ребенок поворачивает за угол'. В приведенных примерах глагол dönmek, принадлежащий к основному залогу, выступает в качестве переходного и непереходного.

Аберрация залога наблюдается у глаголов основного залога, т. е. глаголов, представленных а) нулевым показателем и б) у составных глаголов типа devam etmek.

Аберрация распространяется и на глаголы, относящиеся к прочим категориям залога. Аберрация залога есть явление закономерное, и поэтому необходимо раздвинуть рамки нашего понимания о залогах турецкого глагола.

---

22 J. Deny. Указ. соч., стр. 372.

23 T. Kowalski. De la nature du causatif et du passif dans les langues turques. «Rocznik Orientalistyczny», t. XV. Kraków, 1949.

24 П. И. Кузнецов и др. Указ. соч., стр. 307.

3. Глаголы страдательного и понудительного залога имеют возвратное значение, например: atılmak 'быть брошенным' и 'наброситься', 'вмешаться в разговор'; çıldırmak 'взбеситься', 'сойти с ума' и др.

4. В приведенных выше примерах можно было наблюдать а) превращение переходных глаголов в непереходные, б) наличие в глаголах основного, страдательного залога или понудительного залога возвратного значения.

5. Отсутствие аффикса того или другого залога (случай основного залога) или наличие этого аффикса (случаи других залогов) не всегда может служить абсолютным критерием залога и, следовательно, переходности и непереходности глагола.

При определении переходности и непереходности нужно руководствоваться сочетаемостью глагола с определенной падежной формой дополнения. От этой сочетаемости в конечном счете и зависит уточнение семантики глагола.

6. Не может вызвать возражений положение о том, что аффикс из единицы морфологической может стать единицей семантической. Вполне понятно, например, что аффикс страдательного залога -ıl может сообщить глаголу основного залога не только новый залоговый оттенок, но и новое значение, иногда весьма близкое к основному значению глагола, а иногда и вовсе новое. Об этом именно и пишет Н. А. Баскаков, говоря об одном из случаев, характерных для формы страдательного залога от непереходных глаголов в каракалпакском языке: «Для каракалпакского языка форма страдательного залога от непереходных глаголов характерна: 1) при переосмыслении непереходного глагола, когда глагол в форме страдательного залога приобретает совершенно новое значение, отличное не только в отношении залоговых категорий, но и в отношении самого внутреннего содержания, например: *джўрилген джол* 'торный, проторенный путь' (от глагола *джўр-* 'двигаться, ходить'), где семантика глагола *джўр-* в страдательном залоге имеет только отдаленную связь с семантикой исходного глагола и, по-видимому, прошла в своем развитии следующие стадии осмысления: 'дорога, по которой ходят', 'исхоженная дорога', 'торная дорога'; *менин тислеримнин бары кетилип болды* 'все мои зубы выкрошились', где глагол *кетил-* представляет собой форму страдательного залога от глагола *кет-* 'уходить' с новой семантикой 'крошиться', которая появилась в связи с тем, что глагол *кет-* 'уходить', кроме основного своего значения, имеет дополнительное, возникающее в сочетании с некоторыми словами, например: *сувгъа кет-* 'утонуть', и вспомогательное значение внезапности действия и его завершенности, из которых и образовалось новое значение»[25]. Таким образом, Н. А. Баскаков говорит о переосмыслении непереходного глагола, когда он стоит в форме страдательного залога, однако не касается вопроса об управлении этих глаголов падежами.

Возвращаясь к этому вопросу, необходимо остановиться на следующих фактах, которые вытекают из вышеизложенного и касаются разнообразных залогов: 1) наличие ряда глаголов основного залога, которые имеют различные залоговые значения; 2) наличие некоторых весьма употребительных глаголов, которые имеют разные залоговые показатели, однако по смыслу тождественны, например: dönmek (нулевой показатель) и döndürmek (показатель понудительного залога) 'поворачивать'; açmak (нулевой показатель) и açılmak (показатель страдательного залога -ıl) 'проясняться (о погоде)'; bozmak (показатель

---

[25] Н. А. Баскаков. Залоги в каракалпакском языке. Ташкент, 1951, стр. 27—28.

нулевой) и bozulmak (показатель страдательного залога) 'портиться, (о погоде)'; değişmek (показатель взаимного залога) и degiştirmek (показатель понудительного залога) 'менять'; kımıldamak (нулевой показатель) и kımıldanmak (показатель возвратного залога) 'шевелиться' и др.; 3) параллельное употребление этих глаголов от времен отдаленных до настоящего времени; 4) то обстоятельство, что некоторые глаголы являются переходными, например beğenmek, bayılmak, çıldırmak, т. е. глаголы, которые по формальному морфологическому признаку относятся к возвратному, страдательному и понудительному залогу и основа которых не всегда может быть установлена; 5) употребление глаголов страдательного залога в качестве переходных на протяжении веков (ср., например, употребление этих глаголов, с одной стороны, у Бабура, а с другой стороны, в наше время у Назыма Хикмета). Все эти факты заставляют предположить, что в турецком языке первоначально вовсе не существовало никаких залоговых форм и что они образовались только с течением времени, а это повлекло за собой интересующее нас явление аберрации залога.

В иных случаях аберрацию залога можно объяснить явлением эллипса, например: sürtmek (из taban sürtmek). Аберрацию залога можно объяснить явлением эллипса также и в тех случаях, когда имена, передающие понятия места и времени, имеют при себе определение, выраженное причастием будущего времени на -(y)acak, причем это определение стоит не в форме страдательного залога, а в форме основного залога, например oturacak yer (из insan oturacak yer) 'место для сиденья'; 'место, где можно посидеть'. Примеры: Kışın güneşli günlerde, yazın akşamları bu parkın sıralarında oturacak yer bulunmaz (NH, MG, 15) 'Зимой в солнечные дни, летом по вечерам на скамейках этого сквера нельзя найти место, где можно было бы посидеть'; Buranın içecek suyunu sağlamalı (TS, 273) 'Здешние места надо обеспечить питьевой водой'.

Наряду с выражением oturacak yer употребляют также и oturulacak yer (ÖF, SD, 224) и наряду с içecek su употребляют içilecek su: Arzen şehrinde içilecek zu yok (NH, BAM, 81) 'В городе Арзене нет питьевой воды'.

Надо полагать, что дифференциация залогов по морфологическому признаку стала господствующей. Однако все еще отдается дань тем отдаленнейшим временам, когда залоговые формы различались в зависимости от сочетания данного глагола с тем или другим объектом. Именно в этом главном обстоятельстве и частично в явлениях эллипса и надо искать объяснения аберрации залога в отношении тех переходных и непереходных глаголов, о которых шла речь выше.

Специальной работы, посвященной аберрации залога турецкого глагола, нет. Только в отдельных исследованиях встречаются указания по этому вопросу. Так, например, имеется отдельное упоминание о нем в статье Э. В. Севортяна о винительном падеже[26]. Авторы учебника турецкого языка, изданного под редакцией Н. К. Дмитриева[27], также проявляют интерес к затронутому в этой статье вопросу: в лексическом разделе учебника в скобках сделаны пометки о переходности и непереходности и даны соответствующие указания в разделе «Комментарии к словарю».

Что касается языков тюркской семьи, то в отношении аберрации залогов в некоторых из них (например, в каракалпакском языке)

---

[26] Э. В. Севортян. Прямое дополнение в турецком языке. «Вестник МГУ», 1948, № 12.

[27] П. И. Кузнецов и др. Указ. соч.

можно найти указание у Н. А. Баскакова в его работе «Залоги в каракалпакском языке». Эта работа, напечатанная в 1951 г., вызвала интерес к категории залога в других тюркских языках, о чем свидетельствуют авторефераты кандидатских диссертаций, опубликованные в разных республиках и посвященные залогам. Однако в этих работах вопросу аберрации залога не уделено должного внимания.

В отношении аберрации залога в турецком языке можно найти указания у Ж. Дени. Однако его наблюдения на некоторые залоги (например, на страдательный) не распространяются. Равным образом в отношении аберрации других залогов имеются лишь частичные указания. Так, например, в отношении глаголов возвратного залога говорится, что они управляют винительным падежом, а об управлении другими падежами ничего не сказано. Относительно управления глаголов взаимного залога дательным падежом у Ж. Дени также не имеется указаний.

Заканчивая анализ аберрации залога в турецком глаголе, необходимо указать, что мы находим аналогию также и в других языках тюркской семьи. Это приводит к мысли, что проблема залогов в тюркских языках может быть разрешена только в сравнительно-историческом плане с привлечением материалов из всех тюркских языков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ДМ, ТРС — Д. А. Магазаник, Турецко-русский словарь. М., 1945
МЛ, ГНВ — М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. М.—Л., ГИХЛ. 1931
ПК, УТЯ — П. И. Кузнецов, Л. Н. Старостов, Е. В. Сумин, Е. Н. Травкин. Учебник турецкого языка. Под ред. Н. К. Дмитриева. М., 1954
AP, MK — A. S. Puşkin. Maça kızı. İstn, 1944
AR, MÇS — Ali Rıza. Mızrak çuvala sığmaz, İstn., 1292 (1876)
AVP — Ahmet Vefik Paşa. Lehcei osmanî. Deri Seadet, 1306 (1890)
BSK, H — B. S. Kunt. Herkes hayatını yaşar
FE, A — Fahri Erdinç. Ayna. — Литературная хрестоматия. Изд. Военного ин-та иностр. языков. Сост. Л. Н. Старостов, Е. В. Сумин. Под ред. М. С. Михайлова. М., 1954 *
FE, H — Fahri Erdinç. Hakaret. — Лит. хр.
FE, K — Fahri Erdinç. Kuyruk. — Лит. хр.
G — Gevheri. Istn., 1928
GN — Ganizade Nadirî. Eski şairlerimiz XVII — inci asır.
HG — Halk gençliği. Ocak, 1951
HT, AÇ — Haldun Taner. Ay ışığında Çalışkur, İstn., 1954
K, KVM — Karaca oğlan. Konya vilâyet matbaası, 1927
KF — Karagözün fıkraları. İstn., 1926
LC — Lâtaif cüzdanı. İstn., 1930
L, ZK — Lermontof. Zamanımızın bir kahramanı, çeviren Avni Ensel. Hilmi Kitapevi, İstn., 1940.
MB, YTZ — M. Bahaettin. Yeni türçe lûgat
MM, M — M. Mikhailov. Matérieaux sur l'argot, L., 1930
MOL — Mükemmel osmanlı lûgatî. Deri Seadet, 1318 (1902)
N — Nefî. Eski şairlerimiz
NG, TB — N. Gogol. Taras Bulba. Türkçeye çeviren Siracettin. Hilmi kitabevi, İstn., 1936/1937.
NH, BÇ — Nazim Hikmet. Barış çeliği. — Лит. хр.
NH, BAM — Nazim Hikmet. Bir aşk masalı. — Лит. хр.
NH, KT — N. Hikmet. Kasa tası. Лит. хр.
NH, MG — N. Hikmet. Maksim Gorkiye dair. — Лит. хр.

---

* В дальнейшем: Лит. хр.

NH, SS — N. Hikmet. Salkım söğüt, 835 satır, İstn., 1929
NH, SŞ — N. Hikmet. Seçilmiş şiirler, Sofya, 1954
NH, SKOB — N. Hikmet. Simavne kadısı oğlu Bedreddin
NH, TÇ — N. Hikmet. Türkiye çocukları. Лит. хр.
NH, H — N. Hikmet. Hoşgeldin
NK, M — Namık Kemal. Muhabbet. В кн.: В. Д. Смирнов. Образцовые произведения османской литературы. СПб., 1903
OK, BTÜ — Orhan Kemal. Bereketli topraklar üzerinde
OK, KS — Orhan Kemal. Kitap şatışı. — Лит хр.
OK, S — Orhan Kemal. Streptomycine. — Лит. хр.
ÖT, SD — Örneklerle tarama Sözlüğü denemesi. İstn., 1942
PSA — XVII inci asir. Sazşairlerinden Pir Sultan Abdal. İstn., 1929
RNGÇ — Reşat Nuri Güntekin. Çalıkuşu. İstn., 1935
SA, K — Sabahattin Ali. Kağnı. Лит. хр.
SA, KS — Sabahattin Ali. Kağnı. — Ses.
SA, KO — Sabahattin Ali. Katil Osman. — Лит. хр.
SA, KK — Sabahattin Ali. Kurdla kuzu. — Лит. хр.
SA, SK — Sabahattin Ali. Sırça köşk, 1947
SD, NSBD — S. Derviş. Niçin Sovyetler Birliğinin dostuyum? — Лит. хр.
SK, SA — Samim Karagöz. Sam Amca. İstn., 1951
SS, KT — Şemsettin Sami bay. Kamusu Türkî. Deri Seadet, 1318 и 1902
TS — Türkçe sözlük. İstn., 1944

А. А. ЮЛДАШЕВ

ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И ТРАКТОВКА КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Выделение залогов в грамматиках башкирского языка и в диссертационной работе А. Х. Фатыхова «Категория залога в башкирском языке»[1], производится по так называемым залоговым аффиксам. Между тем в башкирском языке один и тот же залоговый аффикс в одном случае имеет исключительно залоговое значение, совершенно не влияя на лексическое значение основы, в другом, наоборот, не имеет никакого залогового значения, а служит для преобразования лексического значения основы.

При таком положении дела необходимо все возможные в башкирском языке образования с данным залоговым аффиксом распределить на залоговые и незалоговые. Но отграничение залоговых образований от незалоговых затруднено вследствие совпадения в ряде случаев указанных двух значений залоговых аффиксов (в пределах одного и того же образования). Вследствие этого особенно остро встает вопрос о критериях выделения залогов.

Для решения этого вопроса необходимо учесть, что значение залога простирается в грамматической системе языка гораздо дальше, чем значение других категорий глагола. Залог представляет собой категорию, синтаксически обусловливающую и, как это справедливо отметил Н. С. Поспелов, являющуюся соотносительной категорией падежа[2] в том смысле, что определенное залоговое оформление глагола вызывает определенное падежное оформление подлежащего и дополнения. В соответствии с этим залог в башкирском языке обладает (помимо своей формы) дополнительными грамматическими признаками (см. ниже). Эти признаки в совокупности с аффиксом залога и соответствующим ему залоговым значением и могут быть взяты в качестве критериев для выделения залогов. Последовательное применение этих критериев позволяет отграничить залогообразование от словообразования и приводит к необходимости пересмотра вопроса о сфере всех так называемых косвенных залогов, (понудительный, взаимный, возвратный, страдательный), тем самым и о сфере основного залога, поскольку значительная часть образований с данным залоговым аффиксом (ср. основы с аффиксом возвратного и взаимного залогов) является в залоговом отношении нейтральной и, следовательно, подлежит рассмотрению в сфере основного залога.

---

[1] Уфа, 1953 (машинопись).

[2] Н. С. Поспелов. Соотношение между грамматическими категориями и частями речи. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 82.

Ниже предлагается опыт применения этих критериев на материале башкирского языка. Быть может, он окажется полезным для составителя грамматики не только башкирского, но и других тюркских языков.

ВЗАИМНЫЙ ЗАЛОГ

Критерием выделения данного залога служат два признака: 1) аффикс *-ш*, обозначающий выполнение действия двумя или более лицами на равных началах (взаимность) или на правах соучастия одного лица в реализации данного действия другим лицом (соучастие); 2) дополнительные грамматические признаки, соответствующие указанным двум значениям: постановка названий действующих лиц, объединенных посредством послелога *менән*, в форме неопределенного падежа (взаимное значение) или же постановка названия одного действующего лица (доминант) в дательном падеже, другого (соучастник) — в неопределенном (значение соучастия). Пример взаимного значения: *Беҙ уның менән Өфөлә осораштыҡ* 'Мы встретились с ним (ней) в Уфе'. Пример значения соучастия: *Мин уға бәрәңге алышам* 'я помогаю ему (ей) в уборке картофеля'.

Во всех случаях, когда представлены эти признаки, мы имеем дело с взаимным залогом. Дополнительные грамматические признаки могут и отсутствовать, но они подразумеваются: *Беҙ уның менән Өфөлә осораштыҡ. Уға ҡәҙәр хат алыштыҡ* 'Мы с ним (ней) встретились в Уфе. До этого переписывались'. Во втором предложении форма на *-ш* не сопровождается дополнительными грамматическими признаками, но читателю ясно, что речь идет о двух взаимодействующих лицах, упомянутых в предыдущем предложении.

Там, где не представлены указанные признаки, мы имеем дело со словообразованием:[3] ср. *килеү* 'приходить', *килешеү* 'договориться', 'помириться', 'нравиться', 'подходить', 'мириться'; *ҡабыу* 'брать в рот', 'схватить (ртом)', 'попасться', *ҡауышыу* 'сойтись', 'вступить в брак'; *талау* 'грабить', *талашыу* 'ссориться'; *иҫәпләү* 'считать', *иҫәпләшеү* 'расквитаться'; арх. *ҡатыу* 'присоединить', *ҡатышыу* 'присоединиться', 'примкнуть', *һырыу* 'стегать', *һырышыу* 'пристать'; арх. *маталыу* 'быть задержанным', *маташыу* 'возиться', 'мешкать' (ср. также арх. *матау* 'затор'); *булыу* 'быть', *булышыу* 'выручать', 'помогать'; арх. *ороу* 'бить', 'ударить', *орошоу* 'ругать', 'бранить'; *етеү* 'достигать', *етешеү* 'зреть'; *ябыу* 'покрыть', *йәбешеү* 'липнуть', 'пристать', 'зацепиться'; *белеү* 'узнать', *белешеү* 'разведать', 'разузнать', 'расспросить'; *өндәү* 'приглашать', 'уговаривать', *өндәшеү* 'обращаться', 'звать', 'пригласить', 'издать звук'; *кереү* 'войти', *керешеү* 'приступить', 'взяться', 'решиться'; *ойоу* 'сгущаться', 'онеметь', 'отсидеть (ноги)', *ойошоу* 'застыть', 'слепиться', 'организоваться', 'комкаться', 'запечься (о крови)'.

В перечисленных образованиях форма на *-ш*, утратив свое обычное залоговое значение, входит в структуру основы, является ее неотъемлемым элементом, устранение которого влечет за собой коренное нарушение природы данной основы. Иногда же это устранение совершенно невозможно, например при *кәңәшеү* 'советоваться' (ср. др.-тюрк. *käŋä* 'советоваться', монг. *көмө* || *гөме*, диал. монг. *гө̄* || *гө* 'сказать', 'думать', 'предполагать'), *яңғышыу* 'ошибаться' (ср. др.-тюрк. *яңул* 'заблуждаться', уйг. *яңул* || *янул* 'ошибаться', 'заблуждаться'), *өләшеү* 'раздавать' (ср. *өлөш* 'надел'). Все это дает составителю грамматики

[3] При отдельных основах в башкирском языке аффикс *-ш* наряду с этим имеет также значение несовершенного вида; ср., с одной стороны, *урлау* 'украсть', 'воровать', *алдау* 'обмануть', 'обманывать', с другой — *алдашыу* 'обманывать', *урлашыу* 'воровать'.

башкирского языка полное право для раздельного рассмотрения вопроса об образовании самостоятельных основ и взаимного залога при помощи формы на *-ш*. Во всяком случае, трудно считать правомерным рассмотрение этих двух различных функций формы на *-ш* в одном ряду.

ПОНУДИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Этот залог, как и взаимный, выражает отношение действия к его исполнителям. В совершении действия, обозначенного глаголом в форме данного залога, участвуют два или более лица. Взаимодействие участников в этом случае осуществляется таким образом, что одно из действующих лиц играет роль только побуждающего или понуждающего к действию, другое является непосредственным исполнителем действия и тем самым — воли понуждающего лица.

Понудительный залог представлен только двумя аффиксами, требующими специального построения: название лица понуждающего, если оно представлено, ставится в неопределенном падеже и занимает позицию подлежащего, название же лица, непосредственно исполняющего действие, — в исходном. Для полноты выражения понудительного залога наличие в предложении названий обоих действующих лиц не обязательно. Но для того, чтобы указанные отношения были допустимыми, форма глагола непременно должна иметь названное залоговое управление. Иначе говоря, формальным признаком залога является не только наличие в глаголе соответствующего аффикса, но и возможность указанного построения, ибо аффикс сам по себе не является достаточным для решения вопроса о том, имеем ли мы дело с понудительным залогом. Так, с точки зрения формы между образованиями *һөйләтеү* 'склонить кого-нибудь к разговору', 'заставить говорить' (от *һөйләү* 'говорить'), с одной стороны, и *нығытыу* 'крепить', 'наладить', 'укрепить' (от *нығыу* 'окрепнуть', 'закалиться'), — с другой, разницы нет. Между тем посредством формы на *-т* в первом случае (*һөйләтеү*) выражен понудительный залог, во втором — обновленная каузативным значением лексическая единица. Разница между этими двумя образованиями заключается как раз в том, что форма на *-т* от глагола *һөйләү* требует указанного построения, а от глагола *нығыу* — вовсе не допускает его.

Если с этой меркой подойти к понудительному залогу, то выяснится, что залоговое значение имеют в башкирском языке только аффиксы- $\left(-\frac{\text{ы}}{\text{е}} \Big\| \frac{\text{о}}{\text{ө}}\right)\textit{т}$ и $\frac{\text{-тыр}}{\text{-тер}} \Big\| \frac{\text{-тор}}{\text{-төр}} \Big\| \frac{\text{-дор}}{\text{-дөр}} \Big\| \frac{\text{-дыр}}{\text{-дер}} \Big\| \frac{\text{-ҙыр}}{\text{-ҙер}} \Big\| \frac{\text{-ҙор}}{\text{-ҙөр}}$, первый из которых большей частью наблюдается в глаголах производных, второй — в глаголах непроизводных. Примеры: *койоу* 'лить', 'сыпать' — *койҙороу* 'сыпать с помощью другого лица'; *төйөү* 'толочь' — *төйҙөрөү* 'толочь с помощью другого лица'; *йырлау* 'петь'—*йырлатыу* 'склонить, понудить кого-нибудь петь' и под. Посредством аффиксов указанные отношения обозначаются лишь абстрактно. Конкретное же выражение получают они в высказывании, например: *Беҙ ул йырҙы Гафурҙан йырлатабыҙ* 'Ту песню заставим мы петь Гафура'. В данном примере побуждающее лицо выражено местоимением *беҙ*, занимающим позицию подлежащего, лицо — непосредственный исполнитель действия — собственным именем в исходном падеже (*Гафурҙан*).

Что касается остальных аффиксов, причисляемых обычно к формам понудительного залога, то они к последнему отношения не имеют и служат для образования каузативных глаголов, при которых непосредственным исполнителем действия является сам же субъект, а не грамматический объект, как это имеет место в понудительном залоге.

Причем действующих лиц здесь не два, а только одно. Действительно, аффиксы: 1) $\frac{\text{-ыр}}{\text{-ер}}$ $\frac{\text{-ор}}{\text{-өр}}$ 2) $\frac{\text{-ар}}{\text{-әр}}$ 3) $\frac{\text{-ҡыр}}{\text{-кер}}$ || $\frac{\text{-ҡор}}{\text{-көр}}$ 4) $\frac{\text{-ҡар}}{\text{-кәр}}$ 5) $\frac{\text{-ғыҙ}}{\text{-геҙ}}$ $\frac{\text{-ғоҙ}}{\text{-гөҙ}}$ 6) $\frac{\text{-ыҙ}}{\text{-оҙ}}$ 7) $\frac{\text{-ҡаҙ}}{\text{-кәҙ}}$ 8) $\frac{\text{-һат}}{\text{-һәт}}$ — несут с собой только каузативное значение и не требуют указанного построения, к тому же часто служат целям исключительно словообразовательным. Ср., с одной стороны, исходные основы: 1) *бөтөү* 'кончать(ся)', *бешеү* 'свариться', *осоу* 'летать', *төшөү* 'спускаться', 'опускаться', 'упасть', 'выпасть'; 2) *ҡайтыу* 'возвращаться', *сығыу* 'выходить'; 3) *ятыу* 'ложиться', *етеү* 'достигнуть'; 4) *үтеү* 'проходить', 5) *ағыу* 'течь', *менеү* 'подниматься', 'взбираться'; 6) *тамыу* 'капать', *ҡабыу* 'брать в рот', 'хватать'; 7) *ятыу* 'ложиться', *үтеү* 'проходить'; 8) *күреү* 'видеть'; с другой — каузативные образования: 1) *бөтөрөү* 'кончать', *бешереү* 'варить', 'готовить', *осороу* 'осуществить полет', 'бросить', 'выпустить', *төшөрөү* 'спустить', 'ронять', 'низвергнуть', 'выпить (водку)', 'снять', 'задернуть'; 2) *ҡайтарыу* 'вернуть', 'заворачивать', *сығарыу* 'выносить', 'выводить', 'вывозить', 'решать (задачу)'; 3) *ятҡырыу* 'положить', 'уложить', 'укладывать', *еткереү* 'донести', 'довести'; 4) *үткәреү* 'проводить', 'пропускать', 'проносить', 'переносить', 'пережить'; 5) *ағыҙыу* 'лить', 'слить', 'спустить', 'пропустить', 'пролить', *менгеҙеү* 'поднять вверх'; 6) *тамыҙыу* 'капнуть', *ҡабыҙыу* 'зажечь', 'запалить'; 7) *ятҡыҙыу* 'положить', 'уложить', *үткәҙеү* 'проводить'; 8) *күрһәтеү* 'показывать', 'указывать'.

Как можно видеть из этих примеров, перечисленные аффиксы, с одной стороны, производят каузативные глаголы, обращая, таким образом, непереходные глаголы в переходные, а с другой стороны, вносят известные лексические уточнения в значение первичной основы. Роль данных аффиксов в словопроизводстве значительна. Очень часто они служат для образования совершенно самостоятельных лексических единиц. Достаточно привести в качестве примера образования на -$\left(\frac{\text{а}}{\text{ә}}\right)$*р*, чтобы убедиться в этом: ср. *ауыу* 'свалиться', 'упасть', *ауырыу* 'болеть'; *ашыу* 'возноситься', 'превосходить', *ашырыу* 'осуществить', 'проводить (в жизнь)', 'претворять'; *күсеү* 'переезжать', *күсереү* 'переместить', 'списать'; *ауыу* 'свалиться', 'упасть', *ауҙарыу* 'вывалить', 'повалить', 'свалить', 'опрокинуть', 'склонить', 'взвалить'; *ҡубыу* 'отстать', 'отклеиться', *ҡубарыу* 'содрать', 'отдернуть' и под. Вне зависимости от того, можно ли квалифицировать то или иное каузативное образование с тем или иным из перечисленных аффиксов как самостоятельную лексическую единицу или нет, данные аффиксы предназначены отнюдь не для выражения понудительного залога. Об этом свидетельствует, кроме сказанного, то обстоятельство, что во всех случаях, когда от данных каузативных глаголов нужно образовать понудительный залог, они, как и все прочие глаголы, пользуются соответствующей формой понудительного залога; ср., с одной стороны, *бөтөр* 'кончать', *бешер* 'сварить', *сығар* 'выводить', *үткәр* 'проводить', 'пережить', *ҡабыҙ* 'зажечь' и т. п., с другой — *бөтөрт*, *бешерт*, *сығарт*, *үткәрт*, *ҡабыҙҙыр* и т. п. со значением 'склонить, заставить кого-нибудь совершить то или иное действие'.

Таким образом, основным средством выражения понудительного залога служат в башкирском языке только аффиксы *-т* и *-тыр* и их фонетические варианты. Больше того, и данные аффиксы не всегда выражают понудительный залог. Они часто не имеют значения данного залога, а служат для образования каузативных глаголов. Такова, например, роль данных аффиксов в образованиях *булдырыу* 'уметь', 'справляться', 'быть в состоянии совершить какое-либо действие', 'за-

вести', 'осуществить', 'справить' от *булыу* 'быть', 'становиться', 'случаться'; *бушатыу* 'высвободить', 'отпустить', 'ослабить', 'выгрузить', 'разгрузить' от *бушау* 'освободиться', 'опорожниться', 'удосужиться', 'развинтиться'; *үптереү* 'позволить поцеловать' от *үбеү* 'целовать'; *бәүелдереү* 'раскачать', 'поколебать' от вышедшего из употребления *бәүелеү* 'раскачаться'; *һүндереү* 'погасить' от *һүнеү* 'погаснуть'; *алмаштырыу* 'сменить', 'заменить' от *алмашыу* 'обменять', 'разменять'; *аҙайтыу* 'уменьшать' от *аҙайыу* 'уменьшаться'; *яндырыу* 'вздуть огонь', 'сжигать' от *яныу* 'гореть', *һыуытыу* 'студить', 'охладить', 'настудить', 'холодить' (ср. с *һыуыныу* 'остыть', 'охладиться'); *яратыу* 'любить' от *ярау* 'подходить'; *ныҡытыу* 'крепить' от *ныҡыу* 'окрепнуть', *яңыртыу* 'обновить', 'восстановить' от *яңырыу* 'стать новым'; *ағартыу* 'побелить', 'просвещать' от *ағарыу* 'становиться белым'; *таҙартыу* 'чистить', 'очищать', 'оздоровить' от *таҙарыу* 'поправляться', 'стать чистым'; *секрәйтеү* 'выпучить'; *тарҙайтыу* 'растопырить'; *ҡолатыу* 'свергнуть', 'низвергнуть' от *ҡолау* 'опрокинуться', 'развалиться', 'упасть', 'рухнуть', 'повалиться'; *һелкетеү* 'шевелить', 'трясти', 'колебать' от *һелкеү* 'махать'; *һарҡытыу* 'цедить', 'профильтровать' от вышедшего из употребления *һарҡыу* 'просачиваться'; *иретеү* 'плавить' от *иреү* 'сплавиться', 'растаять'; *борҡотоу* 'взметать'; *йөрөтеү* 'возить', 'носить' от *йөрөү* 'ходить'; *ыратыу* 'прогрессивно развивать какое-либо действие до видимых результатов'; *ҡысытыу* 'зудеть', 'чесаться'; *осоратыу* 'встретить', 'увидеть' от *осорау* 'встречаться'; *йотоу* 'проглотить'; *тондороу* 'ударить', 'дать устояться' от *тоноу* 'отстаиваться', 'потемнеть (о глазах)', 'оглохнуть (от шума)'; *төнәтеү* 'замучить', 'проучить' от *төнәү* 'стать благоразумным, рассудительным' и др.

В данном случае аффиксы *-т* и *-тыр* в известной степени дифференцируют лексическое значение основы и в меру этого играют словообразовательную роль. Аффикс *-т*, употребленный в таких целях, неотделим от некоторых основ. Ср. каузативные образования *имгәтеү* 'калечить', 'увечить', 'уродовать', *өйрәтеү* 'научить', 'приучить', *йылытыу* 'подогреть', 'согреть', *тирбәтеү* 'всколыхнуть', 'поколебать', 'качать', 'раскачивать', *һыуытыу* 'холодить', 'охладить', 'студить', *йыуатыу* 'успокоить', 'утешить', 'забавлять' и т. п., основы которых ныне совсем не имеют самостоятельного употребления. Здесь аффикс *-т* может быть заменен показателем страдательного залога (см. стр. 240 и сл.). Основы этих образований функционируют исключительно в сочетании с одним из названных двух залоговых аффиксов. Связь аффикса *-т* с основами, перечисленными выше, носит, как видно, не менее тесный характер. В таких основах, как *бушатыу* 'высвободить', 'выгружать', 'разгрузить', 'ослабить', *яратыу* 'любить' и многих подобных, его устранение ведет к коренному разрушению лексико-семантической структуры (ср.: *бушау* 'освободиться', 'удосужиться' и *бушатыу* 'выгружать', *ярау* 'подходить' и *яратыу* 'любить'). Правда, семантическое расхождение каузативных образований с основами, к которым они восходят, не всегда столь значительно. Но каузативные образования при всех случаях не входят в сферу понудительного залога.

Правомерность данного положения подтверждается опять-таки тем, что от каузативных глаголов с аффиксом *-т* и *-тыр* понудительный залог образуется на общем основании. Ср. упомянутые *бушатыу — бушаттырыу*, *һүндереү — һүндертеү*, *алмаштырыу — алмаштыртыу*, *һыуытыу — һыуыттырыу*, *ныҡытыу — ныҡыттырыу*, *ағартыу — ағарттырыу*, *таҙартыу — таҙарттырыу*, *йылытыу — йылыттырыу*, *тирбәтеү — тирбәттереү* и т. д. Здесь от каузативных образований, уже имеющих в своем составе аффиксы *-т*, *-тыр*, образованы соответ-

ствующие понудительные формы именно потому, что каузативные глаголы не заключают в себе указания на понудительный залог.

Аффиксы *-т* и *-тыр* не имеют залогового значения также и в том случае, когда с их помощью выражается безличное действие; ср.: *туңдыра* 'морозит' от *туңыу* 'зябнуть', 'замерзать', 'застыть'; *һалкынайта* 'становится холодно' от *һалкынайыу* 'охладить'; *өшөтә* 'знобит' от *өшөү* 'мерзнуть', 'коченеть'; *картайта* 'становиться старым' от *картайыу* 'стареть'; *укшыта* 'тошнит' от *укшыу* 'чувствовать тошноту' и т. п.

Названные аффиксы имеют залоговое значение только лишь при условии, если они требуют определенного оформления подлежащего и дополнения (см. выше).

Но и эти критерии сами по себе не являются в каждом данном случае достаточными для определения понудительного залога. Дело в том, что глагол может быть поставлен в форме понудительного залога и иметь указанные дополнительные грамматические признаки (наличие названия двух действующих лиц, одно из которых стоит в форме неопределенного падежа, другое — в форме исходного), т. е. может располагать всеми формальными данными этого залога и тем не менее не иметь его значения, например: *Аяғын эттән тешләткән ти бит ул* 'Говорят, будто бы укусила его ногу собака'; *Был ат һәр кешенән (кешегә) тоттора* 'Эта лошадь слушается любого человека' и т. п. Здесь глаголы *тешләтәү*, *тоттороу* имеют все формальные признаки рассматриваемого залога, но не имеют его значения, а скорее относятся к страдательному залогу. Это бывает во всех случаях, когда действие направлено на действующее лицо, занимающее позицию подлежащего, следовательно, являющееся понуждающим, т. е. когда действию, совершаемому непосредственным исполнителем — объектом (в исходном падеже) подвергается сам субъект, допустивший исполнение данного действия сознательно или вследствие попустительства.

Указанные критерии понудительного залога могут быть надежными в каждом данном случае только при учете семантической стороны. Понудительный залог имеет место там, где глагол имеет необходимые формальные признаки и воспроизводит действие понудителя с последующим направлением этого действия на прямой объект через непосредственного носителя (объект в форме исходного падежа) действия.

Рассматриваемый залог, как и предшествующий, соотносим только с так называемым прямым залогом. С другими залогами он объединяется только по самому общему признаку, а именно выражает отношение действия к подлежащему и дополнению. Правда, понудительный залог по ряду признаков (обозначение действия как выполняемого при взаимодействии двух действующих лиц; постановка названия непосредственного исполнителя в позицию косвенного дополнения; определенное падежное управление; широкое применение морфологического показателя залога в словообразовательных целях) объединяется с взаимным залогом и с этой точки зрения может быть выделен с последним в особую группу как залог, выражающий реализацию действия посредством взаимодействия двух действующих лиц. Но он не соотносителен грамматически с взаимным залогом. Об этом прежде всего свидетельствует тот факт, что глагол в форме взаимного залога может быть поставлен в форму понудительного залога без устранения показателей взаимного залога, при этом в отдельных случаях остаются в силе оба залоговых значения; ср.: *Бабай теге кеше менән һөйләшә* 'Дед разговаривает с тем человеком', *Батша бабайҙы теге кеше менән һөйләштерә* 'Царь заставляет деда говорить с тем человеком'; *Кәрип*

әсәйе менән косаклаша һәм үбешә 'Карип обнимается со своей мамой и целуется'; *Мин Кәрипте әсәйе менән косаклаштырам, үбештерәм* 'Я даю Карипу обниматься и целоваться с его мамой' и т. п.

ВОЗВРАТНЫЙ ЗАЛОГ

Критерием выделения данного залога служит совпадение производителя и объекта действия. Иначе говоря, это тот случай, когда субъект является объектом своего же собственного действия.

Возвратный залог представлен в башкирском языке в очень ограниченном числе переходных глаголов (типа русского *моюсь, одеваюсь, причесываюсь*) аффиксом -$\left(\frac{ы}{е}\middle\|\frac{о}{ө}\right)$*н: йыуыу* 'мыть' — *йыуыныу* 'мыться'; *кейеү* 'одеть' — *кейенеү* 'одеться'; *биҙәү* 'украшать', 'наряжать' — *биҙәнәү* 'наряжаться', 'краситься'; *төрөү* 'свернуть', 'завернуть', 'закутать' — *төрөнөү* 'закутываться', 'свертываться'. Только при глаголах, лексическое содержание которых допускает указанное выше отношение между действием и действующим лицом, данная форма несет с собой значение возвратного залога. Все случаи употребления ее с остальными глаголами выводят ее из сферы возвратного залога. Вообще же эта форма имеет весьма широкое применение и самые различные значения, основными из которых нужно считать следующие.

1. Значение страдательного залога при переходных глаголах (более подробно см. ниже): *алыу* 'брать' — *алыныу* 'быть взятым'; *ваклау* 'мельчать' — *вакланыу* 'размельчаться', 'раздробляться'; *башлау* 'начинать' — *башланыу* 'начинаться'; *эшләү* 'сделать' — *эшләнеү* 'быть сделанным, обработанным'; *һайлау* 'выбирать' — *һайланыу* 'быть избранным' (но: *һайланыу* 'иметь привычку выбирать') и т. д. Здесь подлежащее оказывается в позиции логического объекта.

2. Обозначение отвлеченного действия, имеющего характер умозаключения и не укладывающегося в определенные хронологические и пространственные рамки: *теләү* 'желать' — *теләнеү* 'иметь обыкновение просить'; *һелтәү* 'махать' — *һелтәнеү* 'иметь обыкновение махать'; *һөйләү* 'говорить' — *һөйләнеү* 'иметь обыкновение говорить'; *һылтау* 'ссылаться' — *һылтаныу* 'иметь обыкновение ссылаться'; *төкөр* 'плевать' — *төкөрөнөү* 'иметь обыкновение плеваться'; *мактау* 'хвалить' — *мактаныу* 'иметь обыкновение хвалиться, хвастать'; *һайлау* 'выбирать' — *һайланыу* 'иметь обыкновение не удовлетворяться тем, что есть', 'выбирать (каприза ради)'; *екер* 'кричать', 'ворчать' — *екеренеү* 'иметь обыкновение кричать, ворчать'; *һикереү* 'прыгать' — *һикеренеү* 'иметь обыкновение прыгать' и т. п. Форма на *-н* здесь, помимо указанного значения, имеет также оттенок кратности и длительности, благодаря чему привносится значение несовершенного вида.

Во всех остальных случаях своего применения форма на *-н* имеет словообразовательное значение: *тотоу* 'держать' — *тотоноу* 'приступить', 'взяться', 'цепляться', 'приниматься', 'держаться'; *йырыу* 'прорывать', 'растолкать', 'разинуть (рот)' — *йырыныу* 'отделаться', 'выпутаться', 'освободиться'; *күреү* 'видеть', 'смотреть' — *күренеү* 'показаться', 'быть на виду', 'виднеться', 'казаться'; *сисеү* 'развязать', 'отвязать', 'отстегивать', 'разрешать', 'решить (задачу)' — *сисенеү* 'раздеваться', 'разуваться'; *арыу* 'уставать' — *арыныу* 'вырваться', 'освободиться', 'избавиться'; *кырыу* 'тереть', 'скоблить' — *кырыныу* 'бриться'; *тартыу* 'тянуть', 'дергать', 'притянуть', 'привлечь', 'извлечь' — *тартыныу* 'стесняться', 'чувствовать себя скованным', 'ежиться'; *күбеү* 'раздуваться' — *күбенеү* 'разбухнуть', 'объесться'; арх. *таяу* 'прислонять' — *таяныу* 'опираться', 'полагаться', арх. *ялыу* 'просить' (ср. шор. *чал-га-н*,

монг. *зали*) — *ялын* 'упрашивать', 'умолять'; *табыныу* 'молиться', 'поклоняться' от арх. *тап* 'служить' (ср. др.-тюрк. *тап* 'служить' и *тапан* 'преданно служить')[4]; *һыныу* 'сломаться' от арх. *сы* 'сломать'[5]; *тығыу* 'совать', 'вложить' — *тығыныу* 'объедаться', 'налопаться'; *талпыныу* 'рваться', 'стремиться' от арх. *талпы* 'махать крыльями' (ср. чагат. *талби* 'махать крыльями'); *елпенеү* 'порхать', 'размахивать крыльями' от арх. *елпеү* (ср. уйг. *йел-ви-к* 'простудиться', кирг. *желпелдэ* || *зелбрэ* 'махать крыльями'); *төшөү* 'падать', 'спускаться', 'сойти', 'слезать', 'снижаться', 'выпасть' — *төшөнөү* 'понимать', 'понять', 'постичь', 'разгадать', 'разобраться', 'догадаться'; *ышаныу* 'поверить', 'верить', 'надеяться', 'убедиться', 'увериться от арх. *иша* 'надеяться' (ср. др.-тюрк. *иша* 'надеяться', *ишау* 'надежда'); *ҡабыу* 'брать в рот', 'попасться' — *ҡабыныу* 'воспламеняться', 'вспыхнуть'; *үтеү* 'проникать', 'проходить', 'миновать' — *үтенеү* 'просить', 'ходатайствовать'; *ос* 'летать', 'мчаться' — *осоноу* 'чваниться', 'возгордиться'; *шешеү* 'опухать', *шешенеү* — безличная форма от глагола 'отекать', 'опухать'; *имгэнеү* 'калечиться', 'увечиться', 'ушибаться' от арх. *имгэү* (ср. др.-тюрк. *äмгä* 'мучиться', 'испытать бедствия')[6]; *ҡойоу* 'лить', 'сыпать', 'сплавить' — *ҡойоноу* 'купаться', 'искупаться', 'окатиться' и т. п.

Отдельные образования данного типа не имеют формы основного залога. Таковы, например, *һағыныу* 'тосковать по ком-либо', *ҡыуаныу* 'обрадоваться', *ерэнеү* 'брезговать', *һыныу* 'сломаться', *ысҡыныу* 'вырваться', 'освободиться', *уяныу* 'проснуться' и др. Некоторые из них, помимо данной формы залога, могут функционировать в форме понудительного залога: *өйрэнеү* 'научиться', 'привыкнуть' — *өйрэтеү* 'научить', 'учить'; *имгэнеү* 'калечиться', 'увечиться', 'ушибаться' — *имгэтеү* 'калечить', 'увечить'; *һыуыныу* 'остыть', 'охлаждаться', 'студить' — *һыуытыу* 'студить', 'охлаждать'; *йылыныу* 'согреться' — *йылытыу* 'согреть'; *тирбэнеү* 'качаться' — *тирбэтеү* 'качать'; *йыуаныу* 'утешиться' — *йыуатыу* 'утешить' и т. п. В данном случае форма не производит нового слова. Она образует от переходной основы непереходный глагол страдательного значения, которое может быть снято наращением аффикса понудительного залога. Нужно заметить, что форма на *-н* привносит указанный оттенок и в отдельные образования чисто лексического происхождения; ср.: *шешенеү* 'отекать', 'опухать', *йырыныу* 'выпутаться', 'вырваться', 'избавиться', *күбенеү* 'объесться', *төшөнөү* 'понимать', 'разгадать', 'догадаться', *ышаныу* 'поверить', 'убедиться', 'надеяться', *ҡабыныу* 'воспламеняться', 'вспыхнуть' и т. п. Здесь форма в одно и то же время служит и для образования новой лексической единицы, и для обозначения пассивного оттенка[7].

Первые два основных значения формы на *-н* объединены в одну общую группу на том основании, что с ними связаны формы одного и того же слова. Здесь аффикс *-н* имеет исключительно словоизменительный характер, несет с собой значение страдательного залога (п. 1) или значение свойственности данного действия данному субъекту, кратности или неопределенной длительности (п. 2). Сюда же примыкает группа образований, функционирующих только с формой возвратного или понудительного залогов (см. выше).

---

[4] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951, стр. 426.

[5] В. В. Радлов. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. «Записки АН», серия VII, т. VII, № 7. СПб., 1906.

[6] С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 364.

[7] Этот оттенок не представлен в образованиях, описанных в п. 2, он отсутствует также и в тех случаях, когда форма на *-н* имеет значение возвратного залога.

Эти два пункта не имеют ничего общего с последующим, третьим пунктом, распадающимся в свою очередь на два подпункта, а именно: а) образования, где форма на *-н* имеет исключительно словообразовательное значение, б) образования, где форма на *-н*, играя словообразовательную роль, привносит оттенок страдательности.

Весьма затруднительно определить, относится ли форма на *-н* к словообразованию или к словоизменению, когда она имеет значение возвратного залога. В одних случаях она представляет собой форму одного и того же слова (ср. *кейеү* 'одеть', 'обуть' и *кейенеү* 'одеться', 'обуться'; *йыуыу* 'мыть' и *йыуыныу* 'мыться'), в других — производит самостоятельную лексическую единицу (ср. *сисеү* 'развязать', 'отвязать' и *сисенеү* 'раздеваться'; *ябыу* 'покрыть', 'закрыть' и *ябыныу* 'накрываться', 'покрываться' и т. п.), сохраняя при этом залоговое значение.

СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Страдательный залог возможен только в том случае, когда объект мыслится в отношении данного действия не только как объект, но и как субъект, т. е. когда имеется субъектно-объектная обратимость. Иначе говоря, при этом залоге субъект является объектом чужого действия. Этот залог в башкирском языке выражается аффиксами *-л* или *-н*, которые сопровождаются следующим дополнительным грамматическим признаком: название объекта становится в позицию подлежащего в форме неопределенного падежа, название же действующего лица следует за ним в форме неопределенного падежа[8] и обязательно сопровождается послелогом *тарафынан* (если действующее лицо является человеком) или *менән* (если действующее лицо представляет собой персонифицированный предмет); ср.: *Командир приказ бирҙе* 'Командир дал приказ'; *Приказ командир тарафынан бирелде* 'Приказ дан командиром'; *Самолет почта килтерә* 'Самолет доставляет почту'; *Почта самолет менән килтерелә* 'Почта доставляется самолетом' и т. п.

Страдательный залог образуется только от ограниченного числа переходных глаголов. Употребляется он преимущественно в письменной речи.

Зато широко употребляется в башкирском языке безличный страдательный залог, по существу имеющий значение основного залога: *Был йыр кисә йырланды* 'Эта песня была спета вчера'; *телеграмма һуғылды* 'телеграмма подана'; *уҡыу башланды* 'учеба началась'; *өй һалынды* 'дом построен' и т. п. Глаголы такого рода обозначают действие, протекающее самопроизвольно: *Бик күп ултырылған кисә* 'Оказывается, сидел (я) вчера очень много'; *Оҙаҡ йоҡланған* 'Оказывается, долго спал (я)'; *Артыҡ күп эселгән ул юлы* 'Выпито в тот раз (мною) слишком много'. Хотя здесь не видно обычной связи между действием и действующим лицом, хотя действие осуществляется самопроизвольно, оно тем не менее относится к говорящему лицу, т. е. воспринимается как совершаемое или совершенное говорящим. И вообще безличный страдательный залог всегда соотносит действие с каким-либо лицом: с лицом, которое упоминается в предшествующем изложении или будет упомянуто в последующем, или с говорящим лицом.

[8] Если действующее лицо выражено личным местоимением, то оно ставится в форме родительного падежа: *Был хат уның тарафынан яҙылған* 'Это письмо написано им'; *Был мәсьәлә һинең, тарафтан ҡуйылырға тейеш* 'Эта проблема должна быть поставлена тобой'; *Минең тарафтан яҙылған ғариҙә* 'Заявление, написанное мною' и т. п.

Форма данного залога нередко употребляется в словообразовательных целях; ср.: *һуғылыу* 'забрести', 'заходить по пути' от *һуғыу* 'бить', 'ударить'; *кағылыу* 'трогать', 'коснуться', 'затронуть' от *кағыу* 'колотить', 'стучать', 'обижать', 'звонить', 'стряхнуть', 'хлестать'; *төбәлеү* 'направиться', 'устремиться' от *төбәү* 'целить', 'метить'; *оролоу* 'задеть (при езде, ходьбе)' от арх. *ороу* 'бить', 'ударить'; *тиңәлеү* 'поравняться' от *тиңәү* 'приравнять'; *яҙылыу* 'разминаться', 'размяться', 'выпрямиться' от *яҙыу* 'выпрямить'; *күмелеү* 'погрузиться (в воду)', 'исчезнуть с горизонта' от *күмеү* 'зарыть', 'закопать', 'хоронить'; *төҙәлеү* 'исправиться', 'поправиться (от болезни)', 'зажить', 'заживать (о ране)' от *төҙәү* 'метить', 'целиться'; *йығылыу* 'упасть' от *йығыу* 'свалить', 'сбросить'; *басылыу* 'утихать', 'притихнуть', 'успокоиться', 'улечься', 'угасать' от *баҫыу* 'ступать', 'встать', 'приложить', 'давить', 'заглушить', 'валять' 'зарастать'; *өҙөлөү* 'умереть', 'надрываться' от *өҙөү* 'рвать', 'порвать'; *сәнселеү* 'впиться' от *сәнсеү* 'колоть', 'уколоть'; *үртәлеү* 'взбеситься', 'прийти в крайне возбужденное состояние' от *үртәү* 'дразнить'; *төйөлөү* 'подавиться' от *төйөү* 'толочь'; *тығылыу* 'стекаться', 'создать затор' от *тығыу* 'совать', 'всунуть'; *йомолоу* 'закрыться', 'сомкнуться' от *йомоу* 'закрыть'; *тотолоу* 'попасться, расходоваться', 'быть застигнутым врасплох' от *тотоу* 'ловить', 'поймать', 'держать'; *яғылыу* 'соприкасаться', 'трогать' от *яғыу* 'мазать', 'намазать'; *уралыу* 'навиваться', 'увиваться', 'суетиться' от *урау* 'обматывать', 'окутать', 'намотать', 'кружить'; *койолоу* 'облезать', 'опасть', 'обсыпаться', 'вылезть', 'посыпаться' от *койыу* 'сыпать', 'лить'; *айрылыу* 'отделяться', 'выделяться', 'разделяться', 'разводиться', 'разлучаться', 'расколоться' от *айырыу* 'отделять', 'разнимать', 'размыкать', 'разрознить', 'сортировать', 'изолировать' и т. п.

Можно указать на ряд основ, таких как *кипсәлеү* 'увязнуть' (ср. *кипсән* 'узкий'); *котолоү* 'избавиться', 'освободиться' (ср. *кот* 'дух'), *оялыу* 'стесняться' (ср. *оят* 'позор', 'стыд'), *ябырыдыү* 'налететь', 'бросаться', которые употребляются исключительно с аффиксом *-л*.

Форма на *-л* во всех случаях своего применения в словообразовательных целях не имеет залогового значения. Правда, при этом ее значение приобретает оттенок страдательности, но глагол остается в сфере основного залога.

ОСНОВНОЙ ЗАЛОГ

Как можно видеть, категория залога представлена в соотношении исходной формы глагола с формой того или иного залога в применении к тому же глаголу. Исходная, нулевая (без залоговых аффиксов) форма глагола в ее отношении к форме того или иного залога представляет собой, таким образом, соотносительную форму залога. Она соотносительна со всеми остальными залогами и противопоставлена им как основной залог косвенным.

В башкироведческой литературе эта форма названа *төп дәрәжә*, т. е. основным залогом, и определена в учебной грамматике следующим образом: «В основном залоге глаголы выражают совершение или несовершение действия самим действующим лицом»[9]. Согласно данному определению, к основному залогу можно отнести все переходные глаголы первой степени, поскольку при них субъект в известных условиях удовлетворяет указанным требованиям (*алдым* 'я взял', *китап укыным* 'я читал книгу' и т. п.). Что же касается глаголов непереходных, в которых действие совершается без активного участия самого субъекта (*бала йоклай* 'ребенок спит', *ағас үсә* 'дерево растет'), то они остаются, по-видимому, вне всякого залога. Если, таким

[9] Ә. Мансуров. Башкорт теле грамматикаһы. Уфа, 1947, стр. 233.

образом, *төп дәрәжә* (основной залог) выделить как действительный залог (как это сделано автором упомянутой грамматики), то придется выделить еще какой-нибудь залог для непереходных глаголов, которые не могут уложиться ни в рамках такого залога, ни в рамках страдательного или какого бы то ни было другого косвенного залога. Поскольку, однако, активность или неактивность субъекта в совершении данного действия может быть выражена только семантически, основной залог следует определить так, чтобы в его сферу вошли как глаголы, при которых субъект активен, так и глаголы, при которых совершение действия протекает без активного вмешательства субъекта.

Обычно принято считать, что в сферу основного залога входит нулевая залоговая форма переходных и непереходных глаголов. Это не совсем верно. На самом деле сфера основного залога шире. В нее входят также и глаголы, осложненные той или иной формой залога, но не имеющие значения данного залога. Как показано выше, таких глаголов очень много. Ни один аффикс, посредством которого образуется тот или иной залог, не является исключительно залоговым. В ряде случаев эти аффиксы не имеют, как уже говорилось, залогового значения. Поэтому при установлении сферы основного залога необходимо внести следующие уточнения: в сферу основного залога входят все основы, не укладывающиеся в пределах косвенных залогов, вне зависимости от того, имеют ли они в своем составе аффикс того или иного залога. В соответствии с данным определением в сферу основного залога, помимо нулевых залоговых форм, войдет множество производных основ с аффиксами: 1) взаимного залога, 2) понудительного залога, 3) возвратного залога, 4) страдательного залога.

В заключение о залогах можно сказать следующее.

В башкирском языке залоговые аффиксы охватывают столь различные по характеру глаголы, находящиеся в столь различных соотношениях с глаголами без этих аффиксов, что говорить о единой грамматической природе последних не приходится. Так, среди глаголов с аффиксом понудительного залога выделяются три типа: 1) со значением понудительного залога, 2) со значением каузатива (ср. *бушау* 'освободиться' и *бушатыу* 'высвободить', 'выгружать', 'разгрузить', 'ослабить'), где аффикс привносит определенное лексическое уточнение основы, 3) с преобразованным лексическим значением исходной основы без нарушения ее залоговой природы (ср. *яраү* 'подходить' и *яратыу* 'любить').

Глаголы с аффиксом взаимного залога распадаются тоже на три типа: 1) со значением взаимного залога, 2) со значением соучастия подлежащего в исполнении действия, осуществляемого косвенным дополнением в дательном падеже (*мин уға эшләшәм* 'я помогаю ему работать'), 3) со значением, вовсе не связанным с данным залогом, где аффикс *-ш* служит для преобразования лексического значения основы (ср. *кереү* 'войти' и *керешеү* 'приступить').

Глаголы с аффиксом возвратного залога распадаются на четыре типа со значением: 1) данного залога, 2) страдательного залога, 3) несовершенного вида (ср. *һөйләү* 'говорить' и *һөйләнеү* 'иметь обыкновение говорить' и 4) основного залога, где аффикс играет сугубо словообразовательную роль (ср. *үтеү* 'проходить' и *үтенеү* 'просить').

Наконец глаголы с аффиксом страдательного залога делятся на два типа: 1) со значением данного залога, 2) без этого значения, где аффикс служит для преобразования лексического значения основы (ср. *kағыу* 'колотить' и *kағылыу* 'трогать', 'коснуться').

Следовательно, залогообразованием в башкирском языке может считаться отнюдь не всякое сочетание основы с тем или иным зало-

говым аффиксом. Залог обладает дополнительными к его форме грамматическими признаками, которые в совокупности с самой формой залога и соответствующим этой форме залоговым значением могут служить критерием выделения данного залога, позволяющим разграничить залогообразование от словообразования.

Отграничение залогообразования от словообразования, осуществляемое при помощи этого критерия, лишает положение о принадлежности залога в башкирском языке к словообразованию наиболее существенного его основания и создает известные предпосылки в пользу противоположного заключения, высказанного А. К. Калыбаевой-Хасеновой применительно к залогам казахского глагола[10]. Подобно тому как преобразование лексического значения основы, производимое посредством залоговых аффиксов, оказывается не связанным с залогообразованием, последнее не связано с преобразованием лексического содержания основы. Залогообразование представляет собой лишь уточнение отношения действия к его субъекту и объекту. Говоря иначе, залог, как и любая словоизменительная категория, имеет сугубо синтаксическое содержание. В силу этого залоговое значение в сочетании основы с данным залоговым аффиксом возникает не как значение всего сочетания в целом, а только как значение элемента сочетания — аффикса. Поэтому трактовку залогообразования как словообразования трудно считать приемлемой, исключая трактовку возвратного залога, который в одном случае представляет собой форму одного и того же слова (ср. *кейеү* 'одеть', 'обуть' и *кейенеү* 'одеться', 'обуться'), в другом — не только формообразование (ср. *сисеү* 'развязать', 'отвязать' и *сисенеү* 'раздеваться' и т. п.).

---

[10] А. Калыбаева. Қазақ тіліндегі етіс категориясы. Алма-Ата, 1951.

VI. ИМЕННЫЕ ФОРМЫ

Н. Х. КУЛАЕВ

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ПАДЕЖЕЙ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В системе склонения имен основной словоизменительной или морфологической категорией является категория падежа, отражающая, как и другие грамматические категории, национальную самобытность того или иного языка и специфические особенности его грамматического строя.

Определением категории падежа как морфологической категории вовсе не устраняется возможность и необходимость изучения этого вопроса в синтаксическом плане.

Однако, исходя из синтаксической функции того или иного слова в предложении, мы не должны подменять вопросы морфологии вопросами синтаксиса, вопрос о категории падежа вопросом о членах предложения. Категорией падежа могут быть выражены разные синтаксические отношения между словами в предложении или в словосочетании. Но синтаксические отношения между словами в различных языках могут быть выражены также и предлогами, послелогами и порядком слов.

Эти средства выражения синтаксических отношений между словами могут быть использованы полностью или частично в том или ином языке, но одно из этих средств в каждом конкретном языке является главным; в одних языках — это падежная система, в других — предложная система, в третьих — послеложная система, в четвертых — порядок слов. При этом все средства выражения синтаксических отношений между словами в ходе исторического развития языка могут изменяться: главное средство может стать второстепенным и, наоборот, второстепенное может стать главным.

Понятие «падеж», как морфологическая категория, предполагает наличие разных форм одного и того же склоняемого слова; количество этих форм, т. е. количество падежей, может быть разным в различных языках. Определить количество падежей в том или ином языке можно только на основе существующей системы языка.

В каждом языке существует своя система склонения, которая может быть изучена только путем тщательного анализа фактов данного языка.

Вопрос о падежах представляет большой интерес при составлении описательных грамматик языков народов СССР как с теоретической, так и с чисто практической точки зрения. Сложность вопроса о падежах в различных языках и недостаточная разработанность методологических основ для определения понятия «падеж» служат поводом для противоречивых мнений и разногласий по данному вопросу.

Надо приветствовать появление работ, посвященных вопросу о категории падежа, таких, например, как статьи Е. А. Бокарева «О категории падежа» и Е. Д. Панфилова «К вопросу о так называемом аналитическом склонении»[1].

В нашей краткой статье постараемся проанализировать проблему падежей в осетинском языке.

Современный осетинский язык утратил старое иранское флективное склонение и заменил его агглютинативным, выработав из собственно иранского материала на протяжении многих веков новую структуру склонения, новую систему падежей с особыми падежными окончаниями. Объясняется это тем, что именная флексия в древнеиранских языках была односложной, которую осетинский язык совершенно утратил. В других же новых иранских языках с исчезновением старой древнеиранской именной флексии почти исчезло и склонение.

По происхождению падежи в осетинском языке мы можем разделить на четыре группы. К первой группе принадлежат падежи, утратившие древнеиранскую флексию без замены; таковы — старый именительный, старый винительный и старый звательный[2], совпавшие по форме в современном осетинском языке, а потому считающиеся формой одного падежа — именительного. Ко второй группе относятся падежи, сохранившие древнеиранскую флексию (вернее, часть древнеиранской флексии — в тех случаях, когда она была двухсложной); таковы падежи: родительный и местный внутренний. Третью группу составляют падежи, возместившие утрату древнеиранской флексии флексиями местоименного и предложного происхождения; это — дательный, направительный и отложительный. К четвертой группе относятся падежи, которые образовали флексию из послелогов и наречий; таковы — местный внешний и совместный падежи.

Падежи третьей и четвертой групп в осетинском являются новообразованиями по сравнению с древними иранскими языками.

Можно полагать, что в определенный период истории развития осетинского языка, в нем, как и в других новоиранских языках, склонение было почти утрачено. «Почти» потому, что в осетинском все же сохранились падежи, унаследованные от древнеиранских падежных форм, а именно: родительный и местный внутренний.

В ходе исторического развития осетинского языка формы звательного и винительного падежей в нем совпали с формой именительного падежа, которая, в свою очередь, в единственном числе совпала с основой слова. При этом звательный падеж для некоторых слов в современном осетинском языке имеет и свое особое падежное окончание *-ай*, например: *лæгай* 'муженек', *усай* 'женушка', *чызгай* 'девушка'.

Если бы в современном языке падежное окончание *-ай* могло сочетаться со всеми склоняемыми словами, то можно было бы говорить об особой форме звательного падежа. Но в осетинском, так же как и в современном русском языке (кроме некоторых слов), форма звательного падежа совпала с формой именительного.

В то же время форма винительного падежа в осетинском языке (как в литературном языке, так и в диалектах) не сохранила своего особого падежного окончания ни в склонении имен, ни в склонении местоимений.

---

[1] «Вопросы языкознания», № 1. М., 1954.

[2] С точки зрения научной грамматики, звательная форма вообще не может считаться падежом, так как это форма не синтаксическая, т. е. не выражающая отношений между членами предложения. — *Ред.*

Иногда говорят, что формы винительного и родительного падежей различаются в 3-м лице энклитического местоимения: будто бы *йæ* — форма родительного падежа, а *æй* — форма винительного падежа. Но это явное недоразумение, ибо эти формы в действительности являются фонетическими разновидностями одной и той же формы родительного падежа.

Форма *йæ* в качестве прямого дополнения употребляется в позициях, когда предшествующее слово исходит на гласный или полугласный *й*, а форма *æй* употребляется в тех случаях, когда предшествующее слово исходит на согласный или полугласный *у*. Например: *Ды йæ федтай* 'Ты его (ее) видел', но *Æз æй федтон* 'Я его (ее) видел'; *Хосдзау æй федта* 'Хосдзау его (ее) видел'; *Базыдтон æй* 'Узнал (я) его (ее)', но: *Базыдтай йæ* 'Узнал (ты) его (ее)' или *Базыдта йæ* 'Узнал (он) его (ее)'[3].

До последнего времени в школьных грамматиках осетинского языка о винительном падеже говорилось, что и в единственном и во множественном числе он употребляется в двух формах: 1) как именительный: *Æз балхæдтон чиныг (чингуытæ)* 'Я купил книгу (книги)'; и 2) как родительный: *Æз балхæдтон чиныджы (чингуыты)* 'Я купил книгу (книги)'[4].

Мысль, что винительный, совпадающий по форме с именительным, показывает неопределенный предмет, а винительный, совпадающий по форме с родительным, показывает определенный предмет, явно несостоятельна, потому что такое утверждение допускает для любого склоняемого слова в качестве прямого дополнения наличие двух форм: именительного и родительного падежей.

Многие слова (чаще всего названия вещей) в качестве прямого дополнения выступают только в форме именительного падежа; ряд слов (личности) — в форме родительного. Например, можно сказать: *Æз балхæдтон чиныг* 'Я купил(а) книгу'; *Æз æрластон суг* 'Я привез(ла) дрова'; *Æз балхæдтон лулæ* 'Я купил(а) трубку'; *Мах скодтам чъири* 'Мы приготовили пирог'; *Æз хордтон кæрдо* 'Я кушал(а) грушу'; *Æз бахуыдтон хæдон* 'Я сшил(а) рубашку'; *Æз бафарстон Сосланы* 'Я спросил(а) Сослана'; *Мах æрбахуыдтам Тамарæйы* 'Мы пригласили Тамару'; *Æз бафарстон дæу* 'Я спросил(а) тебя'; *Ды агуырдтай мæн* 'Ты искал(а) меня' и т. п., но нельзя сказать: *Æз балхæдтон чиныджы*, *Æз æрластон суджы*, *Æз балхæдон лулæйы*, *Мах скодтам чъирийы*, *Æз хордтон кæрдойы*, *Æз бахуыдтон хæдоны*, *Æз бафарстон Сослан*, *Мах æрбахуыдтом Тамарæ*, *Æз бафарстон ды*, *Ды агуырдтай æз* и т. п.

Инфинитив глагола, имеющий в осетинском языке падежные формы, в роли прямого дополнения выступает в форме именительного падежа и никогда не употребляется в форме родительного.

В современном осетинском языке имеются и такие имена, которые в качестве прямого дополнения могут выступать то в форме именительного, то в форме родительного падежа. К ним относятся названия животных, зверей, птиц, а также личные имена, кроме указанных выше личных собственных имен. Например, можно сказать: *Карк асур* и *Карчы асур* 'Прогони курицу'; *Бæх сифтындз* и *Бæхы сифтындз* 'Запряги лошадь (коня)'; *Амардтон арс* и *Амардтон арсы* 'Убил медведя'; *Сардау ыл куыдз* и *сардау ыл куыдзы* 'Натрави на него собаку'.

---

[3] В последних трех примерах лицо определяется по личным окончаниям глаголов.

[4] Багаты Никъала. Ирон æвзаджы грамматикæ, 1 хай, 1952, стр. 73.

Однако такое выражение прямого дополнения допустимо не со всеми переходными глаголами, многое при этом зависит от лексического значения глагола. Так, можно сказать: *Бафарстон чызджы* '(Я) спросил(а) девушку', *Амбылдтон де' фсымæры* '(Я) обыграл(а) твоего брата'; *Базыдтон лæппуйы* '(Я) узнал(а) мальчика', *Асайдта куырды* '(Он, она) обманул(а) кузнеца', *Афæлывта ахуыргæнæджы* '(Он, она) обманул(а) учителя' и т. д., но нельзя сказать: *Бафарстон чызг, Амбылдтон де фсымæр, Базыдтон лæппу, Асайдта куырд, Афæлывта ахуыргæнæг* и т. п.

Бывает и так, что некоторые имена в качестве прямого дополнения с разными переходными глаголами выступают в форме разных падежей. Например: *Ус æрхаста* или *Ус ракуырдта* 'Он женился', досл.: 'Жену привел', 'Жену попросил', но: *Бафарста усы* 'Он, она спросил(а) женщину', *Лæппу ныййардта* 'родила мальчика', но: *лæппуйы арвыста* '(он, она) послал(а) мальчика' и т. п.

По-видимому, в истории развития осетинского языка был период, когда в нем не было деления глаголов на переходные и непереходные (о чем свидетельствует историческая схема осетинского спряжения), когда любой глагол мог употребляться и как переходный, и как непереходный. В современном же осетинском языке глаголы переходные и непереходные различаются не только по их значению, но и по форме.

В прошедшем времени изъявительного наклонения переходные глаголы имеют личные окончания: *он*, *-ай*, *-а*, *-æм*, *-ат*, *-ой*, например *фарстон* (я) 'спрашивал', *фæрстай* (2-е л. ед. ч.), *фарста*, *фарстам*, *фарстат*, *фарстой; зыдтон* 'знал', *зыдтай*, *зыдта*, *зыдтам*, *зыдтат*, *зыдтой*; непереходные — *дæн*, *-дæ*, *-и*, *-ис*, *-стæм*, *-стут*, *-сты*: *цыдтæн* '(я) шел', *цыдтæ*, *цыд*, *цыди*, *цыдис*, *цыдыстæм*, *цыдыстут*, *цыдысты*.

Но формальное различие глаголов переходных и непереходных не до конца последовательно. Встречаются глаголы, имеющие форму непереходного глагола, но по значению являющиеся переходными и, наоборот. Имеются и такие глаголы, которые совмещают в себе значения переходности и непереходности и имеют соответствующие формы: *зылдта* '(он) крутил', *зылдис* '(он) крутился' и т. д.

Эта непоследовательность наблюдается и в диалектах осетинского языка, где один и тот же глагол, например в иронском диалекте, имеет форму непереходного глагола (*кафыдтæн* 'танцевал' и т. д.), а в дигорском диалекте — форму переходного глагола (*кафтон* 'танцевал').

Прямое дополнение в осетинском языке первоначально выступало только в форме именительного падежа, о чем свидетельствуют сложные слова и сложные глаголы, представляющие собой сочетание прямого дополнения с переходным глаголом *кæнын*. Например: *цырыхъгæнæг* 'сапожник', досл. 'сапоги делающий (изготовляющий)'; *хъæр кæнын* 'кричать', досл. 'крик делать'; *хуым кæнын* 'пахать' досл. 'пахоту делать'; *æххуыс кæнын* 'помогать', досл. 'оказывать помощь', *гæпп кæнын* 'прыгать', досл. 'делать прыжок' и т. д.

Порядок слов служил тогда основным средством различения субъекта и прямого объекта: субъект занимал в предложении начальное положение, за ним следовал прямой объект, после чего ставился глагол-сказуемое, т. е. прямой объект помещался между субъектом и предикатом. Такое положение прямого объекта в предложении занимают в современном осетинском языке краткие личные местоимения, выступающие в роли прямого дополнения. Поэтому можно, например, сказать: *Æз æй федтон* 'Я его видел' или *Федтон æй æз* 'Видел его я', но нельзя сказать: *Æй æз федтон* или *Æй федтон æз.*

В дальнейшем развитии осетинского языка прямое дополнение наряду с именительным начал выражать и родительный падеж. Это было вызвано потребностью отличать морфологически прямой объект от субъекта в тех случаях, когда совпадение падежных форм субъекта и прямого объекта могло вызвать недоразумения, особенно при словах, обозначающих лиц, реже при словах, обозначающих диких и домашних животных и птиц. И если, например, выражение *лæг амардта арс*, при наличии твердого порядка слов (субъект—прямой объект—предикат) могло означать только: «человек убил медведя», то в условиях, когда вышеуказанный порядок слов не обязателен, ту же фразу можно понять двояко: и как «человек убил медведя» и как «человека убил медведь», в зависимости от логического ударения.

Как видно из сказанного, синтаксическая функция не может служить основанием для выделения категории падежа, она играет второстепенную роль и является необходимым элементом при различении омонимических падежных форм, как это имеет место, например, в современном русском языке, где имеется специальная форма винительного падежа только для имен первого склонения. На фоне имен первого склонения мы определяем форму винительного падежа и для имен других склонений. Например, в сравнении с сочетанием *вызвал ученицу* определяем как винительный и форму *вызвал ученика*.

В современном русском языке только имена с исходом на *-а* дают нам право говорить об особой форме винительного падежа, отличной от других падежных форм.

Если бы и в современном осетинском языке хотя бы какая-то группа склоняемых слов имела особую форму винительного падежа, отличную от других падежных форм, то мы с полным основанием могли бы утверждать, что в осетинском языке имеется особый, морфологически оформленный винительный падеж. А раз нет такого фона, больше того, раз ни одно склоняемое слово в осетинском не имеет особой формы винительного падежа, которая бы отличалась от других падежных форм, то следовательно, не может быть и речи о наличии в нем особого винительного падежа. Точно так же, например, по отношению к осетинскому языку мы не можем говорить об особом отложительном падеже, отличном от орудийного, потому что для всех склоняемых слов одна и та же форма отложительного падежа употребляется и в значении исходности, и в значении орудия. Например: *Рацыдтæн хæдзарæй* '(Я) вышел из дому'; *Фыссын кърандасæй* 'Пишу карандашом' и т. д.

Иначе обстоит дело с родительным и местным внутренним падежами, которые в современном осетинском языке для имен имеют одну общую флексию *-ы*, правда, различную по происхождению. Здесь фоном для различения форм родительного и местного внутреннего служит местоименное склонение в обоих диалектах осетинского языка.

В дигорском диалекте осетинского языка для этой же цели, кроме местоименного склонения, служит склонение числительных, когда оно употребляется самостоятельно, и склонение существительных, когда в качестве определения при них выступают числительные. Например, в склонении местоимений в обоих диалектах:

Им. пад.	*Род. пад.*	*Местн. внутр. пад.*
чи, ка 'кто'	*кæй, ке*	*кæм, кæми*
цы, ци 'что'	*цæй*	*цæм, цæми*
уый, йе 'тот', 'та', 'то'	*уый, уой*	*уым, уоми*

Склонение числительных в дигорском диалекте

Им. пад.	*Род. пад.*	*Местн. внутр. пад.*
цал 'сколько'	*цалей*	*цалеми*
дæс 'десять'	*дæсей (дæси)*	*дæсеми*
авд горæти 'семь городов'	*авд горæтей (или горæти)*	*авд горæтеми*
цуппар голлаги 'четыре мешка'	*цуппар голлагей*	*цуппар голлагеми*

Как видно из примеров, в склонении местоимений, а в дигорском диалекте и в склонении числительных и даже существительных, когда в качестве определения при них выступают числительные, формы родительного и местного внутреннего отчетливо различаются, и на их фоне мы можем говорить о различных падежных формах и для имен. Поэтому можно утверждать, что в современном осетинском языке наряду с родительным падежом имеется и местный внутренний падеж.

Несколько слов об употреблении предлогов. В современном осетинском языке в основном два предлога: *æнæ* 'без' и *æд* 'с'.

Н. Багаев в учебнике грамматики осетинского языка утверждает, будто предлог *æнæ* употребляется с винительным и отложительным падежами, а предлог *æд* — с винительным[5].

Однако из сказанного выше видно, например, что для личных собственных имен так называемый винительный должен совпадать только с родительным падежом. Предлог же *æнæ* требует постановки личных собственных имен не в родительном, а в именительном падеже. Например: *Æнæ Аслæнбег æз никæдæм цæуын* 'Без Асланбека я никуда не иду (не пойду)'; *Æнæ йæ мад хæргæ дæр нæ кæны* 'Без (своей) матери (он, она) даже не кушает'; *Æнæ фæрæт* (или *æнæ фæрæтæй*) *хъæдмæ цæуæн нæй* 'Без топора в лес нельзя ходить (ездить)' и т. д. Предлог *æнæ* с именами употребляется в именительном или отложительном падежах.

Но личные местоимения с предлогом: *æнæ* сочетаются в родительном падеже. Например: *Æнæ дæу æз никæдам цæуын* 'Без тебя я никуда не иду (не пойду)'.

Предлог *æд* в современном осетинском языке требует не «винительного», а именительного падежа. Например: *Алыксандыр æд бинонтæ ацыдис санаторимæ* 'Александр с семьей выехал в санаторий'.

Наконец, как мы указывали выше, имеется и такое мнение, что в современном осетинском языке, с точки зрения научной грамматики, нет особого винительного падежа, но если сохранение этого падежа в системе осетинского склонения будет способствовать лучшему усвоению русского языка учащимися-осетинами, то в интересах дела надо «сохранить» винительный падеж в осетинском языке.

С этим положением можно было бы согласиться, если бы действительно в осетинском и русском языках мы имели одинаковую структуру склонения, одинаковое количество падежей, одинаковые значения падежей или, хотя бы, одинаковое выражение прямого дополнения. Но ведь в действительности нет всего этого. На самом деле картина такова, что в системе русского и осетинского спряжения, например, больше общего, чем в системе склонения этих языков. Это объясняется тем, что осетинский язык сохранил типичную индоевропейскую систему спряжения, тогда как вместо старого флективного склонения в нем выработалось агглютинативное склонение с постоянным показателем множественности и с одинаковыми падежными окончаниями

[5] Багаты Никъала. Указ. соч., стр. 194.

для единственного и множественного числа. Так в системе спряжения как в русском, так и в осетинском, мы можем говорить о наличии трех лиц, двух чисел, трех времен, трех наклонений и т. д. В этих грамматических категориях много общего между осетинским и русским языками, и изложение их в учебниках осетинского языка в соответствии с учебниками русского языка было бы оправдано и с научной, и с практической точек зрения, что в определенной мере, безусловно, способствовало бы лучшему усвоению как родного, так и русского языка. Однако в школьных осетинских грамматиках вместо одного наклонения (сослагательного) почему-то приводятся два наклонения: условное и желательное.

Что же касается системы склонения русского и осетинского языков, то, как уже сказано, в них значительно меньше общего: значения падежей в этих языках не совпадают. В отношении способов или средств выражения прямого дополнения в сравниваемых языках было бы, действительно, много общего, если бы в русском не было особого склонения для слов с исходом на *-а*, но тогда, как совершенно правильно отмечает проф. П. С. Кузнецов[6], в нем не было бы и особой формы винительного падежа, отличной от других падежных форм.

Можно привести немало примеров, когда в осетинском и в русском языках прямое дополнение выражено различными падежами. В русском языке, например, в отрицательных предложениях прямое дополнение бывает выражено родительным падежом, тогда как в осетинском, по мнению некоторых исследователей, оно должно быть выражено «винительным». В действительности оно оформляется то в именительном падеже, то в родительном. Например: 'Я купил карандаш' (вин. пад.) — *Æз балхæдтон кърандас* (им. пад.); 'Я не купил карандаша' (род. пад.) — *Æз нæ балхæдтон кърандас* (им. пад.); 'Ученик выучил свой урок' (вин. пад.) — *Скъоладзау сахуыр кодта йæ урок* (им. пад.); 'Ученик не выучил своего урока' (род. пад.) — *Скъоладзау нæ сæхуыр кодта йæ урок* (им. пад.). Русский винительный падеж в осетинском передается не только формами именительного и родительного падежей, но и формами дательного, направительного, отложительного и местного внешнего. Приведем соответствующие примеры: 'Старший поблагодарил гостей' (вин. пад.) — *Хистæр раафæ кодта уазджытæн* (дат. пад.); 'Я позвал девушку' (вин. пад.) — *Æз фæдзырдтон чызгмæ* (направит. пад.); 'Учитель похвалил ученика' (вин. пад.) — *Ахуыргæнæг раппæлыдис скъоладзауæй* (отложит. пад.); 'Собака укусила мальчика' (вин. пад.) — *Куыдз фæхæцыд лæппуйыл* (местн. внешн. пад.); 'Он слушал музыку' (вин. пад.) *Уый хъуыста музыкæмæ* (направит. пад.); 'Не трогай книгу' (вин. пад.) — *Ма æвнал чиныгмæ* (направит. пад.) и т. п.

Таким образом, сохранение так называемого «винительного» падежа в схеме осетинского склонения будет только мешать усвоению русского языка учащимися-осетинами, которые не увидят никакой разницы в средствах выражения прямого дополнения в осетинском и русском языках.

В результате и в устной, и в письменной русской речи довольно часто допускаются ошибки в падежном оформлении прямого дополнения — типа: 'мне надо шапка купить', 'он дал мне книга', 'надо свечка зажечь' и т. д. Для того чтобы положить конец такой путанице, необходимо выключить «винительный» падеж из схемы осетинского склонения, так же как был выключен по аналогичным основаниям звательный падеж.

---

[6] П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1954, стр. 98.

Таким образом, в современном осетинском литературном языке имеются следующие падежи:

1. Именительный — в единственном числе с нулевой флексией, во множественном с флексией *-æ* — отвечает на вопросы: *чи?* (*читœ?*) ‘кто?’, *цы?* (*цытæ?*) ‘что?’

2. Родительный — с флексией *-ы* в обоих числах; отвечает на вопросы: *кæй?* (*кæйты?*) ‘кого?’, *цæй?* (*цæйты?*) ‘чего?’, ‘чей?’.

3. Дательный — с флексией *-æн* в обоих числах; отвечает на вопросы: *кæмæн?* (*кæмæнты?*) ‘кому?’, ‘для кого?’; *цæмæн?* (*цæмæнты?*) ‘чему?’, ‘для чего?’.

4. Направительный — в единственном числе — с флексией *-мæ*, во множественном — с флексией *-æм*; отвечает на вопросы: *кæмы?* (*кæмæты?*) ‘к кому?’, ‘у кого?’, *цæмæ*, *цæмæты?* ‘к чему?’.

5. Отложительный — с флексией *-йæ*; (*œй*); отвечает на вопросы: *кæмæй?* (*кæмæйты?*) ‘от кого?’, ‘из кого?’, ‘кем?’, *цæмæй?* (*цæмæйты?*) ‘от чего?’, ‘из чего?, ‘чем?’ [7].

6. Местный внутренний — с флексией *-ы* в обоих числах; отвечает на вопросы: *кæм?* (*кæмыты?*) ‘в ком?’, *цæм?* (*цæмыты?*) ‘в чем?’, ‘где?’.

7. Местный внешний — с флексией *-ыл* для обоих чисел; отвечает на вопросы: *кæуыл?* (*кæулты?*) ‘на ком?’, ‘о ком?’, *цæуыл?* (*цæуылты?*) ‘на чем?’, ‘о чем?’.

8. Уподобительный — с флексией *-ау* в обоих числах; отвечает на вопросы: *кæйау?* (*кæйтау?*) ‘подобно кому?’, *цæйау?* (*цæйтау?*) ‘подобно чему?’ ‘как?’.

9. Совместный — с флексией *-имае* в обоих числах; отвечает на вопросы: *кæймæ?* (*кæйтимæ*, *кæимæты?*) ‘с кем?’, *цæимæ?* (*цæйтиме*, *цæимæты?*) ‘с чем?’ [8].

---

[7] В словах с исходом на полугласный *й* в отложительном падеже конечный *й* отпадает. Так, например, от *цай* ‘чай’ отложительный падеж — *цайæ*, вм. *цайæй*.

[8] В дигорском диалекте осетинского языка отсутствующий совместный падеж заменяется послеложной конструкцией.

Т. В. БУЛЫГИНА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЧАСТНЫХ ПАДЕЖНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

(на материале сочетаний с генитивом в современном литовском языке)

Одна из важнейших задач литовского языкознания в настоящее время — составление научной грамматики литовского языка[1]. Это, однако, «сопряжено с большими трудностями, так как многие важнейшие стороны грамматического строя литовского языка не освещались до настоящего времени в научной литературе, а имеющиеся немногочисленные статьи и монографии по отдельным вопросам литовской грамматики... требуют критической переоценки. Поэтому, выпуску нормативной грамматики должны предшествовать монографические исследования, которые послужат основой при ее составлении»[2].

Сказанное в полной мере относится и к изучению сочетаний с родительным падежом. Теоретическая уязвимость традиционного «атомистического» подхода к классификации падежных значений, которая, как отмечали некоторые исследователи, проявляется особенно отчетливо именно при анализе «будто бы столь многозначного генитива»[3], становится еще более очевидной при исследовании синтаксиса литовского родительного падежа — еще более «универсальной» и «многообразной» категории, чем в языках других ветвей индоевропейской семьи, так как в сфере приименного генитива «безграничность» его употребления находится в связи с крайней бедностью литовского языка относительными прилагательными[4], а большое его распространение в сфере при-

---

[1] См. К. Корсакас. Литовская филология в семилетке. «Советская Литва», 1959, № 104 (4828); «Вопросы языкознания», 1954, № 1, стр. 173—175.

[2] Там же, стр. 174.

[3] Ср. указание Р. Якобсона в его работе о русской падежной системе: R. Jakobson. Beitrag zur allgemeine Kasuslehre, TCLP, 6, стр. 254.

[4] Факт употребления литовского родительного падежа на месте относительного прилагательного в языках других групп индоевропейской семьи отмечался рядом исследователей — Ср. специальное исследование Стегмана Притцвальда (St. von Pritzwald. Das Attribut im Altlitauischen. Heidelberg, 1936), где приводятся многочисленные примеры перевода польских относительных прилагательных в древних памятниках литовской письменности родительным падежом существительного; примеры соответствия родительного падежа в современном литовском языке относительным прилагательным в польском приводятся Я. О. Отрембским (J. Otrębsky. Gramatyka języka polskiego, t. III. Warszawa, 1956, стр. 1). Сравнение употребления родительного падежа в литовском с употреблением относительных прилагательных в славянских и германских языках проводит Э. Френкель, отмечающий даже, что родительный в литовском языке употребляется в тех случаях, когда «прилагательное лучше бы соответствовало строгой логике»

глагольного употребления — с тем, что он почти не уступил своих позиций винительному и именительному падежам[5].

Несмотря на то, что методологическая порочность многих «традиционных» исследований падежного синтаксиса (в том числе исследований синтаксиса родительного падежа) не раз подвергалась критике и что языкознание располагает в настоящее время не одной работой, посвященной теоретическим проблемам, которые встают при анализе падежных значений, до сих пор у нас почти нет исследований какого-нибудь определенного падежа в конкретном языке, учитывающих теоретические достижения современного языкознания в этой области. Монографии, посвященные родительному падежу в том или ином индоевропейском языке, появившиеся в последнее время (т. е. после работ Ельмслева, Якобсона, Гроота, Куриловича и др.), не отличаются по своим методологическим установкам от традиционных классификаций этого падежа или отличаются от них в худшую сторону (еще большая дробность классификаций и связанная с ней — как это ни парадоксально на первый взгляд — еще большая неполнота, неисчерпанность описания[6]). Обычно работы такого рода даже и не ставят своей задачей выработку основных методов исследования и установление принципов классификации падежных значений.

В то же время решение многих проблем, которые встают при описании падежных значений, не всегда бывает основано на конкретном исследовании определенной падежной системы в соответствующих теоретических работах, часто лишь спорадически привлекающих то или иное употребление какого-нибудь падежа в том или другом языке для иллюстрации своих основных положений.

Попытки последовательного приложения новых синтаксических идей и концепций к конкретному исследованию падежного употребления определенного языка не всегда оказываются вполне удачными. Так, едва ли целесообразным представляется при описании конкретной падежной системы или конкретного падежа использование приемов классификации, данных Ельмслевом[7], так как его схема во многих отношениях остается неясной, практически чрезмерно сложна[8] и часто не допускает идентификации с эмпирически уже установленными системами падежей. Весьма характерно в этом отношении сравнение якобсоновской схемы русских падежей с ее интерпретацией по методам Ельмслева, проведенное Сёренсеном и обнаружившее ряд различий[9].

Ряд конкретных возражений вызывают в работе А. В. Исаченко[10] результаты приложения идей Ю. Куриловича[11], с которым автор пол-

(E. Fraenkel. Die baltischen Sprachen. Heidelberg, 1950, стр. 102). Ср. замечание Франца Брендера о том, что литовцы более последовательно, чем другие народы, «передают отношения принадлежности посредством генитива» (F. Brender. Zur Terminologie im Litauischen. «Tauta ir Žodis», 1925, kn. III).

[5] Ср. J. Otrębsky. Указ. соч., стр. 1.

[6] Ср., например, канд. диссертацию Р. Вульфсон, посвященную родительному падежу в русском языке (М., 1947), или Розенберга о родительном падеже в современном латышском языке (Л., 1957).

[7] L. Hjelmslev. La catégorie des cas. Aarhus, 1935.

[8] Ср. критические замечания А. В. Исаченко, считающего, что Ельмслев «уводит читателя в дебри отвлеченных и бесплодных схем, не имеющих уже ничего общего с конкретными языковыми фактами» (А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1954, стр. 128); см. также критику метода Ельмслева в монографии «Творительный падеж в славянских языках» (М., 1958, стр. 18—19).

[9] H. Ch. Sørensen. Contribution à la discussion sur la théorie des cas. TCLC, vol. V, 1949.

[10] А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 127—130.

[11] J. Kuryłowicz. Le problème du classement des cas. BPTJ, IX. Kraków, 1949.

ностью согласен, к анализу русской падежной системы (мы имеем в виду прежде всего интерпретацию русского родительного падежа), что, очевидно, объясняется тем, что А. В. Исаченко не занимался специальным исследованием соответствующего падежного употребления.

Не бесспорными представляются и некоторые положения цитированной выше работы Р. Якобсона, главный пафос которой состоит в утверждении инвариантной значимости каждого падежа в отношении к остальным падежам морфологической системы [12], в связи с чем критикуемому автором «атомистическому» анализу падежного употребления не противопоставляются какие-либо определенные принципы классификации «частных» падежных значений, среди которых, заметим, автор принципиально не различает «лексически» и «грамматически» обусловленных значений, считая их в равной мере «комбинаторными вариантами» общего значения [13]. Нет этого различения и в конкретном анализе «комбинаторных вариантов» (ср. примеры, приводимые Якобсоном под рубрикой «Ген. при прилагательных», где одинаково трактуется родительный при *полный*, *достойный* и при *слаще*, *дороже* [14]). То обстоятельство, что, отвергая принципы традиционной «атомистической» классификации, Р. Якобсон не выдвигает собственных, вызывает тем большее сожаление, что сам он считает все же необходимым, чтобы «морфологическому анализу падежных значений, который открывает лежащую в их основании систему минимальных единиц грамматической информации, то есть падежных признаков, и по общности признака объединяет падежи в классы», предшествовала «регистрация комбинаторных (синтаксически и лексически обусловленных) значений каждого падежа» [15].

Настоящая статья как раз и представляет собой попытку «регистрации» частных значений одного из наиболее сложных падежей литовского языка. При этом мы стремились найти объективные, т. е. формальные, основания для выделения самостоятельных падежных значений или категорий употребления рассматриваемого падежа [16].

Конструкции с родительным падежом в литовском языке распадаются на два больших класса: глагольные и неглагольные сочетания. Раздельное рассмотрение двух названных типов сочетаний кажется необходимым потому, что они представляют собой неоднородные категории употребления в том плане, что приименной родительный выступает как «грамматический» падеж с первичной синтаксической функцией, а приглагольный — как падеж «конкретный» с первичной «семантической» и вторичной синтаксической функцией [17] (нельзя согла-

[12] Отметим, что предлагаемые Р. Якобсоном определения «общего» значения некоторых падежей (в том числе родительного) в русском языке вызывали возражение некоторых исследователей. См., например, критику его определения общего значения русского родительного падежа у А. В. Исаченко (Указ. соч., стр. 139).

[13] R. Jakobson. Beitrag zur allgemeine Kasuslehre, стр. 252. — Ср. также его доклад на IV Международном съезде славистов: Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением. 's. Gravenhage, 1958, стр. 8.

[14] R. Jakobson. Beitrag zur allgemeine Kasuslehre, стр. 258.

[15] Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением, стр. 8.

[16] Особенно большую методологическую помощь оказали нам в этом отношении работы голландского ученого А. В. де Гроота, который выдвигает принципы структурной классификации падежного употребления, определяющейся как «классификация по значению, выраженному грамматическими особенностями» («Structural classification defined as a classification according to meaning expressed by grammatical features»). — A. W. de Groot. Classification of the uses of a case illustrated on the genitive in Latin. «Lingua», 1956, vol. 6, № 1. См. также: A. W. de Groot. Classification of cases and uses of cases. «For Roman Jakobson». The Hague, 1956.

[17] В том смысле, в котором употребляет эти термины (fonction primaire et fonction secondaire) Ю. Курилович в указанной выше статье, а также в работе

ситься с А. В. Исаченко, иначе интерпретировавшим русский родительный падеж с точки зрения «первичности» и «вторичности» функций, понимаемых в духе Ю. Куриловича)[18]. Это различие названных категорий связано с такими их особенностями, которые диктуют необходимость не вполне однородного анализа того и другого типа употребления.

Однако общим принципом, которого следует придерживаться при исследовании как именных, так и глагольных сочетаний, представляется нам принцип элиминации лексики как основания для выделения самостоятельных падежных значений.

Нельзя согласиться не только с традиционными исследованиями падежного синтаксиса, авторы которых обычно не задумываются над проблемой установления «общего» значения падежа и применяют при классификации несколько несопоставимых, часто противоречащих друг другу критериев (синтаксический, лексический, этимологический, практический и др.), но и с теми учеными, которые, принципиально отрицая возможность установления «общего» падежного значения (понимаемого как отношение, выражаемое падежом в отвлечении от лексического содержания словосочетания), считают единственной реальностью частные значения падежа, всегда обусловленные этим лексическим содержанием[19].

То обстоятельство, что многие из выделяемых обычно «падежных» значений — в данном случае, «значений» родительного падежа — всецело определяются лексическим содержанием словосочетания, не является, как нам представляется, достаточным основанием для того, чтобы вообще отрицать наличие лексически необусловленных падежных значений. Отдельные неудачные определения «независимого от семантики компонентов словосочетания» падежного значения (ср. «Gen. subjectivus — objectivus» — у Исаченко)[20] не компрометируют весьма плодотворной идеи о существовании наряду с «лексическими» («адвербиальными») падежными «значениями» грамматического значения (или — добавим — значений) падежа и о необходимости их различения[21]. Так, например, наличие в литовском языке четкого противопоставления глагольных сочетаний с родительным падежом сочетаниям тождественного семантического наполнения с винительным достаточно убедительно свидетельствует о том, что различие в значениях родительного и винительного падежей совершенно не зависит от лексического содержания сочетаний, а определяется различием значений, присущих самой падежной форме. Ср., например: Duok pinigų, eisiu gerti! — Kur aš imsiu pinigų? (Jasiukatis) 'Дай денег, пойду пить! — Где я возьму денег?' и: Jei senis mirs, aš paimsiu jo pinigus (Cvirka) 'Если старик умрет, я возьму его деньги'; ...fabrikai perpildyti užsakymų, kas nori — šiandien gali gauti darbo (Cvirka) '...фабрики завалены заказами, кто хочет — сегодня же может получить [какую-нибудь] работу (род. п.)'; Gudaitis Pranuką nuvedė ir jis gavo darbą lentpiūvėje. Tokį darbą galėjo gauti kievienas naujokas... Pranas įsijungė į tą naują darbą. Jis pataikė labai geru laiku gauti darbą lentpiūvėj (Cvirka) 'Гудайтис отвел Пранукаса, и тот получил работу (вин. пад.) на лесопилке. Та-

---

«Dérivation syntaxique et dérivation lexicale» (BSLP, t. 37, 1936), где впервые выдвигаются эти понятия.

[18] См. А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 138—139.

[19] См. соображения М. И. Стеблина-Каменского, основанные на анализе норвежского родительного падежа, в его «Грамматике нервежского языка» (М.—Л., 1957, стр. 47, 48).

[20] Подробнее об этом мы писали в статье «Неглагольные сочетания с родительным падежом в современном литовском литературном языке» (сб. «Славянское языкознание». М., Изд-во АН, 1959, стр. 222).

[21] Ср. указанные работы Ю. Куриловича, А. В. Исаченко.

кую работу (вин. пад.) мог получить каждый новичок... Пранас втянулся в эту новую работу. Он как раз вовремя получил эту работу (вин. пад.), на лесопилке'.

Для установления этого лексически необусловленного падежного значения чрезвычайно важным представляется разграничение, с одной стороны, таких конструкций, в состав которых входит глагол, способный сочетаться с другим падежом для выражения сходного грамматического значения, и которые, таким образом, семантически противопоставляются этим соотносительным конструкциям, и, с другой, — таких, в которых родительный падеж предопределен специальными условиями, делающими невозможным употребление какого-либо другого падежа.

В результате в сфере приглагольного употребления генитива материал распределяется следующим образом.

Непредикативные глагольные сочетания

I. Родительный объекта, противопоставленный винительному.

II. Родительный объекта, непротивопоставленный винительному падежу.

Предикативные глагольные сочетания

I. Родительный «субъекта», противопоставленный именительному падежу.

II. Родительный «субъекта», непротивопоставленный именительному падежу.

Для первого типа непредикативных глагольных сочетаний устанавливается принципиальная возможность сочетания родительного падежа с любым переходным глаголом, доказывающая неправомерность традиционного толкования родительного в этих конструкциях как «Genitiv'a partitiv'a», зависящего от определенных глаголов [22].

Напротив, со стороны именного компонента действуют определенные лексические ограничения: в родительном падеже могут выступать только имена вещественные, собирательные и отвлеченные и предметные существительные множественного числа [23].

Сопоставление рассматриваемых сочетаний с соответствующими конструкциями с винительным падежом (ср. приведенные выше примеры) выявляет в значении тех и других различие, которое состоит в характере представления объектов, противопоставляемых по линии определенности — неопределенности, или (по терминологии Томсона) «предметности» — «вещественности» [при всей своей условности эти названия представляются более уместными, чем традиционный термин Genitivus partitivus, против которого решительно возражал А. И. Томсон. Главное значение его работ, затрагивающих этот вопрос [24], состоит, однако, не в попытке заменить неадекватный термин

[22] Ср. E. Fraenkel. Syntax der litauischen Kasus. Kaunas, 1928, стр. 43: Gen. part. bei bestimmten, meist transitiven Verben.

[23] На это обстоятельство традиционные классификации также не обращают достаточного внимания: так, например, в указанном разделе монографии Френкеля наряду с сочетаниями, о которых идет речь, находим также сочетания с глаголами, действительно обусловливающими своим значением родительный падеж объекта, причем в родительном падеже могут выступать предметные существительные единственного числа, а также местоимения.

[24] См. А. И. Томсон. К синтаксису и семасиологии русского языка. Одесса, 1903; К вопросу о возникновении род.-вин. падежа в славянских языках, АН ИОРЯС, т. XIII, кн. 3, 1908; К вопросу о возникновении род.-вин. падежа

новыми («вещественный», «предметный» объект), а в четком выделении из числа глагольных сочетаний с родительным тех сочетаний, в которых падеж объекта обусловлен связью с определенными глаголами.

Ко второму типу объектных сочетаний относятся следующие группы: 1 — сочетания с глаголами, сложенными с приставками pri-, at-, už-, само значение которых предполагает преимущественную или исключительную связь с «вещественно представляемым объектом»; 2 — сочетания с глаголами определенных лексических групп; 3 — сочетания, в состав которых входит глагол движения + инфинитив переходного глагола; 4 — сочетания с отрицаемыми глаголами.

С точки зрения лексических ограничений первая группа занимает промежуточное положение между типами I и II (определенные глаголы сочетаются с определенными именами). Остальные группы представляют в этом отношении картину, прямо противоположную по сравнению с типом I: глагольный компонент принадлежит к определенной, так или иначе ограниченной группе, в то время как в качестве именного компонента может выступать любое существительное (и местоимение). Ср., например: ir todėl jam reikėsią pačios (Cvirka) '... и поэтому ему будет нужно жены'; visados pakakdavo jo gerai kompanijai pralinksminti 'всегда его было достаточно, чтобы компания развеселилась' (Cvirka)[25].

Анализ сочетаний второго типа приводит к заключению, что родительный падеж выражает здесь лишь общее значение объекта действия, а частные оттенки, обычно выделяемые в качестве особых значений приглагольного родительного и рассматриваемые в одном ряду (иногда под одной рубрикой) с сочетаниями первого типа[26], всецело определяются значением глагольного компонента. Таким образом, значение родительного падежа при глаголах определенных групп (ограниченных в большей или меньшей степени) оказывается тождественным значению винительного падежа. При этом винительный падеж не может, как правило, выступать в том же «синтаксическом окружении» (т. е. в сочетании с теми же глаголами), что родительный падеж. Другими словами, родительный падеж находится по отношению к винительному в «дополнительном (или «комплементарном») распределении». Эти два обстоятельства (функциональное тождество названных двух падежей и факт «комплементарного распределения») являются достаточными для признания родительного падежа в сочетаниях второго типа позиционным (комбинаторным) вариантом вини-

---

в слав. языках. Сходные явления в других языках. Там же, т. XIV, кн. 1, 1909; Родительный-винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках. Там же, т. XIII, кн. 2, 1908.

[25] Эти примеры показывают несостоятельность предлагаемого Э. Френкелем толкования родительного падежа при глаголах «нужды, недостатка, лишения» и при глаголах, выражающих «достаточность», как Genitiv'a partitiv'a (см. указ. соч., стр. 45, § 43), — независимо от того, понимается ли этот термин в плане частичности или в плане неопределенности объекта. Ясно, что в том случае, когда в родительном падеже выступает «предметное» существительное единственного числа или местоимение, представление об объекте, испытывающем действие лишь в какой-то своей части (или о «неопределенном» объекте), является совершенно несообразным.

[26] Ср., например, у Яблонского: «родительный полноты или множественности», «родительный цели», при помощи которого обозначается «искомый или желаемый предмет», «родительный недостатка или отсутствия», которым «обозначаем, чего нам не хватает, недостает, в чем мы нуждаемся, чего нет», «родительный отрицания», «родительный отделения» и под. — наряду с «родительным неопределенности или части», включающим сочетания как первого, так и второго типа (Rygiškių Jono Linksniai ir prielinksniai. В кн. J. Jablonskis. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1957, стр. 576—585, 589—590).

тельного. Следует подчеркнуть, что этот, заимствованный из фонологии термин употребляется здесь в ином смысле по сравнению с тем, какой придает ему в указанной выше работе о русской падежной системе Р. Якобсон, выделяющий «общее значение» падежа и «комбинаторные варианты» этого з н а ч е н и я. В таком виде — обращение к терминологическому арсеналу фонологии не кажется плодотворным, так как соответствующее фонологическое понятие (функционально тождественные, но формально различные элементы) отнюдь не представляет строгой аналогии с его синтаксическим переосмыслением (как нам кажется — в отличие от сопоставления, предлагаемого в настоящей статье).

Предикативные глагольные сочетания с родительным падежом представляют собой некоторую аналогию непредикативным: в сочетаниях типа I (сюда относятся конструкции экзистенциальных и подобных глаголов, а также страдательных причастий среднего рода с родительным падежом, выступающим в роли субъекта действия, точнее, «наличия») родительный в противоположность соотносительному с ним именительному указывает на «неопределенность» или «вещественность» субъекта, в то время как в сочетаниях типа II (сюда относятся конструкции, в состав которых входят те же глаголы с отрицанием) родительный не выражает названного оттенка и представляет собой лишь «комбинаторный вариант» именительного. И все же считать значение «неопределенно представляемого субъекта» самостоятельным падежным значением, вполне равноправным со значением «неопределенно представляемого объекта», по-видимому, нет оснований. Условия проявления первого значения гораздо более специальны, чем условия проявления второго значения: значение «субъекта» может выражаться родительным падежом лишь в сочетаниях с весьма ограниченной группой глаголов (и страдательных причастий среднего рода). При этом специфика семантики этих глаголов (и данной глагольной формы) состоит в том, что они не обозначают активного действия, так что значение «субъекта» в данных сочетаниях может сближаться со значением объекта. Значение «субъекта» представляется, таким образом, подчиненным, «вторичным» (ср. употребление этого термина у Куриловича, Исаченко, Хейнца) по отношению к объектному значению родительного.

Таким образом, многозначность приглагольного генитива оказывается мнимой [27].

Изучение неприглагольного родительного падежа, имеющего в литовском языке, как это отмечалось выше, чрезвычайно широкую область синтаксического распространения [28], с еще большей наглядностью демонстрирует бесплодность выделения в качестве самостоятельных падежных значений тех «значений», которые зависят от лексики.

---

[27] Все сказанное не следует понимать в том смысле, что сочетания, в которых появление данного падежа обусловлено принадлежностью основного компонента к ограниченной в той или иной степени группе, представляются нам объектом, недостойным внимания исследователя падежного синтаксиса. Напротив, подобно тому, как при описании фонологической системы требуется определение всех вариантов фонемы во всем их конкретном многообразии и точное определение всех позиций, в которых может выступать тот или иной комбинаторный вариант, так и при исследовании синтаксиса определенного падежа, в частности родительного, необходимо всестороннее описание всех частных употреблений падежной формы и выявление условий ее функционирования. Решительные возражения, однако, вызывает широко распространенное недифференцированное рассмотрение «свободных» и лексически ограниченных со стороны основного компонента сочетаний и (иногда связанное с этим) выделение произвольного числа «значений», якобы присущих падежной форме.

[28] См. сноску 4 к стр. 254.

Попытки выведения отношения между компонентами именного генитивного словосочетания из их сколько-нибудь обобщенной лексической характеристики становятся иногда неплодотворными уже не из-за «тавтологичности» или «избыточности» такого способа (как в сфере приглагольного употребления родительного)[29], а напротив — из-за его недостаточности, так как в ряде случаев представляется невозможным определить регулярное и закономерное соответствие общего значения сочетания семантике составляющих его членов.

Так, например, даже очень частная лексическая характеристика компонентов таких сочетаний, как Cvirkos knyga 'книга Цвирки', Šyvio kiemas 'двор Шивиса', daktaro vaistas 'лекарство доктора' и т. п., не дает сама по себе оснований для однозначного определения отношения между соответствующими «референтами», так как первое может означать «книга, принадлежащая Цвирке», и «книга, написанная Цвиркой», (или «книга, о которой рассказывал Цвирка», и т. п.), второе — «двор, принадлежащий Шивису», «двор, в котором родился Шивис», «двор, в котором живет Шивис» и т. п., третье — «лекарство, имеющееся у доктора», и «лекарство, которое посоветовал доктор», и т. п.

Даже в сочетаниях с «относительными» именами (типа sūnus 'сын', draugas 'друг' и т. п.), в самом значении которых заложено указание на соответствующее отношение, родительный падеж может обозначать не только «лицо или предмет, по отношению к которому предмет, обозначенный вторым компонентом, есть то, что́ он есть», но и иметь другие значения. Ср., например: kudikystes draugas 'друг детства', mokslo draugai 'друзья науки', 'друзья по студенчеству' и 'коллеги', krikštų sūnus 'крестный сын' и т. п.

Сказанное относится и к сочетаниям родительного падежа с Nomina actionis, в которых принадлежность сочетающегося с генитивом слова к названиям отвлеченно представляемого действия не только не дает возможности определить, какое из двух наиболее вероятных значений («Gen. objectivus» или «Gen. subjectivus») выражается родительным падежом[30], но и допускает выражение иного соотношения между соответствующими субстанциями, определяемого более частной лексической характеристикой. Ср., например: kalėjimo lektūra 'чтение [во время] заключения', laukų darbuose 'в полевых работах' (букв. 'в работах полей'); Lietuvos valstietis pradeda gyventi naują. . . kolūkio gyvenimą 'крестьянин Литвы начал новую. . . жизнь [определяющуюся наличием] колхоза' и т. п.

---

[29] Речь идет о выделении таких значений, как значение «искомого», «желаемого», «просимого», «избегаемого», «достаточного», «недостающего» и т. д. объекта, выражаемых родительным падежом в сочетании с глаголами «искания», «желания», «просьбы», «избегания», «достатка», «недостатка» и т. д. соответственно (см. выше стр. 259). Очевидно, что подобное «определение» падежных значений столь же неэкономно, как, скажем, утверждение о том, что разновидностью общего значения сочетаний *прилагательное + существительное* («предмет и его качество») является значение «предмет и его цвет», которое выступает в сочетаниях с прилагательными, являющимися названием цвета.

[30] Об этом см. подробнее статью автора «Неглагольные сочетания с родительным падежом. . .» (стр. 222—223). К сказанному там, следует, впрочем, добавить, что при одновременном наличии Genitiv'a obj. и Genitiv'a subj. наблюдаются определенные формальные различия между названными категориями, а именно: возможность постпозиции Genitiv'a obj. [ср., например, Didžiosios. . . idėjos likvidavo žmogaus (Gen. subj.) išnaudojimą kito žmogaus (Gen. obj.) (Tilvytis) 'Великие. . . идеи уничтожили ликвидацию человека человеком'; . . . Rosijos ūkininkų (Gen. subj.) geidavimas žemės (Gen. obj.) (Gudaitis-Guzevicius) '. . . потребность в земле российских земледельцев'] и дистантность субъектного при контактности объектного родительного в случае препозиции того и другого [ср., например: . . . toks geras kumečių (Gen. subj.) jo išvaizdos (Gen. obj.) įvertinimas (Cvirka) '. . . такая высокая оценка его внешности батраками'].

Имеется очень много примеров именных генитивных сочетаний, обычно не учитываемых даже очень дробными классификациями приименного употребления родительного. Поэтому вряд ли имеет смысл выделять какое-то число специальных значений, определяющихся лексикой компонентов сочетания, так как они могут создать впечатление «numeri clausi», что никак не соответствует действительности.

Весьма красноречивым свидетельством зыбкости и субъективности традиционных классификаций «по смыслу» является, например, неизменно присутствующий в описаниях значений литовского генитива «родительный происхождения», которым разные авторы называют родительный в сочетаниях совершенно различных структурно-семантических типов[31].

«Элиминация лексики», т. е. выделение в качестве самостоятельных типов только таких сочетаний, различия между которыми поддавались бы специальной грамматической характеристике, как кажется, дает возможность преодолеть произвольность и неизбежную неполноту традиционных классификаций с приименным родительным. Если исходить из невозможности выражения разных падежных значений грамматически тождественными сочетаниями, то в качестве особых типов употребления неприглагольного родительного можно выделить лишь следующие:

1. Сочетания с «родительным общеопределительным» («собственно родительным», по терминологии Гроота). Структурная характеристика: существительное + препозитивный род. падеж. Значение: предмет, характеризуемый любым мыслимым отношением к другому предмету (названному в родительном). Сюда относятся сочетания самого разнообразного лексического состава, отражающие самые разнообразные реальные отношения между предметами и явлениями действительности. Ср., например: Marcinkevičius gimė 1900 m. gruodžio mėnesio 26 d. darbininko geležinkeliečio šeimoje. Per savo penkiasdešimt dvejus amžiaus metus jis nuėjo sudetingą gyvenimo kelią. Kaip ir visi ano meto darbo žmonių vaikai, sulaukęs piemens amžiaus, M. vasarą ganė buožių gyvulius, o žiemos metu mokėsi Radviliškio geležinkeliečių mokykloje, kurios keturias klases baigė 1914 m. Toliau prasidėjo gyvenimo mokykla (Šimkus) 'М. родился 26 числа месяца декабря 1900 г. в семье рабочего-железнодорожника. За свои 52 года жизни он прошел сложный жизненный (род. п.) путь. Как и все дети людей труда того времени, достигнув возраста пастуха, М. летом пас стада кулаков, а в зимнее (род. п.) время учился в Радвилишской (род. п.) школе железнодорожников, четыре класса которой он окончил в 1914 г. Дальше началась школа жизни', и мн. др.

2. Сочетания с «родительным качественным» (так называемый «Gen. qualitatis»). Структурная характеристика: существительное + + род. падеж существительного с определением. Значение: предмет, отличающийся от других предметов данной категории степенью или характером определенного признака. Ср. Fabrike tą vidutinio amžiaus, malonaus veido ir linksmų akių vyrą visi vadino Antanu (Dovydaitis) 'На фабрике этого среднего возраста, приятного лица и веселых глаз мужчину все называли Антанасом' и под.

3. Сочетания с «родительным выделительным» (Gen. partitivus sensu stricto). Этот тип объединяет несколько групп сочетаний, каждая из которых поддается специальной грамматической характеристике; общим моментом структурной характеристики этих групп яв-

---

[31] См. подробнее указ. статью автора в сб. «Славянское языкознание» (М., 1959, стр. 222).

ляется то, что в родительном падеже выступает имя в форме множественного числа. Основное значение: часть, выделяемая из определенного (однородного) целого. Производное значение: усиление признака, заключенного в значении основного компонента (или количественное усиление). Примеры: su vienu tų baronų (Cvirka) 'с одним из тех баронов'; balčiausią ir gražiausią mano balandžių (Cvirka) 'самого белого и самого красивого из моих голубей'; baisių baisiausiomis kankynėmis (Vienuolis) 'страшнейшими из страшных муками'; ubagų ubagas (Gud.-Guz.) 'нищий из нищих'; lizdų lizdais (Cvirka) 'множеством гнезд' (букв. 'гнездами гнезд') и др.

4. Сочетания с «родительным деятеля» (Gen. auctoris). Структурная характеристика: страдательное причастие + род. падеж. Значение: признак или действие и его источник или производитель. Ср. Liliuojama vežimo, ji stebėdavo dangų, apimtą gaisrų pašvaiščių (Cvirka) 'Убаюкиваемая телегой (род. пад.), она смотрела на небо, объятое отблесками (род. п.) пожаров'; Žiurėkit, kaip ponų gyventa! (Gud.-Guz.) 'Смотрите, как паны (род. п.) жили («страд». прич.)'.

5. Сочетания с «родительным количественным». Структурная характеристика: числительное, наречие или существительное + постпозитивный род. падеж. Значение: предмет (названный в родительном!), определяемый с количественной стороны. Ср.: į gatvę, kurioje buvo nemaža smulkių įstaigų: desėtkas ar daugiau saliūnų, keletas mėsinių, pora aiskryminių, keletas barbernių. (Mizara) 'на улицу, на которой было немало мелких учреждений: десяток или больше закусочных, несколько мясных, пара мороженых, несколько цирюлен...'

6. Сочетания с «родительным содержания признака». Структурная характеристика: прилагательное + род. падеж. Значение: признак, ограниченный указанием предмета, в отношении которого данный признак действителен. Например: į pilną vandens klaną (Cvirka) 'в полную воды лужу'; nevertą tų kelių žodžių moteriškę (Cvirka) 'женщину, недостойную тех нескольких слов', и др.

7. Сочетания с «родительным объекта состояния». Структурная характеристика: безличный предикатив + род. падеж. Значение: состояние, ограниченное указанием сферы действия. Например: ir gaila jam pasidarė Veronikos (Vienuolis) 'и сделалось ему жалко Вероники'; lyg ir nebebaisu kolchozų (Avižius) 'как будто и не страшно больше колхозов' и пр.

8. Сочетания с «маргинальным» родительным. Структурная характеристика: препозитивный родительный падеж, относящийся не к какому-либо отдельному члену предложения, а целиком к предикативному сочетанию именительного падежа с нормально предшествующим ему (т. е. отделяющим его от родительного) глаголом или прилагательным (между родительным и сочетанием именительного падежа с прилагательным может находиться глагол-связка, в настоящем времени обычно отсутствующий, а при эмфазе — усилительный союз ir; в последнем случае именительный падеж предшествует прилагательному). Значение: констатация какого-либо явления (действия, наличия или наличия определенного свойства предмета, названного именительным падежом) и отнесенность этого явления к предмету (обычно — лицу), названному в родительном. Примеры: senio drebėjo ranka, laistėsi degtinė 'у старика дрожала рука, разливалась водка'; tą naktį namų šeimininkės gimęs vaikelis 'в ту ночь у хозяйки родился ребенок'; ... moteriškės buvo toks piktas žvilgsnis... '... у женщины был такой злой взгляд...'; mūsų laiku, tėve, kitokia dvasia 'нашему времени (род. пад.), отец, присущ иной дух'; manau,

kad tų juodukų ir kaulai juodi 'думаю, что у этих цветных и кости черные' и т. п.

Следует еще раз подчеркнуть, что хотя выделенные категории употребления не являются однородными с точки зрения лексических ограничений (ср. «собственно родительный», модель которого допускает в принципе любое лексическое наполнение или родительный при страдательном причастии, с одной стороны, а с другой — родительный «объекта признака» и «объекта состояния», выступающий лишь в сочетании с весьма ограниченной группой прилагательных и безличных предикативов), все они представляют собой грамматические категории употребления, так как основой их выделения во всех случаях была возможность подвергнуть каждый тип специальной грамматической характеристике (которой в некоторых случаях должна была сопутствовать и лексическая характеристика).

Поэтому объем и содержание некоторых категорий не совпадает с традиционными классификациями, выделяющими в ряде случаев те же рубрики.

Так, например, иное (более определенное) содержание вкладывается в традиционный термин «Genitivus qualitatis». Как видно из семантической и структурной характеристики сочетаний, относимых к данному типу, в него не включаются такие, например, сочетания, как darbo liaudis 'трудовой народ' ('народ труда'), mokslo jaunimas 'студенчество' ('молодежь науки'), meilės pasimatymas 'любовное свидание' и прочие, широко распространенные в литовском языке конструкции (важно отметить, что отсутствие определения при родительном падеже не является единственным отличием подобных сочетаний от сочетаний, относящихся к рассматриваемому типу — ср. возможность обособления, возможность предикативной связи компонентов, потенциальная возможность дистантного положения род. падежа). «Поправка» Френкеля к замечанию Дельбрюка о невозможности употребления Gen. qualitatis без атрибутивных определений не представляется, с этой точки зрения, уместной[32].

Только для «собственно выделительного» значения (ср. у Рену: «génetif proprement partitif») употребляется термин «Genitivus partitivus», который у многих исследователей обнимает структурно (и семантически) различные типы сочетаний[33].

Употребление термина «Genitivus auctoris» связано с вполне определенной грамматической характеристикой соответствующих сочетаний[34], которые Э. Френкель, очевидно, исходя из их предполагаемого происхождения, относит к «разновидностям Genitiv'a possesiv'a». Совершенно ясно, что, каково бы ни было действительное происхождение родительного при страдательных причастиях, нет никаких оснований при синхронном анализе квалифицировать его таким образом. Безличные обороты, в которых родительный падеж выступает в качестве названия субъекта действия, выраженного «страдательным» причастием от непереходного глагола, с особенной очевидностью показывает необоснованность такой трактовки.

Необходимым представлялось выделение в качестве особого типа употребления сочетаний с постпозитивным «родительным количественным», которые Э. Френкель, не обращая внимания на структурное

---

[32] E. Fraenkel. Указ. соч., стр. 90.

[33] Ср. там же, стр. 43—45.

[34] Ср. употребление этого термина по отношению к родительному, выражающему «принадлежность данного произведения определенному автору» (Thälmanns Rede, Schillers Gedichte, Goethes «Faust»), в немецком языке у В. Г. Адмони (Введение в синтаксис современного немецкого языка. М.. 1955, стр. 292).

различие (порядок следования компонентов), объединяет с сочетаниями, в состав которых входит препозитивный родительный падеж, одинаково выражающими, по его мнению, партитивное значение (ср. специальную рубрику «kiekybės kilmininkas» у И. Яблонского[35], к которой, впрочем, отнесены не вполне однородные конструкции). Сопоставление сочетаний тождественного лексического наполнения, различающихся только позицией родительного падежа, достаточно ярко свидетельствует об особом значении постпозитивного родительного, определяющимся именно его положением и независящим, с другой стороны, от принадлежности семантически однородных слов, сочетающихся с ним, к разным частям речи[36].

Целесообразным казалось также выделение сочетаний с родительным, названным нами «маргинальным», которые до сих пор не обращали на себя внимание исследователей литовского падежного синтаксиса. Между тем своеобразие соответствующих конструкций (ср. приведенные примеры) не подлежит сомнению и, как кажется, безусловно является синтаксически «релевантным».

«Собственно родительный» объединяет многочисленные «значения» приименного генитива («родительный владения», «родительный целого», «родительный материала», «родительный содержания», «родительный носителя признака» и т. п.), так как все они выражаются грамматически тождественными сочетаниями и полностью зависят от принадлежности компонентов сочетания к тому или иному лексическому классу.

Различия между этими сочетаниями могут быть вскрыты только за пределами собственно структурного анализа. Будучи выражением разнообразных отношений между двумя предметами, сочетания с приименным родительным, естественно, по-разному соотносятся с другими, выражающими те же отношения, но не тождественными им по структуре и по составу конструкциями. Поэтому различие в их «значении» в некоторых случаях более или менее определенно может быть связано и с известными формальными категориями. Формальное различие между этими словосочетаниями может быть найдено только на основе их трансформации в другие, так или иначе соотнесенные с ними конструкции[37]. Так, конструкции типа Jono žemė («Gen. possessivus» традиционных грамматик) могут быть соотнесены с конструкциями типа Jonas turi žemę.

Рассматривая возможность замены существительных в данных конструкциях местоимениями, мы обнаруживаем также ту их особенность, что в отличие от других сочетаний с приименным родительным, они допускают указанную замену в отношении обоих членов: не только Jono žemė — jo žemė, но также и ji yra Jono, ji yra jo. Ср.: ... jei upė bus suvaldyta, tada ji bus jų (Dovydaitis) '... если реку победят, она будет их'.

---

35 Rygiškių Jonas. Указ. соч., стр. 576.

36 Такое сопоставление проводится в указанной выше статье «Неглагольные сочетания с родительным падежом...», стр. 228—300; см. также статью автора «О сочетаниях с родительным падежом в современном литовском литературном языке» в сб. «Lietuvių kalbotyros klausymai», II. Vilnius, 1959, стр. 93—94.

37 Общие принципы трансформационного анализа синтаксических конструкций были выдвинуты в последнее время американским лингвистом З. С. Харрисом и Н. Хомским. См.: Z. S. Harris. Cooccurrence and Transformation in Linguistic Structure. «Language», V. 33, № 3, 1957, 283—340; N. Chomsky. Syntactic Structures. The Haag, 1957; ср. подробную рецензию Р. Б. Лиза на книгу Н. Хомского «Language», Vol. 33, № 3, 1957, стр. 375—408. Ср. также конкретное применение этого метода при анализе конструкций с творительным падежом в русском языке (D. S. Worth. Transform Analysis of Russian Instrumental Constructions. «Word», Vol. 14, № 2—3, 247—290).

«Gen. objectivus» и «Gen. subjectivus» отграничены путем сопоставления сочетаний типа Jono ilgesys ('тоска по Йонасу' и 'тоска Йонаса') с конструкциями *X* (им. пад.) ilgisi Jono (род. пад.) и Jonas (им. пад.) ilgisi *X* (род. пад.) и т. д. Однако значения субъекта и объекта в данном случае вскрываются только в результате выхода за пределы самой конструкции. Применение трансформационного метода в подобных случаях могло бы вернуть нас к своего рода переиначенной «логико-семантической» же классификации, на преодоление недостатков и произвольности которой этот метод в основном и направлен[38].

Трансформационный анализ позволяет выделить в особую группу сочетания типа gruodžio mėnuo (букв. 'месяц декабря'), Vilniaus miestas (букв. 'город Вильнюса') и под. (так называемый «Gen. identitatis» или «Gen. appositivus»), т. е. сочетания, выражающие отношение видового понятия к родовому. Трансформация (по формуле: $S^1_g S^2_n \rightarrow S^1_n$) возможна здесь в пределах самой конструкции, т. е. основана на синтаксической однозначности (во всех возможных контекстах) таких обозначений, как Vilniaus miestas и Vilnius; gruodžio mėnuo и gruodis и под.

Особую группу представляют собой с этой точки зрения сочетания типа ežerų veidrodis «зеркало озер». Так же как и сочетания предыдущей группы, они семантически являются «мнимо-двучленными» конструкциями; но в отличие от первых, в которых соотношение компонентов строится на основе как бы «логического анализа» понятия (отнесение видового понятия к родовому), здесь мы имеем дело с «метафорическим» слиянием двух членов поэтического сравнения. Грамматически определяемый член (существительное в именительном падеже) является семантическим «определением» (эпитетом) грамматически зависимого члена (существительного в родительном падеже). Возможность трансформации, аналогичной предыдущей (ežerų veidrodis → ežerai), сочетается здесь с возможностью «разложения» метафоры на объединенные в ней члены сравнения при помощи союзов kaip, tarytum, kaip ir, lyg.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Изучение синтаксиса литовского генитива — особенно в сфере его приименного употребления — весьма наглядно показывает недостатки традиционных классификаций этого падежа, характеризующихся неизбежной неполнотой и субъективизмом при выделении тех или иных падежных «значений».

2. Наиболее плодотворным — во всяком случае при классификации данного падежа — представляется принцип обязательного структурного различия между соответствующими сочетаниями, как необходимого и достаточного основания для выделения отдельных «категорий употребления» исследуемого падежа.

3. Результатом применения этого принципа к исследованию употребления литовского генитива явилась «дискриминация» большинства «значений», приписываемых данному падежу традиционными классификациями, как полностью определяющихся лексикой компонентов словосочетания — с одной стороны, и с другой — более дифференцированное описание его функционирования, чем это представлялось воз-

[38] Ср. отдельные случаи подобных «логико-семантических», по существу, трансформаций в указанной работе D. S. Worth (например, на стр. 281, 282, 286).

можным тем исследователям, которые считали, что, отказавшись от «лексического» подхода к классификации употребления родительного падежа, можно дать его значению лишь такое бессодержательное определение, как, например, «родительность»[39].

4. Еще более детальное описание, по-видимому, возможно на основе применения недавно предложенных принципов «трансформационного» анализа, методика которого еще требует, впрочем, дальнейших уточнений.

---

[39] См., например, замечания М. И. Стеблина-Каменского (Указ. соч., стр. 48)

П. Н. ПЕРЕВОЩИКОВ

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ СВЯЗИ ИМЕН В ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

В удмуртском языке широко распространены определительные словосочетания имен, соединенных формами притяжательной связи, для обозначения отношений принадлежности, которые характеризуются большим разнообразием.

В работах по удмуртскому языку притяжательные формы связи слов или совсем не рассматриваются или же ошибочно описываются как формы согласования[1]. Между тем притяжательные формы связи слов отличаются существенными признаками от других форм связи (примыкания, согласования, управления).

Для выяснения специфики притяжательных форм словосочетания имен необходимо рассмотреть их в связи и в сравнении с другими формами соединения слов. Определительные словосочетания имен, соединенных формами притяжательной связи, отличаются прежде всего от определительных словосочетаний, образуемых способом примыкания, т. е. от таких словосочетаний, в которых совсем отсутствуют морфологические признаки соединения слов. Если первые имеют специальное оформление связи определения с определяемым именем, то у вторых единственным показателем смысловой связи указанных членов словосочетания является порядок слов. Ср., например, словосочетания *колхозлэн ваньбурез* 'имущество колхоза' и *колхоз ваньбур* 'колхозное имущество' (букв.: 'колхоз имущество'). В словосочетании *колхозлэн ваньбурез* оба члена словосочетания имеют формы взаимной связи, а в словосочетании *колхоз ваньбур* связь определяющего имени с определяемым именем морфологически не выражена.

Определительные словосочетания двух имен существительных, образованные притяжательными формами связи, по содержанию совпадают с определительными словосочетаниями существительных, связанных между собой посредством примыкания. Так, определительные словосочетания типа *колхозлэн машинаез* 'машина колхоза', *атаслэн бурдэз* 'крыло петуха', *йыдылэн куроез* 'солома ячменя' свободно могут быть употреблены в качестве синонимов по отношению к определительным словосочетаниям типа *колхоз машина* 'колхозная машина', *атас бурд* 'петушиное крыло', *йыды куро* 'ячменная солома'.

---

[1] См., например, грамматику А. В. Конюховой «Удмурт кыл грамматика, синтаксис» (Изд. 1, Ижевск, 1940; 4-е — 1953).

Как примеры словосочетаний первого типа, так и примеры словосочетаний второго типа выражают, в основном, одинаковые отношения принадлежности, но все же не адекватные. Между этими двумя формами определительных словосочетаний имен различие по содержанию довольно тонкое. Словосочетание *колхоз машина* 'машина колхоза' обозначает принадлежность машины колхозу, но не определенному колхозу, не конкретному обладателю, а колхозу вообще, лишь в противоположность указанию принадлежности машины другого рода обладателю. Поэтому, чтобы точнее передать на русском языке содержание этого примера, необходимо его перевести словосочетанием 'колхозная машина', а не 'машина колхоза'.

Иной оттенок значения имеет словосочетание *колхозлэн машинаез* 'машина колхоза'. Это словосочетание показывает принадлежность машины определенному колхозу, конкретному обладателю. Поэтому определительное словосочетание *колхозлэн машинаез* закономерно легко сочетается с указательным местоимением или собственным именем, как конкретным названием обладателя, например: *та колхозлэн машинаез* 'машина этого колхоза', *«Луч» колхозлэн машинаез* 'машина колхоза «Луч»'. Такое же различие в оттенках значений мы наблюдаем и между приведенными словосочетаниями *атас бурд*, *йыды куро*, с одной стороны, и словосочетаниями *атаслэн бурдэс*, *йыдылэн куроез*, — с другой.

Таким образом, с точки зрения содержания определительные словосочетания имен существительных, соединенных формами притяжательной связи, отличаются от соответствующих определительных словосочетаний, образованных посредством примыкания, тем, что выражают отношения конкретной принадлежности, категорию определенности.

Притяжательная форма связи слов отличается и от формы согласования. При сочетании имен посредством согласования мы наблюдаем одностороннюю обусловленность оформления связи. Согласуемая форма определения обусловлена формой определяемого имени, а форма определяемого имени не испытывает влияния со стороны формы определения. В таких словосочетаниях, как *тодмоез дышетӥсь* 'знакомый учитель', *тодмозэ дышетӥсез* 'знакомого учителя', *тодмоезлэн дышетӥсьлэн* '(у) знакомого учителя', *тодмоезлэсь дышетӥсьлэсь* '(от) знакомого учителя', *таизлы дышетскисьлы* 'этому ученику', *таиныз дышетскисен* '(с) этим учеником', *соизтэк дышетскисьтэк* 'без того ученика', *соосыз дышетскиьёс* 'те ученики', *соосызлэн дышетскисьёслэн* '(у) тех учеников', *соосызлэсь дышетскисьёслэсь* '(от) тех учеников', *соосызлы дышетскисьёслы* 'тем ученикам' и т. д. формы числа и падежа определяющих имен зависят от формы числа и падежа определяемых имен, но не наоборот.

Иное оформление связи имен мы находим в таких словосочетаниях, как *мынам пие* 'мой сын', *тынад пиед* 'твой сын', *солэн пиез* 'его сын'; *милям пимы* 'наш сын', *тӥляд пиды* 'ваш сын', *соослэн пизы* 'их сын'; *бускельлэн ивортэмез* 'сообщение соседа'. *бускельёслэн ивортэмзы* 'сообщение соседей', *бускельёслэн ивортемъёссы* 'сообщения соседей'. В этих сочетаниях мы видим не одностороннюю обусловленность формы определения формой определяемого имени. В каждом из последних примеров оба члена словосочетания (и определение и определяемое имя) связаны между собой грамматически взаимообусловленными формами. Форма определения обусловлена грамматической функцией определяемого имени (подробнее об этом ниже). Кроме того, она обусловлена принадлежностью предмета, обозначаемого определяемым именем, тому или иному лицу. В свою очередь и форма определяемого имени не безразлична здесь по отношению к форме

определения. Определяемое имя принимает притяжательный суффикс того или иного лица и числа в прямой зависимости от формы определения, в зависимости от того, выражено ли определение родительным падежом существительного единственного числа (*бускельлэн ивортэмез*) или родительным падежом существительного множественного числа (*бускельёслэн ивортэмзы*), в зависимости от того, выражено ли определение родительным падежом местоимения первого лица (*мынам уже* 'моя работа', *милям ужмы* 'наша работа') или родительным падежом местоимения второго лица (*тынад ужед* 'твоя работа', *тӥляд ужды* 'ваша работа') или же родительным падежом местоимения третьего лица (*солэн ужез* 'его работа', *сооcлэн ужзы* 'их работа').

Определение, соединяющееся с определяемым именем посредством связи согласования, может уподобляться определяемому имени в форме любого падежа единственного и множественного числа. Иначе говоря, в какой бы падежной форме единственного или множественного числа ни выступало определяемое имя, ту же форму принимает и согласуемое определение. А определение, соединенное с определяемым именем посредством притяжательной связи, может иметь лишь форму родительного или разделительного падежа (*вуколэн липетэз выль* 'крыша мельницы новая' — определение в форме родительного падежа; *вуколэсь липетсэ воштӥзы* 'крышу мельницы сменили' — определение в форме разделительного падежа). Иных падежных форм определение, соединяющееся с определяемым именем посредством притяжательной связи, не принимает.

Уместно отметить здесь, что в определительном словосочетании, члены которого соединяются посредством притяжательной связи, определение в форме разделительного падежа употребляется в том случае, когда определяемое имя выступает в функции прямого дополнения, например: *Помещикъёслэсь музъемъёссэс государство талаз но куанер крестьянъёслы сётъялляз* (М. Лямин. Шудбур понна). 'Земли помещиков государство конфисковало и роздало бедным крестьянам'. Если же определяемое существительное, оформленное притяжательным суффиксом, выступает в другой функции, например в функции подлежащего или косвенного дополнения, то определение при нем принимает форму родительного падежа, например: *Колхозлэн пудоез возь вылын ветлэ* 'Скот колхоза пасется на лугу'; *Солэн кичӧлтэмезъя колхозникъёс ёмышо сад будэтыны кутскизы* (И. Гаврилов. Фельдшер). 'По его примеру колхозники начали выращивать плодовый сад'; «*Калык понна, калыклэн шудбурез понна кулыны кышкыт ӧвӧл...*» — *вазиз Максим Микол* (М. Лямин. Шудбур понна) '«Ради народа, ради счастья народа умереть не страшно...» — сказал Николай Максимов'.

Определительное словосочетание, образованное формой согласования имен, свое лексико-грамматическое содержание может выражать лишь посредством участия обоих членов (определяемого существительного и определения), тогда как содержание определительного словосочетания имен, соединенных притяжательной формой, может быть выражено и одиночным существительным, оформленным притяжательным суффиксом.

Отношение принадлежности, являющееся содержанием словосочетаний типа *мынам эше* 'мой друг', *тынад книгаед* 'твоя книга', *солэн киыз* 'его рука', имеет двойное выражение. Это отношение выражено, во-первых, притяжательным суффиксом определяемого существительного, во-вторых — определением. Поэтому приведенные здесь словосочетания *мынам эше*, *тынад книгаед*, *солэн киыз* в переводе на русский язык буквально означают 'мой друг мой', 'твоя книга твоя'. 'его рука его'. Здесь мы видим своеобразное проявление плеоназма. Вследствие

того, что притяжательный суффикс определяемого имени отмечает то же самое, что и определение, выраженное отдельным словом, имеется возможность обозначать соответствующие отношения принадлежности одним существительным, имеющим притяжательную форму. Так, содержание приведенных словосочетаний *мынам эше*, *тынад книгаед*, *солэн ужез* можно выразить и с опущением определений, т. е. одними существительными, оформленными притяжательными суффиксами: *эше* 'мой друг', *книгаед* 'твоя книга', *киыз* 'его рука'.

Вот примеры на возможность употребления вместо определительного словосочетания одиночного существительного, имеющего притяжательную форму: ...*Ӟеч лу, вордскем шаере!* (Т. Архипов. Лудӟи шур дурын) 'До свидания, моя родная сторона!' *Таня мешокъёссэ ӝог гинэ брезентэн шобыръяз* (там же) 'Таня быстро покрыла свои мешки брезентом'. Здесь в первом предложении из сочетания *мынам вордскем шаере* 'моя родная сторона' опущено определение *мынам*, а во втором предложении из словосочетания *аслэсьтыз мешокъёссэ* 'свои мешки' опущено определение *аслэсьтыз*.

Таким образом, различие между определительным словосочетанием, в котором определение связано с определяемым существительным формой согласования, и определительным словосочетанием, в котором определение соединяется с определяемым существительным формами притяжательной связи, заключается в совокупности признаков:

1. В определительном словосочетании первого способа образования обнаруживается односторонняя обусловленность формы определения формой определяемого. А в определительном словосочетании второго способа образования имеет место двусторонняя, т. е. взаимная обусловленность форм определения и определяемого.

2. В словосочетании первого способа образования определение может быть употреблено в любой падежной форме в зависимости от формы определяемого имени. А в словосочетании второго способа образования определение может иметь лишь форму родительного или разделительного падежа.

3. В определительных сочетаниях первого способа образования присутствуют всегда оба члена словосочетания. В определительных же сочетаниях второго способа образования определение может быть опущено, и содержание целого словосочетания может быть выражено одним существительным, имеющим притяжательную форму.

Определительные словосочетания имен в удмуртском языке образуются, как известно, и посредством связи управления, например: *нюрысь турын* 'болотная трава' (букв.: 'из болота трава'), *висёнлэсь эмъюм* 'лекарство от болезни', *лудысь кызьпуос* 'полевые березы' (букв.: 'из поля березы'), *портын ужасьёс̈* 'портовые рабочие' (букв.: 'в порту рабочие (работающие)'), *губиен шыд* 'грибной суп' (букв.: 'с грибами суп'), *чорыген нянь* 'рыбный пирог' (букв.: 'с рыбой хлеб') и т. д. Приведенные определительные словосочетания имен образованы способом управления со стороны определяемых имен различными косвенными падежами существительных-определений.

В отличие от определительного словосочетания, в котором определяемое имя и определение соединяются взаимообусловленными формами притяжательной связи, в определительных сочетаниях, образованных связью управления, как показывают примеры, проявляется лишь односторонняя обусловленность падежной формы определения.

Таким образом, определительные словосочетания имен, члены которых соединяются взаимообусловленными формами притяжательной связи, отличаются существенными признаками не только от определительных сочетаний, образованных посредством примыкания, но и от

определительных сочетаний имен, члены которых связаны между собой как формами согласования, так и формами управления.

Как видно из ранее приведенных примеров, первый член определительного словосочетания, образованного формами притяжательной связи, может быть выражен не только именем существительным, но и местоимением. Второй же член словосочетания обычно выражается существительным.

Имя существительное, употребленное в качестве первого члена рассматриваемого словосочетания, обусловливает обязательность оформления второго члена притяжательным суффиксом третьего лица. При этом указанный суффикс имеет различные варианты, определяемые формами числа существительного — первого члена словосочетания и существительного — второго члена словосочетания, ср.: *колхозлэн машинаез* 'машина колхоза', *колхозъёслэн машиназы* 'машина колхозов', *колхозлэн машинаосыз* 'машины колхоза', *колхозъёслэн машинаоссы* 'машины колхозов'. Здесь первая форма образования определительного словосочетания обозначает принадлежность одного предмета одному обладателю. Вторая форма выражает принадлежность одного предмета нескольким обладателям. Третья форма образования словосочетания обозначает принадлежность нескольких предметов одному обладателю. И, наконец, четвертая форма выражает принадлежность нескольких предметов нескольким обладателям.

Если при определяемом существительном имеется послелог, то притяжательным суффиксом может оформляться этот послелог, например: *Бадяр Петыр Лелилэн шайгу вылаз пужым мерттйз* (М. Лямин. Шудбур понна). 'Петр Бадяров посадил сосенку на могилу Лели'. В определительном словосочетании *Лелилэн шайгу вылаз* 'на могилу Лели' притяжательным суффиксом третьего лица оформлен послелог *вылаз* 'на'. Но содержание словосочетания не меняется, если притяжательным суффиксом оформить не послелог, а существительное: *Лелилэн шайгуэз вылэ* 'на могилу Лели'.

Первый член определительных словосочетаний, образованных формой притяжательной связи (определение), может быть выражен не всяким местоимением. В роли первого члена рассматриваемых словосочетаний обычно выступают местоимения следующих групп: 1) личные, употребляемые: а) в разделительном падеже в значении притяжательных местоимений (*мынам* 'мой', *тынад* 'твой', *солэн* 'его', *милям* 'наш', *тйляд* 'ваш', *соослэн* 'их', б) в разделительном падеже (*мынэсьтым пиме* 'моего сына', *тынэсьтыд пидэ* 'твоего сына', *солэсь пизэ* 'его сына', *милесьтым пимес* 'нашего сына', *тйлесьтыд пидэс* 'вашего сына', *соослэсь пизэс* 'их сына'), 2) притяжательное местоимение *ас*- 'свой, своя, своё, свои', 3) усилительно-притяжательные (*аслам* 'мой собственный', *аслад* 'твой собственный', *аслаз* 'его собственный', *асьмелэн* 'наш собственный', *асьтэлэн* 'ваш собственный', *асьсэлэн* 'их собственный').

Притяжательное местоимение *ас* 'свой, своя, своё' сочетается с определяемым существительным, снабженным лично-притяжательным суффиксом, в единственном числе в своей основной форме, т. е. в форме *ас* (*ас уже* 'своя работа + моя', *ас ужед* 'своя работа + твоя', *ас ужез* 'своя работа + его, ее'), а во множественном числе — в формах *асьме*, *асьтэ*, *асьсэ* (*асьме ужмы* 'наша работа + наша', *асьтэ ужды* 'ваша работа + ваша', *асьсэ ужзы* 'их работа + их').

Сравнительно редко выражаются отношения принадлежности сочетанием согласованного притяжательного местоимения с определяемым существительным, оформленным притяжательным суффиксом (*мынамез книгае* 'моя книга', *мынамезлы книгаелы* 'моей книге', *мынаменыз книгаеным* 'моей книгой', *мынамезтэк книгаетэк* 'без моей книги' и т. д.).

Отличительной особенностью словосочетаний этого рода является то, что определение в них имеет оттенок выделительного значения благодаря оформлению специальным суффиксом. Поэтому словосочетание *мынамез книгае* буквально означает 'моя книга из числа других', а не просто 'моя книга'.

Таким образом, отношения принадлежности могут быть выражены в удмуртском языке: 1) словосочетанием определяемого существительного с примыкающим существительным-определением, 2) словосочетанием определяемого существительного, оформленного лично-притяжательным суффиксом, с определяющим существительным, имеющим форму родительного или разделительного падежа, 3) словосочетанием определяемого существительного, оформленного лично-притяжательным суффиксом, с личным местоимением в форме родительного или разделительного падежа, 4) словосочетанием определяемого существительного, оформленного лично-притяжательным суффиксом, с притяжательным местоимением, 5) словосочетанием определяемого существительного, оформленного лично-притяжательным суффиксом, с усилительно-притяжательным местоимением, 6) словосочетанием определяемого существительного с согласованным с ним притяжательным местоимением и 7) одиночным существительным, оформленным лично-притяжательным суффиксом.

Основной, ведущей формой выражения отношений принадлежности является притяжательная форма связи имен. При этом необходимо подчеркнуть употребление в двух фонетических вариантах одних и тех же притяжательных суффиксов в качестве форм определяемых существительных с разными значениями. Если определяемое имя существительное обозначает предмет отчуждаемой принадлежности, то оно, как правило, оформляется притяжательными суффиксами *-э* (*-е*), *-эд* (*-ед*), *-эз* (*-ез*): *мынам вене* 'моя игла', *тынад вcase* 'твоя игла', *солэн венез* 'его игла'; *мынам машинае* 'моя машина', *тынад машинаед* 'твоя машина', *солэн машинаез* 'его машина'. Если же определяемое имя существительное обозначает предмет неотчуждаемой принадлежности, то оно обычно оформляется притяжательными суффиксами *-ы*, *-ыд*, *-ыз*: *мынам пыды* 'моя нога', *тынад пыдыд* 'твоя нога', *солэн пыдыз* 'его нога'; *мынам тыбыры* 'моя спина', *тынад тыбырыд* 'твоя спина', *солэн тыбырыз* 'его спина'.

Таким образом, отношения и отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в единственном числе выражаются одними и теми же средствами (притяжательными суффиксами), но употребленными в разных вариантах. Во множественном числе определяемые существительные независимо от выражаемых значений оформляются одинаковыми (не имеющими фонетических вариантов) притяжательными суффиксами.

В плане продолжения характеристики определительных словосочетаний имен, соединяемых формами притяжательной связи, необходимо указать также и на то, что эти словосочетания делятся на простые и сложные. До сих пор мы рассматривали только простые словосочетания имен. Сложные же словосочетания представляют собой соединение простых словосочетаний, например: *Ольгалэн пиезлэн ужамез сярысь, лэся, соос верасько* (Из эксп. матер., рукописный фонд УдНИИ) 'Они говорят, очевидно, о работе сына Ольги'. В этом предложении мы находим сложное словосочетание *Ольгалэн пиезлэн ужамез* (*сярысь*) 'о работе сына Ольги' (букв.: 'Ольги сына + ее о работе + его'). Оно представляет собой соединение двух словосочетаний: *Ольгалэн пиезлэн* 'сына Ольги' и *пиезлэн ужамез сярысь* 'о работе сына'. Названное сложное словосочетание, несмотря на то, что состоит из двух самостоятельных словосочетаний, имеет в составе не четыре слова, а три. Такое

положение объясняется тем, что средний член рассматриваемого сложного словосочетания, выраженный существительным *пиезлэн* 'сына + её', выступает в двух функциях. По отношению к существительному *Ольгалэн*, т. е. по отношению к первому члену словосочетания, это существительное выполняет функцию определяемого имени: *Ольгалэн пиезлэн* 'сына Ольги'. По отношению же к третьему члену словосочетания, т. е. по отношению к существительному *ужамез* 'работа + его', средний член словосочетания — существительное *пиезлэн* является определением *пиезлэн ужамез* 'работа сына + её'.

Как связаны между собой члены этого сложного определительного словосочетания? В оформлении связи первого и второго (т. е. среднего) членов словосочетания участвует, во-первых, притяжательный суффикс *-эз* определяемого имени *пиезлэн* (падежная форма *-лэн* этого существительного в данном случае не участвует) и, во-вторых, — окончание *-лэн* родительного падежа определения — существительного *Ольгалэн*. В оформлении связи второго (т. е. среднего) и третьего членов рассматриваемого словосочетания участвуют также две формы: а) притяжательный суффикс *-ез* определяемого имени *ужамез* и окончание *-лэн* родительного падежа определения-существительного *пиезлэн* (притяжательный суффикс *-эз* этого существительного в данном случае участия не принимает). Таким образом, имя существительное в роли среднего члена сложного словосочетания, выполняя двойную функцию, имеет две формы связи с другими членами словосочетания: одну форму для связи с первым членом, вторую для связи с третьим членом словосочетания.

Несколько слов следует сказать о порядке слов в простых и сложных словосочетаниях, образуемых посредством форм притяжательной связи. Все приведенные выше примеры говорят о том, что определение имеет тенденцию располагаться в этих сочетаниях перед определяемым именем. Обычно оно ставится непосредственно перед определяемым именем. Такое расположение слов, как известно, закономерно и строго обязательно для определительных словосочетаний, образуемых посредством связи примыкания. А в определительных словосочетаниях имен, соединенных формами притяжательной связи, наблюдаются в отдельных случаях и отклонения от обычной нормы. Вот отдельные примеры, подтверждающие сказанное: *Ӧз чида сюлмыз Петырлэн. Сюан учкыны потӥз со* (М. Лямин. Шудбур понна) 'Не выдержало сердце Петра. Пошел он смотреть на свадьбу'; *Сезьы кизёнлэн самой пӧсь дырыз вуиз* (Там же) 'Наступила самая горячая пора сева овса' (букв.: 'овса сева самая горячая пора наступила'); *Пурга улослэн куашетӥсь сьӧд нюлэсъёсыз шортӥ соку инженеръёс ортчиллям* (Удмурт калык выжыкылъёс) 'Тогда прошли инженеры посреди шумящего темного леса Пургинского края'.

Здесь в первом предложении в определительном словосочетании *сюлмыз Петырлэн* 'сердце Петра' определение *Петырлэн* стоит не на обычном месте, оно следует за определяемым существительным *сюлмыз*. Возможность такого расположения членов определительного словосочетания обусловлена тем, что оба члена указанного сочетания имеют достаточно четко выраженные морфологические показатели взаимной связи. Это же условие, т. е. выражение связи имен специальными формами, дает возможность располагать между определением и определяемым именем другие уточняющие слова. В определительном словосочетании *кизёнлэн самой пӧсь дырыз* 'самая горячая пора сева' (см. второй пример) определение *кизёнлэн* стоит не рядом с определяемым именем *дырыз*; они отодвинуты друг от друга словами *самой* и *пӧсь*, расширяющими словосочетание. Также и в словосочетании Пурга *улослэн*

куашетӥсь сьӧд нюлэсъёсыз шортӥ 'посреди шумящего темного леса Пургинского края (см. третий пример) мы видим между определением *улослэн* и определяемым именем *нюлэсъёсыз* другие слова, которые, хотя и мешают непосредственному соседству основных членов определительного словосочетания, но не нарушают его цельности.

В сложных определительных словосочетаниях имен, соединенных формами притяжательной связи, второй член словосочетания располагается всегда в середине словосочетания, вследствие одновременной своей связи как с первым, так и с третьим членом этого словосочетания (см. приведенные выше примеры).

Таким образом, наличие и у определения и у определяемого имени особых форм притяжательной связи, выражающих их взаимозависимость дает возможность варьировать порядок слов в определительных словосочетаниях.

2

Определительные словосочетания имен, соединяемых формами притяжательной связи, не присущи русскому языку и другим языкам флективного строя. Но они широко распространены в финно-угорских, тюркских, монгольских и других языках агглютинативного строя.

В подтверждение сказанного можно привести ряд фактов из финно-угорских языков[2]. В коми-зырянском языке определительные словосочетания имен, выражающие отношения принадлежности, образуются в основном теми же способами, что и в удмуртском языке. Существительные и местоимения, выступая в этих словосочетаниях в роли определения, принимают форму родительного или притяжательного («разделительного» по удмуртской грамматической терминологии) падежа, как и в удмуртском языке, в зависимости от функции определяемого имени, например: *чойлӧн пальтоыс мича* 'пальто сестры красивое' (Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка); *бригадалӧн уджыс мунӧ бура* 'работа бригады идет хорошо' (И. И. Майшев. Грамматика коми языка); *та тэнад кепысьыд* 'вот твоя рукавица' (там же); *ме аддзи дядьлысь медыджыд писӧ* 'я видел старшего сына дяди' (там же); *Леолысь сотыштіс коксӧ* (Пыстин. Еджыд во) 'У Лео ногу обожгло'.

В определительных словосочетаниях *чойлӧн пальтоыс* 'пальто сестры' и *бригадалӧн уджыс* 'работа бригады' определения *чойлӧн* и *бригадалӧн* употреблены в форме родительного падежа. Эта форма определений обусловлена тем, что определяемые имена выступают здесь в функции подлежащего. Этой же функцией определяемого имени *кепысьыд* обусловлена в определительном словосочетании *тэнад кепысьыд* 'твоя рукавица' форма родительного падежа местоимения *тэнад*, употребляемого в этой форме в значении притяжательного местоимения. Форма же притяжательного падежа существительных определений *дядьлысь* (*дядьлысь писӧ*) и *Леолысь* (*Леолысь коксӧ*) обусловлена тем, что определяемые имена в обоих последних сочетаниях выступают в винительном падеже в функции прямого дополнения.

Второй член определительных словосочетаний, выражающих отношения принадлежности, т. е. определяемое имя существительное, принимает, как и в удмуртском языке, притяжательные суффиксы в строгом соответствии с формой лица и числа первого местоименного члена: *менам керкаӧ(й)* 'мой дом + мой', *тэнад керкаыд* 'твой дом + твой', *сылӧн керкаыс* 'его (её) дом + его (её)', *миян керканым* 'наш дом + наш', *тіян керканыд* 'ваш дом + ваш', *налӧн керканыс* 'их дом + их'.

---

[2] В краткой статье мы ограничиваемся показом основных соответствий, но не ставим перед собой задачи описания всех форм выражения отношений принадлежности в финно-угорских языках.

Если первый член определительного словосочетания (определение) в коми языке выражен родительным или притяжательным падежом существительного, то сочетающееся с ним определяемое существительное принимает, как и в удмуртском языке, притяжательный суффикс третьего лица (*учительлӧн адресыс выль* 'адрес учителя новый'; *сийӧ тӧдӧ учительлысь адрессӧ* 'он знает адрес учителя').

Определяемое существительное в этих словосочетаниях, как и в удмуртском языке, обозначает объект принадлежности. Субъект же принадлежности и в коми определительных словосочетаниях имеет двойное обозначение. Он выражается притяжательным суффиксом определяемого существительного и определением. Вследствие того, что субъект принадлежности в этих сочетаниях обозначен и притяжательной формой определяемого имени и отдельным словом в функции определения, имеется возможность выражать соответствующие отношения принадлежности, как и в удмуртском языке, одиночными существительными, оформленными притяжательными суффиксами. Например, вместо словосочетаний *менам книгаӧ(й)* 'моя книга + моя', *тэнад книгаыд* 'твоя книга + твоя', *миян книганым* 'наша книга + наша', *тіяд книганыд* 'ваша книга + ваша' свободно употребляются в этих же значениях существительные *книгаӧ(й)*, *книгаыд*, *книганым*, *книганыд*.

Попутно необходимо указать на одну форму словосочетаний, которая употребляется в коми языке для обозначения отношений принадлежности вместо словосочетаний имен, соединяемых формами притяжательной связи. В значениях словосочетаний: *менам вугырӧ(й)* 'моя удочка', *тэнад вугырыд* 'твоя удочка', *сылӧн вугырыс* 'его удочка', *миян вугырным* 'наша удочка', *тіян вугырныд* 'ваша удочка', *налӧн вугырныс* 'их удочка' и других подобных наблюдается употребление словосочетаний в форме *менам вугыр*, *тэнад вугыр*, *сылӧн вугыр*, *миян вугыр*, *тіян вугыр*, *налӧн вугыр*. В этих сочетаниях отсутствует оформление определяемых имен притяжательными суффиксами. Поэтому субъект принадлежности выражается первым членом словосочетания (определением).

И. И. Майшев в своей грамматике[3] указывает на то, что в коми языке определительные сочетания в форме *менам вӧр* 'мой лес', *тэнад вӧр* 'твой лес', *сылӧн вӧр* 'его лес' начинают постепенно оттеснять притяжательные формы *менам вӧрӧй*, *тэнад вӧрыд*, *сылӧн вӧрыс*.

В удмуртском же языке употребление определительных словосочетаний в форме *мынам уж* 'моя работа', *тынад уж* 'твоя работа', *солэн уж* 'его работа', *милям уж* 'наша работа', *тіляд уж* 'ваша работа', *соослэн уж* 'их работа' вместо форм *мынам уже*, *тынад ужед*, *солэн ужез*, *милям ужмы*, *тіляд ужды*, *соослэн ужзы* встречается крайне редко. Примеры: *калыклэн мылкыд пурӟемын вал* (М. Лямин. Шудбур понна). 'народ был взбудоражен' (букв.: 'настроение народа было взбудоражено'); *Солдатъёслэн мылкыдзы — гуртэ бертон сюрес вылын вал ини. Милям госпитальын но озьы ик вал...* (Там же) 'Солдаты были уже настроены на возвращение домой. Так же было и в нашем госпитале'. В этих предложениях в значениях словосочетаний *калыклэн мылкыдыз* 'настроение народа' и *милям госпиталямы* 'в нашем госпитале' употреблены словосочетания *калыклэн мылкыд* и *милям госпитальын*.

Форму связи определения с определяемым существительным, снабженным притяжательным суффиксом, в словосочетаниях коми языка А. С. Сидоров называет принадлежностно-личным согласованием, в отличие от других форм связи имен в определительных словосочетаниях[4].

---

[3] И. И. Майшев. Грамматика коми языка. Сыктывкар, 1940, стр. 38.

[4] А. С. Сидоров. Синтаксис коми языка. Рукописный фонд Коми филиала Академии наук СССР.

Такую же форму связи имеют имена и в определительных словосочетаниях марийского языка, обозначающих отношения принадлежности (*мыйын книгам* 'моя книга + моя', *тыйын книгат* 'твоя книга + твоя', *тудын книгаже* 'его (её) книга + его (её)', *мемнан книгана* 'наша книга + наша', *тэндан книгада* 'ваша книга + ваша', *нунын книгашт* 'их книга + их'). Первый член этих словосочетаний, выраженный личным местоимением, употребляется, как показывают примеры, в форме родительного падежа со значением притяжательного местоимения. Второй член рассматриваемых словосочетаний, т. е. определяемое существительное, принимает оформление притяжательным суффиксом, как и в удмуртском языке, в соответствии с формой числа и лица первого (местоименного) члена (см. приведенные выше примеры). По тем же условиям, которые имеют место в соответствующих словосочетаниях удмуртского языка, первый член этих словосочетаний в речи может быть опущен. Вместо форм *мыйын книгам*, *тыйын книгат*, *тудын книгаже*, *мемнан книгана*, *тэндан книгада*, *нунын книгайт* может быть употреблена с одинаковым значением форма *книгам*, *книгат*, *книгаже*, *книгана*, *книгада*, *книгашт*.

Если в определительном словосочетании, обозначающем отношения конкретной принадлежности, оба члена выражены именами существительными, то существительное-определение ставится в форме родительного падежа, а определяемое существительное принимает притяжательный суффикс третьего лица, как и в пермских (удмуртском, коми) языках, например: *врачын эргыже* 'сын врача', *колхозын чодраже* 'лес колхоза'.

Соответствия удмуртским определительным словосочетаниям имен, соединенных формами притяжательной связи, мы находим и в мордовских языках. Здесь так же, как и в удмуртском языке, основным оформителем связи членов определительного словосочетания, выражающего отношения принадлежности, является притяжательный суффикс определяемого имени. Предмет обладания в этих словосочетаниях выражается определяемым существительным. А обладатель может быть выражен, как и в удмуртском языке, одновременно и лично-притяжательным суффиксом определяемого существительного и определением, выраженным местоимением или существительным.

Примеры из мокша-мордовского языка: *сёрма* 'письмо', *монь сёрмазе* 'мое письмо + моё', *тонь сёрмаце* 'твое письмо + твоё', *сонь сёрмац* 'его письмо + его', *минь сёрманьке* 'наше письмо + наше', или 'наши письма + наши', *тинь сёрманьте* 'ваше письмо + ваше', или 'ваши письма + ваши', *синь сёрмасна* 'их письмо + их' или 'их письма + их'. *Кода тонь паршихнень тейне аф шнамс!* 'Как мне твои наряды не хвалить!'[5]

Примеры из эрзя-мордовского языка: *сёрма* 'письмо', *монь сёрмам* 'мое письмо + мое', *тонь сёрмат* 'твое письмо + твое', *сонзэ сёрмазо* 'его письмо + его', *минек сёрманок* 'наше письмо + наше' или 'наши письма + наши', *тынк сёрманк* 'ваше письмо + ваше' или 'ваши письма + ваши', *сынст сёрмаст* 'их письмо + их' 'или 'их письма + их'. *Мон топавтыя сонзэ аванзо энялксонть ансяк* 'Я только выполнил просьбу его матери'.

Вместе с тем необходимо отметить, что в определительных словосочетаниях с местоименным определением оформление определяемого существительного лично-притяжательным суффиксом не строго обязательно в эрзя-мордовском языке. В указанных словосочетаниях определяемое существительное принимает вместо форм притяжательного склонения формы указательного склонения. *Минек колхозниктне...*

[5] Мордовские примеры в виде целых предложений заимствованы из кандидатской диссертации А. П. Феоктистова «Лично-притяжательные суффиксы имен существительных в мордовских языках» (М., 1955, машинопись).

тонадсть работамо весе вейсэ, бригаданек (Абрамов. Од вий) 'Наши колхозники... привыкли работать все вместе, бригадой'.

В мордовских языках, как и в удмуртском языке, обладаемый предмет и обладатель могут быть выражены не только словосочетанием, но и одиночным существительным, употребленным в лично-притяжательной форме.

Примеры из мокша-мордовского языка: *сёрмазе* 'письмо + мое', *сёрмаце* 'письмо + твое', *сёрмац* 'письмо + его', *сёрманьке* 'письмо + наше' или 'письма + наши', *сёрманьте* 'письмо + ваше' или 'письма + ваши' *сёрмасна* 'письмо + их' или 'письма + их'; *Аф кирдемшка сяряди пряze, аф кеподевихть кядне, пильгоне* 'Очень болит моя голова, не поднять рук (моих), ног (моих)'.

Примеры из эрзя-мордовского языка: *сёрмам* 'письмо + мое', *сёрмат* 'письмо + твое', *сёрмазо* 'письмо + его', *сёрманок* 'письмо + наше' или 'письма + наши', *сёрманк* 'письмо + ваше' или 'письма + ваши', *сёрмаст* 'письмо + их' или 'письма + их; *Лиссь Вежай ушов, мольсь алашанзо вакссды кырмась авардеме* 'Вышел Вежай на улицу, подошел к лошади своей и начал плакать'.

Если при определяемом имени, оформленном лично-притяжательным суффиксом, определение выражено именем существительным, то последнее, как и в удмуртском языке, принимает форму родительного падежа, но не основного склонения, а указательного или притяжательного.

Примеры из мокша-мордовского языка: *кудть пряц* 'дома + этого крыша + его', *кудозень пряц* 'дома + моего крыша его', *кудцень пряц* 'дома + твоего крыша + его', *кудонц пряц* 'дома + его+крыша + его', *кудснон пряц* 'дома + их крыша + его'. *Саввань види кенерьбарец путф тарантазть ляпе краезонза* 'Правый локоть Саввы опирался на мягкий край тарантаса'.

Примеры из эрзя-мордовского языка: *кудонть прязо* 'дома + этого крыша + его', *кудом прязо* 'дома + моего крыша + его', *кудот прязо* 'дома + твоего крыша + его', *кудонзо прязо* 'дома + его крыша + его', *кудост прязо* 'дома + их крыша + его'; *Мольсь цёранть покш сазорозо ведень кандомо* 'Шла за водой старшая сестра мальчика'.

Но в отличие от формы выражения отношений принадлежности в удмуртском языке, в мордовских определительных словосочетаниях, выражающих указанные отношения, субъект обладания может быть обозначен и одним определяющим существительным в родительном падеже без оформления определяемого существительного лично-притяжательным суффиксом (*учителень кудо* 'дом учителя', *урожь пуло* 'хвост белки', *плотниконь узерь* 'топор плотника').

Если не подчеркивается определенность отношения принадлежности, то, как и в удмуртском языке, обладатель и обладаемое выражаются обычным сочетанием примыкаемого существительного — определения с определяемым существительным, например: *шра пильге* 'ножка стола' (букв.: 'стол ножка'), *тума лопа* 'лист дуба' (букв: 'дуб лист'), *ур пула*, *ур пуло* 'хвост белки' (букв.: 'белка хвост'). Таким образом, для обозначения отношений принадлежности мордовские языки имеют грамматические средства, соответствующие удмуртским, но употребляемые с некоторыми особенностями. Подобные явления наблюдаются в венгерском и финском языках [6].

[6] В тюркологической литературе, мы также находим указания на наличие в ряде тюркских языков таких определительных словосочетаний, которые соответствуют рассматриваемым удмуртским словосочетаниям по форме и по содержанию. Эти словосочетания тюркологи (Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, Е. И. Убрятова и др.) именуют третьим типом изафета, подчеркивая тем самым не только связь, но и различие между названным типом изафета и другими определительными словосочетаниями.

Чем же объяснить то, что в определительных словосочетаниях, обозначающих конкретную принадлежность, мы находим двойное обозначение обладающего лица? Почему говорят *милям книгамы* 'наша книга + наша', а не *милям книга*' 'наша книга'? На этот вопрос поможет нам ответить история образования указанных определительных словосочетаний.

Словосочетания типа *милям книгамы* 'наша книга наша' появились не сразу в этой полной форме. Первоначально употреблялась форма, которая соответствовала современному *книгамы* 'книга + наша'. Притяжательные формы слов, подобные *книга-е* 'книга + моя', *книга-ед* 'книга + твоя', *книга-мы* 'книга + наша', *книга-ды* 'книга + ваша', восходят к определительным словосочетаниям существительных с последующими местоимениями.

Возможность расположения в определительных словосочетаниях на первом месте определяемого существительного, а на втором определяющего местоимения в прошедшие периоды развития финно-угорских языков показал Д. В. Бубрих на материале эрзя-мордовского языка [7]. В таком сочетании существительное называло предмет обладания, а местоимение — обладающее лицо.

Местоимение, стоявшее за определяемым существительным, надо полагать, было не притяжательным, а личным местоимением. Об этом говорит тот факт, что собственно притяжательных местоимений в финно-угорских языках раньше не было. И в современных финно-угорских языках, в том числе и в удмуртском, в значении притяжательных местоимений употребляются личные местоимения обычно в одном из косвенных падежей и большей частью в родительном падеже. Поэтому следует думать, что местоименное определение, стоявшее за определяемым именем в древнем удмуртском языке, как и в финно-угорском языке-основе, было личным местоимением, но не притяжательным.

В процессе систематического употребления вместе с предшествующими определяемыми именами существительными эти местоимения постепенно утратили самостоятельность лексической единицы, слились с указанными существительными и тем самым превратились в лично-притяжательные суффиксы, подвергнувшись при этом некоторым изменениям в фонетическом составе. О генетической связи лично-притяжательных суффиксов, как и личных окончаний глаголов, с личными местоимениями говорит их звуковая и семантическая общность. Согласные *м*, *д*(*т*), *з*(*с*) притяжательных суффиксов *-ем*,[8] *-ед*, *-ез*, *-мы*, *-ды* (*-ты*), *-зы* (*-сы*) перекликаются с соответствующими согласными личных местоимений: *мон* 'я', *тон* 'ты', *со* 'он', 'она', *ми* 'мы', *тӥ* 'вы', *соос* 'они'. Семантическая общность личных местоимений, лично-притяжательных суффиксов и личных окончаний глаголов заключается в том, что все указанные категории обозначают лицо.

---

[7] Д. В. Бубрих. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953, стр. 81, 83.

[8] Принадлежность предмета первому лицу (индивидуальному обладателю) выражается в современном удмуртском языке притяжательным суффиксом *-э* (*е*): *книгае* 'моя книга'. В прошлом же притяжательная форма первого лица обозначалась суффиксом *-м* (в сочетании с той или иной огласовкой). Об этом убедительно говорит тот факт, что согласный *м* последовательно употребляется в первом лице в ряде случаев и в современном языке: 1) при обозначении принадлежности предмета первому лицу (коллективному обладателю): *книгаосмы* 'наши книги', 2) во многих падежах существительных с притяжательной формой первого лица (индивидуального обладания): *книгаям* 'в моей книге' и 'в мою книгу', *книгаеным* 'моей книгой', *книгаме* 'мою книгу', *книгаысьтым* 'из моей книги'.

Так обстоит дело с происхождением лично-притяжательных суффиксов и в других финно-угорских языках. Ряд исследователей указывает на образование лично-притяжательных суффиксов из личных местоимений и в языках других семей, например монгольских, тунгусо-маньчжурских.

Но мы пока ничего не сказали о личном местоимении, выступающем в форме родительного или разделительного падежа в роли определения перед существительным с притяжательной формой. Следует отметить, что этот местоименный член словосочетания есть явление вторичное. Об этом красноречиво говорит тот факт, что местоименное определение перед существительным, оформленным притяжательным суффиксом, во многих случаях в удмуртском и других финно-угорских языках не ставится. Между тем определяемые существительные в словосочетаниях, обозначающих отношения конкретной принадлежности, без притяжательных форм в удмуртском языке не употребляются.

Чем же вызвано употребление местоименных определений со значениями 'мой', 'твой', 'его', 'наш', 'ваш', 'их' перед именами существительными, оформленными притяжательными суффиксами с этими же значениями, т. е. со значениями же 'мой', 'твой', 'его' и т. д.?

Это вызвано в основном двумя причинами. Первая заключается в необходимости различения притяжательной формы от совпадающих по звучанию других форм (от формы ласкательного обращения и указательно-выделительного суффикса). Так, например, форма *пие*, *сяськае*, *нылы*, *сузэре* может восприниматься в значении 'мой сын', 'мой цветок', 'моя дочь', 'моя сестра' и в значении 'сынок', 'цветочек', 'доченька', 'сестрица'. Поэтому, чтобы употребить каждое из приведенных существительных только в первом значении, необходимо сочетание каждого из них с местоименным определением: *мынам пие*, *мынам сяськае*, *мынам нылы*, *мынам сузэре*.

Вторая причина заключается в необходимости подчеркнуть лицо, обладающее предметом. Сказанное поясним примерами. Словосочетание *тӥляд книгаосты* и отдельное существительное *книгаосты* по содержанию являются синонимами, так как оба означают 'ваши книги'. Но между ними есть и разница. Она заключается не только в том, что *тӥляд книгаосты* есть словосочетание, а *книгаосты* одиночное существительное с притяжательным суффиксом, но и в том, что *тӥляд книгаосты*, в отличие от *книгаосты*, особо подчеркивает принадлежность книг второму лицу множественного числа 'вам'. Это словосочетание имеет оттенок 'именно ваши книги', чего не имеет существительное с притяжательным суффиксом (*книгаосты*).

Таким образом, местоименное определение, употребляемое перед существительным, имеющим притяжательное оформление, не является обычным повторением названия обладающего лица. В этом «повторении», которое и в плане историческом является вторичным образованием, есть нечто новое, чего не выражает притяжательная форма существительного.

В заключение необходимо сказать о том, что притяжательная форма связи имен в словосочетаниях в своем возникновении и развитии обусловлена особыми морфологическими свойствами удмуртских имен существительных, как и существительных других финно-угорских языков, их способностью принимать лично-притяжательные суффиксы, употребляемые в языках агглютинативного строя как одно из средств выражения отношения принадлежности.

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы составления описательных грамматик

Утверждено к печати Институтом Академии наук СССР

Редактор Издательства *Л. Н. Джунковская.* Технический редактор *Н. Ф. Егорова*

РИСО АН СССР № 14—102В. Сдано в набор 10/II 1961 г. Подписано к печати 2/X 1961 г. Формат 70×108$^1/_{16}$. Печ. л. 17,5-23,97 усл. печ. л. Уч.-издат. л. 23,7 Тираж 2200 экз. Т-09163. Изд. № 2951. Тип. зак. 166

Цена 1 руб. 52 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., д. 21

1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
32	6 сн.	действительного	страдательного
41	24 св.	is merettel	ismerettel
95	11 св.	*хал*	*хаб*
99	5 сн.	*бууүн*	*буутай хүн*
119	2 сн.	*щы*	*щыс*
123	6 св.	язык	языка
124	3 сн.	brive	drive
130	5 св.	geâst, gewôlk	Geäst, Gewölk
143	16 сн.	ropaviejero	ropavejero
169	3 св.	по	on
181	9 св.	*типе*	*тине*
182	19 сн.	*'аврут*	*а врут*
186	2 св.	*шася*	*шеса*
199	24 св.	Nepapiovel	Nepapiovei
217	25 сн.	eyediğim	eylediğim
217	25 сн.	cık	çok
217	24 сн.	лет	книг
230	23 сн.	zu	su
241	28 св.	*приказал бирҙе*	*приказ бирҙе*
248	8 св.	*де фсымæр*	*де'фсамæр*
280	14 сн.	В. Булыгина	Т. В. Булыгина

Заказ № 166

Цена 1 р. 52 к.